

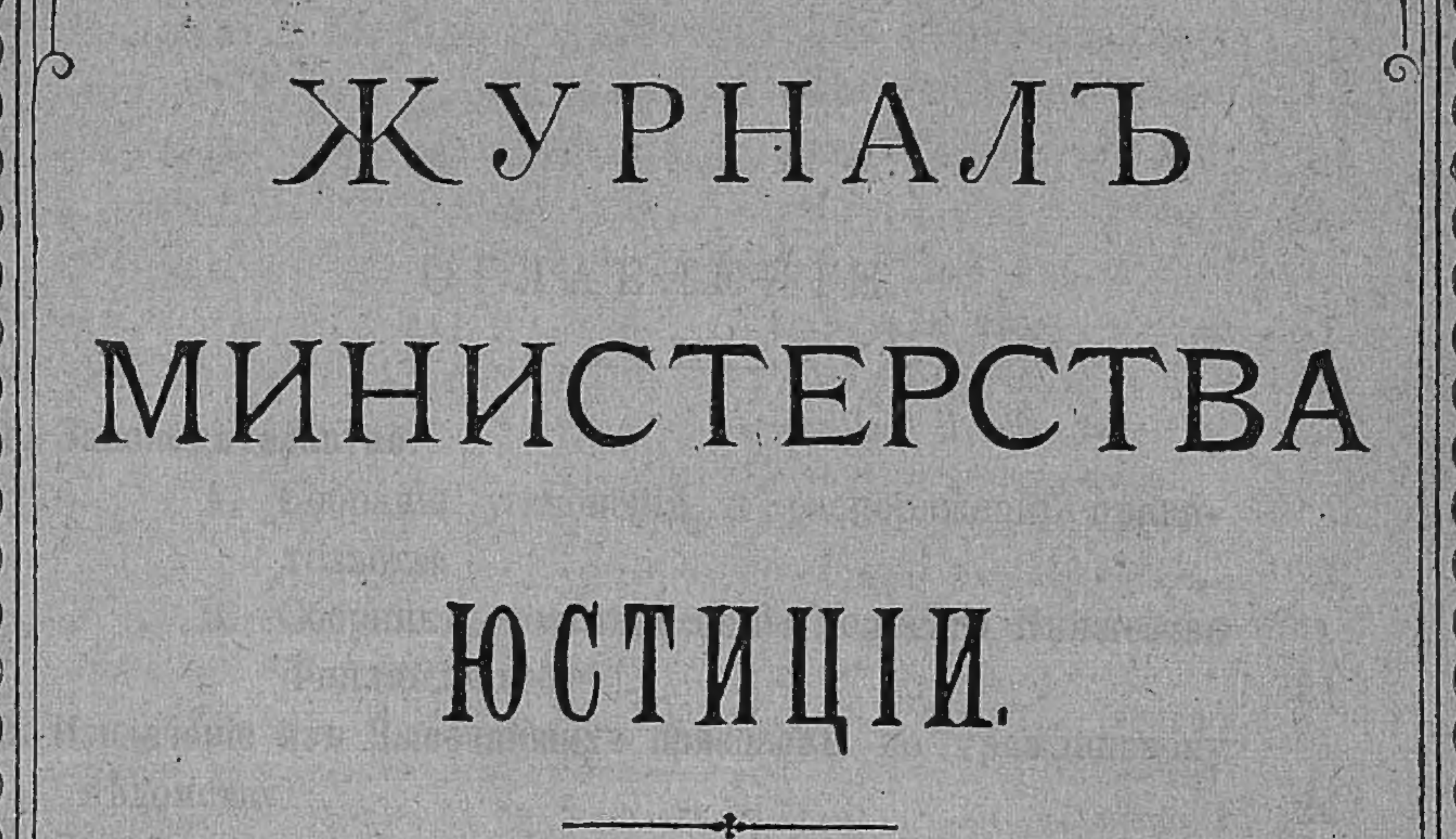
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 9. НОЯБРЬ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

Къ сему № прилагается объявленіе Товарищества „Проводникъ".

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

№ 9. НОЯБРЬ 1902.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. **Законодательство:**

А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1

Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 21

2. **Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ** по гражданскому вѣдомству 24

3. **Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи** 31

4. **Боровиковскій, А. Л.** Конституція семьи по проекту Гражданскаго Уложенія 1

5. **Филипповъ, А. Н.** Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи 39

6. **Гуляевъ, А. М.** Акты и свидѣтельскія показанія въ гражданской судебной практикѣ 74

7. **Фельдштейнъ, Г. С.** Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства 112

8. **Вольманъ, И.** Проектъ швейцарскаго гражданскаго уложенія 133

9. **Хроника:**

I. Изъ практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. *К. П. Змирлова* 175

II. Право бѣдности. *П. Подгорѣцкаго* 197

III. Выкупъ родовыхъ имуществъ въ Западномъ краѣ (ст. 1346—1373 т. X ч. I въ связи съ закономъ 10 декабря 1865 г.). *Н. Товстолѣса.* 209

IV. VIII международный пенитенціарный конгрессъ въ Буда-Пештѣ въ 1905 г. *Ф. Малинина* . 214

V. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ . 218

10. **Замѣчанія на проектъ книги третьей гражданскаго уложенія о вотчинномъ правѣ.** *Я. К. Городыскаго* 222

11. **Кассаціонная практика**. Вопросы, разрѣшенные Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1901 и 1902 году. Составилъ *М. П. Шрамченко*. 266

12. **Кассаціонная практика**. Вопросы, разрѣшенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1902 г. Составилъ *Д. Д. Черновъ* . 277

13. **Письма изъ Англіи**. XXXI. *Сесилъ Мидъ Аллена* . . . 293

14. **Литературное обозрѣніе** 304

1) Prof. Otto Gradenwitz. Anfechtung und Reurecht beim Irrthum.—*Ал. Бугаевскаго*. 2) Г. Ф. Шершеневичъ, Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изданіе 4-ое.—*И. Вольмана*. 3) Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ.—Томъ второй (въ двухъ частяхъ). Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ—*Р*. 4) Россія въ дорожномъ отношеніи. Составилъ инспекторъ по дорожной части при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Мейенъ.—*Р*. 5) Годичное торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. 1902 г.—*С. Ризникова*. 6) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.

15. **Поправка** (письмо къ редактору). *А. Вульферта* . . . 328

16. **Объявленія** . . . . I—VIII и I—V

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1902 г.

Отд. I. № 92, IX, 20; № 93, IX, 24; № 94, IX, 27; № 95, X, 1; № 96, X, 4; № 97, X, 8; № 98, X, 11; № 99, X, 15; № 100, X, 18.

Отд. II. № 18, IX, 20; № 19, X, 3; № 20, X, 4; № 21, X, 18.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. III. Уст. Пенс.

Отд. I. № 96, ст. 1109. Выс. пов. (18 мая 1902 г.). Объ утвержденіи проекта штата Пензенскаго художественнаго училища Н. Д. Селиверстова (шт., прим. 1—3). № 99, ст. 1142. Выс. пов. (1 іюл. 1902 г.). О порядкѣ предоставленія преподавателямъ епархіальныхъ женскихъ училищъ изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ права на зачисленіе службы ихъ въ этихъ должностяхъ въ срокъ выслуги на пенсію изъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода.

Т. IV. Уст. Воин. Пов.

Отд. I. № 92, ст. 1036. Пол. Ком. Мин. (22 іюн. 1902 г.). О включеніи въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва изъ запаса въ дѣйствующія войска, должностей становыхъ приста-

вовъ въ губерніяхъ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, а также помощниковъ инспектора студентовъ и лаборанта химической лабораторіи института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I.

Т. VI. Уст. Тамож.

Отд. I. № 99, ст. 1144. Выс. пов. (9 сент. 1902 г.). О разрѣшеніи свободнаго ввоза персидскихъ крановъ въ Имперію.

Т. VII. Уст. Горн.

Отд. I. № 92, ст. 1037. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ учрежденіи постоянной совѣщательной конторы золото-и платино-промышленниковъ.

Т. XII, ч. 1. Уст. Жел. Дор.

Отд. I. № 93, ст. 1071. Выс. пов. (29 мая 1902 г.). О порядкѣ направленія дѣлъ по установленію и усиленію жандармскаго надзора на желѣзныхъ дорогахъ.

Т. XIII. Уст. Врач.

Отд. I. № 95, ст. 1090. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). О предоставленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ измѣнить и дополнить дѣйствующія правила относительно порядка открытія и внутренняго устройства зуболечебныхъ кабинетовъ.

Т. XIV. Пол. Вид. Жит.

Отд. I. № 92, ст. 1033. Мн. Гос. Сов. (10 іюн. 1902 г.). О распространеніи на губерніи Царства Польскаго Положенія о видахъ на жительство 3 іюня 1894 года (I, II).

Т. XIV. Уст. Пред. Прест.

Отд. I. № 92, ст. 1033. Мн. Гос. Сов. (10 іюн. 1902 г.). О распространеніи на губерніи Царства Польскаго Положенія о видахъ на жительство 3 іюня 1894 года (III).

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Военнаго.

Отд. I. № 92, ст. 1044, Выс. пов. (1 февр. 1902 г.). О явкѣ въ учебный сборъ 1902 года изъ губерній и областей Европейской Россіи и Кавказа нижнихъ чиновъ запаса пѣхоты, полевой пѣшей и крѣпостной артиллеріи. № 92, ст. 1045. Выс. пов. (5 авг. 1902 г.). О присвоеніи женскому училищу въ Кавказской станицѣ, Кубанской области, особаго наименованія. № 93, ст. 1062. Пол. Воен. Сов. (4 февр. 1902 г.). Объ увеличеніи штата Приамурскаго военно-окружнаго суда и прокурорскаго при немъ надзора. № 92, ст. 1063. Пол. Воен. Сов. (3 мая 1902 г.). Объ отчисленіи въ пособіе государственному казначейству 1/2 % съ суммъ, поступившихъ въ войсковой капиталъ Уссурійскаго казачьяго войска доходовъ по послѣднезаключеннымъ годовымъ отчетамъ. № 93, ст. 1065. Выс. пов. (2 янв. 1902 г.). О перевооруженіи полевой артиллеріи огнестрѣльными пушками. № 93, ст. 1069. Выс. пов. (29 март. 1902 г.). О новыхъ окладахъ содержанія чинамъ главнымъ управленій Военнаго Министерства. № 93, ст. 1070. Выс. пов. (18 мая 1902 г.). Объ образованіи въ составѣ главнаго управленія казачьихъ войскъ X отдѣленія—горскаго. № 96, ст. 1100. Пол. Воен. Сов. (8 март. 1902 г.). О причисленіи корпуса военныхъ топографовъ къ частямъ вспомогательнаго назначенія и о соотвѣтствующемъ измѣненіи ст. 93 кн. V Свода Воен. Пост. 1869 г. № 99. ст. 1140. Пол. Воен. Сов. (17 іюн. 1902 г.). Объ оставленіи безъ имѣненіи права на производство въ генералъ-лейтенанты по должности начальника Московскаго жандармскаго губернскаго управленія и о сокращеніи числа должностей генераловъ при войскахъ Кавказскаго военнаго округа. № 99, ст. 1141. Пол. Воен. Сов. (6 авг. 1902 г.). О преобразованіи Финляндскаго кадетскаго корпуса. № 100, ст. 1155. Пол. Воен. Сов. (9 іюн. 1902 г.). О введеніи въ штатъ пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса должности инструктора верховой ѣзды и 15 нижнихъ чиновъ, взамѣнъ вольнонаемныхъ конюховъ, и добавленіи въ штатъ того же корпуса одного наѣздника унтеръ-офицерскаго званія и 11 верховыхъ лошадей. № 100, ст. 1156. Пол. Воен. Сов. (9 іюн. 1902 г.). Объ установленіи, съ 1903 года, повѣрочныхъ испытаній по иностраннымъ языкамъ пажамъ-кандидатамъ, поступающимъ въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ изъ кадетскихъ корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній.

№ 100, ст. 1162. Выс. пов. (6 іюн. 1902 г.). Объ увеличеніи числа частей, выставляемыхъ въ военное время Забайкальскимъ казачьимъ войскомъ на одинъ льготный конный полкъ. № 100, ст. 1163. Выс. пов. (22 авг. 1902 г.). О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ учебномъ курсѣ 1-го спеціальнаго класса Финляндскаго кадетскаго корпуса.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ.

Отд. I. № 96, ст. 1109. Выс. пов. (18 мая 1902 г.). Объ утвержденіи проекта штата Пензенскаго художественнаго училища Н. Д. Селиверстова.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. I. № 92, ст. 1038. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). О перечисленіи деревень: а) Смыковой изъ Тарскаго въ Тюкалинскій уѣздъ, Тобольской губерніи, и б) Телѣгиной изъ Солигаличскаго въ Чухломскій уѣздъ, Костромской губерніи. № 92, ст. 1043. Выс. пов. (4 іюл. 1902 г.). О сохраненіи должностей портовыхъ надзирателей и стражниковъ въ портахъ: С.-Петербургскомъ, Рижскомъ, Одесскомъ, Бердянскомъ, Николаевскомъ и Батумскомъ. № 93, ст. 1061. Имен. ук. (13 сент. 1902 г.). Объ усиленіи штата департамента полиціи. № 97, ст. 1113. Выс. пов. (9 сент. 1902 г.). О предоставленіи Таврическому губернатору особыхъ временныхъ полномочій по паспортной части Ялтинскаго уѣзда. № 99, ст. 1139. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). О назначеніи разъѣздныхъ денегъ четыремъ становымъ приставамъ вдоль линіи сѣвернаго участка Оренбурго-Ташкентской дороги.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 98, ст. 1120. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). О порядкѣ выдачи маслодѣльнымъ товариществамъ въ западной Сибири, въ теченіе 1902 года, ссудъ на оборудованіе маслодѣленъ и складовъ-ледниковъ для храненія масла.

По вѣдомству Министерства Морскаго.

Отд. I. № 92, ст. 1046. Выс. пов. (4 март. 1902 г.). О присвоеніи сооруженной на рѣкѣ Охтѣ спасательной станціи наименованія „спасательная станція Имени Великой Княгини Ольги Александровны“.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Отд. I. № 92, ст. 1034. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). О передачѣ состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ обществъ попеченія о народномъ образованіи въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 98, ст. 1125. Выс. пов. (20 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи особаго нагруднаго знака въ ознаменованіе успѣшнаго окончанія градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ. № 99, ст. 1145. Выс. пов. (22 іюн. 1902 г.). Объ учрежденіи при Воронежскомъ реальномъ училищѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія.

Отд. I. № 94, ст. 1081. Имен. ук. (23 авг. 1902 г.). Объ отчужденіи земель и имуществъ, потребныхъ для сооруженія желѣзнодорожной линіи отъ города Гапсаля до станціи Кегель Балтійской и Псково-Рижской желѣзныхъ дорогъ. № 94, ст. 1082. Имен. ук. (23 авг. 1902 г.). Объ отчужденіи земель и имуществъ, потребныхъ для сооруженія Бологое-Сѣдлецкой желѣзной дороги. № 97, ст. 1114. Выс. пов. (16 ноябр. 1901 г.). О перемѣщеніи правленія Ковенскаго округа путей сообщенія изъ города Ковны въ городъ Вильну. № 100, ст. 1154. Мн. Гос. Сов. (3 іюн. 1902 г.). Объ обмѣнѣ земельнаго участка техническаго желѣзнодорожнаго училища въ городѣ Кременчугѣ, Полтавской губерніи, на участокъ, принадлежащій этому городу.

По вѣдомству Министерства Финансовъ.

Отд. I. № 92, ст. 1042. Выс. пов. (29 март. 1902 г.). О выпускѣ государственныхъ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка на 50 милліоновъ рублей. № 96, ст. 1111. Выс. пов. (19 іюл. 1902 г.). Объ установленіи форменной одежды для учениковъ Московскаго прядильнаго училища. № 98, ст. 1122. Выс. пов. (22 март. 1902 г.). Объ учрежденіи стипендій въ Виленскомъ и Минскомъ коммерческихъ училищахъ. № 98, ст. 1123. Выс. пов. (24 іюн. 1902 г.). Объ учрежденіи пяти стипендій въ коммерческомъ училищѣ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. № 98, ст. 1124. Выс. пов. (19 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи рисунка флага для зданій и плавучихъ средствъ портовыхъ управленій вѣдомства Министерства Финансовъ. № 100, ст. 1161. Выс. пов. (9 сент. 1902 г.). Объ освобожденіи отъ установленной Именнымъ Высочайшимъ ука-

зомъ 2 августа 1902 года добавочной платы байховыхъ чаевъ, поступившихъ въ вѣдѣніе Кяхтинской таможни до объявленія помянутаго указа.

По корпусу жандармовъ.

Отд. I. № 93, ст. 1066. Выс. пов. (28 март. 1902 г.). Объ увеличеніи штата Варшавскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. № 93, ст. 1067. Выс. пов. (28 март. 1902 г.). Объ увеличеніи штата Минскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. № 93, ст. 1068. Выс. пов. (28 март. 1902 г.). Объ увеличеніи штата Варшавскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ. № 98, ст. 1126. Выс. пов. (8 авг. 1902 г.). Объ учрежденіи жандармскаго полицейскаго надзора на Бологое-Сѣдлецкой желѣзной дорогѣ и измѣненіи штатовъ четырехъ жандармскихъ полицейскихъ управленій. № 99, ст. 1140. Пол. Воен. Сов. (17 іюн. 1902 г.). Объ оставленіи безъ измѣненія права на производство въ генералъ-лейтенанты по должности начальника Московскаго жандармскаго губернскаго управленія и о сокращеніи числа должностей генераловъ при войскахъ Кавказскаго военнаго округа (ст. 1).

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

Отд. I. № 92, ст. 1039. Пол. Опек. Сов. (29 іюн. 1902 г.). Объ уступкѣ принадлежащаго вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи участка въ Ессентукахъ Россійскому обществу Краснаго Креста. № 92, ст. 1040. Пол. Опек. Сов. (18 іюл. 1902 г.). Объ измѣненіи положенія о карточной фабрикѣ. № 92, ст. 1041. Выс. пов. (18 іюл. 1902 г.). О принятіи общества вспомоществованія воспитанницамъ Московскаго сиротскаго института Императора Николая I, подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. № 93, ст. 1064. Выс. пов. (29 іюн. 1902 г.). Объ открытіи сельскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ селѣ Степанцахъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. № 96, ст. 1101. Пол. Опек. Сов. (4 март. 1902 г.). О предоставленіи Главноуправляющему Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи измѣнять число должностей VI, VII и IX классовъ въ V экспедиціи означенной канцеляріи. № 96, ст. 1102. Пол. Опек. Сов. (27 мая 1902 г.). Объ измѣненіи назначенія капитала, пожертвованнаго пансіонеркою отдѣленія для

дѣвицъ С.-Петербургскаго вдовьяго дома Маріею Долговою для учреждения при названномъ отдѣленіи одной стипендіи. № 96, ст. 1103. Выс. пов. (16 февр. 1902 г.). Объ открытіи дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи въ городѣ Меленкахъ, Владимірской губерніи. № 96, ст. 1104. Выс. пов. (4 март. 1902 г.). Объ открытіи перваго Донскаго и Сальскаго окружныхъ попечительствъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 96, ст. 1106. Выс. пов. (16 март. 1902 г.). Объ учрежденіи во вновь открытомъ Елисаветинскомъ, Имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны, пріютѣ въ Москвѣ трехъ стипендій. № 96, ст. 1107. Выс. пов. (18 мая 1902 г.). О принятіи Лисичанскаго дѣтскаго пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ состоящею при пріютѣ богадѣльнею, подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Анастасіи Николаевны. № 96, ст. 1108. Выс. пов. (18 мая 1902 г.). Объ открытіи Кронштадтскаго городоваго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 96, ст. 1110. Выс. пов. (27 мая 1902 г.). Объ установленіи при Волчанскомъ уѣздномъ попечительствѣ дѣтскихъ пріютовъ званія членовъ-соревнователей. № 98, ст. 1121. Выс. пов. (16 февр. 1902 г.). Объ учрежденіи четвертой стипендіи Министерства Путей Сообщенія въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 99, ст. 1143. Выс. пов. (1 авг. 1902 г.). Объ открытіи Тимскаго уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. № 100, ст. 1157. Пол. Опек. Сов. (27 мая 1902 г.). Объ увеличеніи кредита на вознагражденіе сверхштатныхъ и другихъ врачей дѣтской больницы Принца Петра Ольденбургскаго за пріемъ больныхъ по спеціальностямъ въ отдѣленіи для приходящихъ. № 100, ст. 1158. Пол. Опек. Сов. (29 іюн. 1902 г.). Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ формъ документовъ, приложенныхъ къ Высочайше утвержденному 30 августа 1855 г. уставу женскихъ учебныхъ заведеній. № 100, ст. 1159. Пол. Опек. Сов. (28 іюл. 1902 г.). Объ увеличеніи въ Оренбургскомъ институтѣ Императора Николая I пансіонерной платы.

По вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Отд. I. № 96, ст. 1105. Выс. пов. (13 март. 1902 г.). О принятіи состоящей въ завѣдываніи Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета женской ремесленной школы въ Москвѣ подъ Августѣйшее покровительство Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій.

Отд. I. № 96, ст. 1112. Выс. пов. (17 іюн. 1902 г.). О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ новаго Московскаго общества любителей охоты подъ Свое Августѣйшее покровительство. № 99, ст. 1146. Выс. пов. (19 авг. 1902 г.). О принятіи Императорскаго общества любителей древней письменности подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство. № 100, ст. 1160. Выс. пов. (23 авг. 1902 г.). О предоставленіи Русско-Китайскому банку права выдачи билетовъ на предъявителя на срочные вклады, принимаемые банкомъ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства.

Отд. II. № 18, ст. 280. Пол. Ком. Мин. (22 март. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества производства роговыхъ издѣлій „Менкенгофъ". № 18, ст. 281. Пол. Ком. Мин. (22 март. 1902 г.). Объ утвержденіи устава русскаго акціонернаго общества для производства и утилизаціи сжатыхъ газовъ „Углекислота". № 18, ст. 282. Пол. Ком. Мин. (29 март. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества мукомольныхъ мельницъ Алексѣя Таратина въ Мелекессѣ. № 18, ст. 283. Пол. Ком. Мин. (4 апр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Конецпольскаго мѣднопрокатнаго завода. № 18, ст. 284. Пол. Ком. Мин. (4 апр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Печать" въ С.-Петербургѣ. № 18, ст. 285. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава Волжскаго лѣсопромышленнаго товарищества. № 18, ст. 286. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Хаджибейскаго лиманнаго курорта и санаторіи. № 18, ст. 287. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава Челекенскаго нефтепромышленнаго общества. № 18, ст. 288. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „анонимное международное общество производства глицерина". № 18, ст. 289. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества паровой мельницы въ Царицынѣ. № 18, ст. 290. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Уссурійскаго горнопромышленнаго общества. № 18, ст. 291. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „акціонерное общество Енисейской мѣди, съ ограниченною отвѣтственностью". № 19, ст. 315. Пол. Ком. Мин. (4 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго акціонер-

наго общества печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимова. № 19, ст. 316. Пол. Ком. Мин. (14 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи устава русскаго акціонернаго общества для производства земледѣльческихъ машинъ и орудій и торговли ими „Пахарь". № 19, ст. 317. Пол. Ком. Мин. (28 іюн 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія. № 19, ст. 318. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи устава общества для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ. № 19, ст. 319. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ измѣненіи устава южно-русскаго солепромышленнаго общества. № 19, ст. 320. Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. (3 мая 1902 г.). Объ образованіи общества Вольмарскаго узкоколейнаго подъѣздного пути. № 20, ст. 330. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Ракитинскаго общества стеклянныхъ заводовъ. № 20, ст. 331. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества русско-балтійскаго вагоннаго завода. № 21, ст. 342. Пол. Ком. Мин. (15 март. 1902 г.). Объ измѣненіи устава Московскаго общества красильно-аппретурной мануфактуры. № 21, ст. 343. Пол. Ком. Мин. (15 март. 1902 г.). Объ измѣненіи устава общества бумагопрядильной, ткацкой и бѣлильной фабрикъ „Заверце". № 21, ст. 344. Пол. Ком. Мин. (22 март. 1902 г.). Объ измѣненіи устава Екатеринославскаго машиностроительнаго акціонернаго общества. № 21, ст. 345. Пол. Ком. Мин. (22 март. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества новой Костромской льняной мануфактуры. № 21, ст. 346. Пол. Ком. Мин. (22 март. 1902 г.). Объ измѣненіи и дополненіи устава товарищества Одесскаго пивовареннаго завода. № 21, ст. 347. Пол. Ком. Мин. (4 апр. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Тезинскихъ бумагопрядильной и ткацкой фабрикъ въ городѣ Шуѣ. № 21, ст. 348. Пол. Ком. Мин. (4 апр. 1902 г.). О предоставленіи фирмѣ „Забокржецкій и К°" концессіи на устройство и эксплоатацію освѣщенія въ городѣ Плоцкѣ. № 21, ст. 349. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава перваго Сибирскаго товарищества печатнаго и издательскаго дѣла Е. Ф. Кудрявцева. № 21, ст. 350. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „русско-бельгійское анонимное общество Острилово-Битюговскихъ торфяныхъ залежей". № 21, ст. 351. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). О предоставленіи инженеръ-технологу Заіончковскому концессіи на сооруженіе и эксплоатацію водопровода въ городѣ Ломжѣ. № 21, ст. 352. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ измѣ-

неніи устава товарищества „Кавказская Ртуть". № 21, ст. 353. Пол. Ком. Мин. (3 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго общества страхованій. № 21, ст. 354. Пол. Ком. Мин. (10 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава Терско-Волжскаго нефтепромышленнаго общества. № 21, ст. 355. Пол. Ком. Мин. (10 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Рижскаго машиностроительнаго и чугунолитейнаго завода „Атласъ". № 21, ст. 356. Пол. Ком. Мин. (10 мая 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „генеральное анонимное торговое общество". № 21, ст. 357. Пол. Ком. Мин. (10 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава общества Голубаго Креста. № 21, ст. 358. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава общества Владикавказскаго водопровода. № 21, ст. 359. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава общества для эксплоатаціи изобрѣтеній Вѣнскаго товарищества „Янъ Щепаникъ и К°". № 21, ст. 360. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). О прекращеніи дѣйствій анонимнаго общества прядиленъ коконнаго отброса. № 21, ст. 361. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества механическаго мѣдно-котельнаго и литейнаго завода А. К. Дангауеръ и Кайзеръ. № 21, ст. 362. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Зассенгофской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. № 21, ст. 363. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава товарищества торговли игольно галантерейными товарами „И. Шестовъ и К. Козловъ". № 21, ст. 364. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Русскій Мельникъ". № 21, ст. 365. Пол. Ком. Мин. (17 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава Луцкаго общества охоты. № 21, ст. 366. Пол. Ком. Мин. (31 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „Кудиновское товарищество производства электрическихъ углей". № 21, ст. 367. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). О предоставленіи Виндавскому элеватору-зернохранилищу общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги права выдачи двойныхъ складочныхъ свидѣтельствъ. № 21, ст. 368. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава общества бумагопрядильной, ткацкой и бѣлильной фабрикъ „Заверце". № 21, ст. 369. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи дополненій и измѣненій устава Даніиловскаго акціонернаго общества по возведенію казенныхъ и частныхъ построекъ. № 21, ст. 370. Пол. Ком. Мин. (7 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава Уфимскаго горно-промышленнаго акціонернаго общества. № 21, ст. 371. Пол. Ком. Мин. (14 іюн.

1902 г.). О разрѣшеніи шведско-датско-русскому телефонному акціонерному обществу взиманія особой платы за включеніе новыхъ абонентовъ въ Московскую городскую телефонную сѣть, впредь до окончательнаго ея переустройства. № 21, ст. 372. Пол. Ком. Мин. (14 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава Каменноугольнаго общества Нижней-Крынки. № 21, ст. 373. Пол. Ком. Мин. (14 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава россійскаго общества водныхъ, шоссейвыхъ и второстепенныхъ рельсовыхъ путей. № 21, ст. 374. Пол. Ком. Мин. (22 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи измѣненій и дополненій устава общества Керченскихъ металлургическихъ заводовъ и рудниковъ. № 21, ст. 375. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества „Печатня С. П. Яковлева". № 21, ст. 376. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ измѣненіи устава товарищества Денгофовско-Дубровецкаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 21, ст. 377. Пол. Ком. Мин. (28 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи дополненій и измѣненій устава общества Страховицкихъ горныхъ заводовъ. № 21, ст. 378. Пол. Ком. Мин. (3 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи французскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „французское анонимное общество пробочной промышленности". № 21, ст. 379. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „нефтяная компанія І. Г. Тумаева, съ ограниченною отвѣтственностью". № 21, ст. 380. Пол. Ком. Мин. (5 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „анонимное электрическое общество южной Россіи".

III. Опредѣленіе Правительствующаго Сената.

Отд. I. № 92, ст. 1047. (18 дек. 1901 г.). О разъясненіи вопроса о томъ, какой періодъ времени слѣдуетъ разумѣть при примѣненіи 57 ст. уст. воин. пов. подъ словомъ „годъ".

1901 года декабря 18 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: рапортъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 сентября 1900 года за № 3310, коимъ испрашиваетъ разъясненіе по вопросу о томъ: слѣдуетъ ли при примѣненіи 57 ст. Уст. Воин. Повин. изд. 1897 г. разумѣть подъ „годомъ" время съ 1 января по 31 декабря того же года, или же періодъ отъ 1 октября даннаго года до 30 сентября слѣдующаго года. Приказали: Сообразивъ возбужденный вопросъ съ закономъ, Правитель-

ствующій Сенатъ находитъ, что, согласно 57 ст. Уст. Воин. Повин. изд. 1897 г. (ст. 50 сего Устава изд. 1886 г.), изъ двухъ родныхъ, единоутробныхъ или сводныхъ братьевъ, родившихся въ одномъ и томъ же году и потому одновременно участвующихъ въ вынутіи жеребья, принимается въ войска лишь одинъ, вынувшій меньшій нумеръ жеребья. При примѣненіи сего закона, во время дѣйствія правила, изображеннаго въ ст. 11 Уст. Воин. Повин., изд. 1886 г., согласно которому къ жеребью призывались ежегодно молодые люди, которымъ къ 1 января того года, когда наборъ производился, минуло двадцать лѣтъ отъ роду, годъ исчислялся періодомъ времени отъ 1 января по 31 декабря того же года. Между тѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 19 января 1893 г. (Собр. узак. 1893 г. № 27, ст. 264) положено призывать ежегодно тѣхъ молодыхъ людей, которымъ къ 1 октября того года, когда производится наборъ, минулъ двадцать одинъ годъ отъ роду; сообразно съ симъ и измѣнена редакція ст. 11 Уст. Воин. Повин. (изд. 1897 г.). Принимая во вниманіе, что при измѣненіи ст. 11 Уст. Воин. Пов. упомянутымъ выше закономъ 19 января 1893 г. не имѣлось въ виду ограничить дѣйствіе льготы, установленной 57 ст. сего Устава, предѣлы которой были бы сужены въ случаѣ, если подъ упоминаемымъ въ ней терминомъ „годъ“ разумѣть и нынѣ періодъ времени отъ 1 января до 31 декабря того же года, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что въ настоящее время подъ дѣйствіе 57 ст. Уст. Воин. Повин. изд. 1897 г. должны быть подводимы всѣ указанныя въ ней лица, одновременно участвующія въ вынутіи жеребья, которыя родились въ періодъ времени отъ 1 октября даннаго года до 30 сентября слѣдующаго года, а потому опредѣляетъ: о вышеизложенномъ, въ разрѣшеніе рапорта за № 3310, Министру Внутреннихъ Дѣлъ послать указъ, каковымъ увѣдомить и Военнаго Министра, а для всеобщаго свѣдѣнія и руководства Присутствіямъ по воинской повинности настоящее опредѣленіе напечатать въ Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства.

IV. Опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отд. I. № 93, ст. 1072. (14/31 март. 1902 г.). О преобразованіи существующей при Верхне-Тагильскомъ заводѣ, Екатеринбургской епархіи, богадѣльни въ женскую общину. № 93, ст. 1073. (19/31 март. 1902 г.). О присвоеніи Градо-Омской Параскевьевской церковно-при-

ходской школѣ особаго наименованія. № 93, ст. 1074. *(9 апр. 1902 г.).* О присвоеніи Спасской г. Симферополя церковно-приходской школѣ особаго наименованія. № 98, ст. 1127. ($\frac{19 \text{ іюн.}}{2 \text{ іюл.}}$ 1902 г.). Объ обращеніи Сяндебской Успенской мужской пустыни въ самостоятельную обитель. № 98, ст. 1128. (12/21 іюн. 1902 г.). Объ обращеніи существующей при деревнѣ Барановкѣ, Черноярскаго уѣзда, Астраханской епархіи, Воскресенско-Мироносицкой женской общины въ женскій общежительный монастырь.

V. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи.

Отд. I. № 93, ст. 1075. *(6 сент. 1902 г.).* Объ увеличеніи числа добавочныхъ мировыхъ судей города С.-Петербурга[1]). № 93, ст. 1076. *(10 сент. 1902 г.).* О подписной на 1903 годъ платѣ за вѣдомость справокъ о судимости.

Министръ Юстиціи назначилъ на будущій 1903 г. подписную плату на Вѣдомость справокъ о судимости въ размѣрѣ 8 рублей за экземпляръ, считая въ томъ числѣ и расходъ за пересылку и доставку Вѣдомости подписчикамъ чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта. Расходъ же по пересылкѣ подписной платы долженъ производиться на счетъ подписчиковъ.

№ 97, ст. 1115. *(12 сент. 1902 г.).* Объ учрежденіи въ Московскомъ столичномъ судебно-мировомъ округѣ трехъ новыхъ должностей добавочнаго мироваго судьи. № 98, ст. 1129. (11 март. 1902 г.). Объ утвержденіи положенія о четвертой стипендіи Министерства Путей Сообщенія въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. [2]) № 98, ст. 1130. (30 мая 1902 г.). О присвоеніи особаго наименованія дому при обществѣ санаторіи для дѣтей въ Алупкѣ [3]). № 100, ст. 1164. *(30 сентября 1902 г.).* Объ упраздненіи въ городѣ Сызрани, Симбирской губерніи, одной нотаріаль-

---

[1]) Даты (числа, мѣсяцы и годы) распоряженій, напечатанныя *курсивомъ*, означаютъ время, когда подлежащія распоряженія были предложены или объявлены Правительствующему Сенату для распубликованія.

[2]) Относится къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи.

[3]) Относится къ вѣдомству Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

ной конторы. № 100, ст. 1165. *(30 сент. 1902 г.).* Объ учрежденіи въ м. Судакѣ, Таврической губерніи, нотаріальной конторы.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Отд. 1. № 92, ст. 1054. (6 іюл. 1902 г.). Объ утвержденіи инструкціи горно-полицейскимъ урядникамъ и стражникамъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ Иркутской губерніи. № 92, ст. 1055. *(7 іюл. 1902 г.).* О продленіи дѣйствія примѣчанія къ ст. 7 временныхъ правилъ по строительной части для купальныхъ мѣстъ прибрежья Рижскаго залива, Лифляндской губерніи, на купальныя мѣста Усть-Наровы (Гунгербургъ и Шмецке), Меррекуля и Силламяги, Эстляндской губерніи. № 92, ст. 1056. *(13 іюл. 1902 г.).*—Объ установленіи въ городѣ Семипалатинскѣ обязательнаго для хозяевъ домовъ и завѣдывающихъ оными объявленія полиціи о лицахъ, прибывшихъ въ дома и выбывшихъ изъ нихъ. № 92, ст. 1057. *(9 авг. 1902 г.).* О разрѣшеніи Шадринскому уѣздному съѣзду, Пермской губерніи, открывать засѣданія въ селѣ Бродокалматскомъ, Бродокалматской волости, вмѣсто села Русско-Теченскаго, Русско-Теченской волости. № 94, ст. 1087. *(5 апр. 1902 г.).* Объ учрежденіи должности урядника въ имѣніи графини Браницкой Кумейско-Софіійскомъ, Черкасскаго уѣзда. № 94, ст. 1088. *(8 апр. 1902 г.).* Объ учрежденіи должности урядника въ имѣніи Станкевича при с. Новомъ Курлакѣ, Бобровскаго уѣзда. № 94, ст. 1089. *(4 авг. 1902 г.).* Объ измѣненіи правилъ объ открытіи аптекъ. № 95, ст. 1092. (10 авг. 1901 г.). Объ утвержденіи: 1) правилъ пріема въ родовспомогательныя учебныя заведенія и повивальныя школы и 2) правилъ для лицъ, желающихъ получить званіе повивальной бабки 1-го или 2-го разряда, но не прошедшихъ курса спеціальныхъ заведеній. № 95, ст. 1093. *(11 февр. 1902 г.).* Объ учрежденіи должности околоточнаго надзирателя на Брянскомъ каменно-угольномъ рудникѣ въ Славяносербскомъ уѣздѣ. № 95, ст. 1094. *(18 февр. 1902 г.).* Объ учрежденіи должности урядника въ имѣніи наслѣдниковъ Овсянниковой при слободѣ Россоши, Острогожскаго уѣзда. № 95, ст. 1095. (13 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи новаго штата полицейской команды города Ровно, Волынской губерніи. № 95, ст. 1096. *(13 іюн. 1902 г.).* Объ учрежденіи должностей городовыхъ на заводѣ товарищества Черкасскаго сахарорафинаднаго завода въ Черкасскомъ уѣздѣ. № 95, ст. 1097. *(8 іюл. 1902 г.).* О дополненіи таксы платы за судебно-химическія изслѣдованія. № 95, ст. 1098. (10 іюл. 1902 г.). Объ измѣненіи

правилъ относительно порядка открытія и внутренняго устройства зуболечебныхъ кабинетовъ. № 97, ст. 1119. (2 окт. 1902 г.). Объ утвержденіи списка уѣздовъ, на которые признано необходимымъ распространить дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 10 іюня 1902 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта о дополненіи статьи 176 Устава о Воинской Повинности. № 98, ст. 1135. *(31 авг. 1902 г.)*. О введеніи въ дѣйствіе штата канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ дворянства. № 98, ст. 1136. *(5 сент. 1902 г.)*. О разрѣшеніи Новгородскому уѣздному съѣзду выѣздныхъ сессій на станцію Любань, Николаевской желѣзной дороги. № 98, ст. 1137. *(6 сент. 1902 г.)*. О введеніи сельскаго общественнаго управленія на участкѣ Джаксинскомъ, Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской области. № 99, ст. 1153. (18 сент. 1902 г.). О дополненіи утвержденныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 31 іюля 1899 г. правилъ для пропуска заграничныхъ лекарствъ.

Отд. II. № 19, ст. 327. *(28 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава Всероссійскаго общества взаимопомощи пожарныхъ дѣятелей подъ названіемъ „Общества Голубаго Креста“. № 19, ст. 328. *(19 мая 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава С.-Петербургскаго общества страхованій.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Отд. I. № 92, ст. 1052. *(7 авг. 1902 г.)*. О мѣрахъ охраненія нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа отъ занесенія въ оныя филоксеры съ виноградными растеніями. № 92, ст. 1053. (17 авг. 1902 г.). О закрытіи для частнаго горнаго промысла лѣсовъ княжества Ловичскаго и Прилипицкихъ.

Отд. II. № 19, ст. 326. (30 апр. 1902 г.). Объ утвержденіи устава коммерческаго отдѣла при Карачевскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

Министромъ Путей Сообщенія.

Отд. I. № 92, ст. 1058. (2 авг. 1902 г.). О дополненіи и измѣненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. № 92, ст. 1059. ($^{10}/_{13}$ авг. 1902 г.). Объ измѣненіи списка станцій на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ удаленіе пассажировъ изъ поѣзда не допускается. № 92, ст. 1060. ($^{13}/_{71}$ авг. 1902 г.). О перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ корзинъ съ военными голубями. № 93, ст. 1080. ($^{13}/_{17}$ авг. 1902 г.). О дополненіи § 18^3 правилъ пе-

ревозки рогатаго скота партіями не менѣе 8 головъ. № 95, ст. 1099. (24 іюл. 1902 г.). О способѣ производства между желѣзными дорогами разсчетовъ по обмѣну крытыми товарными вагонами различной подъемной силы, за время съ 1 января 1893 года по 1 іюля 1897 года. № 98, ст. 1138. ($^3/_5$ сент. 1902 г.). О подчиненіи подъѣздныхъ путей перваго общества подъѣздныхъ желѣзныхъ путей въ Россіи дѣйствію международной конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Отд. II. № 19, ст. 329 *(3 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава товарищества „Шлиссельбургское пароходство“.

Министромъ Финансовъ.

Отд. I. № 92, ст. 1048 *(9 авг. 1902 г.).* О дополненіи росписи, приложенной къ росписанію II разр. 3 п. I Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ. № 92, ст. 1049 *(12 авг. 1902 г.).* О воспрещеніи привоза изъ за границы акцій временныхъ свидѣтельствъ еврейскаго колоніальнаго банка въ Лондонѣ. № 92, ст. 1050 *(16 авг. 1902 г.).* О разрѣшеніи выдачи на содержаніе кіосковъ съ прохладительными напитками полугодовыхъ промысловыхъ свидѣтельствъ. № 92, ст. 1051 *(16 авг. 1902 г.).* О разрѣшеніи пріема установленныхъ за вывѣрку мѣръ и вѣсовъ сборовъ въ Екатеринодарской повѣрочной палаткѣ. № 93, ст. 1077 (30 март. 1902 г.). Объ утвержденіи правилъ о стипеніяхъ имени дворянина Евгенія Петровича Носенко-Бѣлецкаго, учрежденныхъ въ Кіевскомъ Политехническомъ институтѣ Императора Александра II. № 93, ст. 1078 *(3 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Козловскаго коммерческаго училища. № 93, ст. 1079 (10 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи устава перваго частнаго женскаго коммерческаго училища Л. О. Вяземской въ г. Москвѣ. № 94, ст. 1083 (7 мая 1902 г.) Объ утвержденіи инструкціи чинамъ фабричной инспекціи по примѣненію Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1901 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ расходованія капитала, образуемаго изъ взысканій, указанныхъ въ примѣчаніи къ ст. 152 и въ ст. 155[1] устава о промышленности (по прод. 1895 г.), для вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. № 94, ст. 1084 (22 мая 1902 г.). Объ измѣненіи ст. 27 правилъ о порядкѣ дѣлопроизводства въ присутствіяхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. № 94, ст. 1085 (25 мая 1902 г.). Объ измѣненіи ст. 49 и 70 наказа чинамъ фабричной инспекціи. № 94, ст. 1086 ($\frac{\text{28 августа}}{\text{2 сентября}}$ 1902 г.). Объ измѣненіи для нѣкоторыхъ мѣстно-

стей срока періода коньячнаго винокуренія. № 95, ст. 1091 *(6 іюл. 1902 г.).* Объ упраздненіи Маньчжурской таможенной заставы. № 97, ст. 1116 *(22 іюн. 1902 г.).* Объ открытіи повѣрочныхъ палатокъ въ городахъ Одессѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Екатеринодарѣ. № 97, ст. 1117 *(8 авг. 1902 г.).* О дополненіи росписи казенныхъ предпріятій, не подлежащихъ обложенію государственнымъ промысловымъ налогомъ. № 97, ст. 1118 *(5 сент. 1902 г.).* О введеніи въ нѣкоторыхъ областяхъ Имперіи обязательной пріемки на вѣсъ зерновыхъ хлѣбовъ, размольныхъ продуктовъ и сѣмянъ. № 98, ст. 1131 (8 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи устава Воронежской городской торговой школы. № 98, ст. 1132 (18 марта 1902 г.). Объ утвержденіи устава Гнѣдинскаго ремесленнаго училища. № 98 ст. 1133 (30 март. 1902 г.). Объ утвержденіи правилъ о стипендіяхъ въ Минскомъ и Виленскомъ коммерческихъ училищахъ № 98, ст. 1134 (28 іюн. 1902 г.). Объ утвержденіи правилъ о пяти стипендіяхъ имени директора правленія товарищества Ярославской большой мануфактуры Николая Васильевича Скобѣева, учрежденныхъ въ коммерческомъ училищѣ Московскаго общества распространенія коммерческаго образованія. № 99, ст. 1147 *(1 іюл. 1902 г.).* Объ измѣненіи штатовъ таможенныхъ учрежденій Закаспійской области. № 99, ст. 1148 (16 авг. 1902 г.). Объ утвержденіи устава Люблинскаго семиклассного коммерческаго училища. № 99, ст. 1149 *(23 авг. 1902 г.).* О дополненіи росписи, приложенной къ п. 30 ст. 6 Положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ. № 99, ст. 1150 *(16 сент. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава торговой школы общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ г. Перми. № 99, ст. 1151 *(16 сент. 1902 г.).* О транзитной перевозкѣ зеленыхъ чаевъ черезъ Новороссійскъ, Петровскъ и Красноводскъ. № 99, ст. 1152. *(18 сент. 1902 г.).* Объ открытіи повѣрочныхъ палатокъ въ городахъ: Казани, Саратовѣ, Екатеринославѣ, Екатеринбургѣ, Ригѣ и отдѣленія Варшавской повѣрочной палатки въ городѣ Люблинѣ. № 100, ст. 1166 (16 сент. 1902 г.) Объ утвержденіи наставленія къ опредѣленію содержанія экстракта въ суслѣ по даннымъ испытанія пива. № 100, ст. 1167 (16 сент. 1902 г.) Объ утвержденіи инструкціи объ установленіи правительственнаго надзора за обработкою и разсылкою листьевъ чайнаго дерева и объ обязательномъ обандероленіи этого чая. № 100, ст. 1168 *(17 сент. 1902 г.).* О введеніи въ дѣйствіе съ 1 января 1903 года въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи закона 8 апрѣля 1902 года о порядкѣ устройства въ городахъ и селеніяхъ общественныхъ вѣсовъ на торговыхъ мѣстахъ и установленія таксъ за взвѣшиваніе на нихъ. № 100, ст. 1169 *(30 сент. 1902 г.).* Объ

установленіи мѣстностей, въ коихъ съ 1 января 1903 г. вводится въ дѣйствіе законъ 8 апрѣля 1902 года о порядкѣ устройства въ городахъ и селеніяхъ общественныхъ вѣсовъ на торговыхъ мѣстахъ и установленія таксъ за взвѣшиваніе на нихъ. № 100, ст. 1170 *(30 сент. 1902 г.)*. Объ установленіи мѣстностей, въ коихъ съ 1 января 1903 г. вводится въ дѣйствіе законъ 12 февраля 1901 года объ установленіи обязательной пріемки на вѣсъ зерновыхъ хлѣбовъ, размольныхъ продуктовъ и сѣмянъ. № 100, ст. 1171 *(7 окт. 1902 г.)*. О распространеніи дѣйствія Одесской повѣрочной палатки на Бессарабскую губернію.

Отд. II. № 18, ст. 292. *(25 февр. 1902 г.)*. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Велико-Океанскаго торгово-промышленнаго общества. № 18, ст. 293. *(9 март. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Бакинскаго общества подряднаго буренія. № 18, ст. 294. *(11 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Згержской хлопчатобумажной мануфактуры. № 18, ст. 295. *(11 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества соединенныхъ Балтійскихъ стеклянныхъ заводовъ. № 18, ст. 296. (6 март. 1902 г.). О дополненіи таксы вознагражденія (куртажа) биржевыхъ маклеровъ Московской биржи. № 18, ст. 297. *(14 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава Алятскаго нефтепромышленнаго акціонернаго общества. № 18, ст. 298. *(18 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава ссудо-сберегательной кассы служащихъ въ торговомъ домѣ „Мюръ и Мерилизъ“ въ г. Москвѣ. № 18, ст. 299. *(20 март. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи русскаго общества для выдѣлки и продажи пороха. № 18, ст. 300. *(23 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Мазутъ“. № 18, ст. 301. *(23 март. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества химическихъ заводовъ въ Ченстоховѣ. № 18, ст. 302. (23 март. 1902 г.). Объ измѣненіи устава сельскаго банка графини Александры Браницкой въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, Кіевской губерніи. № 18, ст. 303. (27 март. 1902 г.). О продленіи срока для взноса денегъ за акціи нефтянаго общества Бенкендорфъ и К°. № 18, ст. 304. *(27 март. 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава товарищества Горбатской писчебумажной фабрики Способина и Кротова. № 18, ст. 305. *(29 март. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса акціонернаго капитала общества Токмакской желѣзной дороги. № 18, ст. 306. *(29 март. 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса акціонернаго капитала общества Плоцкой желѣзной дороги. № 18, ст. 307. *(30 март. 1902 г.)*.

О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Московской гигіеническои фермы. № 18, ст. 308. *(30 март. 1902 г.).* О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ южно-русскаго солепромышленнаго общества. № 18, ст. 309. *(30 март. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава общества Брянскаго рельсопрокатнаго, желѣзодѣлательнаго и механическаго завода. № 18, ст. 310. *(30 март. 1902 г.).* О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества лопатнаго, вилопрокатнаго и металлическаго завода „Карлъ Шпигель". № 18, ст. 311. *(30 март. 1902 г.).* О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Кременчугскаго кожевеннаго завода „Б. М. Оренштейнъ и сыновья". № 18, ст. 312. *(3 апр. 1902 г.).* Объ опредѣленіи размѣра преміи въ запасный капиталъ по паямъ товарищества Курско-Харьковскихъ свеклосахарныхъ заводовъ. № 18, ст. 313. *(3 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Амурскаго золотопромышленнаго общества. № 18, ст. 314. *(4 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Алатырскаго общества взаимнаго кредита. № 19, ст. 321. (7 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава Куртамышскаго общества взаимнаго кредита. № 19, ст. 322. (15 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава Харьковскаго общества взаимнаго кредита мелкихъ промышленниковъ. № 19, ст. 323. (17 мая 1902 г.). Объ утвержденіи инструкціи для арбитражной коммисіи при Владивостокской биржѣ. № 19, ст. 324. (17 мая 1902 г.). Объ утвержденіи инструкціи о порядкѣ опредѣленія и увольненія, правахъ и обязанностяхъ биржевыхъ маклеровъ, корабельныхъ маклеровъ, диспашера и аукціониста при Владивостокской биржѣ. № 19, ст. 325. *(30 мая 1902 г.).* Объ измѣненіи устава южно-русскаго солепромышленнаго общества. № 20, ст. 332. *(6 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава перваго Грозненскаго нефтепромышленнаго товарищества. № 20, ст. 333. *(6 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Таганрогскаго общества взаимнаго кредита. № 20, ст. 334. *(8 апр. 1902 г.).* О продленіи срока первой отсрочки первоначальнаго взноса по акціямъ Плоцкаго акціонернаго пароходнаго общества по р. Вислѣ и ея притокамъ „Станиславъ Гурницкій". № 20, ст. 335. *(8 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Торецкаго общества огнеупорныхъ издѣлій. № 20, ст. 336. *(9 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Хонскаго общества взаимнаго кредита. № 20, ст. 337. *(9 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Московскаго торговаго банка. № 20, ст. 338. *(9 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава товарищества мануфактуры для средней Азіи наслѣдниковъ Н. А. Соколова. № 20, ст. 339. *(10 апр. 1902 г.).* О продленіи срока

для собранія второй части основнаго капитала акціонернаго общества бумажныхъ мануфактуръ „Влодовице“. № 20, ст. 340. *(18 апр. 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за акціи дополнительнаго выпуска россійскаго общества морскаго, рѣчнаго, сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей и товарныхъ складовъ, съ выдачею ссудъ. № 20, ст. 341. *(22 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава товарищества Левашово-Войтовецкаго сахарнаго завода. № 21, ст. 381. (17 ноябр. 1901 г.). Объ утвержденіи устава Благовѣщенской кустарной артели въ Благовѣщенскомъ заводѣ, Уфимской губерніи. № 21, ст. 382. *(4 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава общества взаимнаго кредита Сумскаго уѣзднаго земства. № 21, ст. 383. *(24 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. № 21, ст. 384. *(24 апр. 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Камчатскаго торгово-промышленнаго общества. № 21, ст. 385. *(29 апр. 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Суворовскихъ каменноугольныхъ копей. № 21, ст. 386. *(30 апр. 1902 г.).* О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго общества Рижской щеточной фабрики „Метеоръ“. № 21, ст. 387. (28 апр. 1902 г.). Объ утвержденіи инструкціи для арбитражной коммисіи при Казанской биржѣ. № 21, ст. 388. *(3 мая 1902 г.).* О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества „Христофъ и Унмакъ“. № 21, ст. 389. *(2 мая 1902 г.).* Объ измѣненіи устава акціонернаго общества мануфактуры Дрезденскихъ тюля, кружевъ и занавѣсей. № 21, ст. 390. *(2 мая 1902 г.).* О продленіи срока для собранія второй части основнаго капитала С.-Петербургскаго стекольно-промышленнаго общества. № 21, ст. 391. *(3 мая 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за акціи общества Николаевскаго арматурнаго и литейнаго завода. № 21, ст. 392. *(7 мая 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Плоцкаго общества взаимнаго кредита. № 21, ст. 393. *(7 мая 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Смоленскаго электрическаго общества. № 21, ст. 394. *(7 мая 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за паи товарищества Почапинскаго свекло-сахарнаго завода. № 21, ст. 395. *(7 мая 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго общества словолитни О. И. Леманъ въ С.-Петербургѣ. № 21, ст. 396. *(7 мая 1902 г.).* О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества „бумагопрядильня Л. Кенигъ мл.“ № 21, ст. 397. *(7 мая 1902 г.).* Объ измѣненіи устава Харьковскаго земельнаго банка. № 21,

ст. 398. *(11 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для оплаты капитала по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества механическаго завода В. Г. Столль и К° въ Воронежѣ. № 21, ст. 399. *(13 мая 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава Голубовскаго Берестово-Богодуховскаго горнопромышленнаго товарищества. № 21, ст. 400. *(15 мая 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава С.-Петербургско-Тульскаго поземельнаго банка. № 21, ст. 401. *(15 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для оплаты капитала по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества русской мануфактуры ковровыхъ издѣлій. № 21, ст. 402 *(16 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи нефтепромышленнаго и торговаго общества „Маркарьянцъ, Скрѣпинскій и К°". № 21, ст. 403. *(17 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за паи дополнительнаго выпуска фабрично-торговаго товарищества Р. Келлеръ и К° въ Москвѣ. № 21, ст. 404. *(21 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Кавказскаго стеклопромышленнаго акціонернаго общества. № 21, ст. 405. *(22 мая 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава Александровско-Грушевскаго общества взаимнаго кредита. № 21, ст. 406. (24 мая 1902 г.). Объ утвержденіи устава сберегательной кассы служащихъ товарищества Маловисковскаго свеклосахарнаго завода. № 21, ст. 407. *(27 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Кавказскаго спичечнаго и лѣсопильнаго производства. № 21, ст. 408. *(27 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Восточно-Сибирскаго рыбопромышленнаго общества. № 21, ст. 409. *(27 мая 1902 г.)*. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи юго-западнаго Кременецкаго общества. № 21, ст. 410. *(30 мая 1902 г.)*. Объ измѣненіи устава товарищества стекольныхъ и химическихъ заводовъ Д. В. Болотиной.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1902 г.

№ 22, IX, 24; № 25, VIII, 13; № 26, VIII, 14; № 32, IX, 20 (н. ст.) [1]).

№ 22. Конвенція о рыболовствѣ въ водахъ Дуная и Прута, заключенная между Россіею и Румыніею въ г. Бухарестѣ $^{9}/_{22}$ февраля 1901 года.

[1]) Обзоръ № 24 напечатанъ въ Октябрьской книгѣ сего журнала. №№ 23 и 27—31 не получены.

№ 25.—Ст. 2. *Выс. пост.* (4/17 іюл. 1902 г.). Объ устройствѣ полиціи въ городѣ Ганге.

№ 26.—Ст. 3. *Опр. Фин. Сен.* (14 авг. 1902 г.). Относительно движенія по Кайвантоскому каналу.

№ 32.—Ст. 23. *Выс. пост.* (18/31 іюл. 1902 г.). Объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи [1]. — Ст. 24. Отношеніе Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго къ Финляндскому Генералъ-Губернатору, съ ближайшими указаніями относительно примѣненія Высочайшаго Его Императорскаго Величества постановленія отъ 18/31 іюля 1902 года, объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи (помѣчено въ С.-Петербургѣ, $\frac{\text{27 августа}}{\text{9 сентября}}$ 1902 г.) [2].—Ст. 25. *Выс. пост.* (1/14 авг. 1902 г.). О порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ.—Ст. 26. *Выс. пост.* (1/14 авг. 1902 г.). О порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. — Ст. 27. *Выс, пост.* (1/14 авг. 1902 г.). О порядкѣ возбужденія судеб-

---

[1]) Отд. I и II этого узаконенія постановлено:

I. Существующія нынѣ ограниченія въ правѣ занятія должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго лицами, не принадлежащими къ финляндскому гражданству, не распространяются на русскихъ уроженцевъ.

II. Въ отношеніи правъ на вступленіе въ службу и занятіе должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго, съ кандидатами Императорскаго Александровскаго Университета уравниваются: *а*) кандидаты и дѣйствительные студенты всѣхъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея; *б*) удостоенные испытательными коммисіями при Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ дипломовъ 1 или 2 степени; *в*) окончившіе съ чинами IX, X или XII классовъ курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, а равно окончившіе по I и II разряду курсъ Александровской Военно-Юридической Академіи.

[2]) Въ этомъ отношеніи сообщается, что Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ видѣ временной мѣры:

1) допустить поступленіе на службу и занятіе должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго, на равныхъ правахъ, всѣхъ лицъ, окончившихъ курсъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній Имперіи и Финляндіи, и

2) предоставить Финляндскому Генералъ-Губернатору, при замѣщеніи всѣхъ должностей по финляндскому управленію, допускать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣ изъятія изъ требуемыхъ закономъ условій поступленія на службу, кои онъ признаетъ необходимыми.

наго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ.— Ст. 28. Отношеніе Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго къ Финлядскому Генералъ-Губернатору, съ ближайшими указаніями относительно примѣненія Высочайшихъ Его Императорскаго Величества постановленій отъ $^1/_{14}$ августа 1902 г.: о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ (помѣчено въ С.-Петербургѣ $\frac{27\text{ августа}}{9\text{ сентября}}$ 1902 г.). — Ст. 29. *Выс. пост.* ($\frac{26\text{ августа}}{8\text{ сентября}}$ 1902 г.). Объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія Императорскаго Финляндскаго Сената. — Ст. 30. Отношеніе Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго къ Финляндскому Генералъ-Губернатору, съ ближайшими указаніями относительно примѣненія Высочайшаго Его Императорскаго Величества постановленія отъ $\frac{26\text{ августа}}{8\text{ сентября}}$ 1902 года объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ учрежденія Императорскаго Финляндскаго Сената (помѣчено въ С.-Петербургѣ $\frac{27\text{ августа}}{9\text{ сентября}}$ 1902 г.).—Ст. 31. *Выс. пост.* ($\frac{26\text{ августа}}{8\text{ сентября}}$ 1902 г.). О расширеніи полномочій губернаторовъ Великаго Княжества Финляндскаго.—Ст. 32. *Выс. ук.* ($^4/_{17}$ іюл. 1902 г.). О добавочномъ содержаніи маячнымъ сторожамъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 82, сентября 20 дня 1902 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Завѣдывающій Контролемъ Министерства Императорскаго Двора, Тайный Совѣтникъ **Мерцаловъ**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

№ 84, сентября 27 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Члены Окружныхъ Судовъ: Житомірскаго, Статскій Совѣтникъ **Ивенсенъ**, Елисаветградскаго, Статскій Совѣтникъ **Сачковъ** и Рижскаго, Статскій Совѣтникъ **Сушинскій**—Товарищами Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: первый—Нѣжинскаго, второй—Усть-Медвѣдицкаго и послѣдній Митавскаго, всѣ три согласно прошеніямъ; Уѣздный Членъ Симферопольскаго Окружнаго Суда, по Ялтинскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Телесницкій**—Членомъ Омской Судебной Палаты, согласно прошенію; Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Кибиревъ**—Прокуроромъ Ташкентскаго Окружнаго Суда; Членъ Полтавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Калливода**, Исправляющій должность Инспектора V класса Главнаго Тюремнаго Управленія, Статскій Совѣтникъ **Кашкинъ** и Причисленные къ Министерству: Коллежскій Совѣтникъ **Процеровъ** и Коллежскій Ассесоръ **Нечаевъ**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Полтавскаго, по Полтавскому уѣзду, второй—Симферопольскаго, по Ѳеодосійскому уѣзду, третій—Пермскаго, по Чердынскому уѣзду, и послѣд-

ній—Тульскаго, по Богородицкому уѣзду, изъ нихъ Калливода, согласно прошенію; Уѣздный Членъ Пермскаго Окружнаго Суда, по Оханскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Шаталовъ**, Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Бердичевскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Радзимовскій**, Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Елецкаго, Статскій Совѣтникъ **Самойленко-Спаторіевъ**, Симферопольскаго, Надворный Совѣтникъ **Шихуцкій** и Самаркандскаго, Надворный Совѣтникъ **Карыбинъ** и Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Вульфіусъ** и Титулярный Совѣтникъ **Струтинскій**—Членами Окружныхъ Судовъ: Шаталовъ—Пермскаго, Радзимовскій — Кіевскаго, Самойленко-Спаторіевъ—Елецкаго, Шихуцкій — Симферопольскаго, Карыбинъ — Самаркандскаго, Вульфіусъ—Нижегородскаго и Струтинскій—С.-Петербургскаго, изъ нихъ первый согласно прошенію; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Зуцъ**—Участковымъ Мировымъ Судьею Екатеринодарскаго округа; Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Васенко**, Коллежскій Ассесоръ **Урахчинскій** и Титулярные Совѣтники: **Конашинскій**, **Добросердовъ** и **Ляхницкій** - Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Васенко—Екатеринославскаго, Урахчинскій и Ляхницкій—Тобольскаго, Конашинскій—Сарапульскаго и Добросердовъ—Уфимскаго; Товарищъ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Головня**—Судебнымъ Слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ округа того же Окружнаго Суда; Секретарь Казанскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Нагуевскій** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Витебскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Морманнъ**—Городскими Судьями: Нагуевскій—2-го участка г. Чистополя, а Морманнъ—г. Велижа; Добавочные Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Владивостокскаго, Коллежскій Секретарь **Волковинскій** и Благовѣщенскаго, Губернскій Секретарь **Сутуринъ**, Причисленные къ Министерству: Коллежскій Совѣтникъ **Покровскій** и Коллежскій Секретарь **Поповъ**, Секретарь при Прокурорѣ Ташкентской Судебной Палаты, Титулярный Совѣтникъ **Карпышевъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Ташкентской Судебной Палатѣ, Коллежскій Секретарь **Благовидовъ**—Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Волковинскій—Читинскаго, 18-го участка, Сутуринъ—Благовѣщенскаго, 3-го участка, Покровскій—Троицкаго, 3-го участка Кустанайскаго уѣзда, Поповъ—Читинскаго, 9-го участка, Карпышевъ—Ташкентскаго, 2-го участка Казалинскаго уѣзда, и Благовидовъ—Самаркандскаго, Джизакскаго уѣзда.

Перемѣщаются: Товарищъ Предсѣдателя Митавскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Волковицкій**—Товарищемъ Предсѣдателя С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Уѣздные Члены Окружныхъ Судовъ: Пермскаго, по Чердынскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Соколовъ** и Симферопольскаго по Ѳеодосійскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Данини**—Уѣздными Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Пермскаго, по Оханскому уѣзду, а второй—Симферопольскаго, по Ялтинскому уѣзду, оба согласно прошеніямъ; Члены Окружныхъ Судовъ: Каменецъ-Подольскаго, Статскій Совѣтникъ **Манохинъ**, Тамбовскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Краснянскій** и Самаркандскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Гинтовтъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Полтавскаго, второй—Московскаго и послѣдній—Нѣжинскаго, всѣ

три согласно прошеніямъ; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Заславо-Острожскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Протопоповъ**—въ Житомірскій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 апрѣля 1902 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Таганрогскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Сукачевъ** и Екатеринославскаго, Титулярный Совѣтникъ **Рейхеръ**—одинъ на мѣсто другаго; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Симферопольскаго, Надворный Совѣтникъ **Макаровъ**, Нижегородскаго, Коллежскій Ассесоръ **Гордзялковскій**, Сувалкскаго, Коллежскій Ассесоръ **Завадскій**, Сарапульскаго, Коллежскій Ассесоръ **Акатьевъ**, Самаркандскаго, Титулярный Совѣтникъ **Литвинскій** и Рязанскаго, Титулярный Совѣтникъ **Лаженицынъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Макаровъ и Гордзялковскій—Московскаго, Завадскій—Варшавскаго, Акатьевъ—Казанскаго, Литвинскій—Сувалкскаго и Лаженицынъ—Харьковскаго; Городскіе Судьи: г. Каширы, Надворный Совѣтникъ **Артемьевъ**, г. Ливенъ, Титулярный Совѣтникъ **Волковъ** и г. Углича, Титулярный Совѣтникъ **Воскресенскій**—Городскими Судьями: Артемьевъ—1-го участка г. Тулы, Волковъ—г. Углича и Воскресенскій—1-го участка г. Ржева; Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Тифлисскаго, Телавскаго отдѣла, Коллежскій Совѣтникъ **Лигензевичъ**, Владивостокскаго, 9-го участка, Коллежскій Ассесоръ **Савостицкій** и Ташкентскаго, 2-го участка Казалинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ — **Бѣлоруссовъ**—Мировыми Судьями округовъ Окружныхъ Судовъ: Лигензевичъ—Тифлисскаго, 4-го отдѣла г. Тифлиса, Савостицкій—Владивостокскаго, 1-го участка, и Бѣлоруссовъ—Ташкентскаго, 1-го участка Казалинскаго уѣзда; Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Читинскаго, 16-го участка, Коллежскій Ассесоръ **Романовъ** и Портъ-Артурскаго, Губернскій Секретарь **Кокоревъ**—одинъ на мѣсто другаго.

Увольняется *отъ должности* Товарищъ Прокурора Омскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Голубъ**, по случаю назначенія его Помощникомъ Мироваго Судьи вновь образованнаго въ округѣ Тифлисскаго Окружнаго Суда участка.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ:* Уѣздный Членъ Московскаго Окружнаго Суда по Подольскому уѣзду, Надворный Совѣтникъ **Макаровъ**, съ 26 августа, и Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: С.-Петербургскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Зибертъ**, съ 2 сентября, и Лубенскаго, Коллежскій Ассесоръ **Рымаревъ**, съ 31 августа, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ; Товарищъ Прокурора Сумскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Линицкій** и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Керенскаго уѣзда, округа Пензенскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Поповъ**, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Товарищи Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: Рязанскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Поповъ** и Каширскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Остроградскій** и Членъ Одесской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Геращеневскій**, всѣ три съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными; Мировой Судья 3-го участка острова Сахалина **Новомбергскій**.

Согласно прошенію, по болѣзни, Членъ Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Абуладзе**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоенныхъ.

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Членъ Кутаисскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Родзевичъ**; Городской Судья 3-го участка г. Екатеринбурга, Статскій Совѣтникъ **Сысоевъ**.

№ 85, сентября 30 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Участковый Мировой Судья Кизлярскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Чеховичъ**—въ Кизлярскій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 января 1900 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Состоящій за штатомъ Участковый Мировой Судья Полоцкаго округа, Статскій Совѣтникъ **Михайловъ**, Секретарь Владикавказскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Грузиненко** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московскомъ Окружномъ Судѣ, Титулярный Совѣтникъ **Исаковъ**—Участковыми Мировыми Судьями округовъ: первый—Ямпольскаго, второй—Кизлярскаго и послѣдній—Балтскаго; Мировые Судьи округовъ Окружныхъ Судовъ: Читинскаго, 22-го участка, Титулярный Совѣтникъ **Боруховскій** и Асхабадскаго, 1-го участка Мервскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Телятниковъ**, Причисленные къ Министерству, Титулярные Совѣтники **Буреръ** и **Бугонъ** и Секретарь при Прокурорѣ Омской Судебной Палаты, Коллежскій Секретарь **Коровинъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Боруховскій и Коровинъ—Иркутскаго, Телятниковъ—Самаркандскаго, Буреръ—Елисаветградскаго и Бугонъ—Омскаго; Секретарь С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Краснопѣвцевъ**—Городскимъ Судьею 1-го участка г. Новгорода; Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Иркутскомъ Окружномъ Судѣ, Коллежскій Секретарь **Максимовъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею округа Владивостокскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщается: Товарищъ Прокурора Якутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Секретарь **Закалинскій**—Товарищемъ Прокурора Иркутскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ:* Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Любартовскаго уѣзда, округа Люблинскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Калужинскій**, по случаю причисленія его къ Министерству; Городской Судья 1-го участка г. Вологды, Коллежскій Ассесоръ **Шелковъ**, съ 20 августа, по случаю назначенія его Секретаремъ Черниговскаго Губернскаго Акцизнаго Управленія; Мировой Судья 5-го участка г. Томска, Титулярный Совѣтникъ **Журовъ**, съ 12-го сентября, по случаю избранія его Добавочнымъ Мировымъ Судьей г. Москвы.

Увольняются *отъ службы: согласно прошенію,* Товарищъ Прокурора Ковенскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Шипилинъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Согласно прошенію, по болѣзни, Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 5-го участка Бердичевскаго уѣзда, округа Кіевскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Суховъ.**

Умершіе *исключаются изъ списковъ:* Члены Судебныхъ Палатъ: Тифлисской, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Оптовцовъ,** и Харьковской, Статскій Совѣтникъ **Полкотыцкій;** Старшій Нотаріусъ Елисаветградскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Авдіевъ.**

№ 87, октября 15 дня 1902 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляются *на службу:* Почетный гражданинъ **Рыжковъ** и купецъ **Колешъ**—Почетными Мировыми Судьями округа Читинскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе.

Назначаются: Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Нечаевъ**—Исправляющимъ должность Юрисконсульта Министерства; Завѣдывающій медицинскою частью на островѣ Сахалинѣ, Коллежскій Совѣтникъ **Погаевскій,** Инспекторъ сельскаго хозяйства на островѣ Сахалинѣ, Титулярный Совѣтникъ фонъ-**Фрикенъ** и Начальникъ Александровской почтово-телеграфной конторы IV класса на островѣ Сахалинѣ, Коллежскій Ассесоръ **Яуре**—Почетными Мировыми Судьями округа Владивостокскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Исправляющій должность Семипалатинскаго Областнаго Врачебнаго Инспектора, Докторъ медицины, Коллежскій Совѣтникъ **Бичъ,** Директоръ Семипалатинской мужской прогимназіи, Статскій Совѣтникъ **Ремезовъ,** Инспекторъ народныхъ училищъ Семипалатинской области, Статскій Совѣтникъ **Злобинъ,** Совѣтникъ Семипалатинскаго Областнаго Правленія, Статскій Совѣтникъ фонъ-**Гернъ,** Семипалатинскій Городской Голова, купецъ 1-ой гильдіи **Москвинъ,** Врачи: 1-го участка Павлодарскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Гурбановъ** и 1-го участка Усткаменогорскаго уѣзда, **Братцевъ,** Городскіе Старосты: Каркаралинскій, Титулярный Совѣтникъ **Даниловъ** и Устькаменогорскій **Костюринъ** и потомственный почетный гражданинъ **Деровъ**—Почетными Мировыми Судьями округа Семипалатинскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 14 мая 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ девяти въ означенныхъ должностяхъ; Состоящій Штатнымъ, по Министерству Путей Сообщенія, Инженеромъ IV класса, Начальникъ работъ по постройкѣ южной части Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, Инженеръ путей сообщенія, Тайный Совѣтникъ **Вяземскій,** Управляющій Канцеляріею Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Федоровъ,** Помощникъ Сыръ-Дарьинскаго Военнаго Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Хомутовъ,** Туркестанскій Окружный Военно-Медицинскій Инспекторъ, Докторъ медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Тарасевичъ,** Директоры: Ташкентской женской гимназіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ошанинъ** и Туркестанской учительской семинаріи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

Остроумовъ, Непремѣнный Членъ отъ Министерства Финансовъ въ Совѣтѣ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Коллежскій Совѣтникъ **Апрѣлевъ**, Завѣдывающій Туркестанскою сельско-хозяйственною опытною станціею, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Гарничъ-Гарницкій**, Состоящіе Штатными, по Министерству Путей Сообщенія, Инженерами VII класса, Начальники участковъ по постройкѣ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, Коллежскіе Ассесоры **Вяземскій** и **Манучаровъ**, Астрофизикъ Ташкентской физической и астрономической обсерваторіи, Коллежскій Ассесоръ **Стратоновъ**, Уѣздные Врачи: Ташкентскій, Статскій Совѣтникъ **Доровлевъ** и Ауліэатинскій, Коллежскій Ассесоръ **Павловъ**, Старшіе Врачи военныхъ лазаретовъ: Перовскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Манкусъ** и Чимкентскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Гоштовтъ**, Учители-Инспекторы городскихъ училищъ: Перовскаго, Надворный Совѣтникъ **Сухановъ** и Казалинскаго, Надворный Совѣтникъ **Морозовскій**, Ветеринаръ на скотопрогонномъ трактѣ въ г. Казалинскѣ, Коллежскій Ассесоръ **Мачульскій**, Учители, завѣдывающіе городскими училищами: Чимкентскимъ, Надворный Совѣтникъ **Ковригинъ** и Туркестанскимъ, Надворный Совѣтникъ **Скорбачевъ** и купецъ **Ивановъ**—Почетными Мировыми Судьями округа Ташкентскаго Окружнаго Суда, на текущее съ 14 мая 1902 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ двадцати въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Старшій Совѣтникъ Забайкальскаго Областнаго Правленія, Коллежскій Совѣтникъ **Семидаловъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею округа Читинскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; Защитникъ Прокураторіи Царства Польскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Пѣнтка**—Совѣтникомъ той же Прокураторіи; Мировой Посредникъ Нухино-Арешскаго отдѣла—Коллежскій Совѣтникъ **Александровъ** и Нухинскій Уѣздный Врачъ, Надворный Совѣтникъ **Теръ-Осиповъ**—Почетными Мировыми Судьями округа Елисаветпольскаго Окружнаго Суда, на текущее съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Кутаисскій Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Надворный Совѣтникъ князь **Лордкипанидзе**, Кутаисскій Вице-Губернаторъ, Коллежскій Совѣтникъ **Калачевъ** и Кутаисскій Городской Голова, дворянинъ **Лордкипанидзе**—Почетными Мировыми Судьями округа Кутаисскаго Окружнаго Суда, на текущее съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ, а князя Лордкипанидзе, сверхъ того, и въ придворномъ званіи.

Переводится *на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи* Совѣтникъ Оренбургскаго Губернскаго Правленія, Надворный Совѣтникъ **Ардашевъ**—Архиваріусомъ Московскаго Архива Министерства, съ 1 сентября.

Перемѣщаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Симферопольскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Текутьевъ** и Виленскаго, Надворный Совѣтникъ **Зубовскій**—Товарищами Прокуроровъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Почетные Мировые Судьи округовъ: Армавирскаго, отставной Генералъ-Лейтенантъ баронъ **Цеге-фонъ-Мантейфель**, Екатеринодарскаго: отставной Генералъ-Лейтенантъ **Рубашевскій** и отставной Полковникъ **Рыжонковъ** и Черкасскаго, Кіевской губерніи, отставной Генералъ-Маіоръ **Масаловъ**, изъ нихъ баронъ Цеге-фонъ-Мантейфель съ 23 августа.

Увольняются *отъ службы, согласно прошенію*: Совѣтникъ Прокураторіи Царства Польскаго, Статскій Совѣтникъ **Брандель.**

Согласно прошеніямъ, по болѣзни: Уѣздный Членъ Рязанскаго Окружнаго Суда, по Данковскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Абакановичъ** и Членъ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Дунмасовъ**, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

По тюремному управленію.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію по болѣзни*, Помощникъ Пермскаго Губернскаго Тюремнаго Инспектора, Статскій Совѣтникъ **Лось**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 32, отъ 10-го октября 1902 года.

Опредѣляются *въ службу:* окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ: съ дипломомъ первой степени, Виссаріонъ **Гуревичъ** и съ дипломомъ второй степени, Георгій **Меликенцовъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ: Гуревичъ—къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, а Меликенцовъ—ко второму департаменту Министерства, съ откомандированіемъ для занятій въ распорядительное отдѣленіе, изъ нихъ первый—съ 19, а послѣдній—съ 11 сентября 1902 года.

Причисляются *къ Министерству, согласно прошеніямъ:* п. д. помощника дѣлопроизводителя X класса втораго департамента Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь **Ярустовскій**—съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ должности, съ 1 сентября 1902 г.; старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Варшавскомъ окружномъ судѣ, губернскій секретарь **Шмидтъ**—съ откомандированіемъ для занятій въ прокураторію Царства Польскаго;

секретарь Сѣдлецкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Сидорукъ**, п. д. секретаря окружныхъ судовъ: Варшавскаго, коллежскій секретарь **Евдокимовъ** и Сѣдлецкаго, коллежскій секретарь **Бурмакинъ** и старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Московской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Леонгардтъ** и при окружныхъ судахъ: Люблинскомъ, титулярный совѣтникъ **Лавровскій**, Полтавскомъ, титулярный совѣтникъ **Карюкъ**, Варшавскомъ, титулярный совѣтникъ **Соловьевъ** и Петроковскомъ, коллежскій секретарь **Хржановскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя: Леонгардтъ—2 участка Скопинскаго уѣзда, округа Рязанскаго окружнаго суда, Лавровскій—Сташовскаго уѣзда, округа Радомскаго окружнаго суда, Карюкъ—1 участка Павлоградскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, Сидорукъ,

Евдокимовъ, Бурмакинъ, Соловьевъ и Хржановскій—во вновь образованные участки въ округѣ Петроковскаго окружнаго суда: первый—4 участка Бендинскаго уѣзда, второй—3 участка того же уѣзда, третій—2 участка Брезинскаго уѣзда, четвертый—5 участка г. Лодзи и пятый—2 участка Ласкаго уѣзда,—всѣ пять—съ 1 октября 1902 года.

Командируется: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Стопницкаго уѣзда, округа Кѣлецкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Монько**—въ 5 участокъ г. Варшавы, съ 1 октября 1902 года.

Назначаются: помощникъ дѣлопроизводителя X класса временной канцеляріи при Министерствѣ Юстиціи по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ, губернскій секретарь **Лагода**—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса той же канцеляріи; причисленные къ департаментамъ Министерства Юстиціи: первому—губернскій секретарь **Венгеръ** и второму—титулярный совѣтникъ **Мацко**—помощниками дѣлопроизводителя X класса: Венгеръ—перваго, а Мацко—втораго департаментовъ Министерства Юстиціи, всѣ трое—съ 1 сентября 1902 года.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: младшій дѣлопроизводитель втораго департамента Министерства Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Гессенъ**—съ 7 сентября, и причисленные къ сему Министерству: титулярный совѣтникъ **Энгельгардтъ**—съ 11 сентября 1902 года и статскій совѣтникъ **Доманскій**, изъ нихъ послѣдній—за болѣзнью.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: причисленные къ Министерству Юстиціи: статскій совѣтникъ **Гогоцкій** и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 2 участка Кобринскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Желѣзниковъ**.

По Правительствующему Сенату: назначается: канцелярскій чиновникъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената, титулярный совѣтникъ **Шелягинъ**—помощникомъ архиваріуса того же департамента Сената, съ 1 сентября 1902 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнью*: канцелярскій чиновникъ 1 департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Ростковскій**, съ 31 августа 1902 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: назначаются: причисленный къ Сувалкскому губернскому правленію, надворный совѣтникъ **Завадзкій**, помощникъ секретаря Петроковскаго окружнаго суда Станиславъ **Душинскій** и младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Московскомъ окружномъ судѣ Ѳаддей **Пѣцевичъ**—гминными судьями: Завадзкій—I округа Волковышскаго уѣзда, Сувалкской губерніи, Душинскій—I округа и Пѣцевичъ—IV округа Бендинскаго уѣзда, Петроковской губерніи.

Перемѣщаются: и. д. судебнаго слѣдователя г. Варшавы: 3 участка—надворный совѣтникъ **Коваленко** и 8 участка—коллежскій ассесоръ **Бобрикъ**, Радиминскаго уѣзда, округа Варшавскаго окружнаго суда, подпоручикъ запаса арміи **Кулинскій** и Новоминскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій секретарь **Онихимовскій**—и. д. судебнаго слѣдователя вновь образованныхъ участковъ: Коваленко—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Варшавскаго окружнаго суда, Кулинскій—13 участка, Бобрикъ—14

участка г. Варшавы, Онихимовскій -3 участка Варшавскаго уѣзда; всѣ четверо—съ 1 октября 1902 года;

помощникъ мироваго судьи Шаруро-Даралагезскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Ждановъ**—помощникомъ мироваго судьи Эриванскаго уѣзднаго отдѣла.

Увольняется *отъ должности:* помощникъ мироваго судьи Кубинскаго отдѣла, завѣдывающій Кубинскимъ городскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Тихоцкій**—по случаю назначенія старшимъ помощникомъ Кубинскаго уѣзднаго начальника.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* помощникъ мироваго судьи Эчміадзинскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лордкипанидзе**.

Переименовываются: судебные слѣдователи: г. Калуги и по важнѣйшимъ дѣламъ округа Калужскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Орловъ** и 7 участка г. Варшавы, статскій совѣтникъ **Дембскій** и и. д. судебнаго слѣдователя г. Варшавы: 4 участка, коллежскій совѣтникъ **Кранцъ**, 5 участка, статскій совѣтникъ **Малевскій**, 6 участка, статскій совѣтникъ **Чарновскій**, 9 участка, титулярный совѣтникъ **Михѣевъ**, 10 участка, титулярный совѣтникъ **Шимкевичъ**, 11 участка, титулярный совѣтникъ **Соловьевъ** и 12 участка, статскій совѣтникъ **Ржепецкій**—судебными слѣдователями: Орловъ—г. Калуги и Дембскій—12 участка г. Варшавы, и и. д. судебнаго слѣдователя: Кранцъ—6 участка, Малевскій—9 участка. Чарновскій—10 участка, Михѣевъ—4 участка, Шимкевичъ—11 участка, Соловьевъ—7 участка и Ржепецкій—8 участка г. Варшавы, изъ нихъ Орловъ—съ 5 сентября, а остальные—съ 1 октября 1902 года.

Умершій *исключается изъ списковъ:* гминный судья 5 округа Бендинскаго уѣзда, Петроковской губерніи, Адольфъ **Гадомскій**.

№ 33, отъ 17-го октября 1902 года.

Опредѣляются *на службу* въ вѣдомство Министерства Юстиціи окончившіе курсъ наукъ: въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, съ чинами: IX класса, баронъ Николай **Раушъ-фонъ-Траубенбергъ**, X класса, Валентинъ **Миллеръ** и XII класса: Викторъ **Бискупскій**, Андрей **Сейфертъ** и Іосифъ **Скупевскій**, съ 2 октября 1902 года, и въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломами: первой степени Генрихъ **Лерумъ** и второй степени Петръ **Мясоѣдовъ**—всѣ семь съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ изъ нихъ для занятій: Лерумъ—въ канцелярію судебнаго департамента Правительствующаго Сената, Мясоѣдовъ—въ главное тюремное управленіе.

Назначаются: помощникъ дѣлопроизводителя IX класса второго департамента Министерства Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Смирновъ** и старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Казанскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Дьяченко**: первый—младшимъ дѣлопроизводителемъ, второй—помощникомъ дѣлопроизводителя IX класса того же департамента, по распорядительному отдѣленію, оба—съ 16 октября 1902 года.

Причисляются *къ Министерству:* уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 10 сентября 1902 года за № 79 отъ должности, исправлявшій должность Кіевскаго губернскаго тюремнаго инспектора, надворный совѣтникъ **Лучинскій**—съ того же числа; старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Троицкомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Васильевскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 5 участка Челябинскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи: коллежскій секретарь **Дорнъ**—для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената и командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 5 участка Челябинскаго уѣзда, округа Троицкаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Матвѣевъ**—въ 6 участокъ Троицкаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 1 участка Боровичскаго уѣзда, округа Новгородскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Табулевичъ**—изъ означенной командировки.

Умершій *исключается изъ списковъ:* причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 3 участка Елисаветградскаго уѣзда, титулярный совѣтникъ **Пивони**.

По Московскому архиву Министерства Юстиціи: *назначается:* чиновникъ X класса Московскаго архива Министерства Юстиціи, коллежскій секретарь **Зенбицкій**—младшимъ помощникомъ архиваріуса, съ 1 сентября 1902 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, за болѣзнію:* младшій помощникъ архиваріуса Московскаго архива Министерства Юстиціи, лекарь **Ачкасовъ**—съ 1 сентября 1902 года.

По губернскимъ учрежденіямъ: *назначаются:* городскіе судьи городовъ: Минска, 4 участка, **Смирновъ**, Борисова—**Готшалкъ**, Бобруйска, 2 участка, **Мастерчукъ**, Слуцка—**Чекаловъ**, Игумена—**Блюмбергъ**, Мозыря—**Рыбаковъ** и Новогрудка—**Демченко**—въ составъ уѣздныхъ по чиншевымъ дѣламъ присутствій: Смирновъ—Минскаго, Готшалкъ—Борисовскаго, Мастерчукъ—Бобруйскаго, Чекаловъ—Слуцкаго, Блюмбергъ—Игуменскаго, Рыбаковъ—Мозырскаго и Демченко—Новогрудскаго, Минской губерніи:

причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 4 участка Осинскаго уѣзда, округа Пермскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Муромцевъ**—помощникомъ мироваго судьи Геокчайскаго отдѣла, завѣдывающимъ 1 Геокчайскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Бакинскаго окружнаго суда; младшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при Варшавской судебной палатѣ, окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени: **Ступницкій** и **Павловичъ**—помощниками секретаря Варшавскаго коммерческаго суда.

Утверждается: Казиміръ **Мышковскій**—гминнымъ судьею 1 округа Ласкаго уѣзда, Петроковской губерніи.

Увольняется *отъ должности, согласно прошенію:* гминный судья IV округа Нешавскаго уѣзда, Варшавской губерніи, Антонъ **Хржонщевскій**.

По Высочайше учрежденному Николаевскому комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ: назначается: докторъ медицины, надворный совѣтникъ **Гелейнъ**—врачемъ-спеціалистомъ лечебницы для приходящихъ при Высочайше учрежденномъ Николаевскомъ комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ съ 26 іюля 1902 года.

По межевой части,

№ 9, отъ 11-го октября 1902 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣлены *на службу*: окончившіе курсъ: въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, съ званіемъ Младшихъ Землемѣрныхъ Помощниковъ и съ правомъ на чинъ XIV класса: Владиміръ **Одинцовъ** и Александръ **Евреиновъ** и въ Землемѣрныхъ училищахъ, съ званіемъ частныхъ землемѣровъ: Псковскомъ—**Бобовкинъ** и Уфимскомъ—**Поповъ**—Младшими Землемѣрными Помощниками, съ откомандированіемъ для занятій въ Губернскія Чертежныя: первый—Новгородскую, второй—Ярославскую, третій—Псковскую и четвертый—Оренбургскую; изъ нихъ: Бобовкинъ съ 10, Одинцовъ, Евреиновъ съ 20 и Поповъ съ 27 сентября 1902 года.

Утверждены *въ исправляемыхъ должностяхъ*: Бухгалтера—Коллежскій Ассесоръ **Бончъ-Бруевичъ** и Помощника Бухгалтера—Титулярный Совѣтникъ **Тихомировъ**, оба съ 1 октября 1902 года.

Освобожденъ: отъ исполненія обязанностей Уѣзднаго Землемѣра Новгородской губерніи, Старшій Землемѣрный Помощникъ, Межевой Инженеръ **Жемеровъ**, съ 4 сентября 1902 года.

Разрѣшается *носить въ отставкѣ мундиръ*, послѣдней должности присвоенный: бывшему Младшему Землемѣру 1 разряда, Коллежскому Совѣтнику **Барановскому**.

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Назначенъ: Классный Воспитатель Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Цвѣтковъ**—исправляющимъ должность Астронома того же Института, съ 1 сентября 1902 года.

Оставляется *на службѣ*: Старшій Преподаватель Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Лавровъ**—на пять лѣтъ, съ 4 октября 1902 года.

По губернской межевой части: Опредѣлены *на службу*: сынъ Титулярнаго Совѣтника **Поповъ**—исправляющимъ должность Дѣлопроизводителя Амурской Областной Чертежной, окончившіе курсъ въ Землемѣрныхъ Училищахъ: Пензенскомъ: съ званіемъ частнаго землемѣра и съ правомъ на чинъ XIV класса **Гоба** и съ званіемъ частнаго землемѣра **Гришинъ**, Псковскомъ, съ званіемъ частнаго землемѣра: **Эйгусъ** и **Захаровъ** и Уфимскомъ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Бѣлослудцевъ**—Старшими Помощниками Землемѣровъ Кубанской Областной Чертежной; изъ нихъ: Эй-

гусъ съ 4, Бѣлослудцевъ съ 7, Гоба съ 16, Гришинъ съ 25 сентября, Захаровъ съ 7 и Поповъ съ 8 октября 1902 года.

Назначены: Надзиратель Тифлисскаго Землемѣрнаго Училища, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Дюковъ**—Помощникомъ Калужскаго Губернскаго Землемѣра; *по Тифлисской Судебной Палатѣ:* Старшіе Помощники Землемѣровъ для работъ въ Чертежной: Коллежскій Ассесоръ **Горбуновъ** и неимѣющій чина **Мамуловъ** и Младшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскій Регистраторъ **Боченковъ**, неимѣющіе чина: **Швелидзе**, **Зейлертъ**, **Жорданія**, **Крючковъ** и **Шатиловъ**—Старшими Помощниками Землемѣровъ, послѣдніе двое—для работъ въ Чертежной; изъ нихъ: Дюковъ съ 11 сентября, а остальные восемь съ 1 октября 1902 года.

Переведенъ: Помощникъ Херсонскаго Губернскаго Землемѣра, Межевой Инженеръ, Надворный Совѣтникъ **Кварталевскій**—на таковую же должность въ Пермскую губернію, съ 2 октября 1902 года.

Уволены *отъ службы, согласно прошеніямъ:* Уѣздный Землемѣръ Казанской губерніи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Алексѣевъ**, Младшій Землемѣръ Кубанской Областной Чертежной, Коллежскій Ассесоръ **Бѣляевскій** и Старшій Помощникъ Землемѣра той же Чертежной, Губернскій Секретарь **Лабузинъ**; изъ нихъ: Лабузинъ съ 4, Бѣляевскій съ 25 сентября и Алексѣевъ съ 7 октября 1902 года.

Умершіе *исключены изъ списковъ:* Помощникъ Самарскаго Губернскаго Землемѣра, Надворный Совѣтникъ **Скарлыгинъ** и Младшій Землемѣрный Помощникъ С.-Петербургской Губернской Чертежной, Коллежскій Секретарь **Любичъ**.

КОНСТИТУЦІЯ СЕМЬИ

по проекту Гражданскаго Уложенія.

А. Л. Боровиковскаго.

Семейныя отношенія фактически регулируются не законами, а нравами. Громадное большинство семей живетъ, не справляясь съ велѣніями закона. Мужикъ бьетъ жену, жена плачетъ, пока есть слезы,—и ни тотъ, ни другая не интересуются знать, что̀ по сему предмету значится въ законахъ; законъ напоминаетъ о себѣ лишь въ случаяхъ крайняго „пересола“,—являясь въ формѣ „кутузки“ и иныхъ мѣръ возмездія и „исправленія“.

И тѣмъ не менѣе,—даромъ что законодательныя книги неграмотному люду недоступны, да мало доступны и многимъ грамотнымъ,—далеко не безразлично, что̀ въ тѣхъ книгахъ написано.

Мужъ тащитъ въ кабакъ заработокъ жены; избитая жена покоряется. А все-таки „святое дѣло“, что законъ гласитъ о „раздѣльности имуществъ супруговъ“.

Коммисія по составленію Гражданскаго Уложенія, ссылаясь на этнографическія и юридическія изслѣдованія семейныхъ отношеній въ средѣ нашего народа, рисуетъ картину тяжкаго положенія жены въ семьѣ (см. кн. II т. I стр. 209 и слѣд.). Среди приведенныхъ тамъ фактовъ жестокаго обращенія му-

жей съ женами характеренъ слѣдующій: мужъ заявляетъ волостному суду, что „дѣйствительно много разъ билъ жену и даже уморился, хотя поступковъ за ней никакихъ не имѣетъ, а если билъ, то не зналъ закона, что нельзя бить жену" (стр. 212).

Билъ бы, разбойникъ, хотя бы и зналъ такой законъ!.... А, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ воздержался бы, хоть изъ трусости передъ закономъ.

Но кто сказалъ этому мужику, будто есть „законъ, что нельзя бить жену"? Нельзя убить, изувѣчить, истязать,—нельзя, пожалуй, бить до того, чтобы „уմориться"; но просто „бить"— сдѣлайте одолженіе. Быть можетъ, въ законахъ написано, что и бить нельзя,—но написано какъ-то „неразборчиво": даже грамотѣи, юристы, пришли къ толкованію, что личныя между супругами оскорбленія,—не исключая и оскорбленій „дѣйствіемъ" (а это и есть битье),—ненаказуемы.—„Хорошо", если побои, по ихъ значительности либо по сердоболію судьи, подведены будутъ подъ „насиліе и самоуправство".....

А не мѣшало бы издать законъ: „бить жену нельзя". И не только написать его четко, въ книгѣ законовъ, для юристовъ,—но провозглашать его въ церквахъ, объявлять въ школахъ....

Пусть изъ сотни обиженныхъ девяносто девять даже не узнàютъ о существованіи законовъ, защищающихъ отъ обидъ,—либо предпочтутъ терпѣть, чтобы жалобой не навлечь на себя еще бòльшаго горя,—все-же законъ обязанъ обѣщать обижаемымъ защиту.

Чтò же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда законъ отказываетъ обижаемому въ защитѣ? А наипаче о тѣхъ, когда законъ предоставляетъ сильному угнетать слабаго?

Представьте себѣ, что законъ изрекъ бы: „бить жену можно"....

Законодательство никогда не играло существенной роли въ развитіи цивилизаціи; оно—ея плодъ, а не творецъ. Предписывать добродѣтель при наличности дурныхъ нравовъ—почти безцѣльно; такія предписанія, если и могутъ повліять на смягченіе нравовъ, то развѣ лишь путемъ очень медлен-

наго усвоенія, и притомъ при содѣйствіи другихъ, болѣе могучихъ вліяній.

Но поддерживать дурные нравы, потворствуя и мирволя имъ, законъ несомнѣнно способенъ. Если бы обществу, въ нравахъ котораго обижать женъ, самъ законъ сказалъ: „женъ можно бить, у женъ можно отбирать имущество",—такіе нравы упрочились бы пуще прежняго.

Эти нехитрыя мысли давили меня, когда въ проектѣ Гражданскаго Уложенія я читалъ такія постановленія:

„Мужу принадлежитъ рѣшительный голосъ въ семейной жизни" (ст. 109).

„При разногласіи между родителями по поводу воспитанія дѣтей или по другимъ предметамъ, рѣшающее значеніе имѣетъ мнѣніе отца" (ст. 288).

Еще откровеннѣе: „*Родительская власть* принадлежитъ *отцу*" (ст. 294).

И—цѣлыя серіи постановленій въ „развитіе" такихъ „принциповъ".

Жутко думать, что новые принципы придутся многимъ по вкусу и всосутся въ нравы.....

Ничего подобнаго въ дѣйствующихъ нашихъ законахъ нѣтъ. Это нововведенія, которыми грозитъ намъ надвигающаяся реформа.

Нашъ дѣйствующій законъ установляетъ конституцію семьи на началахъ юридической равноправности супруговъ и родителей. Правда, de facto—это равноправность волка и овцы; но заповѣди закона желаютъ равноправности.

„Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи". А жена „обязана повиноваться мужу своему, какъ главѣ семейства, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома". „Жена обязана преимущественнымъ по-

виновеніемъ волѣ своего супруга, хотя притомъ и не освобождается отъ обязанностей въ отношеніи къ ея родителямъ". „Личная родительская власть не прекращается, но ограничивается.... вступленіемъ дочерей въ замужество, поелику одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, и дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу",.... и т. д.

Въ этихъ патріархальныхъ наставленіяхъ нѣтъ ничего „юридическаго", ничего такого, что подлежало бы осуществленію принудительному,—по суду, силою. Только въ нарочито для того окрашенные очки можно прочесть тутъ юридическую неравноправность супруговъ. Даваемый мужу титулъ „главы семьи" уравновѣшивается титуломъ жены „хозяйка дома". По приведеннымъ заповѣдямъ жила семья Гоголевскихъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны:— „вы, Афанасій Ивановичъ",—„вы, Пульхерія Ивановна".

Собственно юридическими опредѣленіями въ дѣйствующихъ законахъ о супружескихъ отношеніяхъ представляются: „мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей"; а жена—„при переселеніи, при поступленіи на службу или при иной перемѣнѣ постояннаго жительства мужа, должна слѣдовать за нимъ". Только эти постановленія способны вести къ „юридическимъ послѣдствіямъ": иски женъ объ алиментахъ и требованія мужей о водвореніи къ нимъ женъ.

Что же касается до личныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ, то въ дѣйствующихъ законахъ нѣтъ и намека на какую-либо неравноправность между отцомъ и матерью. Родительская власть принадлежитъ „родителямъ", обоимъ одинаково (на то она и „родительская").

„Рѣшительный голосъ въ семейной жизни"—это уже не принадлежитъ къ патріархальнымъ наставленіямъ о взаимной любви; это положеніе юридическое, которымъ должны будутъ руководствоваться и суды при разрѣшеніи споровъ между супругами. А провозглашеніе субъектомъ родительской власти одного отца въ ущербъ матери, предоставленіе „мнѣнію" отца „рѣшающаго значенія" при разногласіи съ ма-

терью „по поводу воспитанія дѣтей или по другимъ предметамъ“,—это цѣлая „революція“ въ существующей конституціи семьи, ломка ея коренныхъ устоевъ.

Редакторы законопроекта какъ-бы не сознаютъ чрезвычайнаго значенія предлагаемой ими реформы. Вообще они довольно словоохотливы на объясненія, иногда даже излишне распространяются (напр., хоть бы по вопросамъ каноническаго права евреевъ и магометанъ), но на этотъ разъ они лаконичны.

Изъ краткаго объясненія къ 109 ст. проекта выходитъ, что, по мнѣнію его редакторовъ, они скорѣе улучшаютъ, чѣмъ ухудшаютъ положеніе жены, сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Они говорятъ (стр. 162): „Правила о главенствѣ мужа въ семьѣ и обязанности жены повиноваться ему выражены въ ст. 107 и 108 т. X ч. 1. Содержащіеся въ этихъ статьяхъ термины „повиновеніе“ и „неограниченное послушаніе“ не примѣнимы въ отношеніяхъ жены и мужа, вступающихъ въ союзъ для общенія жизни въ мирѣ и согласіи. И дѣйствующій законъ обязываетъ мужа жить съ женою въ согласіи (ст. 106 т. X ч. 1). Въ виду сего проектъ не говоритъ о повиновеніи и послушаніи, а ограничивается (!) лишь предоставленіемъ мужу рѣшительнаго голоса при разногласіи съ женою по вопросамъ семейной жизни“.

Говорите десятки разъ о „повиновеніи“ и „послушаніи“: это лишь безвредныя слова, безъ опредѣленнаго юридическаго содержанія. А „рѣшительный голосъ“—это юридическое правило съ яснымъ содержаніемъ,—правило злое и опасное,—требующее разрѣшенія разномыслій по больнымъ вопросамъ семейной жизни не по соображенію истинныхъ интересовъ семьи, а единственно волею мужа.

Изъ односторонняго, тенденціознаго „толкованія“ 107, 108 и 179 ст. X т. 1 ч., пожалуй, можно вывести заключеніе о деспотической власти мужа надъ женою въ отношеніяхъ собственно между ними. Казалось бы, что нынѣ, при реформѣ законодательства, слѣдуетъ устранить

всякую возможность такого толкованія, подчеркнувъ ясно и категорически, что супружескій союзъ зиждется на принципѣ равноправности супруговъ и что возможныя между ними разногласія должны разрѣшаться не одностороннею волею мужа, а сообразно интересамъ семьи (кому бы ни было предоставлено разрѣшеніе такихъ разногласій).

Но, по отношенію къ дѣтямъ, подчиненіе матери отцу не имѣетъ никакого оправданія въ дѣйствующемъ законодательствѣ. На это не ссылаются даже авторы проекта. Напротивъ, они сами говорятъ: „Дѣйствующій законъ, говоря о родительской власти, не дѣлаетъ различія между отцомъ и матерью, вслѣдствіе чего можно бы предположить (? не „предположить" только: это ясно выражено въ законѣ), что онъ присвоиваетъ имъ эту власть на равныхъ правахъ. Но,—разсуждаютъ редакторы,—если сопоставить правила Свода, собственно къ родительской власти относящіяся, со ст. 107 т. X ч. 1, по которой жена обязана пребывать къ мужу „въ неограниченномъ послушаніи и оказывать ему всякое угожденіе", и со ст. 179, по которой власти мужа надъ женою отдается предпочтеніе передъ властью ея родителей надъ нею, то необходимо (?) прійти къ заключенію, что мать, находящаяся въ такой зависимости отъ своего мужа, не можетъ пользоваться никакой (!) властью надъ дѣтьми, а состоитъ лишь его помощницею, исполняя его распоряженія по завѣдыванію семейными дѣлами или распоряжаясь этими дѣлами лишь настолько, насколько это допуститъ мужъ" (стр. 515). „Возлагая на обоихъ родителей обязанность воспитывать дѣтей",—читаемъ въ объясненіяхъ (стр. 502),—„нельзя пройти молчаніемъ весьма обыкновенный (NB: значитъ, предполагается, что проектируемое правило будетъ практиковаться *часто*) случай разногласія между ними по этому предмету. Этотъ случай предусмотрѣнъ въ ст. 288, при чемъ рѣшающее значеніе присвоено мнѣнію отца, какъ главы семьи, по 109 ст. проекта". Вслушайтесь въ эту аргументацію. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ правила о „рѣшающемъ голосѣ" мужа нѣтъ; это правило вводятъ,—а затѣмъ имъ же оправдываютъ и правило о рѣшающемъ голосѣ отца.

Рѣшительно отвергаю правильность толкованія дѣйствующихъ законовъ о власти родительской въ смыслѣ принадлежности ея только отцу, а не обоимъ родителямъ. Власть мужа надъ женою не можетъ быть „неограниченною" въ томъ смыслѣ, какъ неограничена власть господина надъ рабомъ. Развѣ мыслима „раздѣльность имуществъ" господина и рабыни? Значитъ, власть мужа не въ-серьезъ ужъ „неограниченная".

Характерно для оцѣнки аргументаціи Коммисіи, что она не переноситъ въ проектъ терминовъ „повиновеніе" и „неограниченное послушаніе", находя ихъ „непримѣнимыми къ отношеніямъ жены и мужа" (стр. 162),—а тѣмъ не менѣе сдѣланный ею изъ этихъ злополучныхъ, ею же отвергаемыхъ, терминовъ выводъ беретъ себѣ въ руководство. Логика учитъ, что коль скоро оказывается ошибочною одна изъ „посылокъ" силлогизма, то должно быть признано ошибочнымъ и его „заключеніе".

Я уже имѣлъ случай коснуться вопроса о родительской власти—по поводу сенатскаго рѣшенія 1890 г. № 18, гдѣ было высказано такое положеніе: при разлучной жизни супруговъ, „преимущественное право на воспитаніе дѣтей принадлежитъ отцу, какъ главѣ семейства,—доколѣ судъ не рѣшитъ, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ, польза дѣтей требуетъ воспитанія ихъ матерью". Законопроектъ идетъ гораздо дальше: сама воля отца рѣшаетъ вопросъ о „пользѣ дѣтей".

Упомянутое сенатское рѣшеніе основано было на слѣдующихъ соображеніяхъ: „Наши законы, опредѣляя отношенія между родителями и дѣтьми, не дѣлаютъ при этомъ никакого различія между отцомъ и матерью. Однако, изъ этого еще нельзя выводить, что, по русскому праву, отецъ и мать пользуются одновременно равными правами относительно своихъ дѣтей. Такое заключеніе, опираясь лишь на отсутствіи въ законѣ положительнаго правила, не соотвѣтствовало бы его общему смыслу. По ст. 107 т. X ч. 1, мужъ считается главою семейства, въ составъ котораго входитъ и жена. Слѣдовательно, она, какъ подвластная, не можетъ, одновременно съ мужемъ, стоять во главѣ того же семейства. Кромѣ того, очевидно,

что одна и та же власть, въ одно и то же время, въ одинаковой степени двумъ разнымъ лицамъ принадлежать не можетъ,—одно изъ нихъ должно имѣть предпочтеніе; а такъ какъ мужу отдается предпочтеніе въ отношеніи къ женѣ, то онъ долженъ пользоваться имъ и какъ отецъ".—Возражая противъ этой аргументаціи, я говорилъ („Отчетъ Судьи", т. II, гл. „Судъ и Семья") и подтверждаю теперь:

Прежде всего, невѣрно то общее положеніе, будто „одна и та же власть, въ одно и то же время, въ одинаковой степени двумъ разнымъ лицамъ принадлежать не можетъ". Я ужъ не говорю о сферѣ имущественныхъ отношеній, гдѣ стеченіе равныхъ правъ разныхъ лицъ явленіе нерѣдкое (равноправные наслѣдники, совладѣльцы, сокредиторы, соконтрагенты),—но и въ сферѣ отношеній личныхъ совластіе вполнѣ возможно: таковъ случай совластія нѣсколькихъ опекуновъ надъ одною и тою же личностью. Почему же не быть и совластію родителей? Соопекунство—учрежденіе искусственное, его можно и избѣгать, можно назначать опекуновъ въ нечетномъ числѣ; сородительство неизбѣжно, и родителей только двое, отецъ да мать.—Какъ и кому разрѣшать разномыслія между отцомъ и матерью,—это другой вопросъ; но нельзя рѣшать его отнятіемъ власти у матери.

Тезисъ о преимущественной власти отца, не имѣя себѣ никакой опоры въ прямыхъ постановленіяхъ закона, отнюдь не оправдывается и общимъ смысломъ законовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ имѣетъ въ виду дать предпочтеніе отцу,—онъ умѣетъ это высказать; такъ, по ст. 226 т. X ч. 1, „опека надъ имуществомъ, дошедшимъ въ собственность малолѣтнимъ дѣтямъ, при жизни ихъ родителей, принадлежитъ отцу (вообще составители Свода законовъ были образцовыми редакторами). Говоря же о личныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, законъ настойчиво, тенденціозно, обобщаетъ отца и мать въ общій терминъ „родители", ни разу даже не обмолвившись о чемъ-либо похожемъ на преимущественную власть отца. Это не случайность, это сдѣлано нарочито для того, чтобы подчеркнуть принципъ равновластія родителей,—прин-

ципъ, поистинѣ священный и долженствующій лежать въ основѣ человѣческой семьи.

Правда, жена „подвластна“ мужу; мужъ—„глава семейства“. Но рядомъ съ обязанностью жены „повиноваться волѣ“ мужа—существуетъ, такъ сказать, семейная „конституція“, ограждающая и жену. Такъ, при всей своей подвластности, она не обязана „повиноваться волѣ“ мужа, когда воля эта направлена на распоряженіе имуществомъ жены; ибо вслѣдъ за 108 статьей стоитъ статья 109, категорически установляющая полную раздѣльность имущества супруговъ. Точно такъ же упомянутая подвластность не можетъ лишить жену равной съ мужемъ власти надъ дѣтьми—ибо законъ столь же категорически установляетъ въ этомъ отношеніи полную равноправность родителей. Мало того: мать не въ правѣ поступаться своею властью надъ дѣтьми, ибо это могло бы значить поступаться счастьемъ дѣтей.

Наши законы о власти родительской, какъ и законы о личныхъ между супругами отношеніяхъ, разсчитаны на мирную, согласную семью, гдѣ даже и немыслима коллизія между распоряженіями родителей относительно дѣтей,—и не даютъ прямыхъ указаній для разрѣшенія уродливыхъ случаевъ. Но, обращаясь въ такихъ случаяхъ къ интерпретаціи законовъ, судья долженъ исходить изъ вполнѣ ясно выраженнаго въ законѣ, проникающаго всѣ его постановленія по этому предмету, принципа равновластія супруговъ,—а отнюдь не изъ презумпціи о преимущественной, а тѣмъ болѣе объ исключительной, власти отца.

Итакъ, ни для мужняго, ни еще менѣе для отцовскаго, единовластія въ семьѣ дѣйствующіе законы не даютъ основаній. Это новшества, которыми хочетъ „одарить“ русскія семьи законопроектъ.

Въ сущности, вопросы о власти мужа и о власти отца—не два, а одинъ вопросъ. Существенныя между супругами разногласія, для разрѣшенія которыхъ проектируется „рѣшающій“ голосъ мужа и отца, возможны почти исключительно по отношенію къ дѣтямъ. И въ самомъ дѣлѣ: какія иныя разномыслія могутъ возникать въ столь рѣзкой формѣ? По

вопросамъ имущественнымъ они не могутъ имѣть мѣста, и во всякомъ случаѣ разрѣшаются, по закону, не властью мужа, а принципомъ раздѣльности имущества супруговъ. Такимъ образомъ, русской женщинѣ грозитъ ударъ главнымъ образомъ какъ матери.

Повторяю: это коренная ломка существующаго у насъ строя семьи. Чѣмъ можетъ быть оправдана такая жестокая реформа? чѣмъ она вызвана,—какою виною женъ и матерей?

Нужно ли доказывать всю неосновательность и несправедливость затѣи?

Придумывая всевозможныя для нея объясненія, я невольно остановился на мысли, не приносятся ли жены и матери въ жертву „духу времени“,—не требуютъ ли этого виды „консерватизма“? Но черезъ минуту я самъ разсмѣялся надъ такой мыслью: какому же духу времени можетъ угодить приниженіе матери въ семьѣ? какой консерватизмъ можетъ порадоваться умаленію значенія консервативнѣйшаго въ семьѣ элемента—вліянія матери.

Какое-то фатальное, непонятное недоразумѣніе!

Если бы все остальное въ законопроектѣ о семейственномъ правѣ было написано „золотыми буквами“, то и тогда надо горячо желать, чтобы онъ никогда не народился въ качествѣ закона,—или явился бы не иначе, какъ совершенно очищенный отъ проектируемыхъ имъ обидъ матери. Ложка дегтю портитъ бочку меду. Но отнятіе у матери родительскихъ правъ (а слѣдовательно, и отнятіе у нея юридической возможности исполнять родительскія обязанности) есть цѣлая бочка дегтю, передъ которою все прочее въ законодательствѣ о семьѣ представляется только „ложкой“...

Но отвѣдаемъ и этого „меду“.

О недостаткахъ постановленій проекта относительно заключенія и расторженія брака я уже сказалъ въ статьѣ „Бракъ и разводъ“. Посмотримъ теперь на конструкцію семьи.

„Личныя права и обязанности супруговъ“.

„Бракъ создаетъ для мужа и жены обязанность супружеской вѣрности, взаимнаго попеченія и помощи другъ другу“ (проектъ, ст. 108). Тутъ ново—указаніе на супружескую вѣрность; о ней дѣйствующій законъ не упоминаетъ,—что не мѣшаетъ, однакожъ, супругамъ догадываться, что супружеская вѣрность для нихъ обязательна. Нововведеніе, слѣдовательно, несущественное.—Нынѣшнее назиданіе мужу о любви къ женѣ не воспроизводится въ проектѣ (это, конечно, и не нужно), а говорится только, что мужъ—„глава семьи“, и вводится упомянутое уже правило о „рѣшительномъ голосѣ“ (ст. 109). Жена—„хозяйка дома“; сверхъ общаго для обоихъ супруговъ „взаимнаго попеченія и помощи другъ другу“, женѣ дается наставленіе—„помогать мужу, по мѣрѣ возможности, въ его работахъ и промыслѣ“ (ст. 110). „Хозяйка дома“—только титулъ жены; никакихъ юридическихъ послѣдствій изъ него, какъ и нынѣ, не выводится. Въ дѣйствующемъ законѣ имъ какъ-бы уравновѣшивался титулъ мужа „глава дома“; по проекту же, титулъ мужа обращается въ „рѣшительный голосъ“, а „хозяйка дома“ такъ и остается титуломъ.

Воспроизводится правило 103 ст. зак. гр. объ обязательности совмѣстной жизни и объ обязанности жены слѣдовать за мужемъ при перемѣнѣ имъ мѣста жительства,—но съ оговоркой: „развѣ бы исполненіе этой обязанности грозило очевидною опасностью для ея жизни или здоровья“ (проектъ, ст. 112). Оговорка мотивируется соображеніемъ о возможной „опасности для жизни или здоровья жены или вслѣдствіе необходимости далекаго и соединеннаго съ лишеніями путешествія, или же вслѣдствіе того, что климатическія или иныя условія въ новомъ мѣстѣ жительства мужа вызываютъ опасность для жизни и здоровья“ (объясн., стр. 165).—Тутъ я бы заступился за мужа. Что опасность перемѣны мѣста жительства для жизни жены можетъ оправдывать ея отказъ отъ слѣдованія за мужемъ,—это вѣрно; но едва ли можно сказать то же объ опасности для здоровья, безъ поясненія степени этой опасности. Не всякая,

хотя бы и „очевидная“, опасность для здоровья можетъ служить въ этомъ случаѣ достаточнымъ оправданіемъ. При данныхъ климатическихъ условіяхъ, обычны насморки или иные виды простуды; вѣдь и это—опасность для здоровья. Но что̀ же дѣлать; не всякому суждено жить въ благорастворенномъ воздухѣ; принимай мѣры предосторожности, а то и терпи. Мнѣ бы казалось, что оправдать отказъ жены слѣдовать за мужемъ можетъ лишь такая опасность для здоровья, которая грозитъ самой ея жизни. Поэтому въ 112 ст. проекта я бы поставилъ точку послѣ слова „жизни“,—а слова „или здоровья“ исключилъ бы. Вѣдь подъ „опасностью для жизни“ нужно разумѣть не тотъ только случай, когда жена можетъ умереть немедленно по пріѣздѣ на мѣсто или даже въ пути,—но и тотъ, когда ей грозитъ такое болѣзненное состояніе, которое, по медицинскимъ вѣроятностямъ, значительно сократитъ ея жизнь. Само собою разумѣется, что это вопросъ „существа дѣла“; но рѣчь идетъ о провозглашаемомъ закономъ принципѣ.

Наконецъ—алименты.

Обязанность мужа содержать жену остается въ прежнемъ видѣ; только выраженіе статьи 106 зак. гражд. „по состоянію и возможности своей“ редакторы проекта, слѣдуя кассаціонному разъясненію, замѣняютъ словами „соотвѣтственно своему общественному положенію и своимъ имущественнымъ средствамъ“ (проектъ, ст. 113). Формула мало чѣмъ яснѣе нынѣшней; но болѣе точная едва ли и возможна; опредѣленіе размѣра надо предоставить суду, согласно обстоятельствамъ даннаго случая.—Жена, даже живущая отдѣльно отъ мужа по своей винѣ, все-таки въ правѣ требовать отъ мужа содержанія—если находится въ нуждѣ и не имѣетъ возможности содержать себя своимъ трудомъ,—хотя лишь „въ размѣрѣ, необходимомъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей (насущное содержаніе)“ (ст. 114).—Не „слишкомъ“ ли ужъ это?—даже безъ разбора, въ чемъ „вина“ жены. Вѣдь есть же альтернатива: воротись подъ кровлю мужа; а если не приметъ, либо станетъ обижать,—тогда иное дѣло...

Но вотъ существенное новшество: обязанность жены

содержать мужа. Общее правило: „Жена принимаетъ участіе въ издержкахъ семейной жизни, сообразно своимъ доходамъ“ (ст. 113). Правило едва ли нужное,—такъ какъ, по справедливому замѣчанію редакторовъ проекта, „въ тѣхъ случаяхъ, когда жена имѣетъ свои имущественныя средства, ея доходы обыкновенно, даже, можно сказать, всегда, обращаются на общіе расходы семейной жизни“ (стр. 167). Проектъ, значитъ, лишь рекомендуетъ продолжать это и впредь. Читая сейчасъ приведенное постановленіе, я не обратилъ вниманіе на слово „доходамъ“; мнѣ не въ-домёкъ было, что такъ сказано не спроста. „Необходимо оговорить“,—поясняютъ авторы проекта,—„что подъ словомъ доходы, въ отличіе отъ болѣе общаго термина имущественныя средства, проектъ разумѣетъ лишь тѣ періодическія имущественныя выгоды, которыя жена получаетъ какъ собственница или пользовладѣтельница капитала, недвижимаго имущества, предпріятія и т. д., и что подъ понятіе доходовъ проектомъ не подводится личный заработокъ жены. Обязанность содержать семью лежитъ на мужѣ; жена обязана помогать ему, по мѣрѣ возможности, въ его работахъ и промыслѣ, но не обязана искать самостоятельнаго заработка, чтобы содержать мужа. Если же она имѣетъ такой заработокъ, то зарабатываемыя деньги справедливо оставить въ свободномъ ея распоряженіи и не вынуждать ее тратить эти деньги на облегченіе лежащей на мужѣ обязанности“.—Этого я не понимаю. Иногда (въ исключительныхъ случаяхъ) жена зарабатываетъ больше, чѣмъ мужъ (докторша, художница, артистка) и, „можно сказать, всегда“ несетъ заработокъ въ семейное гнѣздо; вѣдь вообще раздѣльность имущества супруговъ есть только очень важный принципъ, но отнюдь не фактъ. Разсматриваемое правило проекта—только излишне, но оно безобидно. И притомъ, въ текстѣ 113 ст. проекта говорится не о содержаніи женою мужа, а объ „издержкахъ семейной жизни“.

А вотъ, что ужъ поистинѣ обидно и неожиданно для женъ: „Мужу, находящемуся въ нуждѣ и лишенному возможности содержать себя своимъ трудомъ, жена, хотя бы она

жила отдѣльно отъ мужа, обязана доставлять содержаніе, насколько позволяютъ ея имущественныя средства. Содержаніе должно соотвѣтствовать общественному положенію мужа; но если супруги живутъ раздѣльно по винѣ мужа, или онъ оказывается въ нуждѣ вслѣдствіе лѣности или порочной жизни, то мужъ въ правѣ требовать отъ жены только насущнаго содержанія" (ст. 115). Поясняется (стр. 171), что въ послѣдней части статьи имѣются въ виду такіе случаи, когда, „напр., мужа не принимаютъ на службу или работу за его пьянство или воровство". И далѣе: „справедливость (?) требуетъ", чтобы отъ обязанности содержать мужа жена освобождалась лишь въ томъ случаѣ, если не только ея доходы, но и ея заработокъ недостаточны, чтобы содержать мужа. Поэтому статья 115, въ отличіе отъ ст. 112, обусловливаетъ обязанность жены не наличностью доходовъ, а наличностью у нея имущественныхъ средствъ, независимо отъ источника ихъ".

Логично ли: заработокъ жены свободенъ отъ участія въ издержкахъ мирной семейной жизни, ибо „жена не обязана искать самостоятельнаго заработка, чтобы содержать мужа",— даже мужа работящаго и честнаго; а на содержаніе (хотя бы лишь „насущное") мужа-пьяницы и вора—должна ухлопывать и свой трудовой заработокъ!..

Текстъ ст. 115, а еще болѣе объясненія къ ней, приводятъ меня въ изумленіе (выражаюсь какъ умѣю мягче). Сравните со ст. 113. Тамъ говорится о женѣ, хотя и виноватой въ разлучной жизни, но „находящейся въ нуждѣ и не имѣющей возможности содержать себя своимъ трудомъ" (рисуется картина: слабая либо больная женщина, неспособная къ работѣ); а тутъ—мужчина, находящійся въ нуждѣ вслѣдствіе лѣности или порочной жизни, которому отказываютъ въ работѣ (см. объясн. къ ст. 115) за пьянство и воровство.... (нарисуйте себѣ эту картину!....),— и жена все-таки обязана его содержать, по его требованію!

Да и вообще, въ нашъ „мужской" вѣкъ,—когда женщина лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ можетъ имѣть заработокъ свыше ея личныхъ потребностей,—возложеніе на нее, въ видѣ общаго правила, обязанности, при какихъ бы то

ни было условіяхъ, содержать отдѣльно отъ нея живущаго мужа представляется чѣмъ-то слишкомъ „рѣжущимъ ухо".

Какъ видите, въ постановленіяхъ законопроекта о личныхъ отношеніяхъ супруговъ—„золотыхъ словъ", которыя искупали бы „рѣшительный голосъ" мужа и лишеніе матери родительской власти, нѣтъ.

Нѣтъ ихъ и въ проектируемыхъ постановленіяхъ о личныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми.

Изъ содержащихся въ 177 ст. X т. 1 ч. поученій дѣтямъ Коммисія вводитъ въ проектъ лишь то, въ чемъ „замѣчается хотя бы только примѣсь юридическаго элемента" и что̀ поэтому „является уже достойнымъ того, чтобы быть внесеннымъ въ законъ" (стр. 493). Такъ, „дѣти во всякомъ возрастѣ обязаны оказывать родителямъ уваженіе и почтительность" (проектъ, ст. 284). При этомъ съ комичной серьезностью поясняется, что не слѣдуетъ вносить въ законъ требованій о томъ, чтобы почтеніе было „чистосердечно", или чтобы дѣти выносили родительскія увѣщанія „терпѣливо и безъ ропота",—ибо, молъ, въ законахъ „можетъ быть рѣчь лишь о поступкахъ, ... а не о тайныхъ движеніяхъ души, самая наличность которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ не можетъ быть установлена". Спасибо за разъясненіе....

Засимъ, воспроизводятся, нѣсколько въ иной редакціи, и другія дѣйствующія постановленія.

Новостью, или точнѣе полуновостью, будетъ право отца исправлять строптивыхъ дѣтей кутузкой. Такое правило стоитъ и въ дѣйствующихъ законахъ (ст. 165 т. X ч. 1); но, со введеніемъ судебной реформы, оно атрофировалось и остается въ настоящее время мертвой буквой; по наведенной Коммисіею справкѣ, „случаевъ заключенія дѣтей въ смирительный домъ со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ не было" (стр. 525). Но попытки были, на моей памяти: живо помню бурю, поднявшуюся, лѣтъ 25 тому назадъ, въ періодической печати по поводу требованія одного священника о заключеніи его дочери въ смирительный домъ.—Редакторы Уложенія задумали упомянутое постановленіе оживить,

въ „границахъ разумной необходимости“ и въ разсчетѣ, „чтобы наказаніе родителями дѣтей достигало цѣли исправленія порочныхъ дѣтей“. Въ результатѣ подробныхъ обсужденій (стр. 520—527) проектировано слѣдующее постановленіе: „При безуспѣшности домашнихъ мѣръ исправленія отецъ можетъ, на основаніи состоявшагося, по его просьбѣ и по выслушаніи несовершеннолѣтняго, постановленія опекунскаго начальника, утвержденнаго высшимъ опекунскимъ установленіемъ, помѣстить несовершеннолѣтняго на свой счетъ въ одинъ изъ исправительныхъ пріютовъ, а при невозможности помѣщенія въ таковой пріютъ—въ арестный домъ, срокомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ“ (ст. 297). О цѣлесообразности такой мѣры пусть судятъ педагоги. Съ своей же стороны,—сопоставляя текстъ статьи съ объясненіями къ ней,—ограничусь слѣдующими замѣчаніями: 1) сами составители проекта находятъ, что „тюрьма (а арестный домъ развѣ не тюрьма?) скорѣе развращаетъ людей, чѣмъ ихъ исправляетъ“, и что „заключеніе въ тюрьмѣ малолѣтняго останется въ его жизни неизгладимымъ пятномъ и навсегда оттолкнетъ его отъ родителя“; 2) редакторы не сочли удобнымъ обращеніе родителей къ суду потому, что тутъ непригодна „состязательная форма“ разбирательства, при которой на родителѣ лежала бы обязанность представлять „доказательства справедливости взводимыхъ имъ обвиненій“, а дѣти пользовались бы „правомъ опровергать“ эти обвиненія, что̀ служило бы „нравственнымъ соблазномъ“; но вѣдь и проектъ требуетъ „выслушанія несовершеннолѣтняго“— конечно, не для чего инаго, какъ для того, чтобы дать ему возможность оправдаться; соблазнъ же публичности разбирательства можно устранить закрытіѐмъ дверей суда; 3) отцу предоставляется подвергать дѣтей заключенію „на свой счетъ“, что̀ доступно только людямъ состоятельнымъ, ибо подобные расходы не входятъ въ обычный бюджетъ семьи.—Фактическое упраздненіе заточенія родителями дѣтей въ тюрьму длится благополучно уже слишкомъ 30 лѣтъ, и Коммисія не указываетъ на какія-либо истекающія отсюда бѣдствія. Нужно ли оживлять отжившее свой вѣкъ?

Какое же участіе въ родительскихъ правахъ и обязанностяхъ удѣляется матери?

„Родительская власть принадлежитъ отцу. По смерти его, по лишеніи его родительской власти или на время пріостановленія ея дѣйствія, родительская власть принадлежитъ матери, къ которой примѣняются правила, установленныя для отца“ (ст. 294).

Но отъ отца зависитъ, даже и послѣ своей смерти, оставить мать лишь исполнительницей его распоряженій: „Отецъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, въ силу родительской власти, можетъ, на случай своей смерти, въ завѣщаніи или иномъ актѣ, дать ихъ матери указанія относительно воспитанія дѣтей“, и отступленіе отъ такихъ указаній „дозволяется лишь съ разрѣшенія высшаго опекунскаго установленія“ (ст. 302).

При обсужденіи этой статьи, одинъ изъ членовъ Коммисіи вполнѣ резонно заявлялъ (стр. 533—535), что коль скоро женщина „признается (Коммисіею) лишь менѣе мужчины способною, но не безусловно неспособною для занятія положенія главы семьи“,—то, когда нѣтъ отца, „мать должна пользоваться родительскою властью на такихъ же независимыхъ основаніяхъ, какъ и отецъ“,—что „относительно воспитанія дѣтей, въ особенности домашняго, мать, несравненно ближе отца стоящая къ малолѣтнимъ дѣтямъ, имѣетъ даже право на предпочтеніе передъ отцомъ, который поэтому не только не можетъ давать ей какія-либо указанія по сему предмету, а напротивъ самъ могъ бы у нея поучиться“,—что указанія отца могли бы допускаться лишь въ видѣ совѣта, а „не въ формѣ приказанія, иногда даже оскорбительнаго для матери“.

Но „предсѣдатель и остальные члены Коммисіи“ съ этимъ не согласились. Они нашли, что проектированное правило „составляетъ лишь логическое послѣдствіе предоставленія мужу и отцу первенствующей роли въ семьѣ“,—и т. д. Это было бы логично—еслибъ былъ логиченъ самый выводъ о первенствующей роли отца,—да онъ-то и нелогиченъ, какъ я пытался объяснить выше.

Родительская власть отдается въ руки отца. Однакожъ, „для возвращенія несовершеннолѣтняго, самовольно удалившагося (либо взятаго?) изъ родительскаго дома или изъ назначеннаго ему родителями мѣста пребыванія, каждый изъ родителей въ правѣ обратиться къ содѣйствію полиціи, а также требовать по суду выдачи несовершеннолѣтняго отъ лица, незаконнымъ образомъ его удерживающаго“ (ст. 292).

Почему это право предоставляется не отцу, а „каждому“ изъ родителей, слѣдовательно и матери? Среди объясненій приводится такой резонъ: „...Такъ, напр., если отецъ, злоупотребляя своей властью, отдастъ дочь въ домъ терпимости, то матери... должно быть предоставлено право вопреки его волѣ требовать возвращенія дочери“ (стр. 512). Еще бы! Но вѣдь для подобнаго чудовищнаго случая весь текстъ 292 ст. не годится: въ ней говорится о самовольномъ удаленіи „изъ назначеннаго родителями мѣста пребыванія“, а въ данномъ случаѣ домъ терпимости и есть назначенное держателемъ родительской власти „мѣсто пребыванія“...

Вижу обиду матери и въ тѣхъ статьяхъ проекта, гдѣ предполагается ея неспособность быть субъектомъ родительской власти. Отецъ,—если онъ не лишенъ родительской власти,—не предполагается неспособнымъ къ ея осуществленію; ему не предоставляется сказать: „я глупъ, я лѣнивъ,—назначьте къ моимъ дѣтямъ другаго человѣка для исполненія относительно ихъ родительскихъ обязанностей“; ты—отецъ, ты и долженъ нести отцовскія обязанности. По проекту, отецъ можетъ быть насильственно лишенъ родительской власти; но произвольно отказаться отъ нея онъ не въ правѣ. Къ матери же проектъ относится съ обидной снисходительностью, какъ къ дамѣ. „Если мать, къ которой перейдетъ родительская власть, считаетъ себя не въ состояніи управлять имуществомъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и представлять ихъ личность, то она можетъ просить опекунскаго начальника объ учрежденіи надъ ея дѣтьми опеки“ (ст. 303). „Если отецъ подвергнутъ заключенію подъ стражу, находится въ продолжительномъ отсутствіи, либо тяжко боленъ, . . . то опекунскій начальникъ... въ правѣ временно передать родитель-

скую власть матери или назначить къ дѣтямъ попечителя, если мать не можетъ вступить въ управленіе имуществомъ дѣтей и представлять ихъ личность“ (ст. 304). „При явномъ небреженіи о воспитаніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей или жестокомъ обращеніи съ ними отца, а равно въ случаѣ порочнаго его поведенія, ... высшее опекунское установленіе можетъ . . . передать родительскую власть матери и даже назначить къ дѣтямъ опекуна, если предоставленіе родительской власти матери недостаточно ограждаетъ дѣтей отъ вреднаго на нихъ вліянія отца“ (ст. 305). „При явно разорительномъ управленіи отца имуществомъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей высшее опекунское установленіе можетъ . . . передать управленіе матери или назначить опекуна, если управленіе матери недостаточно ограждаетъ имущественные интересы дѣтей“ (ст. 306). Одно изъ двухъ: либо сдѣлать такія же оговорки и относительно отца—либо не дѣлать ихъ и относительно матери. Различать кавалеровъ отъ дамъ—умѣстно въ танцахъ, но не въ законодательныхъ актахъ. Въ глазахъ закона отецъ и мать—одинаково люди, родители. Напоминаю, что въ законодательствѣ всего важнѣе принципы...

По дѣйствующему закону, родительская власть простирается на дѣтей „всякаго возраста“. По проекту—дѣти состоятъ подъ родительскою властью лишь „до достиженія совершеннолѣтія“ (ст. 293). Но въ то же время постановляется: „Дѣти, живущія у родителей или на средства родителей, обязаны и по достиженіи совершеннолѣтія повиноваться ихъ волѣ......“ (ст. 285). А съ другой стороны: „пока дѣти не приготовлены къ предназначенной имъ родителями дѣятельности и не могутъ содержать себя своимъ трудомъ, родители обязаны нести издержки по содержанію дѣтей“ (ст. 289). Соедините эти статьи, — выйдетъ: дѣти выходятъ изъ-подъ родительской власти, и родительскія относительно ихъ обязанности прекращаются, съ достиженіемъ дѣтьми совершеннолѣтія — если къ тому времени они стали на свои ноги, не живутъ болѣе у родителей или на ихъ средства, и мо-

гутъ содержать себя своимъ трудомъ. Въ интеллигентной средѣ это — явленіе почти заурядное, такъ какъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оканчивается обыкновенно позже 21 года, а до того времени, — да нерѣдко и значительное время послѣ того, въ ожиданіи службы либо иного заработка,—дѣти живутъ на средства родителей.—Съ этимъ нужно согласовать и статью 287, обязывающую родителей заботиться о личности лишь несовершеннолѣтнихъ дѣтей.— Далѣе мнѣ кажется, что редакторы проекта не дѣлаютъ должнаго различія между понятіями о власти опекунской и родительской. Статьи 405—407 проектируютъ правила объ эмансипаціи достигшихъ 18 лѣтъ дѣтей, въ исключительныхъ случаяхъ, отъ власти опекунской; а въ объясненіяхъ къ ст. 293 редакторы говорятъ: „по ст. 405 проекта, несовершеннолѣтній можетъ быть, при указанныхъ въ ней условіяхъ, освобожденъ отъ родительской власти посредствомъ объявленія его самостоятельнымъ“ (стр. 515). Но родительская власть возможна и по освобожденіи отъ опекунской. Такъ, родительское разрѣшеніе на бракъ требуется отъ лица, недостигшаго двадцати пяти лѣтъ (ст. 3), — несмотря на то, что опекунство во всякомъ случаѣ прекратилось уже съ двадцати одного года. — Собственно говоря, вся эта регламентація излишня, ибо „юридическаго“ элемента въ ней почти не имѣется. Но если ужъ ее вводить въ законъ, то надо строго согласовать одни постановленія съ другими, да не допускать сбивчивости и въ объясненіяхъ.

„Издержки по содержанію дѣтей лежатъ на отцѣ; мать участвуетъ въ нихъ сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ. По смерти отца эти издержки лежатъ на матери“ (ст. 289). Такимъ образомъ мать родительской власти не имѣетъ,—а въ издержкахъ по содержанію дѣтей тѣмъ не менѣе участвуетъ. Неправильно тутъ, конечно, не то, что участвуетъ въ издержкахъ, а то, что не имѣетъ родительской власти. — Если выраженію „глава семейства“ придавать тотъ смыслъ, какой придаютъ ему авторы проекта, то, „по справедливости“, издержки по содержанію дѣтей должны лежать всецѣло на отцѣ; о привлеченіи матери къ участію

въ нихъ рѣчь можетъ быть развѣ лишь въ томъ случаѣ, если отецъ лишенъ возможности одинъ добывать нужныя для дѣтей средства. — При нормальныхъ условіяхъ семейной жизни и при незначительности средствъ у обоихъ родителей, вопросъ о распредѣленіи между отцомъ и матерью расходовъ на дѣтей — смѣшо́нъ; законы объ имущественныхъ отношеніяхъ пишутся не про бѣдняковъ. Но вопросъ можетъ получить „юридическій" интересъ въ случаяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ — въ связи съ принципомъ раздѣльности имущества супруговъ. Представьте себѣ такой случай: расходы на дѣтей весьма значительны; отецъ богатъ настолько, что свободно можетъ покрывать эти расходы одинъ; но богата и мать; богачи лучше бѣдняковъ „знаютъ счетъ деньгамъ",—и вотъ отецъ требуетъ привлеченія жены къ участію въ издержкахъ. Надо прежде всего рѣшить вопросъ принципіально: обязана ли мать расходовать на дѣтей свои собственныя средства,—если отецъ можетъ покрывать эти расходы и безъ ея помощи? При равноправности родителей я бы сказалъ „да", при юридическомъ „главенствѣ" отца — „нѣтъ". Въ первомъ случаѣ расходы должны бы дѣлиться между богатыми родителями пополамъ, а еще справедливѣе — пропорціонально ихъ имущественнымъ средствамъ. Выраженіе же „участвуетъ" слишкомъ неопредѣленно.

Но все это — мелочи, о которыхъ и говорить почти не стоитъ,—когда передъ глазами стоятъ такіе страхи, какъ проектируемыя основанія новой семейной конституціи.

Проектъ удерживаетъ дѣйствующее правило о раздѣльности имущества супруговъ (ст. 116 — 119). Принципъ драгоцѣнный; но если ужъ нужно принести въ жертву (какому-то „невѣдомому богу") женъ и матерей, — то отнимите лучше раздѣльность имущества; съ этимъ легче помириться, чѣмъ съ притѣсненіями женщины въ ея личныхъ отношеніяхъ въ семьѣ.

Когда читаешь объясненія къ ст. 116 (см. стр. 172 —

178), то кажется, будто говорятъ не тѣ люди, которые редактировали приведенныя выше постановленія о рабствѣ жены и матери. Совсѣмъ иная логика.

Оправдать отмѣну раздѣльности имуществъ было бы не хитро: въ громадномъ большинствѣ случаевъ ея фактически не существуетъ. Ссылаясь на обычное право крестьянъ, редакторы проекта говорятъ: „.... Нельзя признать, чтобы начала, усвоенныя законами гражданскими (раздѣльность), положительно не соотвѣтствовали воззрѣніямъ народа". Но, другими словами, „нельзя признать" и того, чтобы начала эти положительно соотвѣтствовали народнымъ воззрѣніямъ. Такое введеніе къ аргументаціи открываетъ двѣ дороги: можно сохранить принципъ — и можно его устранить. Редакторы—за сохраненіе. Съ правилами о раздѣльности имуществъ супруговъ, говорятъ они,—„сжились, и въ нихъ нельзя не видѣть много хорошихъ сторонъ". Хорошая сторона, между прочимъ, въ томъ, что „раздѣльность имущества и самостоятельность каждаго супруга возвышаютъ положеніе жены и матери въ семействѣ". Это вполнѣ вѣрно,—но не странно ли слышать подобную аргументацію отъ авторовъ постановленій о приниженіи положенія жены и матери?

Авторы проекта настолько дорожатъ принципомъ раздѣльности имущества, что не допускаютъ даже соглашеній между супругами о регулированіи ихъ отношеній на какихъ либо иныхъ началахъ. „Въ Россіи дѣйствующая уже давно система раздѣльности имущества супруговъ связана съ равноправностью каждаго изъ нихъ.... Законъ доселѣ не предоставляетъ супругамъ избраніемъ другой системы поступиться своею равноправностью и самостоятельностью...." И т. д. Все это мысли правильныя и симпатичныя,—но почему такія соображенія объ общемъ духѣ нашихъ законовъ не принимаются редакторами проекта во вниманіе при толкованіи тѣхъ же законовъ для выводовъ о личныхъ отношеніяхъ между супругами и родителями? Быть можетъ, эти выводы не были бы столь „драконовскими".

Въ проектѣ есть не мало статей, очевидно излишнихъ.

Интересуясь больше принципами, чѣмъ подробностями, я прохожу такія статьи молчаніемъ, какъ безполезныя, — но и безвредныя. Вотъ одна изъ нихъ: „Супругъ, завѣдующій имуществомъ или дѣлами другаго супруга (—по его предоставленію, конечно), долженъ соблюдать ту осмотрительность, какую онъ прилагаетъ къ своимъ дѣламъ, но не освобождается отъ отвѣтственности за убытки, причиненные грубою его неосторожностью“ (ст. 121). Другими словами: если ты къ собственнымъ дѣламъ прилагаешь тщательную осторожность, то прилагай такую же и къ довѣреннымъ тебѣ дѣламъ твоего супруга; но если къ собственнымъ дѣламъ ты привыкъ относиться съ грубою неосторожностью, то относительно дѣлъ супруга этого себѣ не позволяй. Нужно ли загромождать Уложеніе (и безъ того, по проекту, многостатейное) подобными статьями? Вѣдь, по „объясненію“ самихъ редакторовъ, „отъ всякаго лица, завѣдующаго имуществомъ другаго, какія бы отношенія ни существовали между этими двумя лицами, необходимо требовать, чтобы оно проявляло хотя бы ту небольшую степень вниманія и заботливости, которая достаточна для устраненія грубой неосторожности“. Зачѣмъ же спеціальная статья для супруговъ?

Имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми регулируются проектомъ, согласно съ дѣйствующимъ правомъ, на основаніи принципа: „дѣти не имѣютъ права на имущество родителей, равно и родители не имѣютъ права на имущество дѣтей“ (ст. 286). Никакихъ существенныхъ измѣненій не проектируется.

Существенное новшество, предлагаемое проектомъ,—„разрѣшеніе раздѣльнаго жительства супруговъ“.

Дѣйствующій законъ допускаетъ „разлученіе отъ стола и ложа“ супруговъ римско-католическаго исповѣданія. Этотъ институтъ проектъ предлагаетъ сохранить. Для католиковъ онъ служитъ коррективомъ къ абсолютному правилу, удерживаемому и проектомъ, о нерасторжимости у нихъ

брака.—Разлученіе супруговъ-католиковъ, равно какъ и возстановленіе сожитія разлученныхъ, вѣдается духовнымъ судомъ (проектъ, ст. 208 и 214). Но католикамъ не будетъ возбранено и ходатайствовать о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства по проектируемымъ, общимъ для всѣхъ исповѣданій, правиламъ (объясн., стр. 260. № 3: это слѣдовало бы сказать не въ объясненіяхъ только, а въ самомъ текстѣ постановленій, ибо такая альтернатива сама собою не разумѣется).

Въ основѣ проектируемыхъ постановленій о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ лежатъ соображенія вполнѣ правильныя: иногда супружеское сожитіе становится для одной изъ сторонъ, а то и для обѣихъ, „невыносимымъ"; а между тѣмъ прямыхъ поводовъ къ разводу нѣтъ; да разводъ и нежелателенъ: жалко окончательно разорвать семью, притомъ же и причины, дѣлающія семейную жизнь невыносимою, могутъ современемъ устраниться, и миръ въ семьѣ возстановится.

Отъ „невыносимаго" житья въ семьѣ терпятъ, конечно, главнымъ образомъ жены. Мужъ „взялъ да и ушелъ". А женѣ—особое затрудненіе: нуженъ „отдѣльный видъ на жительство"; безъ него жить нельзя, получить же его можно не иначе, какъ съ согласія мужа. Для мужа согласіе жены, разумѣется, не нужно.—Интересны данныя, извлеченныя изъ производящихся нынѣ въ административномъ порядкѣ дѣлъ о дозволеніи раздѣльнаго жительства (объясн., стр. 227—230). Громадное большинство ихъ (87%) „имѣетъ своимъ предметомъ ходатайство о выдачѣ женѣ отдѣльнаго вида". Около двухъ третей дѣлъ разрѣшаются „миромъ": „удается получить согласіе (вполнѣ ли добровольное?) мужа на выдачу отдѣльнаго вида женѣ; въ меньшемъ количествѣ случаевъ дѣлается и безъ согласія мужа распоряженіе о выдачѣ женѣ (одной или съ дѣтьми) вида на отдѣльное жительство".

Свѣдѣнія эти весьма краснорѣчивы: „суть" сводится къ вопросу о паспортѣ. Невольно напрашивается такое соображеніе: да тутъ корень бѣды не въ правѣ семейственномъ, а

въ „правѣ“ паспортномъ (если позволительно такое злоупотребленіе словомъ „право“). Смягчите для женъ паспортныя правила,—и доброй половины бѣды „какъ не бывало“...— Нельзя же предполагать, что, какъ только было бы дозволено женамъ выправлять себѣ паспорты безъ разрѣшенія мужей,—онѣ толпою побѣгутъ за этимъ. Добрыя жены добрыхъ мужей не покинутъ; только большое горе заставитъ прибѣгнуть къ „отдѣльному виду“.

Однакожъ, измѣненіе паспортныхъ правилъ устранило бы далеко не всю бѣду. Все-таки останется надобность въ юридическомъ установленіи раздѣльнаго жительства, ибо вопросъ не исчерпывается свободой жены уйти отъ „невыносимаго“ мужа: надо, чтобы было признано на то право,—надо опредѣлить юридическія отношенія разлучившихся супруговъ, а главное—рѣшить жгучій вопросъ о дѣтяхъ.— Значитъ, и при измѣненіи паспортныхъ правилъ, законы о разрѣшеніи разлучной жизни останутся желательными.

Казалось бы, установленіе раздѣльнаго жительства слѣдуетъ предоставить прежде всего соглашенію супруговъ: „порядочные“ люди, супруги, сами видятъ, что жить имъ вмѣстѣ не въ-моготу. Они, конечно, вольны (этого никакой законъ запретить не въ силахъ) разойтись въ разныя стороны, съ выдачею женѣ отдѣльнаго вида. Но, какъ я сейчасъ сказалъ, этимъ вопросъ не исчерпывается: надо „оформить“ соглашеніе, устранить возможность отказа отъ него по капризу одной изъ сторонъ, юридически упрочить отношенія къ дѣтямъ. — Какъ же отвѣчаетъ на это проектъ Уложенія? — „Раздѣльное жительство супруговъ не можетъ быть разрѣшено на основаніи одного лишь ихъ о томъ соглашенія“ (ст. 145). — Какъ упомянуто выше, нынѣ большинство ходатайствъ женъ о дозволеніи раздѣльнаго жительства вершится извлеченіемъ отъ мужа „согласія“ на выдачу отдѣльнаго вида; но „въ этомъ отношеніи проектъ не освящаетъ практики учрежденія, вѣдающаго нынѣ семейныя дѣла“ (стр. 245). По рѣшенію авторовъ проекта, „раздѣльное жительство супруговъ не можетъ быть разрѣшено въ силу не только предшествовавшаго судебному

разбирательству соглашенія супруговъ, но и заявленнаго на судѣ согласія одного изъ нихъ удовлетворить требованіе другаго". А нѣсколько строкъ ниже: Проектъ „не допускаетъ лишь такого признанія иска, которое дѣлало бы излишнимъ разсмотрѣніе доказательствъ иска, но не исключаетъ признанія въ смыслѣ неоспариванія или даже подтвержденія обстоятельствъ, на коихъ основывается просьба истца, изъ системы доказательствъ". Иллюстрируемъ это примѣромъ: Если супругъ говоритъ: „я согласенъ на удовлетвореніе требованія о раздѣльной жизни",—это ничего не стоитъ; а если скажетъ: „я дѣйствительно билъ супруга" (хотя никогда не билъ),—такое „признаніе" „не исключается изъ системы доказательствъ". Обязательно солгать,—чтобы достигнуть желаемаго результата. Замѣчательно, что даже при производствѣ о разлученіи отъ стола и ложа у католиковъ,—а разлученіе это, по своимъ послѣдствіямъ, гораздо важнѣе, чѣмъ простое разрѣшеніе раздѣльнаго жительства (см. ст. 215),—взаимному согласію супруговъ придается бо́льшее значеніе: сверхъ указываемыхъ закономъ основаній къ разлученію, оно „можетъ быть опредѣляемо и по другимъ уважительнымъ причинамъ, при наличности взаимнаго на то согласія супруговъ" (ст. 212).

„Отъ соглашенія супруговъ зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ, въ случаѣ разрѣшенія имъ раздѣльнаго жительства, должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти" (ст. 148). Редакторы проекта, конечно, вполнѣ правы, что „навязываніе дѣтей тому, кто предпочитаетъ оставить ихъ у другаго родителя, не можетъ принести пользы дѣтямъ" (стр. 250). Да, но этимъ разрѣшается лишь тотъ случай, когда одна изъ сторонъ говоритъ „я не хочу брать дѣтей къ себѣ", а другая говоритъ „а я хочу". Но изъ почтенія къ понятію о родителяхъ надо думать, что гораздо вѣроятнѣе противоположный случай: каждый изъ родителей пожелаетъ взять дѣтей къ себѣ. Наконецъ, не невозможенъ и такой случай, когда ни тотъ, ни другой изъ супруговъ не пожелаютъ, при разлучной жизни, нести заботы о дѣтяхъ исключительно на себѣ (говорю не объ алиментахъ, а о заботахъ личныхъ).

Проектируется: „При отсутствіи соглашенія сыновья оставляются у отца, а дочери у матери. Невиновный супругъ въ правѣ требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей. Отступленія отъ этихъ правилъ могутъ быть допущены судомъ, если это необходимо для блага дѣтей“ (та же 148 ст.).— Послѣдняя оговорка не устраняетъ правилъ: отступить отъ нихъ судъ будетъ въ правѣ, конечно, лишь при наличности какихъ-либо особыхъ, исключительныхъ условій; внѣ таковыхъ должны дѣйствовать общія правила. Хороши ли они?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что раздѣльное жительство супруговъ, болѣе или менѣе временное, должно разрывать семью въ возможно меньшей мѣрѣ; надо желать, чтобы всѣ дѣти оставались вмѣстѣ, у того либо у другаго изъ родителей. Всего лучше,—чтобы они оставались у супруга невиновнаго въ разлукѣ. Но проектъ вполнѣ основательно обусловливаетъ это „требованіемъ“ невиновнаго. И въ самомъ дѣлѣ, поскольку заботу о дѣтяхъ можно разсматривать какъ тяготу, возложеніе ея исключительно на невиновнаго, несмотря на его нежеланіе,—было бы невыгодой для невиновнаго и выгодой для виноватаго. Если же невиновный требуетъ отдачи дѣтей ему,—то такъ и должно быть.—Въ видахъ возможнаго сохраненія неразрывности семьи, я бы предложилъ такую поправку: Если одинъ изъ супруговъ желаетъ взять къ себѣ всѣхъ дѣтей, а другой желаетъ ихъ подѣлить,—слѣдовало бы отдать предпочтеніе первому, даже безотносительно къ вопросу о виновности въ разлучной жизни (припомните „Соломоновъ судъ“ въ спорѣ двухъ женщинъ о томъ, кто изъ нихъ мать ребенка). Какъ я уже имѣлъ случай говорить (Отчетъ судьи, „Судъ и семья“), вопросъ о томъ, кому изъ родителей должна быть ввѣрена исключительная забота о дѣтяхъ, не находится въ непремѣнной зависимости отъ того, который изъ нихъ виновенъ въ супружескомъ разладѣ. Существуютъ такіе пороки, наличность которыхъ исключаетъ возможность какихъ бы то ни было добродѣтелей; такъ, человѣкъ, не питающій любви къ своимъ дѣтямъ, неспособенъ быть ни хорошимъ супругомъ, ни хорошимъ гражданиномъ,— словомъ, въ немъ не можетъ быть ничего добраго. Но есть

и такіе пороки, рядомъ съ которыми уживаются въ человѣкѣ и добродѣтели; такъ, дурной мужъ можетъ быть хорошимъ отцомъ, дурная жена—хорошей матерью. Почему такъ—это тайна человѣческаго сердца; но что это такъ,—въ томъ удостовѣряетъ житейскій опытъ.—Такимъ образомъ я полагалъ бы вмѣнить суду въ обязанность предпочесть, при дозволеніи супругамъ раздѣльнаго жительства, такое рѣшеніе о дѣтяхъ, при которомъ дѣти остаются вмѣстѣ,—если нѣтъ къ тому особыхъ препятствій.

Что же касается до правила: сыновья отцу, а дочери матери,—то я нахожу его совершенно нераціональнымъ. Составители проекта ссылаются на прецедентъ — рѣшеніе казуса, имѣвшее мѣсто почти 100 лѣтъ тому назадъ: тогда было рѣшено, при раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, оставить сыновей при отцѣ, а дочерей отдать матери—„дабы супруговъ въ отношеніи къ дѣтямъ ихъ поставить въ одинаковое положеніе и обоимъ доставить равное удовлетвореніе“ (стр. 250). А если имѣется только одинъ ребенокъ; какъ тутъ доставить „равное удовлетвореніе“?—Собственное соображеніе Коммисіи еще менѣе убѣдительно: „нельзя не признать (?), что въ большей части случаевъ дочерямъ полезнѣе (?) оставаться при матери, а сыновьямъ при отцѣ“ (тамъ же).

Опять вспоминаю и подтверждаю сказанное мною по этому вопросу въ упомянутомъ этюдѣ „Судъ и семья“: A priori можно, пожалуй, сказать, что заботы объ обученіи дѣтей, достигшихъ соотвѣтствующаго возраста, болѣе посильны отцу, чѣмъ матери. Но съ такою же увѣренностью можно предположить общимъ правиломъ, что въ очень раннемъ возрастѣ дитяти необходимѣе мать, чѣмъ отецъ. Такимъ образомъ, при рѣшеніи спора, надо принять въ соображеніе возрастъ дитяти: чѣмъ оно моложе, тѣмъ естественнѣе презумпція въ пользу матери,—и наоборотъ.—Заранѣе можно съ увѣренностью сказать, что ходатайствамъ о дозволеніи разлучной жизни будетъ почти всегда предшествовать фактическое разлученіе. И вотъ—надо предположить бо́льшую заботливость о ребенкѣ за тою стороной, у которой онъ

находится. Дѣти—могущественнѣйшій цементъ, связующій семью; даже враждующіе супруги крѣпко скованы колыбелью дитяти. Нѣтъ той супружеской обиды, которую не былъ бы способенъ вытерпѣть родитель,—лишь бы не разлучиться съ ребенкомъ. Если жена оставила домъ мужа, покинувъ тамъ и дѣтей,—презумпція противъ нея; если мужъ, не удержавъ при себѣ жену, отпустилъ съ нею и дѣтей,—презумпція противъ него.—Наконецъ: семейные раздоры происходятъ, болѣе или менѣе, на глазахъ у дѣтей, и дѣти очень рано склоняются своими симпатіями на ту или другую изъ сторонъ. Чистое сердце дитяти нерѣдко рѣшаетъ выборъ безошибочно, въ пользу обижаемой стороны. Поэтому, если рѣчь идетъ о дѣтяхъ, достигшихъ такого возраста, когда выборъ сталъ имъ уже болѣе или менѣе доступенъ, хотя бы и инстинктивно,—нельзя упускать изъ виду и сдѣланнаго ими выбора. Я говорю, конечно, не о какомъ-либо разслѣдованіи путемъ допроса ихъ,—а говорю о фактѣ выбора; съ этимъ фактомъ слѣдуетъ считаться.—Презумпціи играютъ весьма значительную роль при изслѣдованіи истины. Но всѣ онѣ открыты опроверженіямъ. Рискованность высказанныхъ мною презумпцій я вполнѣ понимаю, и если высказываю ихъ, то лишь потому, что и онѣ кажутся мнѣ все-таки менѣе рискованными, чѣмъ презумпція, будто „полезнѣе" сыновьямъ быть при отцѣ, а дочерямъ при матери.

Самымъ существеннымъ изъ послѣдствій такого или иного рѣшенія вопроса о дѣтяхъ является то, что родительская власть принадлежитъ, по проекту, „тому изъ родителей, у котораго оставлены дѣти" (ст. 149).—Забавно, какъ составители проекта „прописались" въ объясненіяхъ къ этой статьѣ. Тамъ (стр. 251) сказано буквально такъ: „...Одному этому супругу должна принадлежать и родительская власть надъ предоставленными ему дѣтьми, такъ какъ иначе, т. е. если и при раздѣльномъ жительствѣ супруговъ родительская власть надъ дѣтьми будетъ принадлежать по общему правилу обоимъ (??) родителямъ, можно ожидать" и т. д. Гдѣ же ваше „общее правило" о принадлежности родительской власти обоимъ родителямъ? вѣдь, по вашему „общему правилу",

власть эта принадлежитъ отцу? Забыли вы объ этомъ—или передумали?..

Увы, только забыли, но не передумали,—и жестокое правило стоитъ нетронутымъ.

Мнѣ кажется, что такъ какъ раздѣльное жительство окончательно семьи не разрываетъ, то нѣтъ правильнаго основанія ломать для этого случая положенія о родительской власти. Вѣдь и при раздѣльномъ жительствѣ сохраняютъ силу обязанности взаимныхъ алиментовъ (ст. 147, 150); почему же устраняется прежняя родительская власть? Если (чего Боже упаси) будетъ принято предположеніе Коммисіи о предоставленіи родительской власти исключительно отцу, съ рѣшающимъ его голосомъ въ вопросахъ о дѣтяхъ,—то логическая послѣдовательность требуетъ и дальнѣйшей обиды матери: надо сохранить за отцомъ родительскую власть даже и надъ дѣтьми, живущими при матери. Съ точки же зрѣнія людей, полагающихъ, какъ и я, что родительская власть должна быть, согласно дѣйствующему закону, признаваема за обоими родителями,—такъ должно оставаться и при разлучной жизни. Вѣдь и въ это время могутъ возникнуть весьма важные вопросы—о направленіи воспитанія дѣтей; участіе въ рѣшеніи такихъ вопросовъ должно быть предоставлено и родителю, при которомъ дѣти не живутъ,—а это обстоятельство, при комъ живутъ дѣти, должно быть лишь принимаемо въ соображеніе при разрѣшеніи разномыслія между родителями; но и тутъ разномыслія должны разрѣшаться отнюдь не одностороннимъ „рѣшающимъ голосомъ“ этого родителя, а соображеніями объ истиной пользѣ дѣтей.

Проектъ не даетъ указаній для разрѣшенія вопроса: предполагаются ли законными дѣти, рожденныя и зачатыя женою въ періодъ разрѣшеннаго супругамъ раздѣльнаго жительства? По проекту, „данное на раздѣльное жительство разрѣшеніе утрачиваетъ силу вслѣдствіе возстановленія, по взаимному согласію супруговъ, совмѣстной ихъ жизни“ (ст. 154). Въ средѣ Коммисіи было высказано мнѣніе, что, возстановляя совмѣстное жительство, супруги должны бы заявить объ этомъ суду, разрѣшившему имъ разлуку,—потому, что

неустановленіе такого заявленія „можетъ вызвать излишнія затрудненія и при разрѣшеніи дѣлъ о законности дѣтей, зачатыхъ и рожденныхъ въ періодъ времени отъ воспослѣдованія разрѣшенія о раздѣльномъ жительствѣ до возстановленія супругами совмѣстной жизни“. Но „послѣ подробнаго обсужденія“ этого вопроса, Коммисія сочла заявленіе суду вообще излишнимъ,—а въ частности „опасеніе затрудненій при опредѣленіи, безъ этихъ заявленій, момента дѣйствительнаго возстановленія супругами совмѣстной жизни—едва ли основательнымъ, такъ какъ это опредѣленіе будетъ, по просьбамъ заинтересованныхъ сторонъ, производимо судомъ по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая“ (стр. 255—257). Нужны или не нужны упомянутыя заявленія—вопросъ несущественный, на которомъ останавливаться не стану. А вопросъ о законности рожденія во время дозволенной разлуки нуждается въ опредѣленіяхъ. Мнѣ казалось бы, что такъ какъ дозволеніе разлученія брака не разрываетъ и не содержитъ въ себѣ воспрещенія супругамъ тѣхъ отношеній, которыми обусловливается зачатіе дѣтей и которыя возможны и безъ сожительства подъ одною кровлей,—то слѣдовало бы признать, что собственно „моментъ возстановленія супругами совмѣстной жизни“ тутъ не имѣетъ рѣшающаго значенія; дѣти, рожденныя женою даже и при дѣйствіи разрѣшенія на разлуку, должны считаться законными дѣтьми мужа, пока законнорожденность ихъ не оспорена, споры же объ этомъ должны быть обставлены всѣми тѣми сроками и иными ограниченіями, какія устанавливаютъ и дѣйствующій законъ, и проектъ вообще для оспариванія законности дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ. А то обстоятельство, что зачатіе имѣло мѣсто въ періодъ юридическаго раздѣльнаго жительства, можетъ быть лишь принимаемо въ соображеніе при разрѣшеніи вопроса о возможности зачатія отъ мужа,—когда споръ этого рода дозволяется вообще относительно дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ.

Кончаю. Не потому, чтобы исчерпалъ свои возраженія, а потому, что не имѣю досуга для обстоятельнаго окончанія этой работы.

Но не могу пройти молчаніемъ еще одной подробности изъ области союза родственнаго.

Хочу сказать объ алиментахъ родичамъ.

Въ этомъ отношеніи Коммисія чрезвычайно щедра. По дѣйствующимъ законамъ, алиментами обязаны только мужъ и взаимно родители и дѣти. По проекту, „къ доставленію содержанія обязанъ (надо поправить: „обязаны“) прежде всего супругъ (не только мужъ, но и жена: см. выше), ... затѣмъ.... нисходящіе, восходящіе, братья и сестры и свойственники первой степени“ (ст. 377) (тесть, теща, свекоръ, свекровь, зять, невѣстка, отчимъ, мачиха, пасынки, падчерицы).—„Огромная опека!“... — Предвидится возможность, что вся эта орава родичей и свояковъ нагрянетъ одновременно со своими претензіями; дается такое утѣшеніе: „...при невозможности всѣхъ ихъ сполна удовлетворить (а есть возможность—удовлетворяй всѣхъ сполна), лица эти удовлетворяются въ нижеслѣдующей постепенности: 1) супругъ и несовершеннолѣтнія, не состоящія въ бракѣ дѣти, 2) прочія дѣти и другіе нисходящіе, 3) восходящіе, 4) братья и сестры и 5) свойственники первой степени“ (ст. 382).

Новы: алименты отъ женъ мужьямъ,—алименты дѣдамъ и бабкамъ (ихъ четверо: двое по отцу и двое по матери), прадѣдамъ и прабабкамъ (ихъ восемь), внукамъ и правнукамъ (ихъ—сколько угодно),—алименты братьямъ и сестрамъ (также неопредѣленное число) и—свойственникамъ.

Какіе же мотивы такого расширенія обязательнаго попеченія о родичахъ и свойственникахъ?

Съ одной стороны, Коммисія усматриваетъ, что „въ современной жизни несомнѣнно замѣчается нѣкоторое „ослабленіе семейныхъ узъ“ (т. II стр. 47); и вотъ широкая обязанность къ алиментамъ установляется „въ интересахъ нравственности, ради поддержанія семейнаго начала и вытекающаго изъ семейныхъ отношеній чувства родственной любви и пріязни“ (стр. 72). Съ другой стороны—„соображенія

чисто практическія: взаимопомощь родственниковъ облегчаетъ государство и общество, снимая съ нихъ заботу объ обезпеченіи такихъ лицъ, которыя, будучи оставлены семьею, обременяли бы собою государство и общество" (стр. 48, ср. стр. 72).

Педагогическія задачи, на которыя указываетъ Коммисія, проектируемыми ею мѣрами очевидно недостижимы: если у меня нѣтъ „чувства родственной любви и пріязни" къ данному лицу, то такое чувство не выростетъ вслѣдствіе того, что на меня возложатъ обузу содержать это лицо.

Дѣло тутъ вовсе не въ чувствѣ, а въ юридической обязанности. Люби или не люби,—а деньги подавай.

Религіозная заповѣдь обязываетъ насъ помогать всякому нуждающемуся. Мало того: кто захочетъ отнять у тебя одежду, отдай ему и рубашку. Благо тому, кто такъ поступаетъ; но нельзя же возводить это въ гражданскій законъ.

Вопросъ о томъ, до какого родства должна простираться обязанность доставлять содержаніе,—вопросъ не юридическій: онъ рѣшается не логикой, а чувствомъ. Но имѣется тутъ и элементъ юридическій. Бракъ есть союзъ супруговъ и дѣтей; даже родители супруговъ становятся уже внѣ этой новой семьи; самъ законъ говоритъ: „....дочь, оставившая домъ свой и прилѣпившаяся къ мужу,...." (ст. 179 т. X ч. 1). Вотъ и предѣлы обязательныхъ алиментовъ; тàкъ дѣйствующій законъ и постановляетъ.

Противъ установленія взаимной обязанности содержанія между восходящими и нисходящими не возражаю. Но совѣмъ иное дѣло—братья и сестры и свойственники.

Братья и сестры. „Ослабленіе семейныхъ узъ", связующихъ братьевъ и сестеръ,—явленіе вполнѣ естественно возникающее изъ измѣненія житейскихъ условій съ развитіемъ цивилизаціи. Даже и въ крестьянскомъ быту условія эти значительно измѣнились; а въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентной—измѣнились чуть не до неузнаваемости. Вспомнимъ еще недалекое, но уже быльемъ поросшее, время. Бывало, судьба человѣка опредѣлялась мѣстомъ его рожденія,—за

рѣдкими лишь исключеніями. Если человѣкъ родился въ какомъ-нибудь Миргородѣ, то тутъ онъ и жилъ, тутъ и помиралъ; братья и сестры жили гдѣ-нибудь тутъ же, поблизу. Семейныя узы поддерживались и частыми свиданіями, и общностью интересовъ. Теперь не то: теперь изъ гнѣзда вышли— и разлетѣлись въ далекія другъ отъ друга стороны, къ совсѣмъ различнымъ интересамъ.—Проектируемые Коммисіею алименты не возвратятъ родственныхъ узъ и иныхъ „добрыхъ нравовъ“ патріархальнаго времени. А не ломать же для этого желѣзныя дороги и уничтожать прочія новыя условія жизни.

Объ обязанности братьевъ и сестеръ содержать другъ друга можно бы говорить развѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ нихъ уже сталъ на ноги настолько, что зарабатываетъ избытокъ, который можетъ употребить внѣ личныхъ потребностей,—а другіе остаются малолѣтними. Но когда всѣ они совершеннолѣтни, а то и въ преклонномъ возрастѣ, да обзавелись собственными семьями,—требовать взаимнаго содержанія другъ отъ друга представляется мнѣ несправедливостью.

Взрослые братья и сестры—это не одна семья, а нѣсколько семей, изъ которыхъ каждой довлѣетъ собственныхъ заботъ.

Свойственники. Тутъ надо различать. Мужъ дочери, жена сына... это почти-что дѣти; и во всякомъ случаѣ они „роднѣе“ братьевъ и сестеръ. Но теща? свекровь? мачиха? Что говорится объ нихъ даже въ народныхъ пѣсняхъ, въ дѣтскихъ сказкахъ?

Все это—о „чувствѣ родственной любви и пріязни“, какъ объ основаніи проектируемыхъ новыхъ постановленій объ алиментахъ.

Другое основаніе—помощь государству и обществу въ заботахъ о нуждающихся—на первый взглядъ серьезнѣе, но въ сущности также не выдерживаетъ критики. По мнѣнію авторовъ проекта, забота о неимущихъ должна лежать на ихъ родичахъ—дабы „снять“ эту заботу съ государства и

общества. Скажемъ наоборотъ: забота о неимущихъ должна лежать на государствѣ и обществѣ, а не возлагаться на частныхъ лицъ. Убѣдительность обоихъ аргументовъ по меньшей мѣрѣ одинакова. Но добавимъ еще дополнительный аргументъ: расходы на бѣдныхъ должны распредѣляться между богатыми—пропорціонально богатству каждаго, а отнюдь не пропорціонально тому, сколько у кого нуждающихся братьевъ, сестеръ и свойственниковъ; самая же забота должна вѣдаться государствомъ, во власти котораго могутъ быть такіе способы призрѣнія, которые частнымъ лицамъ недоступны; было бы и дешевле, и лучше.

Итакъ, предлагаемое проектомъ расширеніе обязанности содержать родичей представляется мнѣ неосновательнымъ въ принципѣ.

Посмотримъ на нѣкоторыя подробности постановленій по этому предмету.

Проектъ дѣлаетъ различіе между содержаніемъ обыкновеннымъ и „насущнымъ". „Братья, сестры и свойственники первой степени обязаны къ доставленію другъ другу только насущнаго содержанія. Равнымъ образомъ могутъ требовать лишь насущнаго содержанія лица, поведеніе коихъ давало бы лицу обязанному право лишить ихъ наслѣдства, а также лица, впавшія въ нужду вслѣдствіе лѣности и порочнаго поведенія" (ст. 384).

Не сразу понятно, о комъ говорится во второй части этой статьи. Братья, сестры и свойственники могутъ требовать лишь насущнаго содержанія во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно ихъ поведеніе. О случаяхъ, когда имѣютъ право лишь на насущное содержаніе супруги,—сказано особо (ст. 114 и 115). Значитъ, 2-я ч. 384 ст. имѣетъ въ виду только отношенія между родителями и дѣтьми, и вообще между восходящими и нисходящими. Такъ бы и сказать.—И еще недоразумѣніе: изъ текста статьи надо заключить, что предполагается ввести взаимное наслѣдованіе восходящихъ и нисходящихъ, съ взаимнымъ же правомъ лишить наслѣдства за дурное поведеніе? Такъ ли это? Мнѣ не извѣстенъ проектъ постановленій о правѣ наслѣдованія.

Въ чемъ же различіе между содержаніемъ обыкновеннымъ и насущнымъ?

Обыкновенное содержаніе очерчивается слѣдующими штрихами: „содержаніе должно быть доставляемо соразмѣрно имущественнымъ средствамъ (NB. не „доходамъ“, а вообще „средствамъ“, включая сюда и заработокъ) лица обязаннаго и личнымъ нуждамъ и общественному положенію того, кто имѣетъ право на содержаніе“. (ст. 383).

Первая часть правила поясняется другимъ постановленіемъ: „отъ обязанности къ доставленію содержанія освобождаются лица, настолько недостаточныя, что для содержанія другаго лица имъ пришлось бы отказаться отъ образа жизни, соотвѣтствующаго ихъ личнымъ нуждамъ и общественному положенію“ (ст. 380).

Такимъ образомъ, принимается во вниманіе „общественное положеніе“ обѣихъ сторонъ. Какъ понимать этотъ терминъ?—Авторы проекта поясняютъ: люди „пользуются извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, обязывающимъ ихъ къ тому или иному образу жизни.... Нельзя требовать отъ нихъ, чтобы, ради нуждающихся своихъ родственниковъ, они дѣйствовали въ ущербъ собственному своему благосостоянію, подвергая себя и ближайшихъ членовъ семьи лишеніямъ, и отказывались отъ положенія, занимаемаго ими въ обществѣ“ (стр. 58). Другими словами: богатому человѣку, вращающемуся въ соотвѣтствующемъ обществѣ, приличествуетъ не только довольство, но и обычная въ томъ обществѣ роскошь (пріемы, выѣзды, и т. п.); нельзя лишать его, для родичей, даже и роскоши. Казалось бы, что, когда рѣчь идетъ объ алиментахъ между восходящими и нисходящими, обязанность должна быть понимаема строже: сынъ обязанъ содержать родителей даже и тогда, если для этого ему „пришлось бы отказаться отъ образа жизни, соотвѣтствующаго его общественному положенію“.—Съ другой стороны, едва ли справедливо опредѣлять содержаніе соразмѣрно „общественному положенію“ требующаго алиментовъ. Обѣднѣлъ богачъ,—лицо, занимающее видное мѣсто въ обществѣ. Неужели же онъ въ правѣ требовать содержаніе въ такомъ размѣрѣ,

чтобы удовлетворять роскоши, привычной ему („личныя нужды") и обычной въ его кругу („общественное положеніе")? Надо честь знать: утрачено богатство—прощайся и со связаннымъ съ нимъ общественнымъ положеніемъ, протягивай ножки по одежкѣ.

„Подъ насущнымъ содержаніемъ разумѣется содержаніе, достаточное лишь для удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни (смотри ст. 114)" (стр. 63). Смотрю объясненіе къ ст. 114—и тамъ та же фраза, и ничего больше.

Когда мы молимся: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь",—то, откровенно говоря, лукавимъ: мы разумѣемъ не одну только булку, но и „приварокъ" , а тó и извощика, если не собственный экипажъ. А бѣднякъ при той же молитвѣ разумѣетъ даже не булку, а кусокъ чернаго хлѣба. —„Насущное содержаніе" для чернорабочаго и для разорившагося богача—понятіе далеко не одинаковое. Привыкшему къ лукулловскимъ обѣдамъ и къ иной роскоши „насущнымъ" содержаніемъ представляются „по крайней мѣрѣ" 2—3 блюда къ обѣду. А много ли нужно для насущнаго содержанія чернорабочаго? Вы скажете ех-богачу: одна комнатка, одно блюдо къ обѣду, и ходи пѣшкомъ,—вотъ тебѣ насущное содержаніе. Ех-богачъ обидится. А чернорабочій отъ такихъ посуловъ придетъ въ восторгъ: цѣлая комнатка,—а не уголокъ въ сараѣ! каждый день горячее блюдо къ обѣду! Говорю это къ тому, что и при опредѣленіи „насущнаго" содержанія—съ „общественнымъ положеніемъ" придется считаться неизбѣжно.

Мнѣ думается, что алименты всегда,—даже и между восходящими и нисходящими,—должны соотвѣтствовать лишь „насущнымъ" нуждамъ требующаго. Такой принципъ долженъ быть въ законѣ. Безъ „общественнаго положенія" не обойдешься, но оно должно играть по возможности minim'альную роль.—Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что алименты не зависятъ отъ какой-либо вины того, отъ кого они требуются, а обусловливаются единственно тѣмъ, что два лица родичи и что одинъ изъ нихъ бѣденъ, а другой болѣе или менѣе богатъ.

Въ дальнѣйшія подробности постановленій проекта объ алиментахъ не вхожу.

Свои, поневолѣ торопливыя и отрывочныя, замѣчанія о конституціи семьи по проекту Гражданскаго Уложенія закончу слѣдующими словами:

Въ законахъ всего важнѣе лежащіе въ ихъ основѣ принципы. Ими опредѣляется „общій духъ" законовъ. Ими дается „тонъ" судебной практикѣ.

Принципы, на которыхъ проектируется построить новую конституцію семьи, способны не улучшить, а ухудшить ея юридическій строй.

Наиболѣе ужасно, конечно, проектируемое приниженіе женъ и матерей въ семьѣ,—не оправдываемое ни дѣйствующими законами, ни какими-либо практическими указаніями на ихъ неудобства, ни тѣмъ еще менѣе истинными интересами семьи.

Да не поставятъ мнѣ въ вину, быть можетъ, излишнюю рѣзкость нѣкоторыхъ изъ моихъ замѣчаній. Когда человѣку больно и страшно,—ему простительно кричать,—даже и безъ надежды быть услышаннымъ.

Animam levavi...

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОБРАЗОВАНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ ВЪ РОССІИ.

А. Н. Филиппова.

I.

Какъ извѣстно, всѣ центральныя и мѣстныя учрежденія, не исключая и вѣдающихъ, по преимуществу, *административныя функціи* государственной власти, были построены при Петрѣ Великомъ по *коллегіальному* принципу. Если съ точки зрѣнія указаннаго принципа, положеннаго въ основу учрежденій, всѣ петровскія учрежденія вообще могутъ быть названы коллегіями (каковое наименованіе и встрѣчается въ актахъ петровскаго времени), то, въ частности, *коллегіями* назывались *исполнительные* органы, смѣнившіе прежніе московскіе *приказы*. Спутанность вѣдомства послѣднихъ, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ членовъ, нѣкоторая административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ, особенно ярко сказавшаяся въ кипучую эпоху реформъ, заставили Петра Великаго создать новыя административныя учрежденія, устроивъ ихъ на основаніи *коллегіальнаго* начала. Это начало вообще считалось Петромъ Великимъ и его ближайшими сотрудниками великою панацеею противъ произвола и лихоимства, отличавшаго наши старыя учрежденія и въ томъ числѣ—приказы (въ коллегіяхъ, по словамъ „Духовнаго регламента“,—„президенты, или предсѣдатели, *не*

такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи" (приказовъ), которые „дѣлали, что хотѣли"; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ *ничего* учинить"; въ коллегіяхъ затѣмъ „не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, *лихоимному суду*"), а равно и сулило учрежденіямъ рядъ другихъ преимуществъ, повидимому, неизвѣстныхъ прежде [1]). Жизненныя условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать у насъ коллегіямъ, почти совсѣмъ не оправдали надеждъ, возлагавшихся на нихъ преобразователемъ. Коллегіи, давъ болѣе простое, чѣмъ прежде, раздѣленіе дѣлъ управленія по ихъ роду, внеся болѣе внѣшняго порядка и юридической опредѣленности въ отношенія членовъ этихъ учрежденій и ихъ дѣлопроизводства, создавъ вообще лучшую *форму* для веденія дѣлъ, мало могли, однако, внести *новаго духа* въ управленіе и особенно послѣ Петра Великаго совсѣмъ почти не создали того независимаго и чуждаго произволу административнаго корпуса, о которомъ, несомнѣнно, мечтали Петръ Великій и его ближайшіе сотрудники. Кромѣ общихъ условій времени, старыхъ привычекъ управленія, оставшихся въ силѣ и дѣйствіи въ новыхъ учрежденіяхъ, плохо подготовленный къ новой роли составъ коллегій, сложность ихъ устройства и обиліе формализма въ дѣлопроизводствѣ (формализма, казавшагося законодателю необходимымъ для обузданія самовластія правителей), въ связи съ малой вообще пригодностью коллегіальнаго принципа для устройства органовъ власти *исполнительной*, привели къ концу XVIII вѣка коллегіи, какъ *административныя* учрежденія, къ упадку, при чемъ бюрокра-

[1]) Духовный регламентъ, кромѣ вышеуказанныхъ преимуществъ коллегіальнаго строя предъ инымъ, приказнымъ, отмѣчаетъ еще слѣдующія, заставившія законодателя примѣнить этотъ строй не только къ законосовѣщательнымъ и судебнымъ, но и къ административнымъ учрежденіямъ: такъ, при такой организаціи казалось, что лучше отыскивается „истина *соборнымъ* сословіемъ, нежели единымъ лицомъ", скорѣе „ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ *соборный*, нежели *единоличный* указъ"; при коллегіальномъ строѣ учрежденій всякому ясно, что „коллегіумъ не есть факція (партія), на интересъ свой союзомъ сложившаяся", что „коллегіумъ", затѣмъ, „свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ на правосудіе: не тако бо, якоже единоличный правитель, (коллегія) гнѣва сильныхъ боится" и т. п.

тическій элементъ, столь имъ, по принципу, чуждый, совершенно поглотилъ элементъ коллегіальный, и въ нихъ наступило господство канцеляризма. Если въ началѣ XVIII вѣка, какъ отмѣчено выше, законодатели считали коллегіальный строй полнымъ однихъ только достоинствъ, то, наоборотъ, въ началѣ слѣдующаго вѣка фактическое положеніе дѣлъ въ коллегіяхъ было таково, что реформаторамъ Александровскаго царствованія,—и въ томъ числѣ такимъ, какъ Сперанскій,—коллегіальное устройство *административныхъ* учрежденій имперіи представляется только съ точки зрѣнія его недостатковъ, и ни одна изъ выгодъ коллегіальнаго строя, столь плѣнявшихъ Петра Великаго, теперь не приходитъ имъ въ голову. Правда, у коллегій, какъ административныхъ учрежденій, находятся такіе защитники, какъ Державинъ, Трощинскій и др., но защитники эти принадлежатъ къ старому поколѣнію дѣльцовъ Екатерининскаго вѣка, къ мнѣнію которыхъ мало прислушиваются реформаторы Александровскаго времени. Преобразуя систему административныхъ мѣстъ, эти послѣдніе строятъ ее на началѣ противоположномъ коллегіальному, а именно на началѣ *личномъ*: во главѣ, первоначально прежнихъ коллегій (по реформѣ 1802 г.), а затѣмъ во главѣ особыхъ бюро (по реформѣ 1811 г.), для завѣдыванія отдѣльными отраслями центральнаго управленія, ставятся лично-управомоченные и лично-отвѣтственные агенты власти, или министры. Поступая такъ, реформаторы слѣдуютъ обще-европейскому образцу устройства органовъ исполнительныхъ и вносятъ вполнѣ разумную и необходимую поправку въ ту систему административныхъ учрежденій, какая создалась у насъ при Петрѣ Великомъ и дѣйствовала, хотя и со многими измѣненіями, во весь XVIII вѣкъ.

Разберемъ сказанныя положенія. Петровскія *административныя* учрежденія, несомнѣнно, грѣшили прежде всего самымъ принципомъ, положеннымъ въ ихъ основаніе: коллегіальное начало менѣе всего пригодно для устройства органовъ власти *исполнительной*. Учрежденія эти были построены коллегіально, но верховная власть у насъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, нуждалась постоянно въ лично-довѣренныхъ и лично-

отвѣтственныхъ органахъ, министрахъ. Такіе органы,—mutatis mutandis, конечно,—несмотря на всѣ несовершенства вообще *приказной* системы управленія, были на Москвѣ, въ лицѣ такъ называемыхъ судей или начальниковъ приказовъ; имъ государи поручали—или, какъ говорили на Москвѣ,—*приказывали*—вѣдать, по личному къ нимъ довѣрію, ту или иную отрасль центральнаго управленія. Ихъ сдѣлали въ XVIII вѣкѣ „президентами“ коллегій, т. е. лицами, по словамъ законодателя, *ничего* не могущими предпринимать „безъ соизволенія товарищевъ своихъ“. Но, не говоря уже о томъ, что многіе властолюбивые президенты, сильные въ особенности своимъ приближеніемъ къ монарху, не очень-то мирились съ этимъ новымъ у насъ принципомъ *юридической* зависимости отъ учрежденія [1]), сама государственная жизнь, съ ея сложными и постоянно развивающимися *административными* задачами, плохо укладывалась въ рамки коллегіальныхъ учрежденій и, наоборотъ, требовала созданія *личныхъ* органовъ верховной власти. Эти органы, какъ естественная поправка къ коллегіальной организаціи, и возникаютъ въ XVIII вѣкѣ, то подъ именемъ министровъ, то подъ другими наименованіями, но, въ сущности, съ ролью дѣйствительныхъ министровъ *безъ* министерствъ, такъ какъ XVIII вѣкъ, создавая министровъ, не давалъ въ управленіе имъ ясно раздѣленныхъ предметовъ вѣдомствъ, не снабжалъ ихъ необходимымъ аппаратомъ бюрократическихъ учрежденій, не опредѣлялъ строго, по закону, предѣловъ ихъ власти, а, наоборотъ, весьма нерѣдко оставлялъ ихъ во главѣ тѣхъ же коллегій, съ полномочіями случайными и временными, плохо слаженными притомъ и съ властью Сената надъ коллегіями, и съ положеніемъ ихъ *de facto*,—какъ министровъ, *de jure*,—какъ президентовъ, среди коллегіальныхъ учрежденій. Роль такихъ министровъ при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II играли нѣкоторые изъ членовъ Верховнаго Тайнаго

---

[1]) По замѣчанію одного изъ министровъ Александра I, графа Завадовскаго, у насъ, „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобъ *имъ*, а *не мѣстамъ* (т. е. не учрежденіямъ), властвовать“.

Совѣта, при Аннѣ Іоанновнѣ—члены Кабинета министровъ, при Елизаветѣ Петровнѣ—члены Конференціи, при Екатеринѣ II—генералъ-прокуроръ, отчасти почтъ-директоръ и нѣкоторыя другія довѣренныя лица императрицы, вѣдавшія особыя части управленія; таковы были, наконецъ, особые „директора" коллегій при Павлѣ I. Вообще наименованіе высшихъ агентовъ верховной власти министрами появляется въ офиціальныхъ актахъ уже съ Петра Великаго и удерживается во весь XVIII вѣкъ; въ общежитіи его постоянно употребляютъ современники не только русскіе, но иностранцы, что довольно характерно: послѣдніе, смотря на явленія русской жизни съ привычной имъ западно-европейской точки зрѣнія, видятъ въ отдѣльныхъ президентахъ коллегій, директорахъ ихъ и т. п., именно то, чѣмъ они были, если не *de facto*, то *de jure*, т. е. министровъ. Когда въ 1802 г. являются министерства, наименованіе ихъ главъ министрами никого не удивляетъ и представляется понятнымъ и знакомымъ. Характерно весьма еще отмѣтить, что эти министры *безъ* министерствъ,—частью въ интересахъ объединенія своей дѣятельности, частью въ цѣляхъ усиленія своей власти и значенія,—нерѣдко складываются *въ единое министерство*, въ кабинетъ, чѣмъ, по своей сущности, и были, на нашъ взглядъ, всѣ эти временные и довольно неустойчивые „совѣты при особѣ государя", возникавшіе въ XVIII вѣкѣ подъ разными наименованіями (каковы, напр., Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ министровъ, Конференція и др.) и которые, обычно, вмѣщали въ себѣ, если не всѣхъ, то наиболѣе вліятельныхъ министровъ, иногда стоявшихъ во главѣ коллегій, но выросшихъ, по разнымъ причинамъ, выше того положенія, какое они должны бы были занимать, какъ президенты только, по закону, въ средѣ тѣхъ или иныхъ коллегій [1]). Чрезвычайно интересно при этомъ обратить вниманіе на слѣдующую весьма прихотливую эволюцію въ исторіи нашихъ центральныхъ учрежденій, вѣдавшихъ административную функцію:

---

[1]) См. мою брошюру „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Юрьевъ, 1898 г.

пока у насъ не было министерствъ, министры (какъ изъ числа тѣхъ, которые были президентами коллегій, такъ и изъ тѣхъ, которые являлись личными совѣтниками короны, внѣ коллегіальной организаціи) охотно складывались *въ кабинетъ*, въ единое, нераздѣльное министерство и имѣли даже особаго перваго министра (таковыми *de facto* были, напр., кн. Меншиковъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, гр. Остерманъ—въ Кабинетѣ Анны Іоанновны; *de jure*—въ Кабинетѣ Іоанна Антоновича—гр. Минихъ) [1]); наоборотъ, когда министры были поставлены во главѣ особыхъ *министерствъ*, послѣднихъ не удалось объединить въ единое министерство, хотя попытка къ этому (какъ увидимъ ниже) была сдѣлана уже въ 1802 г. при первомъ учрежденіи министерствъ, а мысль объ этомъ объединеніи не покидала Сперанскаго и позднѣе, въ его планахъ по общему государственному преобразованію. Объясненіе этого лежитъ, на нашъ взглядъ, въ томъ, что, пока министры были *юридически* поставлены непрочно, пока полномочія ихъ были случайны и временны, пока они, такъ или иначе, но должны были приноравливаться къ коллегіальному строю учрежденій, *de jure* существовавшему—они могли желать, для достиженія указанныхъ выше цѣлей, сложенія въ единый общій корпусъ, въ то, что̀ на западѣ Европы носитъ наименованія „кабинета“; учрежденіе министерствъ, уничтоживъ эту юридическую непрочность министровъ, снабдивъ ихъ большою властью и обширнымъ аппаратомъ всецѣло подчиненныхъ имъ позднѣе бюро, косвенно способствовало ослабленію этой тенденціи къ единству, поскольку она, конечно, могла зависѣть, въ своемъ развитіи, отъ самыхъ министровъ.

Всѣ указанные *личные* органы исполнительной власти, являвшіеся въ XVIII вѣкѣ, въ качествѣ случайной и временной поправки къ коллегіальной организаціи, стояли, обыкновенно, *внѣ* контроля Сената, обладали полномочіями неопредѣленными и непрочными. Слагаясь въ единое министерство,—подъ видомъ всѣхъ этихъ „совѣтовъ“, „кабинетовъ“

[1]) Послѣдній оффиціально носилъ титулъ „перваго министра въ Его Императорскаго Величества консиліяхъ“.

и пр.,—они выдѣлялись изъ общаго состава Сената и развивали свою власть на счетъ власти послѣдняго. Становясь въ непосредственныя отношенія къ носителямъ верховной власти, они закрывали отъ нея всѣ другія учрежденія и не терпѣли возлѣ себя самостоятельныхъ, законно поставленныхъ и закономѣрно дѣйствующихъ учрежденій, какъ Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Синодъ. Будучи созданы потребностью государственной жизни имѣть дѣятельныхъ и отвѣтственныхъ агентовъ управленія (чему плохо служили коллегіи), они, однако, въ общемъ, мало удовлетворяли этому своему главному назначенію. Въ цѣломъ, неслаженность этихъ *личныхъ* органовъ власти съ *коллегіальными* учрежденіями, постоянныя пререканія ихъ съ Сенатомъ,—въ связи съ неопредѣленностью и случайностью ихъ вѣдомства и полномочій и фактическою часто безотвѣтственностью,—давно требовали реформы, почему и вполнѣ естественно, что, когда, со времени вступленія на престолъ Александра I, молодой государь и его знаменитый тріумвиратъ стали мечтать о преобразованіяхъ государственнаго строя и въ такъ называемомъ „неоффиціальномъ комитетѣ“ [1]) разработывать въ 1801—1802 г.г. программу важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ измѣненій существующаго порядка, вопросъ объ отвѣтственности министровъ и устройствѣ министерствъ не разъ, по разнымъ поводамъ, разбирался въ комитетѣ, пока не вылился въ форму извѣстнаго манифеста 8 сентября 1802 г. объ учрежденіи министерствъ, со времени изданія котораго нынѣ исполнилось сто лѣтъ и главнѣйшія основанія котораго будутъ разсмотрѣны нами ниже. Вопросъ этотъ, конечно, составлялъ лишь одну изъ составныхъ частей обширнаго,—хотя, въ цѣломъ, и не осуществившагося,—плана реформъ, задуманныхъ императоромъ Александромъ I и его ближайшими

---

[1]) См. „Извлеченія изъ засѣданій неоффиціальнаго комитета“, напечатанныя въ приложеніи къ I-му тому „Исторіи царствованія Александра I“ и пр. Богдановича, цитируемыя нами ниже, какъ протоколы „неоффиціальнаго комитета“; срав. также приложеніе къ II-му тому сочиненія Шильдера „Императоръ Александръ I“—„Замѣтки гр. П. А. Строганова о первыхъ преобразовательныхъ замыслахъ императора Александра I въ 1801 г.“, стр. 330 сл.

сотрудниками уже въ первые годы царствованія и блистательно, по крайней мѣрѣ теоретически (въ извѣстномъ „проектѣ уложенія государственныхъ законовъ"),—развитыхъ Сперанскимъ, успѣвшимъ затѣмъ на практикѣ совершить только немногое изъ предположеннаго (въ 1810—1811 г.г.). Касаться, однако, здѣсь этого плана реформъ мы не будемъ, такъ какъ это слишкомъ затянуло бы нашъ очеркъ; да едва-ли въ этомъ и есть необходимость, послѣ трудовъ А. Н. Пыпина, В. И. Семевскаго, Н. К. Шильдера и другихъ нашихъ ученыхъ, подробно разобравшихъ основанія означенныхъ реформъ. Позволимъ себѣ лишь остановиться, хотя кратко, на ближайшихъ поводахъ къ административной реформѣ нашихъ центральныхъ учрежденій.

Какъ было уже указано выше, въ XVIII вѣкѣ постоянно возникали, подъ тѣми или иными наименованіями, министры, что̀ служитъ нагляднымъ указаніемъ на настоятельную потребность, сказавшуюся уже задолго до реформы 1802 г., въ *личныхъ* органахъ власти. Эти министры, если и были болѣе подвижны и дѣятельны, чѣмъ президенты коллегій, мало, однако, поддавались какой-либо отвѣтственности за свои дѣйствія. Думаютъ, что ближайшимъ поводомъ къ учрежденію министерствъ былъ большой голодъ въ Сибири. У императора явилось естественное желаніе выяснить причину бѣдствія и отыскать виновныхъ, но послѣднее въ особенности оказалось труднымъ. Къ кому бы ни обращался государь, ни отъ кого не получалъ онъ удовлетворительнаго отвѣта на интересовавшій его вопросъ. Государь былъ огорченъ и, говоря объ этомъ съ Лагарпомъ, сказалъ: я бы желалъ броситься въ Неву,—такъ тяжело и грустно мнѣ". Въ отвѣтъ на это Лагарпъ предложилъ учредить отвѣтственныхъ министровъ [1]). На нашъ взглядъ, представляется довольно труднымъ рѣшить вполнѣ положительно, принадлежала ли именно Лагарпу *первая* мысль объ отвѣтственныхъ министерствахъ или она исходила отъ одного изъ членовъ „неоффиціальнаго комитета", а также, можетъ быть,

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣдованія" СПБ., 1883 г., стр. 351.

отъ одного изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Государь и члены этого комитета совѣщались о многихъ вопросахъ предполагаемой реформы государственныхъ учрежденій (напр., съ А. Р. Воронцовымъ, С. Р. Воронцовымъ, Н. С. Мордвиновымъ и др.). Лагарпъ, несомнѣнно, участвовалъ въ сужденіяхъ о реформахъ вообще и въ вопросѣ объ образованіи министерствъ въ частности, но онъ склоненъ былъ преувеличивать свою роль въ этихъ сужденіяхъ [1]). Скорѣе можно предположить, что такъ какъ идея объ отвѣтственныхъ агентахъ власти, или министрахъ, созрѣвала уже давно и какъ-бы носилась въ воздухѣ, ея авторами единовременно могли быть многіе, подобно тому, какъ было нѣсколько проектовъ преобразованія административныхъ учрежденій (какъ это видно изъ протоколовъ „неоффиціальнаго комитета"); изъ нихъ проектъ Новосильцова легъ въ основаніе новаго раздѣленія административной власти между восемью вновь образованными министерствами. Проектъ Новосильцова, какъ увидимъ дальше, былъ очень несовершененъ и мало разработанъ въ подробностяхъ. Однако, въ учрежденіи министерствъ, созданныхъ по этому проекту, была одна черта, которая мирила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, съ недостатками проекта, а именно казалось, что созданы, дѣйствительно, *лично-отвѣтственные* органы верховной власти, съ которыхъ и можно было требовать выполненія важнѣйшихъ задачъ административнаго центральнаго управленія, а затѣмъ и взыскивать за неисполнительность. Эта черта отлично выставлена была самимъ императоромъ въ его письмѣ къ тому же Лагарпу

[1]) М. И. Сухомлиновъ въ своей монографіи „Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель Александра I" говоритъ: „участіе Лагарпа въ дѣлѣ образованія министерствъ вообще и министерства народнаго просвѣщенія въ особенности не подлежитъ сомнѣнію, хотя, быть можетъ, оно и не было такъ значительно, какъ изображается въ его собственномъ разсказѣ. Лагарпъ, видя, что то, о чемъ онъ говоритъ съ императоромъ, приводится въ дѣло, могъ невольно преувеличивать и добросовѣстно ошибаться, тѣмъ болѣе, что, при любезности обхожденія и тактѣ императора Александра, трудно предполагать, чтобы онъ желалъ разочаровывать своего бывшаго наставника, когда тотъ воображалъ, что онъ дѣйствуетъ по его совѣтамъ". (Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 117); срав. также протоколы неоффиціальнаго комитета, стр. 79, 82 сл.

отъ 26 октября 1802 г., т. е. спустя около 2-хъ мѣсяцевъ по учрежденіи министерствъ (состоявшемуся 8 сентября 1802 г.): „Мѣра, о которой мы такъ часто говорили, въ полномъ ходу. Министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли гораздо болѣе ясности и методы, *и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать*, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ" [1]). Какъ видно, въ приведенномъ письмѣ Александръ I говоритъ объ отвѣтственности министровъ передъ нимъ *лично*, тогда какъ основною идеею проекта Новосильцова было установленіе отвѣтственности ихъ передъ Сенатомъ, какъ это будетъ отмѣчено подробно ниже. Организація этой послѣдней отвѣтственности совершенно не удалась на практикѣ, и ею скоро не стали вовсе пользоваться, но личная отвѣтственность министровъ передъ монархомъ, несомнѣнно, пріобрѣла, со времени *учрежденія* министерствъ, большее, чѣмъ прежде, значеніе (особенно—со Втораго учрежденія министерствъ 1811 г.), такъ какъ сами права и обязанности министровъ, ихъ положеніе среди другихъ органовъ власти, пріобрѣли въ XIX вѣкѣ болѣе точности и опредѣленности, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, когда министры безъ министерствъ являлись случайными агентами власти и ихъ отношенія къ коллегіямъ не были, да и не могли быть, юридически урегулированы по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что коллегіальный и единоличный принципъ смѣшивались въ учрежденіяхъ, разныхъ по типу.

II.

Обращаясь послѣ всего сказаннаго къ самому *манифесту объ учрежденіи министерствъ* 8 сентября 1802 г. [2]) или къ *Первому учрежденію министерствъ* (какъ нерѣдко называютъ въ литературѣ предмета этотъ манифестъ, противополагая его *Второму учрежденію министерствъ* 1811 г.), оста-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Историческаго Общества, т. V, стр. 35.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVII, № 20406.

новимся прежде всего на обзорѣ его содержанія и разберемъ важнѣйшія черты реформы. Въ довольно высокопарномъ по формѣ и мало вразумительномъ по содержанію для уясненія *цѣли* реформы *введеніи* говорится, что „*благоденствіе народа* незыблемо и ненарушимо утверждено быть можетъ *тогда единственно*, когда правительство будетъ имѣть *спасительныя средства* не только исправлять всякое пагубными слѣдствіями обнаруживаемое зло, но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, могущія подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства природныхъ и искусственныхъ произведеній, основаніемъ силѣ и могуществу Имперіи служащихъ“, что „примѣры древнихъ и новѣйшихъ временъ удостовѣряютъ каждаго, что, чѣмъ удобнѣе были средства къ сему употребляемы и правила государственнаго правленія тому соотвѣтственнѣе, тѣмъ стройнѣе, тверже и вершеннѣе было все политическое тѣло, тѣмъ довольнѣе и счастливѣе каждый членъ, ему принадлежащій. Слѣдуя сему правилу и внушеніямъ сердца Нашего, слѣдуя великому духу преобразователя Россіи Петра I, оставившаго Намъ слѣды своихъ мудрыхъ намѣреній, по которымъ старались шествовать достойные его преемники, Мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ Нами *министровъ*, поставивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться“, и т. д. Переводя эту витіеватую тираду на болѣе простой языкъ, надо сказать, что, по манифесту, все государственное центральное управленіе раздѣляется нынѣ на 8 частей, и во главѣ каждой части (или „министерства“, какъ это видно изъ послѣдующаго содержанія манифеста) становится *особый министръ*, на котораго возлагаются чрезвычайно широкія задачи по охраненію и развитію „благоденствія народа“; въ организаціи управленія государствомъ по системѣ министерствъ

правительство видитъ *спасительное средство* „не только исправлять всякое зло, но въ особенности искоренять самое начало онаго“, видитъ возможность сдѣлать „все политическое тѣло—стройнѣе, тверже и вершеннѣе“: упорядоченное, централизованное управленіе обѣщаетъ, по манифесту, блестящіе результаты.

Понятіе министра, какъ *лично-управомоченнаго* и *лично-отвѣтственнаго агента* верховной власти, поставленнаго во главѣ особаго центральнаго учрежденія, вѣдающаго опредѣленную „часть“ государственныхъ дѣлъ, выдѣленныхъ „сообразно естественной ихъ связи между собою“,—конечно, не опредѣляется прямо и точно законодателемъ, но, однако, оно имъ живо мыслится, что̀ и естественно, если принять во вниманіе всѣ тѣ обстоятельства, сопровождавшія установленіе у насъ министерской системы управленія, о которыхъ мы говорили выше, съ одной стороны, а съ другой—имѣть въ виду, что реформа имѣла свой прообразъ на западѣ Европы, гдѣ это понятіе выработалось вполнѣ опредѣленно и положительно. По манифесту, избраннымъ Высочайшею волею министрамъ, во-первыхъ, должны быть поставлены „*главныя правила*, коими они имѣютъ *руководствоваться* во исполненіе всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ *должность* и чего Мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему“, и, во-вторыхъ, „на Правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ, въ сей день даннымъ [1]), утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность *разсматривать дѣятельность министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, давать свои заключенія и представлять намъ докладомъ*“, т. е., иначе говоря, ми-

---

[1]) Одновременно съ манифестомъ объ учрежденіи министерствъ, былъ данъ именной указъ „О правахъ и обязанностяхъ Сената“, о которомъ и говоритъ манифестъ (ibidem, № 20405).

нистръ долженъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ своей компетенціи (или „должности"), и онъ долженъ отвѣтствовать за свои дѣйствія передъ „верховнымъ мѣстомъ" Имперіи—Сенатомъ. Организація этой отвѣтственности проведена въ манифестѣ весьма рѣшительно и опредѣленно: по пункту XII-му, „каждый изъ министровъ въ концѣ года долженъ подавать Намъ *чрезъ Правительствующій Сенатъ* письменный отчетъ въ управленіи *всѣхъ* ввѣренныхъ ему частей, *исключая* изъ нихъ дѣла, особенной тайнѣ подлежащія"; отчетъ этотъ долженъ былъ быть составленъ такъ, „чтобъ можно было *въ немъ* видѣть, какое употребленіе сдѣлано изъ денегъ, отпущенныхъ на годичное сихъ частей содержаніе, какіе успѣхи каждая изъ нихъ имѣла, въ какомъ положеніи всѣ онѣ находятся и чего въ будущія времена отъ нихъ ожидать можно". Если здѣсь установлена такимъ образомъ обязанность министровъ представлять всеподданнѣйшіе отчеты свои *чрезъ* Правительствующій Сенатъ, то пункты XIII и XIV манифеста указываютъ предѣлы компетенціи Сената по отношенію къ этимъ отчетамъ, при чемъ первый изъ этихъ пунктовъ имѣетъ въ виду обычное теченіе дѣлъ въ министерствахъ, подлежащее отчету, второй касается случаевъ чрезвычайныхъ Именно, по первому, Правительствующій Сенатъ, *изслѣдовавъ* поданный всеподданнѣйшій отчетъ даннаго министра, „*требуетъ отъ него*, когда нужда въ томъ настоять будетъ, *объясненій*, сравниваетъ его показанія съ рапортами, прямо отъ мѣстъ Правительствующему Сенату въ теченіе того (т. е. отчетнаго) года доставленными, разсматриваетъ всѣ указы, по части его отдѣленія (т. е. министерства) въ тому году Нами изданные, равно и доклады, нами конфирмованные и симъ министромъ Правительствующему Сенату объявленные, и, наконецъ, по учиненіи всѣхъ сихъ соображеній, входитъ къ Намъ докладомъ и представляетъ означенный отчетъ министра *вмѣстѣ со мнѣніемъ своимъ объ управленіи и состояніи дѣлъ, ему порученныхъ*". По второму, касающемуся чрезвычайныхъ случаевъ, если Сенатъ до окончанія отчетнаго года „усмотритъ изъ полученныхъ имъ рапортовъ или изъ доношеній губернскихъ прокуроровъ, что въ какую-нибудь часть *вкрались злоупотребленія и*

что дѣла, до нея касающіяся, производятся безпорядочно и противозаконно", то онъ, какъ говоритъ законъ, „*долженъ, не отлагая до другаго времени, тотчасъ требовать объясненія отъ министра той части и, ежели отвѣтъ его не будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то представить Намъ о томъ докладъ*".

На нашъ взглядъ, принципъ министерской отвѣтственности провозглашенъ въ манифестѣ достаточно твердо и опредѣленно: оставалось лишь обезпечить на практикѣ за Сенатомъ *выполненіе* этой новой и трудной его функціи. Было ли, однако, это сдѣлано, или, иначе еще говоря, могло ли вообще это быть сдѣлано, принимая во вниманіе условія тогдашней нашей дѣйствительности? Обращаясь къ сужденіямъ членовъ неоффиціальнаго комитета, въ которомъ обсуждалась реформа, мы видимъ, что, если у членовъ комитета было вполнѣ опредѣленно сознаніе необходимости *установленія* министерской отвѣтственности, то вовсе, кажется, не возникало сомнѣнія о томъ, достаточно ли подходящимъ мѣстомъ для суда надъ министрами является Сенатъ? Чарторыйскій, напримѣръ, читая свою записку „о порядкѣ управленія" и находя, что администрація времени „представляетъ картину величайшаго неустройства", при чемъ „министры (т. е. тѣ министры безъ министерствъ, которые существовали задолго до реформы) ни въ какомъ отношеніи не подвергаются отвѣтственности", находилъ, что необходимо именно *Сенату* предоставить надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ: „*министры ежегодно представляютъ въ Сенатъ отчеты*". Позднѣе, когда читали проектъ указа о правахъ Сената, вопросъ шелъ не о томъ, *справится* ли Сенатъ съ этой трудной задачею, а о томъ, удобно ли предоставлять ему такую функцію. „Когда 16 марта",—читаемъ въ протоколахъ,— „Новосильцовъ прочелъ статью о правѣ Сената *повѣрять* дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя,—представлять о томъ на его усмотрѣніе, императоръ спросилъ: „можно ли предоставить Сенату право, по утвержденіи доклада Высочайшею подписью, входить съ представленіемъ къ государю", то, по мнѣнію комитета, нельзя

было отнять у Сената права поставлять на видъ несоотвѣтственныя общей пользѣ дѣйствія министровъ и черезъ то не позволять, чтобы государь былъ обманутъ. Графъ Кочубей, сперва оспаривавшій мнѣніе своихъ товарищей, наконецъ, призналъ необходимость предложенной мѣры, и самъ государь на то изъявилъ согласіе" (протоколы, стр. 65, 67 сл.). Если, подъ вліяніемъ Лагарпа, который,—какъ выразился самъ Александръ I, когда обсуждался вопросъ о преобразованіи Сената,—не хотѣлъ, чтобъ императоръ отказался отъ власти (ibid., стр. 48) [1]), у императора возникало сомнѣніе въ возможности предоставленія Сенату означенной функціи, то, повидимому, не было сомнѣнія въ осуществимости ея Сенатомъ. Говоримъ—*повидимому*—потому, что такое впечатлѣніе производятъ на насъ пренія въ „неоффиціальномъ комитетѣ". Это впечатлѣніе, впрочемъ, можетъ зависѣть отъ неполноты записи преній, записи, производившейся по памяти гр. П. А. Строгановымъ. Изъ мемуаровъ одного изъ членовъ комитета, кн. А. Чарторыйскаго, узнаемъ, напр., нѣчто иное: по его словамъ, нѣкоторые изъ ближайшихъ совѣтниковъ императора Александра I *вполнѣ сознавали*, при самомъ появленіи указа о возстановленіи значенія Сената, *неосуществимость* многихъ изъ провозглашенныхъ въ этомъ указѣ началъ, предвидя, что они останутся безъ примѣненія [2]), а между этими началами важнѣйшимъ было *под-*

---

[1]) Лагарпъ находилъ, что возбужденіемъ вопроса о правахъ Сената Александру I была поставлена „западня" немедленно по вступленіи на престолъ, и рѣзко нападалъ на Сенатъ, находя, что „государь при помощи министровъ и Совѣта можетъ обойтись безъ Сената, чтобы достигнуть благой цѣли, которая недостижима при существованіи Сената" (см. статью М. И. Сухомлинова—Ц. Ф. Лагарпъ, въ его „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литературѣ и просвѣщенію", т. II, стр. 124), ср. также протоколъ отъ 21 апрѣля 1801 года, изъ котораго видно, что императоръ находилъ, что такихъ правъ никогда не было предоставлено Сенату и что это противорѣчитъ назначенію Сената, какъ высшаго судилища (стр. 82).

[2]) Цитируемъ по „Историческому очерку учрежденія Комитета Министровъ" и пр., напечатанному въ I томѣ „Журналовъ Комитета Министровъ" (Спб. 1888 г.), т. I, стр. 12.

чиненіе министровъ контролю Сената. Если это сознаніе, дѣйствительно, было, то форма контроля, придуманная манифестомъ объ учрежденіи министерствъ, объяснима, на нашъ взглядъ, лишь тѣмъ, что, громко провозглашая новый принципъ, нуждались *въ учрежденіи*, которое, хотя бы для виду и притомъ временно, впредь до дальнѣйшаго движенія реформы, могло принять на себя выполненіе функціи надзора, пока не будутъ найдены иныя гарантіи для этого выполненія. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ не можетъ считаться вполнѣ разъясненнымъ, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ.

Обращаясь къ дальнѣйшему разбору содержанія манифеста, мы видимъ, что онъ вообще является актомъ, мало продуманнымъ и спѣшно составленнымъ. Это прежде всего отражается на его терминологіи. Съ одной стороны, манифестъ говоритъ, напр., о единомъ *министерствѣ*, нынѣ создаваемомъ („учреждая *министерство* на такихъ правилахъ" и пр.) и о раздѣленіи его *на 8 отдѣленій* („отдѣленія сіи суть: 1) военныхъ сухопутныхъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) отдѣленіе юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія"), что̀ заставляетъ думать (и на это есть указанія въ преніяхъ „неоффиціальнаго комитета"), что предъ глазами законодателя стояла система англійскаго *кабинета*, составленнаго изъ политически-солидарныхъ членовъ и единаго, дѣйствующаго in corpore, съ другой же стороны— однако, тамъ же читаемъ, что „управленіе государственныхъ дѣлъ раздѣляется на 8 отдѣленій, изъ коихъ *каждое*, заключая въ себѣ всѣ части, по существу своему къ нему принадлежащія, *составляетъ особое министерство* и находится подъ непосредственнымъ управленіемъ *министра*" и т. д., т. е., иначе говоря, учреждается вовсе не единое *министерство*, а *8 самостоятельныхъ министерствъ*, что̀, разумѣется, представляетъ собою нѣчто иное, чѣмъ *единое министерство*. Невыдержанность терминологіи не была, на нашъ взглядъ, случайностью, а являлась отраженіемъ существенныхъ разногласій, выяснившихся въ преніяхъ членовъ „неоффиціальнаго

комитета“, разногласій, которыя не разрѣшились и въ манифестѣ какимъ-либо опредѣленнымъ положеніемъ по спорному вопросу, но, наоборотъ, привели мысль законодателя въ нѣкоторое колебаніе. Такъ, изъ преній комитета узнаемъ, съ одной стороны, что первоначально предназначалось создать *одно* министерство, съ подраздѣленіемъ на части, подвѣдомственныя министрамъ (стр. 77, примѣч. 2), какъ это говорится и въ манифестѣ, что члены комитета, напр., „замѣтили, что въ Англіи всѣ министры, составляющіе *кабинетъ*, руководятся одною и тою же мыслью, однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядомъ, напротивъ того у насъ министры весьма часто несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ“, и, чтобы достичь этого, и у насъ надо министровъ объединить въ особомъ совѣтѣ или комитетѣ (стр. 54 и сл.); съ другой— мы читаемъ, что „по мнѣнію Лагарпа, которое раздѣлялъ и самъ государь, у насъ такой совѣтъ кончитъ тѣмъ, что въ немъ между министрами образуется сословная связь *(un esprit de corps)*, и каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища, чтобъ и онъ, при случаѣ, *не* противорѣчилъ ему“, на что, однако, въ комитетѣ замѣтили, что „у насъ нѣтъ опасности отъ какого бы то ни было *соглашенія* между министрами, но что мы терпимъ только *отъ ихъ несогласія*“. При этомъ гр. Строгановъ „выразилъ мнѣніе, что мы не могли желать ничего лучшаго, *какъ согласное министерство*, коего члены стремились бы къ одной и той же цѣли, указанной государемъ“. Государь, наконецъ, рѣшилъ, чтобъ всѣ члены засѣдали въ Совѣтѣ, наравнѣ съ прочими членами (стр. 55). Введеніе министровъ въ Государственный Совѣтъ, образованный въ 1801 г., вовсе, однако, не означало *de facto* ихъ объединенія въ одно *цѣлое*, скорѣе такое объединеніе могло бы быть сдѣлано въ созданномъ одновременно Комитетѣ Министровъ, но самъ Комитетъ довольно долго былъ „ни мѣсто, ни особое установленіе“, но „былъ только образъ доклада“, какъ его охарактеризовалъ Сперанскій, по которому „докладъ министровъ былъ двоякій: отдѣльный и совокупный. Для отдѣльнаго опредѣлены были особые дни и часы; совокупный докладъ производился въ общемъ собраніи министровъ, въ при-

сутствіи государя, *что и называлось Комитетомъ*" [1]). Но, если это такъ, то, въ сущности, министерства не были объединены въ „единое согласное министерство", подобно министрамъ Англіи, хотя манифестъ и говоритъ о такомъ „министерствѣ" и считаетъ министровъ съ ихъ вѣдомствами „*отдѣленіями*" онаго. Очевидно, разногласія, сказавшіяся по данному вопросу между членами „неоффиціальнаго комитета", не нашли себѣ разрѣшенія въ манифестѣ и лишь повліяли на сбивчивость его терминологіи.

Затѣмъ, не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что каждое *новое* учрежденіе,—а тѣмъ болѣе цѣлый кругъ оныхъ (какъ было въ данномъ случаѣ)—тѣмъ лучше и скорѣе найдетъ себѣ почву для успѣшнаго, въ предѣлахъ предоставленныхъ ему полномочій, дѣйствія, чѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе указано будетъ законодателемъ его *мѣсто* и его *отношеніе* къ другимъ дѣйствующимъ въ странѣ учрежденіямъ, съ которыми ему, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, придется сталкиваться. Но этой-то именно точности и опредѣленности мы и не видимъ въ тѣхъ немногихъ статьяхъ манифеста, которыя трактуютъ объ этомъ важномъ вопросѣ. Такъ, по отношенію къ ранѣе созданному Государственному Совѣту, манифестъ говоритъ, что „всѣ министры суть члены Совѣта.... Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ коихъ долженъ находиться и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано", но и только. По отношенію ко вновь созданному Комитету Министровъ лишь сказано, что „дѣла обыкновенныя трактуются въ Комитетѣ, составленномъ единственно изъ нихъ (т. е. министровъ); для другихъ же, особенную важность въ себѣ содержащихъ, прочіе члены Совѣта будутъ собираться разъ въ недѣлю" (пунктъ XV). Для этой части манифеста доселѣ остается вполнѣ справедливымъ мнѣніе, высказанное еще М. А. Корфомъ въ его книгѣ „Жизнь гр. Сперанскаго", что „Первое образованіе министерствъ 1802 г., даже если

---

[1]) См. указанный выше „Историческій очеркъ учрежденія Комитета Министровъ", стр. 14 и сл.

смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманнымъ, не зрѣлымъ, несогласненнымъ ни съ образованіемъ только-что передъ тѣмъ учрежденнаго Совѣта, ни съ правами и властью древняго Сената и коллегій, еще остававшихся, покамѣстъ, въ прежнемъ своемъ состояніи" (стр. 94). Вопросъ объ отношеніи министерствъ къ коллегіямъ, дѣйствительно, разрѣшался манифестомъ весьма неудовлетворительно. По пункту IX-му манифеста, „всякій министръ долженъ имѣть непрерывное сношеніе со всѣми мѣстами, подъ управленіемъ его состоящими, и быть свѣдущъ о всѣхъ дѣлахъ, которыя въ нихъ производятся. Посему каждое мѣсто обязано посылать къ своему министру *еженедѣльныя промеморіи* о всѣхъ текущихъ дѣлахъ, о дѣлахъ же затруднительныхъ или скораго рѣшенія требующихъ—особенныя *представленія*. Министръ, сообразивъ всякое дѣло съ пользою и выгодами всѣхъ частей, ему ввѣренныхъ, если найдетъ за нужное, дѣлаетъ свои замѣчанія, а на представленія даетъ *рѣшительные* отвѣты и, какъ сіи послѣдніе, такъ и первые сообщаетъ *предложеніями*. Если мѣста сіи несогласны будутъ съ замѣчаніями министра на ихъ меморіи, то представляютъ ему о томъ свои разсужденія. Но, когда, невзирая на *вторичное* ихъ представленіе, министръ настоять будетъ, чтобъ исполнено было по его замѣчаніямъ, тогда записывается мнѣніе присутствующихъ въ журналъ, и *чинится исполненіе*". Современному изслѣдователю манифеста нельзя не остановиться съ удивленіемъ надъ этимъ постановленіемъ, поражающимъ своею неосмотрительностью, нельзя, на нашъ взглядъ, не замѣтить, въ какое затрудненіе должно было оно поставить обѣ стороны, т. е., какъ министровъ, такъ и коллегіи, приведенныя въ искусственную связь другъ съ другомъ. Съ одной стороны, по манифесту, коллегіи остаются и дѣйствуютъ по прежнему, рѣшая *сами* дѣла по большинству голосовъ, съ другой—надъ ними дѣлается, если можно такъ выразиться, особая надстройка, совершенно къ нимъ, по своему типу, не подходящая, такъ какъ въ этой надстройкѣ, доминирующей надъ всѣмъ зданіемъ коллегій, дѣйствуетъ *единоличный* органъ власти, хотя въ составъ

коллегіи не входящій, участія въ преніяхъ и рѣшеніяхъ дѣла не принимающій, но, однако, эти рѣшенія останавливающій и предписывающій собственныя. Коллегія подрывается здѣсь въ самомъ своемъ существѣ, но, по закону, однако, остается дѣйствующей. Не легче при такомъ порядкѣ было и самому министру; само правительство, всего черезъ девять мѣсяцевъ по учрежденіи министерствъ, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея, должно было признаться въ неудобствѣ этого порядка вещей и признать необходимымъ уничтожить коллегіи, сначала, впрочемъ, въ одномъ министерствѣ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Кочубея, написанномъ, впрочемъ, Сперанскимъ, читаемъ, между прочимъ, такое знаменательное признаніе: „Министръ, дѣйствуя въ коллегіи, какъ главный *директоръ*, не можетъ иначе управлять ею, какъ только *внѣшнимъ образомъ*, т. е. онъ долженъ получать отъ нея *меморіи* о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе—сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть для каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ *и все сіе только для того, чтобъ сказать ей свою резолюцію или объявить свой указъ!* Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности" [1]). Такъ, *смѣшеніе* двухъ противоположныхъ принциповъ организаціи учрежденій (коллегіальнаго и единоличнаго), допущенное *Первымъ* учрежденіемъ министерствъ, подрывало значеніе самой

---

[1]) Полн. Собр. Зак., томъ XXVII, № 20852, стр. 769. Въ извѣстномъ своемъ „Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ", Сперанскій говоритъ, что „дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени (въ первоначальномъ учрежденіи министерствъ), всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника (т. е. министра) непрестанно пожирается тѣмъ, что долженъ бы былъ дѣлать одинъ изъ низшихъ его подчиненныхъ. Отсюда происходитъ, что развлеченное на множество текущихъ дѣлъ вниманіе министра не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобъ остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, *непрестанно разсѣевается въ мелкомъ надзорѣ и исполненіи*" (Историческое обозрѣніе, томъ V, стр. 51).

реформы и дѣлало само учрежденіе весьма непрочнымъ и требовавшимъ дополненій и измѣненій, въ противоположность *Второму* учрежденію министерствъ Сперанскаго, отъ 1811 г. до нашихъ дней просуществовавшему безъ серьезныхъ перемѣнъ въ своихъ общихъ основахъ. Спрашивается, неужели творцы реформы не видѣли этого *смѣшенія*, и, если видѣли, то почему оно было ими допущено? Протоколы „неоффиціальнаго комитета“ и на этотъ разъ даютъ намъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія поставленнаго вопроса. Изъ протокола засѣданія 24 марта 1802 г. видно, что въ „Проектѣ къ указу объ учрежденіи Министерствъ“ гр. Кочубея было сказано, между прочимъ, что „коллегій не будетъ и что онѣ замѣняются *канцеляріями* министровъ (bureaux des ministres). Государь полагалъ, что нельзя было уничтожить *разомъ* всѣ эти старинныя формы и что, можетъ быть, достаточно *подчинить* ихъ министрамъ и впослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ другими учрежденіями. Таково было мнѣніе кн. Чарторыйскаго; напротивъ того, гр. Кочубей, Новосильцовъ и гр. Строгановъ полагали, что коллегіи могли затруднить ходъ дѣла въ министерствахъ и что придется сдѣлать цѣлое Положеніе, для примѣненія этихъ устарѣлыхъ формъ къ новымъ учрежденіямъ. По сему поводу возникъ споръ, но не было рѣшено ничего“ (стр. 73). Если, разумѣется, современный юристъ не можетъ согласиться, что коллегіи суть лишь *„устарѣлыя формы“*, непригодныя къ министерскимъ учрежденіямъ, а скажетъ только, что коллегіи и министерства—два *особыхъ* типа учрежденій, смѣшеніе которыхъ въ однихъ установленіяхъ недопустимо, то, съ другой стороны, онъ долженъ будетъ признать, что у творцовъ реформы было сознаніе какъ непригодности коллегій къ министерствамъ, такъ и необходимости замѣнить ихъ особыми „бюро“ или „канцеляріями“. Когда позднѣе (съ 11 апрѣля) началось чтеніе проекта о министерствахъ, составленнаго Новосильцовымъ (проекта, который собственно и легъ въ основаніе манифеста объ учрежденіи министерствъ), въ одномъ изъ засѣданій было доложено мнѣніе Лагарпа о необходимости, для осуществленія означеннаго проекта, соста-

вленія „положенія о *канцелярскомъ* порядкѣ“ (стр. 80), при чемъ, конечно, коллегіи должны бы были неминуемо быть передѣланы въ бюро, но съ реформою, видимо, спѣшили, почему и оставили коллегіи и ихъ составъ въ его тогдашнемъ состояніи, чтобы потомъ „улучшить свои вѣдомства“ (стр. 81). Позднѣе Сперанскій, оправдывая,—какъ онъ выражается,—въ Первомъ учрежденіи министерствъ „уваженіе“ предшествовавшаго порядка, говоритъ, что „казалось несходственнымъ—и заключеніе сіе было весьма правильно—пуститься съ перваго шагу *въ большія уновленія* и, строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія“ (Проектъ уложенія государственныхъ законовъ, стр. 48). Этимъ, конечно, и объясняется, почему были оставлены коллегіи; но, оставляя старое въ „новомъ зданіи“, тѣмъ подтачивали его прочность.

Наибольшее вниманіе удѣляетъ, далѣе, манифестъ объ учрежденіи министерствъ (какъ это и понятно) вопросу объ опредѣленіи *круга вѣдомства* министерствъ, но и здѣсь, однако, замѣчаются большіе пробѣлы, несмотря на то, что въ „неоффиціальномъ комитетѣ“ не мало говорили объ указанномъ вопросѣ; но именно-то въ этомъ случаѣ, какъ замѣтилъ Сперанскій, „безъ сомнѣнія, болѣе былъ уваженъ порядокъ *предшествовавшій*, нежели естественная связь и отношенія между дѣлами“, отчего и „произошелъ недостатокъ истинной соразмѣрности въ раздѣленіи дѣлъ“. Сперанскій приводитъ доказательства этого „недостатка“ соразмѣрности, указывая, напр., что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вѣдаютъ „соль, фабрики, полицію“—т. е. дѣла, которыя мало имѣютъ общаго“, при чемъ оставлена безъ особаго устройства „общая полиція“ и т. д. (ibidem, стр. 50). Но, оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, правильно или неправильно тѣ или другія дѣла отнесены были къ тому или иному министерству, нельзя не отмѣтить, что манифестъ вообще допускалъ здѣсь большіе, какъ мы сказали, пробѣлы, свидѣтельствующіе ясно о малой разработанности реформы въ подробностяхъ. Такъ, установивъ, въ чемъ должна была состоять „должность“ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія, манифестъ о „должности“, напр., весьма

важнаго министра, а именно министра юстиціи, говоритъ, что „она имѣетъ быть опредѣлена при изданіи сочиняемаго уложенія законовъ“, до тѣхъ же поръ повелѣвается, „оставаться оной на основаніи инструкціи генералъ-прокурора“ [1]), относительно же трехъ министерствъ, а именно военныхъ сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ и иностранныхъ дѣлъ, ограничивается указаніемъ, что „три первыя государственныя коллегіи—военная, адмиралтействъ и иностранныхъ дѣлъ—состоятъ, каждая, въ вѣдомствѣ своего министра, который также управляетъ и всѣми дѣлами, отъ нея зависящими; къ послѣдней изъ нихъ присоединяются и дѣла церемоніймейстерскія“ (пункты II—VIII). Еще меньше, чѣмъ о „должности“ министровъ, узнаемъ мы о „предѣлахъ власти“ ихъ изъ разбираемаго законодательнаго акта, составители котораго сами чувствуютъ этотъ пробѣлъ и обѣщаютъ его исправить впослѣдствіи, въ тѣхъ инструкціяхъ, которыми будутъ впредь снабжены министры; такъ, пунктъ X-ый гласитъ, что, „если въ какомъ-нибудь дѣлѣ власть министра, *которой предѣлы ясно означены будутъ въ тѣхъ инструкціяхъ, коими не оставимъ Мы снабдить каждаго*, не позволяетъ ему разрѣшить сомнѣнія мѣстъ или чиновъ, въ вѣдомствѣ его состоящихъ, или отвратить какія-нибудь, по ввѣренной ему части могущія встрѣтиться, неудобства . . . . ., въ такихъ случаяхъ министръ, придумавъ удобное средство къ преодолѣнію таковыхъ затрудненій, входитъ къ Намъ съ докладомъ, изъ котораго бы ясно можно было видѣть, въ чемъ состоитъ предлагаемый имъ способъ, причину, заставившую его предложить оный, и, наконецъ, пользу, отъ того произойти долженствующую“... Не отрицая, конечно, что такое постепенное сложеніе, если можно такъ выразиться, власти министра путемъ

---

[1]) „Министру Юстиціи“—говоритъ Ѳ. М. Дмитріевъ,—„велѣно было руководиться законами о должности генералъ-прокурора, но достаточно самаго бѣглаго взгляда на управленіе, чтобъ понять всю *неприменимость* ихъ къ министерствамъ. Генералъ-прокуроръ надзиралъ, по указамъ Петра, *за всѣмъ управленіемъ* и могъ, слѣдовательно, вмѣшиваться во всѣ его части; между тѣмъ онъ самъ получалъ особое вѣдомство и стоялъ *не выше* другихъ министровъ, а *на ряду съ ними*“ (Сочиненія, т. II, стр. 389,—„Сперанскій“).

движенія отъ случая къ случаю, отъ одного „сомнѣнія“ къ другому и т. д., могло практически представлять не малыя удобства, нельзя въ то же время не сказать, что такой способъ опредѣленія „предѣловъ“ ихъ власти мало говоритъ въ пользу зрѣлости реформы, ея продуманности и ясности,—поскольку дѣло шло о ея выраженіи въ разбираемомъ законодательномъ актѣ, по крайней мѣрѣ...

III.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе манифеста объ учрежденіи министерствъ 1802 г., и таковы замѣчанія, которыя вызываетъ его редакція. Интересно теперь, въ добавленіе къ сказанному, отвѣтить еще на два важныхъ вопроса: 1) какъ смотрѣли на разбираемый актъ его современники, что̀ видѣли они хорошаго въ реформѣ и какіе находили въ ней недостатки, и 2) какова была, въ главнѣйшемъ, судьба реформы? Какъ извѣстно, современники, въ лицѣ тогдашняго нашего интеллигентнаго общества, не сошлись вообще въ оцѣнкѣ государственныхъ реформъ Александра I: если либеральные кружки ихъ горячо привѣтствовали, то консервативные не менѣе горячо порицали [1]). Между представителями либеральныхъ кружковъ также не господствовало единство мнѣній, такъ какъ одни впереди всего ставили реформу *политическую*, другіе, какъ, напр., извѣстный Н. И. Тургеневъ,—реформу *крестьянскую*, такъ какъ считали непозволительнымъ думать о свободѣ *политической* въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право и гдѣ крестьяне не имѣютъ простой *человѣческой свободы*, почему и требовали прежде всего освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Надо при этомъ замѣтить, что критика тогдашнихъ консерва-

[1]) Мы не касаемся въ нашемъ очеркѣ, имѣющемъ въ виду выяснить главнымъ образомъ *юридическую сторону* реформы, всѣхъ *политическихъ* обстоятельствъ ея и отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ сочиненіямъ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, томъ II, А. Н. Пыпина „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изданіе III, Спб. 1900 г., В. И. Семевскаго „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ (Историческое Обозрѣніе, т. IX).

тивныхъ круговъ лишь частью коснулась реформы 1801 и 1802 г.г., главнѣйшее же ея остріе направилось на дальнѣйшее развитіе реформы при Сперанскомъ, когда,—въ періодѣ отъ 1809 по 1812 г.г., до ссылки Сперанскаго, *новыя* начала государственнаго устройства и законодательства (особенно при составленіи новаго гражданскаго уложенія) стали проявляться болѣе ясно и въ бо̀льшей системѣ, чѣмъ это было въ первые годы царствованія Александра I, когда реформа шла еще робко, какъ бы ощупью, не разрывая вполнѣ со старымъ (какъ это видно и на исторіи перваго учрежденія Государственнаго Совѣта и министерствъ). Неудивительно, что первоначально и само толкованіе реформы приняло подъ перомъ нѣкоторыхъ ея критиковъ своеобразный видъ: въ ней хотѣли видѣть не столько *введеніе* чего-либо новаго, сколько *завершеніе* стараго. Если для ближайшихъ сотрудниковъ реформы съ самаго начала ея въ 1801—1802 г.г. было ясно, что дѣло ея на этомъ началѣ не остановится, а пойдетъ дальше и не обойдется безъ крупныхъ и даже радикальныхъ перемѣнъ, то, наоборотъ, для дѣльцовъ стараго уклада государственной жизни, преимущественно людей екатерининскаго времени—типичнымъ представителемъ коихъ можетъ, напр., считаться Д. П. Трощинскій,—такіе акты, какъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ, казались лишь *завершеніемъ* стараго процесса развитія, а дальнѣйшее, вполнѣ естественное движеніе реформы—новшествомъ, *отступленіемъ* отъ прежняго. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но у Трощинскаго, напр., мы читаемъ, что „форма управленія, установленная обоими манифестами 8 сентября 1802 г. (т. е. объ учрежденіи министерствъ и о правахъ и обязанностяхъ Сената) *основана была на коллежскомъ обрядѣ* и что, слѣдовательно, форма сія не представляла бы никакихъ изъ тѣхъ неудобствъ, кои происходятъ отъ формы *единоличнаго управленія, еслибъ въ исполненіи не удалились отъ содержанія и отъ смысла обоихъ манифестовъ*“, что эта-де „установленная государемъ императоромъ въ 1802 г. форма управленія, основывавшаяся *на коллежскомъ обрядѣ*, совершенно измѣнена была *закрытіемъ* коллегій, отмѣною коллежскаго

обряда и введеніемъ формъ *единоличныхъ*" и пр. [1]). Что манифестъ объ учрежденіи министерствъ смѣшивалъ коллегіальный способъ управленія съ единоличнымъ, ставя министровъ во главѣ *коллегій*, это уже было отмѣчено выше нами, но думать, однако, что реформа 1802 г. не вводила у насъ *единоличныхъ органовъ* управленія, или министровъ, какъ думаетъ Трощинскій, невозможно, если обратить вниманіе хотя бы на одинъ IX пунктъ манифеста (см. выше), ставившій коллегіи въ *подчиненное* положеніе къ министрамъ. И то, что̀ для Трощинскаго было *удаленіемъ* отъ содержанія и смысла закона 1802 г. объ учрежденіи министерствъ (Трощинскій разумѣетъ здѣсь приведенный нами выше Высочайше утвержденный докладъ гр. Кочубея), было, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ *дальнѣйшимъ* развитіемъ *коренной идеи*, положенной въ основаніе манифеста 1802 г.: министры, чтобы быть тако̀выми не по имени только, а по существу, должны были стоять во главѣ *не коллегій*, *а бюро*. Манифестъ 1802 г. объ учрежденіи министерствъ вообще вовсе не имѣлъ намѣренія,—какъ говоритъ Трощинскій въ другомъ мѣстѣ своей записки о министерствахъ,—„*сохранить коллежскій обрядъ* навсегда", но именно вводилъ, хотя и довольно робко и неопредѣленно, „форму *единоличнаго* правленія" (ibidem, стр. 34 сл.), и съ этой точки зрѣнія, нѣтъ, конечно, никакой *принципіальной* разницы между учрежденіями министерствъ 1802 и 1811 г.г., хотя, разумѣется, *Второе* учрежденіе далеко превосходитъ *Первое* развитіемъ этого начала во всѣхъ его подробностяхъ, мастерскимъ проведеніемъ его на практикѣ. Какъ могъ, однако, такой опытный дѣлецъ, какъ Трощинскій, не замѣтить, что манифестъ объ учрежденіи министерствъ 1802 г., несмотря на всѣ недостатки его текста, не „сохранялъ коллежскій обрядъ", а, наоборотъ, вводилъ министерское или единоличное начало въ центральное управленіе? Происходило ли это отъ того, что Трощинскій, находясь въ это время въ отдаленіи отъ ближайшаго кружка дѣятелей реформы, мало

---

[1]) Записка Д. П. Трощинскаго объ учрежденіи министерствъ—Сборникъ Импер. Русскаго Истор. Общества, т. III, стр. 59.

зналъ о ихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ, было ли это результатомъ того, что люди вообще склонны видѣть въ происходящемъ около нихъ круговоротѣ идей лишь то, что̀ имъ *хочется видѣть*, и не замѣчаютъ остальнаго, хотя бы и самаго важнаго, хотѣлъ ли, наконецъ, Трощинскій (какъ и другіе современники одного съ нимъ образа мыслей) изъ несовершенства реформы, изъ ея недоговоренности, вывести заключеніе въ пользу защищаемаго имъ вообще „коллежскаго обряда“ управленія государствомъ,—рѣшить трудно; можетъ быть, здѣсь дѣйствовали всѣ указанныя обстоятельства вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отказать Трощинскому въ своеобразіи пониманія начинавшейся реформы, почему мы и остановились на указаніи его мнѣнія нѣсколько подробно.

Если Трощинскій смотрѣлъ на учрежденіе министровъ только, какъ на стремленіе монарха „учрежденіемъ посредниковъ между собою и частями управленія *ускорить движеніе дѣлъ по коллежскому обряду*“, какъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей записки (стр. 34), т. е., иначе сказать, если онъ не понялъ *сущности* реформы, то цѣлый рядъ критиковъ, защищая прежнія коллегіи и критикуя министерскія учрежденія, отлично сознавалъ значеніе замѣны одного начала управленія другимъ. Минуя разборомъ замѣчанія гр. С. Р. Воронцова о министрахъ, высказанныя имъ въ письмѣ къ гр. Ѳ. В. Растопчину, въ которыхъ симпатіи этого государственнаго человѣка стоятъ на сторонѣ прежняго управленія Сената и коллегій [1]), остановимся хотя на одномъ, которое глубже и съ большими подробностями касается вообще системы министерскаго управленія по сравненію съ коллегіальнымъ. Въ

[1]) „La Russie a resisté à toute l'Europe continentale, que Bonaparte a traînée après lui, mais elle ne pourra pas resister au désordre interne, et il n'y a que le Sénat seul et les réglements des collèges établis par Pierre le Grand, qui peuvent remédier un mal, qu'on fait et feront toujours les ministres, qui travaillent tête-à tête avec le Souverain et peuvent l'induire en erreur volontairement ou malgré eux, par l'ignorance ou trompés par d'autres. Aucun ministre ne s'opposera jamais aux fausses mesures de son confrère par la crainte que celui-ci ne s'opposse aux siennes. C'est comme entre les deux médecins de Molière: „passez-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné“ (Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общества, т. III, стр 8, прим. 2).

1827 г., напр., появилась записка неизвѣстнаго автора, въ которой критиковались реформы Сперанскаго по отношенію къ государственнымъ учрежденіямъ и на которую Сперанскій отвѣчалъ извѣстнымъ своимъ трудомъ *о государственныхъ установленіяхъ*. Записка, между прочимъ, сравниваетъ министерства съ коллегіями, и, что особенно, на нашъ взглядъ, характерно, даже черезъ четверть вѣка (когда реформа по введенію въ дѣйствіе министерской системы управленія, казалось бы, должна привести къ какимъ-либо *положительнымъ* результатамъ), говоритъ о реформѣ *такъ*, какъ будто бы коллегіи исчезли только недавно, а министерства только-что начинали дѣйствовать. Это придаетъ запискѣ большую цѣну и по отношенію къ *Первому* учрежденію министерствъ. „Многія происходили сужденія",—говоритъ авторъ,—„о вопросѣ, министерское или коллегіальное управленіе *полезнѣе* для Россіи", и отвѣчаетъ, что „каждое изъ сихъ сужденій представляетъ хорошую и дурную сторону. Управленіе министровъ *можетъ имѣть* болѣе скорости въ исполненіи, обнимать въ бо̀льшей раздробительности предметы, представлять лучшую надежду къ успѣху въ отправленіи подвѣдомственныхъ дѣлъ, если министръ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, потребныя для его сана. Съ другой стороны, опытъ доказалъ, что учрежденіе въ Россіи министерствъ разрушило *единство* надзора, что съ перемѣною министровъ безпрестанно измѣняется *система* управленія, чего въ государствѣ благоустроенномъ допускать не должно и чему коллегіальное учрежденіе служитъ препятствіемъ, что слабый министръ въ рѣшеніи подлежащихъ ему предметовъ бываетъ подверженъ ошибкамъ, а слишкомъ на себя надежный перейдетъ границу ввѣренной ему власти, что содержаніе министерствъ ежегодно потребляетъ чрезмѣрныя суммы, что каждое вступленіе новаго министра влечетъ за собою удаленіе многихъ чиновниковъ, для успокоенія коихъ раздавали разновременно пенсіи, аренды, ордена и повышенія чинами. Наконецъ *коллегіальное управленіе я считаю полезнѣйшимъ потому, что Россія къ нему привыкла, и что оно соображено съ духомъ учрежденія объ управленіи губерній*" [1]). Итакъ

[1]) Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній Калачева, 1859 г., кн. 3, стр. 58.

даже черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ реформы люди, знавшіе тогдашнюю Россію, возбуждали еще вопросъ о пригодности одной или другой системы управленія къ нашей жизни! Какъ, однако, ни было много правды въ словахъ указаннаго автора, несомнѣнно будущее принадлежало *министерскому* или *единоличному* началу въ устройствѣ *административныхъ* учрежденій, и Сперанскій справедливо могъ сказать уже въ іюлѣ 1803 г., т. е. всего черезъ девять мѣсяцевъ послѣ реформы, что „обрядъ коллегій съ настоящимъ положеніемъ ихъ (т. е. съ тѣмъ, которое было дано имъ по манифесту объ учрежденіи министерствъ) *не соображенъ*“ и „*въ самомъ себѣ* представляетъ слѣдующія неудобства: а) *медленность, въ дѣлахъ управленія толико нетерпимая, составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда*; в) *недостатокъ раздѣленія работы* и постепеннаго ея совершенія, с) *множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный*, д) *недостатокъ отвѣтственности*“ [1]). На эту критику коллегіальнаго управленія, помѣщенную притомъ въ оффиціальномъ актѣ (во всеподданнѣйшемъ докладѣ), не преминулъ отвѣтить тотъ же Трощинскій и въ обширномъ разсужденіи доказывалъ, что „ни одна изъ причинъ, побудившихъ закрыть коллегіи и отмѣнить коллежскій обрядъ, не можетъ быть основательною“, и что „на мѣсто коллежскаго, т. е. *правильнаго* товарищескаго управленія, введено управленіе канцелярское, т. е. *произвольное* и единоличное, или форма такого управленія, въ которомъ каждое обстоятельство зависитъ отъ произвольнаго сужденія одного человѣка“ (ibidem, стр. 37—41). Не касаясь даннаго обмѣна мнѣній въ подробностяхъ, отмѣтимъ лишь одну весьма любопытную черту этихъ *двухъ* мнѣній: если Сперанскій видитъ въ коллегіяхъ только одни недостатки, то, наоборотъ, Трощинскій считаетъ *единоличный* принципъ управленія извращеніемъ *коллегіальнаго* и признаетъ

---

[1]) Полное Собр. Зак., ст. XXVII, № 20852, стр. 769. Сравн. также „Проектъ уложенія государственныхъ законовъ“, стр. 46 сл., гдѣ эти мысли развиваются болѣе подробно.

правильнымъ только второй. Современный юристъ, разумѣется, не можетъ примириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ толкованіемъ: такъ, для насъ, оба начала—коллегіальное и единоличное—одинаково, по идеѣ, *правильныя*, и все дѣло состоитъ лишь въ томъ, *гдѣ* и *какъ* примѣняются эти начала. Коллегіальный принципъ менѣе всего пригоденъ для устройства органовъ власти *исполнительной*, единоличный—законодательной и судебной. Оба разбираемые автора, однако, совершенно забываютъ объ этой сторонѣ вопроса, и каждый изъ нихъ не признаетъ въ порицаемомъ принципѣ *ничего* заслуживающаго уваженія. Объясненіе этого лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ обстоятельствѣ, что оба судятъ *по практикѣ* учрежденій, созданныхъ по тому или иному типу, и, такъ какъ въ глазахъ *одного* старыя *коллегіальныя* учрежденія административныя справедливо представляются непригодными къ жизни, то въ глазахъ *другаго*, къ нимъ привыкшаго и видящаго *министерскія* учрежденія въ ихъ фактической и довольно неприглядной обстановкѣ въ данное время, первыя являются правильными, вторыя—*извращенными* формами управленія. Значеніе принциповъ оцѣнивается ими *не по существу*, но лишь по ихъ фактическому *status quo*; но, такъ какъ *коллегіальный* принципъ организаціи *административныхъ* учрежденій, будучи поставленъ Петромъ Великимъ не на своемъ мѣстѣ въ началѣ XVIII вѣка, къ началу XIX вѣка во многомъ выродился, а *министерскій* только-что зарождался и не нашелъ еще для себя достаточно подготовленной почвы, почему и проявлялся иногда весьма уродливо, то оба автора были, каждый по своему, правы. Что это такъ, будетъ частью указано ниже, при разборѣ результатовъ реформы.

Мы привели образцы мнѣній, касавшихся вопроса о „коллежскомъ“ и „единоличномъ“ принципѣ управленія, вопроса, сдѣлавшагося столь важнымъ со времени установленія министерствъ у насъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и другой вопросъ, ставшій на очередь со времени манифеста 1802 г., а именно вопросъ о политической отвѣтственности министровъ. Минуя среднія мнѣнія по этому вопросу, высказывавшіяся современниками, остановимся лишь на крайнихъ, исходившихъ

изъ противоположныхъ основаній. Принципъ политической отвѣтственности, составляющій *существо* министерской системы управленія и впервые громко и опредѣленно провозглашенный въ манифестѣ 1802 г., вызвалъ тогда много толковъ; всѣ они, однако, сходились въ томъ, что манифестъ не далъ *достаточно* гарантій для осуществленія этого принципа, но расходились затѣмъ въ сужденіи о томъ, *необходимъ* ли вообще этотъ принципъ у насъ? По однимъ мнѣніямъ, этотъ принципъ, въ его *юридическомъ* обоснованіи, несовмѣстимъ съ нашимъ государственнымъ строемъ, а потому и излишенъ въ законѣ, по другимъ—онъ вполнѣ необходимъ, и если для его осуществленія манифестъ 1802 г. давалъ мало гарантій, надо было идти въ реформѣ дальше и дойти до конца. Если, напр., Ф. Ф. Вагель, отлично знавшій тогдашнюю нашу дѣйствительность, касаясь манифеста 1802 г., спрашивалъ— „передъ кѣмъ въ Россіи будутъ министры отвѣчать?—Предъ государемъ, который долго уважаетъ въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они соучастниками своихъ ошибокъ и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью [1]). . . .—т. е., какъ-бы вовсе не признавалъ отвѣтственности передъ Сенатомъ, установленной манифестомъ; если Н. М. Карамзинъ признавалъ эту же отвѣтственность „мнимою“ [2]) и спрашивалъ: „можетъ ли сія громогласная отвѣтственность министровъ быть въ самомъ дѣлѣ предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ?— Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно...“,—т. е., иначе говоря, вовсе не на-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 98.

[2]) Въ своей запискѣ о древней и новой Россіи, говоря объ учрежденіи министерствъ, Карамзинъ, между прочимъ, говоритъ: „Министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе, *хотя подвѣдомственные ему отчетами*, но, сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю!“ заграждали уста сенаторамъ, и *сія мнимая отвѣтственность была доселѣ простымъ обрядомъ*“.

ходилъ нужною организацію этой отвѣтственности *de jure*, то Сперанскій, отлично понимая, какъ несовершенно стояло дѣло съ этою отвѣтственностью на практикѣ, предполагалъ идти далѣе и создать для нея болѣе дѣйствительныя, какъ ему казалось, гарантіи въ будущемъ. Правда, это предположеніе Сперанскаго,—высказанное въ его существующемъ лишь на бумагѣ „планѣ государственнаго образованія", или, какъ его еще называютъ иначе, въ „проектѣ уложенія государственныхъ законовъ",—такъ и осталось простымъ предположеніемъ, и Сперанскій,—что̀ весьма важно отмѣтить,—въ своемъ учрежденіи министерствъ 1811 г. вовсе не занимается вопросомъ о политической отвѣтственности министровъ, но оно характерно для пониманія того обстоятельства, какъ отнеслись либеральные кружки времени (а въ нихъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе виднымъ лицомъ былъ именно Сперанскій) къ организаціи отвѣтственности министровъ передъ Сенатомъ по манифесту 1802 г. Сперанскій видѣлъ, что дѣло не удалось; онъ не жалѣлъ объ этомъ, однако [1]), и далъ въ указанномъ выше „проектѣ" очень интересное объясненіе причинъ этой неудачи и указаніе, какъ избѣжать ея въ будущемъ. Установивъ понятіе *политической* отвѣтственности министровъ (или, по терминологіи Сперанскаго, *государственной*) и указавъ на ея отличіе отъ *юридической* (по его терминологіи—

---

[1]) Говоря о правахъ, полученныхъ Сенатомъ надъ министрами, Сперанскій замѣчаетъ: „можетъ быть, въ другихъ обстоятельствахъ, въ высшей степени просвѣщенія, люди, *права сіи получившіе*, пользуясь ихъ наружностью и мало по малу ихъ усовершая, предуспѣли бы дать имъ современемъ *истинное бытіе*; но у насъ не могло сіе совершиться, и, впрочемъ, *жалѣть о семъ нельзя*, ибо изъ сего образовалось бы сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное" (Историческое Обозрѣніе, т. X, стр. 47, прим. 2). Что Сперанскій не ошибался въ своемъ заключеніи, видно изъ мемуаровъ современниковъ и другихъ данныхъ; по мнѣнію, напр., Чарторыйскаго, „идея реформы Сената заключалась въ томъ, чтобы отнять у Сената его исполнительную функцію, оставить ему роль высшаго судебнаго учрежденія, и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую вошли бы и депутаты отъ русской знати и приняли бы участіе въ обсужденіи и рѣшеніи разнаго рода законодательныхъ и административныхъ дѣлъ" (В. Г. Щегловъ, „Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I", стр. 180 и сл.).

личной) [1]), авторъ показываетъ, какъ устанавливается первая. „Отвѣтственность *государственная* всегда должна отличаться отъ отвѣтственности *личной*“, и она, по автору, должна состоять „въ томъ, что правительство, пріемля на себя уставы и учрежденія, *обязуется* передъ закономъ не допускать въ нихъ ничего ему противнаго. Обязанность сія не должна состоять только на словахъ; она должна быть существенною; а чтобъ быть таковою, она должна предполагать особенный порядокъ составленія закона и его охраненія; слѣдовательно, *установивъ государственную отвѣтственность, надлежало установить государственное сословіе, предъ коимъ она должна быть изъявляема*“. Что же было сдѣлано, однако, въ дѣйствительности по манифесту 1802 г.? „Предполагаемо было“— говоритъ Сперанскій,—„что Сенатъ *можетъ* занять мѣсто сего сословія. На сей конецъ весьма основательно признано было нужнымъ дать или возвратить ему нѣкоторыя права и нѣкоторый видъ бытія политическаго. Но бытіе политическое образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ сей слагается. Никогда мѣсто, по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія власти зависящее, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія (представительства). Такимъ образомъ отвѣтственность министерская не могла доселѣ у насъ существовать и, если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы въ семъ успѣть, ибо, гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать предъ нимъ нельзя“ [2]) (ibid.,

---

[1]) „Подъ именемъ отвѣтственности *личной*“,—говоритъ Сперанскій,—„разумѣть должно тѣ только взысканія, кои отъ державной власти происходятъ въ неисполненіи данныхъ уставовъ и учрежденій, а *государственная* отвѣтственность состоитъ въ сообразности самихъ сихъ уставовъ съ закономъ. Въ первой министръ отвѣчаетъ только за исполненіе принятой мѣры; а во второй онъ отвѣчать долженъ за самую *доброту* и правильность мѣры, имъ предложенной (ibidem, примѣч. I-ое).

[2]) Въ примѣчаніяхъ къ этому разсужденію Сперанскій замѣчаетъ, что „всего яснѣе доказываетъ сіе опытъ. Извѣстно, что отвѣтственность министровъ сначала обратила на себя нѣкоторое вниманіе; потомъ, не бывъ учреждена, на свой-

стр. 47). Согласно съ этимъ мнѣніемъ, Сперанскій, съ одной стороны,—въ своемъ „проектѣ уложенія государственныхъ законовъ“, изъ которыхъ мы беремъ это разсужденіе,—организуетъ политическую отвѣтственность, подчиняя министровъ „законодательному сословію“, или „государственной думѣ“ (ibid., стр. 42), съ другой—когда его „проектъ“ оказывается не только не осуществившимся, но даже неизвѣстнымъ *никому*, кромѣ Александра I, изъ современниковъ,—въ своемъ учрежденіи министерствъ 1811 г. совершенно о ней умалчиваетъ. Здѣсь нѣтъ противорѣчія между словомъ и дѣломъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда, а лишь логическій выводъ изъ его же собственнаго положенія, что „бытіе политическое образуется *не словами*“, какъ наивно, повидимому, думали совѣтники Александра I въ 1801—1802 г.г.,— „*а внутреннимъ началомъ*, изъ коего составъ его слагается“. Критикуя сильно вообще Первое учрежденіе министерствъ [1]), Сперанскій, однако, — какъ и слѣдовало ожидать, — стоитъ за самый принципъ организаціи *административныхъ* учрежденій по *единоличному* началу. „Нѣтъ сомнѣнія“,—замѣчаетъ онъ,—„что учрежденіемъ министерствъ въ 1802 г. положено весьма важное начало устройству государственнаго управленія“, такъ какъ „нѣтъ сравненія между симъ порядкомъ и тѣмъ, который ему предшествовалъ. Если бы круп-

---

ственномъ ей основаніи, она начала слабѣть, и, наконецъ, нынѣ почти о ней забыли...—Съ сего времени все искусство министерскаго поведенія состоитъ въ большей угодливости и въ нѣкотораго рода тактикѣ, чтобъ ничего на себя не принимать и казаться, однакоже, дѣйствующимъ“ (ibid., стр. 47, прим. 3, стр. 48, прим. 1).

[1]) Кромѣ „недостатка отвѣтственности“ министровъ, о чемъ мы говорили, Сперанскій къ „несовершенствамъ“ Перваго учрежденія министерствъ относитъ еще „нѣкоторую неточность и несоразмѣрность въ раздѣленіи дѣлъ и недостатокъ точныхъ правилъ или учрежденія, на коемъ должно дѣйствовать министерство“. По вопросу о послѣднемъ недостаткѣ Сперанскій замѣчаетъ, что „въ манифестѣ означенъ (былъ) только главными и общими чертами кругъ дѣйствій министровъ“; слѣдовало впослѣдствіи „устроить внутренній порядокъ (въ министерствахъ) и правильнымъ раздѣленіемъ работъ ускорить и облегчить ходъ дѣлъ. Сего, однакожъ, не было сдѣлано“; затѣмъ Сперанскій даетъ рядъ соображеній по вопросу, не лишенныхъ своего значенія и для современнаго положенія дѣлъ въ министерствахъ (ibidem., стр. 50—55).

ныя обстоятельства политическія постигли управленіе въ томъ неустройствѣ, когда все гражданское управленіе состояло въ хаосѣ дѣлъ, ввѣренныхъ почти одному генералъ-прокурору, замѣшательство и затрудненіе дошло бы до самой высшей степени, и не только движеніе частей не было бы соразмѣрно быстротѣ происшествій, но и совсѣмъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно остановилось“ (ibidem, стр. 46 прим.). Реформа, такимъ образомъ,—какъ бы она ни была несовершенна сама по себѣ,—получала значеніе по сравненію прошедшаго состоянія дѣлъ съ настоящимъ; въ этомъ было ея оправданіе, а „слѣдовательно“,—добавляетъ Сперанскій,—„должно не только сохранить его (учрежденіе министерствъ), но, по возможности, усовершить и усилить“, что̀ Сперанскій и пытается сдѣлать позднѣе, въ учрежденіи министерствъ 1811 г., и пытается, для своего времени, весьма удачно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АКТЫ И СВИДѢТЕЛЬСКІЯ ПОКАЗАНІЯ ВЪ ГРАЖДАНСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКѢ.

А. М. Гуляева.

Чѣмъ меньше соотвѣтствія наблюдается между постоянно развивающимися потребностями гражданскаго оборота и регулирующимъ ихъ закономъ, тѣмъ чаще встрѣчается явленіе такъ называемаго обхода закона — совершеніе сдѣлокъ въ обходъ закона. Явленіе это заключается въ томъ, что истинная воля сторонъ укрывается, и притомъ намѣренно, за такую внѣшнюю форму, которая этой волѣ вовсе не соотвѣтствуетъ. Получается такимъ образомъ разладъ между истиннымъ намѣреніемъ сторонъ и тѣмъ направленіемъ воли, о которомъ можно заключить по содержанію сдѣлки. На разладъ этотъ ссылается одна изъ сторонъ или третьи заинтересованныя лица, въ цѣляхъ опроверженія существующаго акта и для установленія соотвѣтствія между фактическими обстоятельствами и истинной волей сторонъ. И вотъ, когда дѣлается ссылка на существованіе разлада между истинной волей и волей, обнаруженной въ сдѣлкѣ, необходимымъ представляется разрѣшить вопросъ, которой же волѣ отдать предпочтеніе, той ли, которая выражена въ сдѣлкѣ, такъ сказать, волѣ открытой, или же той, которая не выражена, но существованіе которой можно установить инымъ путемъ,—волѣ скрытой?

Римскіе юристы разрѣшили вопросъ этотъ во второмъ смыслѣ: plus valere quod agitur quam quod simulate concipitur (Cod. IV. 22) [1]). Въ такомъ же смыслѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ и проектъ будущаго нашего гражданскаго уложенія въ ст. 24: „...Договоръ, заключенный подъ видомъ другаго договора (*притворный* договоръ), обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, который стороны въ дѣйствительности имѣли намѣреніе заключить". Иное постановляетъ дѣйствующій нашъ законъ, ст. 1538 ч. I, т. X.—„При исполненіи договоры должны быть изъясняемы по *словесному* йхъ смыслу", ст. 1536 — „договоры должны быть исполняемы по точному оныхъ разуму, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и невзирая ни на какихъ особъ" [2]).

Итакъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона (но не судебной практики) правда—въ актѣ; для будущаго нашего права актъ можетъ и не имѣть силы, правда можетъ быть и внѣ акта, который служитъ только скрывающей истинную волю сторонъ маской. Послѣдній взглядъ проводится и въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената.

Если предпочтеніе отдается скрытой волѣ, предполагаемой истинною, то чѣмъ и какъ установить, что вмѣсто воли, выраженной въ актѣ, существовала другая воля и что эта-то воля и есть истинная воля сторонъ? Прежде всего надлежитъ опредѣлить кругъ тѣхъ случаевъ, когда имѣется на лицо разладъ между истинною волей и волею выраженной, когда наблюдается такъ называемая притворная — симулятивная—сдѣлка.

Примѣнительно къ источникамъ римскаго и каноническаго права, теорія выставляетъ два случая преднамѣреннаго

---

[1]) In contractibus rei veritas potius quam scriptura prospici debet. l. 1 Cod. eod. — Acta simulata... veritatis substantiam mutare non possunt. l. 2 Cod. eod.— Emptione pignoris causa facta non quod scriptum sed quod gestum est inspicitur. l. 3. Cod. eod.

[2]) Объяснительная записка къ ст. 24 проекта, дѣлая ссылку на ст. 698 прим. 2, ст.ст. 991, 1529 и 2114, ч. I, т. X, вовсе не упоминаетъ ст. 1536 и 1538; между тѣмъ обѣ эти статьи, относясь къ договорамъ, имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросу.

разлада между обнаруженною въ актѣ [1]) волею и истиннымъ намѣреніемъ лица — reservatio mentalis и simulatio [2]).

Конкретная обстановка перваго случая такова: совершая волеизъявленіе опредѣленнаго содержанія, субъектъ выражаетъ не ту волю, какую въ дѣйствительности имѣетъ, и такимъ образомъ вводитъ въ заблужденіе то лицо, по адресу котораго выражаетъ свою волю. Во второмъ случаѣ обнаруживается также не истинная воля, но какъ лицо, выражающее волю, такъ и то лицо, для котораго воля выражается, т. е. обѣ стороны, участвующія въ совершеніи акта, знаютъ, что выраженная въ актѣ воля не совпадаетъ съ истиннымъ ихъ намѣреніемъ; оба лица только притворяются, что совершаютъ данный актъ, а на самомъ дѣлѣ совершаютъ они нѣчто совсѣмъ иное; въ заблужденіе вводятся не стороны, а третьи лица.

Оставляя въ сторонѣ reservatio mentalis, какъ моментъ, лишенный значенія въ смыслѣ обезсиленія совершаемаго акта, обращаемся къ симуляціи въ широкомъ значеніи этого термина [3]).

Въ виду какихъ цѣлей и по какимъ причинамъ совершаются симулятивныя сдѣлки?

Цѣль совершенія симулятивной сдѣлки—вызвать опредѣленный юридическій эффектъ, соотвѣтствующій содержанію совершаемаго акта, но не соотвѣтствующій истинному намѣ-

---

[1]) Изъявленіе воли joci causa сюда не относится, такъ какъ рѣчь идетъ о дѣловой волѣ, разсчитанной на юридическій эффектъ (Geschäftswille).

[2]) Savigny—System III, 259; Vangerow I § 85; Windscheid Pand. I § 75; Puchta—Pand. § 65; Arndts § 60; Dernburg—Pand. I § 100; Baron—Pand. § 50, I; Bekker § 98; Hölder § 41; Regelsberger § 141. Cosack—Lehrbuch des deutschen bürg. R. I § 64, Leonhard—Der allgem. Theil des Bürg. Gesetzbuchs § 97, Matthias—Lehrbuch des bürg. Rechts I, 207.— Шире становится вопросъ о симулятивныхъ сдѣлкахъ во французской юриспруденціи—Ср. Planiol—Traité élémentaire de droit civil II 1239—1264, гдѣ симулятивною считается всякая сдѣлка, парализуемая скрытой истинной волей.

[3]) Терминъ „симуляція" неизвѣстенъ языку нашего закона, хотя понятіе симуляціи и не чуждо Своду законовъ гражданскихъ. Въ практикѣ Сената самый терминъ встрѣчается впервые на почвѣ истолкованія не 1 ч. X т., а гражданскаго кодекса Царства Польскаго. Рѣш. Гр. К. Д. 1879 г. № 318.

ренію сторонъ. Причины же, почему сдѣлка облекается въ притворную (симулятивную) форму, бываютъ многообразны. Притворная сдѣлка можетъ быть совершена по той причинѣ, что стороны, имѣя полную возможность совершать актъ, разсчитанный на другія юридическія послѣдствія, отдаютъ предпочтеніе, по извѣстнымъ имъ соображеніямъ, данному акту; съ другой стороны, контрагенты не могутъ совершить желательный для нихъ актъ, потому ли, что не обладаютъ достаточной правоспособностью, или же потому, что предметъ, о которомъ желательно совершить актъ, оказывается связаннымъ въ своей оборотоспособности. Случаи послѣдняго рода особенно часты въ нашей судебной практикѣ.

Классическимъ, можно сказать, типичнымъ случаемъ является совершеніе сдѣлки, гарантирующей возвратъ денежной суммы установленіемъ обезпеченія на такомъ имуществѣ, которое не можетъ подлежать залогу въ обычныхъ для залоговой сдѣлки формахъ. Какъ извѣстно, предметомъ залога и объектомъ закладной крѣпости могутъ быть только имущества, принадлежащія залогодателю на правѣ собственности (ст. 1629, ч. I, т. X), являющіяся объектомъ свободнаго владѣнія (ст. 1630, ч. I, т. X): посему имущества, состоящія въ зависимомъ владѣніи, не могутъ быть отдаваемы въ залогъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ вообще устанавливается залоговое право,—на такія имущества не можетъ быть совершена закладная въ порядкѣ ст. 1642 — 1648, ч. I, т. X. Какъ же быть въ томъ случаѣ, когда владѣльцу имущества, состоящаго въ зависимомъ владѣніи, представляется необходимымъ добыть денежную сумму, а другаго обезпеченія, кромѣ даннаго недвижимаго имущества, у него нѣтъ? Практика придумала на этотъ случай рискованную сдѣлку, напоминающую римскую fiducia и германскую Satzung: отношеніе облекается въ форму продажи закладываемаго въ сущности имущества, покупщикъ (de facto—залогодержатель) становится къ имуществу въ такое положеніе, въ какомъ находился продавецъ; продажа такого имущества совершается въ той формѣ, какая, по дѣйствующему

закону, существуетъ для пріобрѣтенія и отчужденія даннаго рода имуществъ: такъ, недвижимыя имущества въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, гдѣ существуетъ чиншевое право, отчуждаются и пріобрѣтаются, согласно примѣч. ст. 193 уст. о пошл., посредствомъ утвержденія продажной сдѣлки владѣльцемъ-помѣщикомъ; такого же рода утвержденіе представляется необходимымъ при отчужденіи постройки, сооруженной на чужой землѣ,—со стороны владѣльца земли, для установленія въ лицѣ пріобрѣтателя такого же зависимаго владѣнія, какое существовало и у продавца. Сдѣлка подобнаго рода вполнѣ обезпечиваетъ (фактическаго) залогодержателя, потому что формально, по документамъ, ему принадлежитъ то право на имущество, какое по документамъ принадлежало залогодателю-продавцу. Залоговой характеръ сдѣлки вовсе и не обнаруживается здѣсь; здѣсь наблюдается только тотъ конечный результатъ, къ которому могло бы привести осуществленіе залоговаго права. Кроющееся подъ формой купли-продажи отношеніе залогодателя къ залогодержателю можетъ быть разработано не въ одинаковомъ направленіи: такъ, продавецъ (залогодатель)—что обыкновенно и бываетъ—можетъ и послѣ совершенія продажнаго акта оставаться фактическимъ владѣльцемъ имущества, принимая на себя обязательство погасить свой долгъ единовременно или же погашать его періодически; но возможно поставить дѣло и такъ, что залогодержатель вступаетъ въ фактическое отношеніе къ имуществу и получаемыми съ имущества доходами погашаетъ принадлежащее ему требованіе въ суммѣ ссуды съ процентами, между тѣмъ какъ истинный хозяинъ на все время существованія долга выходитъ изъ фактическаго непосредственнаго отношенія къ имуществу. По погашеніи суммы долга залогодержателю предстоитъ совершить обратную продажу находившагося у него въ сущности въ залогѣ недвижимаго имущества: но если онъ этого сдѣлать не желаетъ, то, спрашивается, какими мѣрами можетъ быть вынуждено возвращеніе имущества истинному хозяину-залогодателю. Обыкновенно скрытое соглашеніе (negotium dissimulatum) не формулируется и во всякомъ случаѣ не оставляетъ по себѣ такихъ осяза-

тельныхъ слѣдовъ, какіе имѣетъ продажа (negotium simulatum) въ видѣ продажнаго акта, обосновывающаго права залогодержателя. Въ этомъ отсутствіи акта [1]), который обезсиливалъ бы продажную сдѣлку, и заключается для продавца-залогодателя огромный рискъ; отношеніе въ большинствѣ случаевъ покоится на зыбкой почвѣ личнаго другъ къ другу довѣрія, которое легко можетъ быть не оправдано сторонами, для наслѣдниковъ же ихъ утрачиваетъ всякое значеніе. На почвѣ такихъ отношеній и развиваются весьма частые и довольно однообразные процессы, когда необезпеченный въ своихъ интересахъ залогодатель требуетъ отъ отвѣтчика-залогодержателя (по документамъ—покупщика) возвращенія полученнаго послѣднимъ имущества, а отвѣтчикъ ссылается на оправдывающій его владѣнія продажный актъ.

Другой случай. Существуютъ группы населенія съ ограниченною правоспособностью въ отношеніи владѣнія недвижимостями внѣ городовъ и мѣстечекъ: иностранцы [2]), евреи [3]), лица польскаго происхожденія въ западныхъ губерніяхъ [4]). Желая тѣмъ не менѣе извлекать выгоды изъ владѣнія землею въ уѣздѣ, эти лица [5]) вынуждены прибѣгать къ подъименному владѣнію, т. е. обращаются къ мало скрупулезному, но обладающему полною правоспособностью лицу, снабжая его средствами на пріобрѣтеніе имѣнія, сами же, юридически, являются лишь арендаторами (поскольку право аренды предоставлено имъ) пріобрѣтеннаго на чужое имя имѣнія. Разладъ между истинной волей и волей, обнаруженной при покупкѣ имѣнія на чужое имя, наблюдается не относительно купчаго акта, потому что продавцу и нотаріусу,

---

[1]) Французскому праву извѣстны такіе акты, обезсиливающіе явный актъ—contrelettres, о которыхъ говорится въ art. 1321 c. c.

[2]) Прил. къ ст. 830 т. IX; прил. къ ст. 698 (прим. 3) ч. 1 т. X, изд. 1900 года.

[3]) ст. 780, 781 т. IX.

[4]) Прил. къ ст. 698 (прим. 2) 1 ч. X т.

[5]) И не только эти, но и всякія другія, коимъ мѣстные генералъ-губернаторы или губернаторы откажутъ въ выдачѣ свидѣтельства о правѣ на пріобрѣтеніе недвижимости.

при совершеніи и утвержденіи купчей, нѣтъ надобности знать, на чьи собственно деньги покупается имѣніе; продавецъ имѣетъ здѣсь во всякомъ случаѣ серьезное намѣреніе совершить отчужденіе имѣнія, а покупщикъ также серьезно покупаетъ имѣніе. Несоотвѣтствіе явнаго акта скрываемому намѣренію наблюдается здѣсь въ арендномъ контрактѣ, который долженъ оправдывать владѣніе арендатора, въ сущности истиннаго пріобрѣтателя имѣнія, предъ третьими лицами. Стороны, и юридическій и фактическій владѣлецъ, знаютъ, что заключенный между ними арендный контрактъ вытекаетъ вовсе не изъ намѣренія обосновать арендныя отношенія; стороны знаютъ, что договоръ этотъ не болѣе, какъ весьма несовершенная форма, что договоръ этотъ и заключенъ для того лишь, чтобы оправдать владѣніе лица неправоспособнаго, что въ сущности неправоспособному лицу принадлежитъ не только право аренднаго владѣнія, но и мѣновая цѣнность имѣнія,—а въ силу сего содержаніе договора и не подлежитъ вовсе исполненію.

Всѣ эти отношенія сопряжены съ значительнымъ рискомъ для неправоспособнаго владѣльца, будучи основаны на довѣріи къ личности покупщика, дающаго свое имя: при нежеланіи послѣдняго возобновить контрактъ съ подъименнымъ владѣльцемъ неправоспособный владѣлецъ легко можетъ потерять данныя имъ на пріобрѣтеніе имѣнія средства, если, разумѣется, не позаботился обезпечить себя обязательствами подставнаго лица; но фактическое отношеніе къ имѣнію для него во всякомъ случаѣ прекращается.

Близко къ этому случаю подходитъ заключеніе договора съ цѣлью подложнаго переукрѣпленія имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ (ст. 1529 п. 2, ч. I т. X); здѣсь разладъ между волей, обнаруженной въ актѣ переукрѣпленія, и истинными намѣреніями контрагентовъ: отчужденіе имѣнія совершается здѣсь не для извлеченія изъ него мѣновой его цѣнности одною стороной и не для осуществленія экономическаго его назначенія—другою, а съ цѣлью лишить заимодавцевъ возможности обратить взысканіе на принадлежавшій должнику объектъ. Должнику, отчуждающему имѣніе, и прі-

обрѣтателю имѣнія извѣстна цѣль сдѣлки, извѣстна ея несерьезность, которую однако они желаютъ скрыть отъ заимодавцевъ. Сдѣлка обыкновенно заключается съ близкими людьми, супругомъ, родственниками, вообще съ лицами, къ которымъ есть основаніе питать довѣріе. Сама по себѣ, съ внѣшней стороны, съ точки зрѣнія формы, сдѣлка обыкновенно представляется безупречной; но внутренняя сторона сдѣлки, ея animus, вовсе не соотвѣтствуетъ формѣ. Однако этотъ разладъ можетъ обнаружиться уже впослѣдствіи, при сопоставленіи обстоятельствъ, предшедствовавшихъ совершенію сдѣлки, съ обстоятельствами послѣдующими, когда откроется, что сдѣлка не оказала никакого вліянія на фактическую перемѣну тѣхъ отношеній, въ виду которыхъ сдѣлка эта была совершена.

Весьма распространеннымъ является случай выдачи векселей, какъ средство обезпечивающаго исполненіе какого-либо обязательства со стороны векселедателя. По соглашенію между векселедержателемъ и векселедателемъ выданные послѣднимъ первому векселя подлежатъ предъявленію ко взысканію въ томъ лишь случаѣ, если обезпечиваемое векселями требованіе векселедержателя не будетъ исполнено векселедателемъ, до наступленія же срока требованію, равно по исполненіи послѣдняго, векселя не подлежатъ оплатѣ; но для третьяго лица и такіе векселя обладаютъ полною вексельною силой.

Подобнымъ же образомъ выдаются и другія обязательства, напр., закладныя крѣпости, назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы представлять извѣстную цѣнность, которая, впрочемъ, въ силу особаго между сторонами соглашенія не подлежитъ реализаціи соотвѣтственно содержанію акта. Такъ, родители невѣсты, съ цѣлью исполнить требованіе военныхъ законовъ о реверсѣ, выдаютъ жениху, молодому офицеру, закладную на принадлежащее имъ имущество: закладная эта не подлежитъ реализаціи, въ силу соглашенія сторонъ, имѣя своимъ назначеніемъ лишь представить опредѣленную цѣнность, что хорошо извѣстно сторонамъ, но не должно быть извѣстно военному начальству, въ глазахъ котораго такая закладная представляетъ серьезное обязательство

родителей невѣсты. Пока между сторонами закладной существуютъ добрыя отношенія, все обстоитъ благополучно; но когда между зятемъ-офицеромъ и родителями его жены возникнутъ нелады, то бываютъ случаи, что мнимый залогодержатель предъявляетъ закладную ко взысканію, т. е. пользуется закладной такъ, какъ могъ бы воспользоваться настоящій залогодержатель.

Несмотря на все разнообразіе въ содержаніи изложенныхъ выше сдѣлокъ, всѣмъ имъ свойственны слѣдующія общія черты: выражая свою волю въ опредѣленномъ направленіи и облекая ее въ соотвѣтствующую, закономъ предписанную, форму, стороны въ то же время имѣютъ другую волю, въ актѣ не выраженную; эта послѣдняя воля извѣстна обѣимъ сторонамъ, но для третьихъ лицъ извѣстна только та воля, которая выражена въ актѣ; одновременное существованіе двухъ волеизъявленій, однимъ изъ коихъ парализуется другое, а слѣдовательно и рѣчь о притворности (симулятивности) акта, можетъ быть только въ области отношеній двустороннихъ (empfangsbedürftige Rechtsgeschäfte).

Всѣ изображенныя выше сдѣлки являются сдѣлками притворными (симулятивными), потому что во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ выражается притворная воля сторонъ, не подлежащая осуществленію, въ виду другой скрытой воли. Въ нѣмецкой юриспруденціи однако симулятивными сдѣлками признается лишь одинъ видъ среди тѣхъ сдѣлокъ, въ которыхъ наблюдается разладъ между истинною волей и волей, выраженною въ актѣ, и устанавливается различіе между сдѣлками фиктивными, фидуціарными и симулятивными въ тѣсномъ смыслѣ [1]). Нашъ проектъ различаетъ договоры мнимые и договоры притворные [2]); но понятно, что всякій мнимый договоръ есть въ то же время и договоръ притворный, тогда какъ не всякій притворный

---

[1]) Regelsberger—Pandekten § 141; Kohler—Jahrbücher für Dogmatik XVI S. 140.

[2]) Ст. 24. „Договоръ, заключенный только для виду (мнимый договоръ), признается недѣйствительнымъ. Договоръ, заключенный подъ видомъ другаго (притворный договоръ), обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, который стороны въ дѣйствительности имѣли намѣреніе заключить“.

договоръ оказывается въ то же время и мнимымъ. И то, что̀ называется въ проектѣ мнимымъ договоромъ, и то, что̀ фигурируетъ подъ названіемъ договора притворнаго, игнорируется; мнимый и притворный договоры не выражаютъ истинной воли сторонъ, вызывать же юридическій эффектъ можетъ истинная, серьезная воля контрагентовъ.

Когда дѣло уже раскрыто и отношенія между контрагентами выяснены,—какъ это наблюдается въ приведенныхъ выше случаяхъ,—то не можетъ подлежать сомнѣнію, что серьезное значеніе должно быть придано скрытому серьезному соглашенію (negotium dissimulatum), а не тому акту, который, несмотря на строгость своей формы, лишенъ серьезнаго значенія въ глазахъ контрагентовъ и совершенъ только для того, чтобы ввести въ заблужденіе третьихъ лицъ: plus valere quod agitur quam quod simulate concipitur.

Но если мы придемъ къ такому выводу, удовлетворяющему чувству справедливости, то неразрѣшеннымъ все-же остается вопросъ о томъ, какъ-же доказать, что данный актъ есть negotium simulatum, что за нимъ кроется иная, въ актѣ не выраженная, воля, которая однако только и должна быть принята въ соображеніе, между тѣмъ какъ содержаніе акта имѣетъ не болѣе значенія, какъ пустой звукъ, разсчитанный на то, чтобы ввести постороннихъ лицъ и судъ въ заблужденіе?

Чѣмъ сильнѣе желаніе контрагентовъ ввести постороннихъ лицъ въ заблужденіе относительно истинныхъ своихъ намѣреній, тѣмъ болѣе строгія мѣры предосторожности будутъ приняты съ этою цѣлью контрагентами, которые, питая другъ къ другу довѣріе, совершатъ актъ соотвѣтственно всѣмъ требованіямъ закона, касающагося актовъ для даннаго рода отношеній. Между тѣмъ для того, чтобы опровергнуть мнимую серьезность воли, выраженной въ актѣ, необходимо доказать, что у контрагентовъ была другая воля, необходимо опровергнуть содержаніе акта.

Доказывать существованіе другой воли, а слѣдовательно и наличность разлада между волею, выраженною въ актѣ, и волею скрытою, можетъ или контрагентъ, довѣріе котораго

къ другому контрагенту этимъ послѣднимъ употреблено во зло, или же третьи лица, заинтересованныя въ томъ, чтобы раскрыть истинныя намѣренія контрагентовъ; сообразно сему и искъ долженъ быть предъявленъ либо однимъ контрагентомъ къ другому, либо третьимъ лицомъ къ обоимъ контрагентамъ.

Цѣль иска заключается въ уничтоженіи явной воли и въ возстановленіи дѣйствія воли скрытой. Нужно, значитъ, опредѣлить прежде всего, что̀ подлежитъ уничтоженію, каковъ тотъ объективный составъ, который подлежитъ разрушенію.

Актъ въ широкомъ смыслѣ сего слова, актъ юридическій, можетъ быть двоякаго рода—или словесный, или письменный. По дѣйствующему нашему закону, можно выставить въ качествѣ общаго положенія, что юридическій актъ долженъ быть облеченъ въ письменную форму. Самый терминъ „актъ" имѣетъ у насъ болѣе узкое значеніе—письменнаго документа, свидѣтельствующаго объ укрѣпленіи правъ на имущества [1]). Словесный актъ имѣетъ значеніе лишь терпимаго явленія и фигурируетъ въ законѣ въ видѣ исключенія: наши гражданскіе законы касаются главнымъ образомъ оборота недвижимыхъ имуществъ, а укрѣпленія правъ на имущества этого рода совершаются въ письменной формѣ. Словесная форма совершенія акта допускается дѣйствующимъ закономъ въ немногочисленныхъ случаяхъ [2]); впрочемъ и въ этихъ

---

[1]) Заголовокъ гл. 3 разд. III кн. II ч. I т. X „о порядкѣ укрѣпленія правъ на имущества или объ *актахъ вообще*"; ср. ст. 711. „Движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами, безъ всякихъ *письменныхъ актовъ*, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ". Ст. 438 уст. гр. суд. „Къ письменнымъ доказательствамъ относятся не только акты крѣпостные и нотаріальные, явленные къ засвидѣтельствованію и домашніе, о коихъ упоминается въ законахъ гражданскихъ, но и другія бумаги"; ст. 318 ч. II т. X изд. 1857 г. „Письменныя доказательства суть акты, удостовѣряющіе чье-либо право или обязанность".

[2]) Законъ допускаетъ совершеніе акта въ неписьменной формѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: мѣна движимыхъ имуществъ—ст. 1380 ч. I т. X; купля-продажа движимости—ст. 1510; наемъ движимыхъ имуществъ—ст. 1700; наемъ недвижимостей городскихъ—ст. 1702; заемъ не свыше 12 рублей въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской—ст. 2032; ссуда—ст. 2064 въ соотвѣтствіе со ст. 711;

случаяхъ дѣловая осторожность, а въ особенности желаніе совершить притворную въ широкомъ смыслѣ сдѣлку, побудятъ контрагентовъ облечь сдѣлку въ письменную форму. Но между письменными актами, предписанными на данный случай въ законѣ, и письменными актами, совершенными въ этой формѣ безъ принужденія къ тому со стороны закона, существуетъ большая разница: добровольное, такъ сказать, облеченіе юридическаго акта въ письменную форму служитъ лишь къ вящшему укрѣпленію такого права, которое возникло и существуетъ и независимо отъ письменнаго акта [1]); если бы письменнаго акта и не было, то наличность акта (юридическаго акта въ широкомъ смыслѣ, какъ способа пріобрѣтенія правъ на имущества—ст. 699 ч. 1 т. X) все-же возможно было бы установить, и прежде всего путемъ свидѣтельскихъ показаній.

Отсюда слѣдуетъ сдѣлать и обратный выводъ, а именно, что содержаніе письменнаго акта, совершеннаго по поводу отношенія, для котораго закономъ не предписана письменная форма,—можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей, такъ что письменная форма совершенія постольку лишь заслуживаетъ уваженія, поскольку текстъ акта соотвѣтствуетъ дѣйствительности; допущеніе же провѣрки степени этого соотвѣтствія должно быть всегда возможнымъ [2]).

отдѣльные случаи поклажи—ст. 2112 и отдѣльные случаи личнаго найма—ст. 2226.

[1]) „Событія, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія", ст. 409 уст. гр. суд.

[2]) Практика иначе толкуетъ ст. 410 уст. гр. суд. „Содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей, за исключеніемъ споровъ о подлогѣ". Изъ текста этой статьи дѣлается такой выводъ, что облеченіе юридическаго акта въ письменную форму или засвидѣтельствованіе акта у нотаріуса исключаетъ возможность провѣрки документа и опроверженія его содержанія свидѣтельскими показаніями. Но такое толкованіе ст. 410 уст. гр. суд. сдѣлало бы письменные акты,—даже въ случаѣ добровольнаго ихъ совершенія,—непререкаемымъ доказательствомъ истины, освятило бы торжество формы, упразднивъ значеніе истинной воли сторонъ, и узаконило бы въ гражданскомъ оборотѣ то явленіе, что неграмотная или малограмотная часть населенія попала бы въ полную зависимость отъ болѣе грамотной части населенія. Условія дѣй-

Инымъ характеромъ отличаются акты, которые должны быть совершены въ опредѣленной, письменной формѣ, акты для которыхъ письменная форма является conditio sine qua non: опроверженіе содержанія такихъ актовъ свидѣтелями не можетъ быть допущено.

Законъ устанавливаетъ такимъ образомъ рѣзкую разницу между доказательной силой свидѣтельскихъ показаній и силою письменныхъ актовъ, отдавая рѣшительное предпочтеніе послѣднимъ. Почему?—Потому что фиксированная въ видѣ письменныхъ знаковъ воля сторонъ представляется твердо установленной въ моментъ совершенія акта; соблюденіе строгихъ требованій закона относительно формы акта является гарантіей того, что содержаніе акта покрываетъ собою истинную волю сторонъ, по крайней мѣрѣ въ моментъ соверше-

---

ствительности менѣе всего оправдываютъ такое толкованіе, и Правительствующій Сенатъ въ многочисленныхъ рѣшеніяхъ отклоняется отъ строгаго примѣненія ст. 410. Въ иномъ смыслѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ г. Исаченко (т. II стр. 305): „По буквальному тексту ст. 410, содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями; *слѣдовательно* (?): содержаніе такихъ же документовъ, совершенныхъ *домашнимъ* порядкомъ, можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями. Это прямой смыслъ 410 ст., *и противъ этого никакого спора быть не можетъ* (?)“. Какъ ни категорично это заявленіе, едва-ли оно можетъ быть признано правильнымъ. Г. Исаченко устанавливаетъ противоположность между актами, установленнымъ порядкомъ совершенными, и актами домашними. Но законъ не даетъ основаній къ установленію этихъ двухъ противоположныхъ категорій. Существуетъ противоположность между актами домашними и засвидѣтельствованными; но акты домашніе не противополагаются въ законѣ актамъ, установленнымъ порядкомъ совершеннымъ, потому что и домашніе акты могутъ принадлежать къ категоріи актовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ: ст. 707 ч. 1 т. X гласитъ—„укрѣпленіе правъ на имущества производится: крѣпостными, нотаріальными, явочными или *домашними актами*“; „о составленіи актовъ домашнихъ“ говорятъ ст. 917—923 ч. 1 т. X. Вѣдь, если стать на точку зрѣнія г. Исаченко, то домашнее духовное завѣщаніе не есть актъ, установленнымъ порядкомъ совершенный, точно такъ же, какъ и домовое заемное письмо (ст. 2036), сохранная расписка (ст. 2104), обязательства, расписки, счеты (ст. 991), неявленные векселя (ст. 8 уст. о векс.) и т. п., несмотря на соблюденіе требованій закона относительно формы ихъ совершенія, должны быть признаны за акты, совершенные не установленнымъ порядкомъ. Дѣло не въ томъ, есть ли данный актъ домашній или не домашній, а въ томъ, соотвѣтствуетъ ли способъ совершенія акта требованіямъ закона, возможно ли внѣ этой формы совершеніе даннаго акта или нѣтъ.

нія акта, что актъ является точнымъ отраженіемъ воли контрагентовъ. Фиксированная въ актѣ воля и есть то основаніе, которымъ долженъ опредѣляться дальнѣйшій образъ дѣйствій контрагентовъ, пока измѣнившаяся ихъ воля не создастъ новаго основанія для иного образа дѣйствій. Но для того, чтобы установить фактъ измѣненія воли, необходимо имѣть на лицо такую же твердо фиксированную волю, какая наблюдалась въ первоначальномъ актѣ.

Только actus contrarius способенъ отмѣнить или измѣнить первоначальный актъ, но не та воля, которая еще не успѣла отлиться въ опредѣленную форму, не та воля, о существованіи которой можно лишь судить съ большею или меньшею вѣроятностью: а между тѣмъ показанія свидѣтелей представляютъ собою именно не что иное, какъ отраженіе болѣе или менѣе субъективныхъ впечатлѣній постороннихъ лицъ о тѣхъ фактахъ, въ которыхъ обнаружилась воля сторонъ; но впечатлѣнія постороннихъ лицъ и истинная воля контрагентовъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ равносильные моменты: по показаніямъ свидѣтелей можно судить лишь о томъ, какою представлялась воля сторонъ постороннимъ лицамъ, тогда какъ письменный актъ служитъ полнымъ отраженіемъ и воспроизведеніемъ воли контрагентовъ; письменный актъ—это твердый и прочный слѣдъ воли, между тѣмъ какъ показанія свидѣтелей—лишь отраженіе субъективныхъ впечатлѣній съ сопутствующею имъ субъективной окраской. Поэтому опровергать содержаніе такого письменнаго акта, который является conditio sine qua non для бытія юридическаго отношенія, свидѣтельскими показаніями—это значитъ замѣнять истинную волю сторонъ личными впечатлѣніями постороннихъ сдѣлкѣ субъектовъ. Быть можетъ, послѣ совершенія акта воля контрагентовъ и измѣнилась; и если измѣненіе воли не вызываетъ недоразумѣній между сторонами, то для нихъ (а, разумѣется, не для третьихъ заинтересованныхъ лицъ) первоначальный актъ утрачиваетъ присущее ему значеніе и силу, будучи замѣненъ послѣдующими соглашеніями. Но разъ между сторонами возникаютъ несогласія или разъ возникшее на основаніи акта юридическое отношеніе пред-

ставляетъ юридическій интересъ для третьихъ лицъ, то предъ лицомъ суда существуетъ только то, что̀ выражено въ актѣ: quod non est in actis non est in mundo, и опровержение содержанія акта ссылкою на событія, о которыхъ говорятъ свидѣтели, не представляется возможнымъ, потому что— пусть возстанавливаемые свидѣтелями факты и говорятъ о волѣ сторонъ—но каждый такой фактъ говоритъ о послѣдующихъ моментахъ проявленія воли сторонъ, а не о томъ моментѣ, изъ котораго возникло отношеніе, вызывающее теперь споръ не о томъ моментѣ, который нашелъ свое выраженіе въ актѣ. Нелицепріятнымъ доказательствомъ обнаруженія воли признаются лишь письмена, а показанія свидѣтелей принимаются въ доказательство тѣхъ только событій, въ которыхъ, хотя и проявляется воля лица, но воля, не составляющая содержанія юридическаго акта, или же въ доказательство такихъ событій, которыя отъ воли лица не зависятъ [1]).

Хотя ст. 409 уст. гражд. суд. и выставляетъ, какъ общее правило, что свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы за доказательство тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія, но сдѣланныя изъ этого общаго правила исключенія не исчерпываютъ тѣхъ случаевъ, когда свидѣтельскія показанія допускаются и признаются по закону за доказательство удостовѣряемыхъ свидѣтелями событій. Такъ, хотя „главнымъ доказательствомъ брачнаго союза признаются приходскія (метрическія) книги“ (ст. 34 ч. I т. X),—но въ случаяхъ отсутствія записи въ метрическихъ книгахъ фактъ брачнаго союза можетъ быть доказываемъ и свидѣтельскими показаніями (ст. 35 п. 4 и ст. 36 ч. I т. X). „Доказательствомъ рожденія отъ законнаго брака признаются метрическія свидѣтельства“ (ст. 1354 уст. гражд. суд.), но „за невозможностью получить метрическое свидѣтельство, по неимѣнію метрическихъ книгъ, могутъ въ доказательство рожденія отъ закон-

---

[1]) Значеніе свидѣтельскихъ показаній, какъ способа доказательства съ точки зрѣнія закона, разъяснено въ рѣшеніи Гражд. Касс. Деп. 1881 г. № 180.

наго брака быть принимаемы исповѣдныя росписи, родословныя, городовыя обывательскія книги, формулярные списки и ревизскія сказки, а въ дополненіе сихъ актовъ принимаются показанія свидѣтелей“ (ст. 1356 уст. гражд. суд.). Но вѣдь въ сущности перечисленные здѣсь письменные документы отличаются не высокой степени достовѣрностью,— въ особенности исповѣдныя росписи, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки; выписки изъ этихъ малодостовѣрныхъ актовъ будутъ служить лишь поводомъ для допущенія свидѣтельскихъ показаній, а центръ тяжести будетъ заключаться все-же въ показаніяхъ свидѣтелей [1]).

Вообще всякое событіе, какъ таковое, какъ явленіе, подлежащее наблюденію, а не какъ волеизъявленіе, долженствующее составлять содержаніе акта, можетъ быть установлено и возстановлено свидѣтельскими показаніями; но волеизъявленіе, не имѣющее значенія внѣ письменной формы, не можетъ быть ни установлено, ни возстановлено показаніями свидѣтелей.

Но и волеизъявленіе можетъ быть разсматриваемо съ внѣшней стороны и со стороны внутренней. Разсматриваемое, какъ подлежащее наблюденію постороннихъ лицъ событіе, оно можетъ быть удостовѣряемо свидѣтелями, поскольку событіе это не удостовѣрено письменнымъ документомъ; а такъ

---

[1]) Гораздо дальше идетъ въ этомъ направленіи проектъ новой редакціи устава гражд. суд., ст. 264 коего гласитъ: „Свидѣтельскія показанія не могутъ быть признаваемы доказательствомъ такихъ событій, для которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе. Изъ сего исключаются случаи, когда составленный актъ по какой-либо, не зависѣвшей отъ воли тяжущагося, причинѣ утраченъ, уничтоженъ или похищенъ“. Здѣсь возлагается на свидѣтелей очень отвѣтственная роль: на основаніи свидѣтельскихъ показаній возможно будетъ установить, что кто-либо выдалъ вексель или иное обязательство, нынѣ утраченные, похищенные, уничтоженные, и по такому возстановленному показаніями свидѣтелей акту учинить взысканіе. Споръ между первоначальными контрагентами, разрѣшаемый на основаніи свидѣтельскихъ показаній, не представляетъ еще большой опасности; но при замѣнѣ одной стороны ея наслѣдниками свидѣтельскія показанія, направленныя къ возстановленію акта, пріобрѣтутъ уже слишкомъ большое значеніе. А какъ примирить ст. 264 проекта со ст. 1023 ч. I т. X. Если эта статья соотвѣтствуетъ первой половинѣ ст. 264 проекта, то не отмѣняется ли она для исключительныхъ случаевъ второю половиной ея?

какъ фактъ, удостовѣренный однимъ способомъ (на письмѣ), не требуетъ удостовѣренія своего еще и въ другой формѣ, то свидѣтельскія показанія, при существованіи письменнаго акта, будутъ имѣть значеніе орудія, направленнаго къ опроверженію содержанія акта. Далеко не всякій актъ можетъ быть разрушенъ этимъ орудіемъ, въ виду ст. 410 уст. гражд. суд.: событіе, изображенное въ письменномъ документѣ, надлежащимъ порядкомъ составленномъ или засвидѣтельствованномъ, оказывается удостовѣреннымъ, и документъ, удостовѣряющій событіе, неуязвимъ для свидѣтельскихъ показаній. Впрочемъ эта неуязвимость письменнаго документа не должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что все то, что̀ изображено въ письменномъ документѣ, соотвѣтствуетъ истинѣ и что свидѣтельскія показанія не могутъ быть принимаемы въ соображеніе при оцѣнкѣ содержанія письменнаго документа: свидѣтельскія показанія могутъ быть допущены не въ опроверженіе содержанія письменнаго документа, а въ разъясненіе тѣхъ событій, которыя, хотя и удостовѣрены письменнымъ способомъ, вызываютъ однако недоразумѣнія со стороны фактическихъ подробностей. Тѣ обстоятельства, которыя представляются ясными въ текстѣ документа, не могутъ быть опровергаемы свидѣтелями; напротивъ, тѣ факты, которые требуютъ уясненія, могутъ быть освѣщаемы показаніями свидѣтелей [1]). Отсюда легко перейти къ чрезвычайно

---

[1]) Сенатская практика допускаетъ показанія свидѣтелей въ разъясненіе содержанія акта. 1869 № 86: „Законъ (ст. 409) ограничиваетъ въ извѣстныхъ опредѣленнаго рода дѣлахъ доказательную силу свидѣтельскихъ показаній; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы судебное мѣсто не могло вовсе допустить въ подобныхъ случаяхъ и допроса выставленныхъ стороною свидѣтелей". 1869 г. № 283 286, 330, 584, 660, 896, 1030, 1162, 1215, 1325; 1870 г. № 343, 1351, 1363, 1428, 1437, 1593, 1614, 1622, 1644, 1951; 1871 г. № 207, 271, 303, 306, 559, 667, 764, 1138, 1167, 1200; 1872 г. № 166, 383, 455, 621, 744, 778, 1208; 1873 г. № 49, 1032, 1033; 1874 г. № 463; 1875 г. № 45, 216, 257, 388, 634, 712, 1075; 1876 г. № 23, 40, 255, 259, 387, 403, 423, 496, 543; 1877 г. № 66, 124, 338; 1878 г. № 122, 275; 1879 г. № 9; 1880 г. № 43, 166, 221; 1881 г. № 180; 1882 г. № 3, 137; 1883 г. № 91; 1884 г. № 15; 1885 г. № 122; 1886 г. № 68. „Не всякій фактъ, удостовѣренный письменными актами, не можетъ быть провѣряемъ чрезъ свидѣтелей". 1888 № 97. 1893 г. № 3; 1896 г. № 53; 1898 г. № 38; 1899 г. № 6. Допущеніе свидѣтельскихъ показаній въ приведенныхъ рѣше-

рискованному на практикѣ положенію, что обстоятельства, предшествующія и сопутствующія совершенію акта, могутъ быть устанавливаемы свидѣтельскими показаніями [1]).

Если показанія свидѣтелей не могутъ быть допущены въ опроверженіе содержанія письменнаго документа, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы письменный актъ вообще не могъ быть опровергаемъ: для опроверженія письменнаго акта не годятся свидѣтельскія показанія, но годятся письменные же документы противоположнаго опровергаемому акту содержанія. На письмѣ должна быть выражена воля, измѣняющая или отмѣняющая, вообще опровергающая содержаніе первоначальнаго акта,—но въ какой формѣ? Относительно духовныхъ завѣщаній законъ (ст. 1030 ч. 1 т. X) постановляетъ, что всѣ завѣщанія, какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и въ частяхъ, могутъ быть перемѣняемы по усмотрѣнію завѣщателя и притомъ въ той формѣ, въ какой составлено было измѣняемое завѣщаніе; но такой способъ отмѣны, а слѣдовательно и опроверженія содержанія первоначальнаго акта, имѣетъ значеніе только спеціально въ примѣненіи къ завѣщанію, для другихъ же письменныхъ актовъ соотвѣтствующаго предписанія законъ не содержитъ.

Обязательную силу юридическому акту сообщаетъ воля, а не форма, и выраженная въ актѣ воля можетъ быть и отмѣнена новою волей обѣихъ сторонъ, такимъ образомъ, что стороны соглашаются не приводить въ исполненіе содержанія первоначальнаго акта во всемъ его объемѣ или въ нѣкоторыхъ частяхъ или наоборотъ дополняютъ выраженную въ

ніяхъ оправдывается тѣмъ, что устанавливаемые свидѣтелями факты, хотя и находятся въ связи съ содержаніемъ акта, тѣмъ не менѣе въ актѣ не находятъ полнаго удостовѣренія.

[1]) 1868 г. № 890, 1869 г. № 300, 505, 685, 956, 1090; 1870 г. № 138, 1319, 1351, 1601, 1808; 1871 г. № 194, 641, 673, 1167; 1872 г. № 178, 312, 771, 977, 1066; 1873 г. № 50, 400, 957, 1012, 1674; 1874 г. № 152, 454; 1875 г. № 74, 122, 200, 222, 377; 1876 г. № 159, 285, 535; 1877 г. № 66, 338; 1878 г. № 123, 275; 1879 г. № 368; 1880 г. № 173; 1882 г. № 137; 1896 г. № 63. Основной мотивъ этихъ разъясненій—въ томъ, что законъ не воспрещаетъ допрашивать свидѣтелей въ разъясненіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ заключенію договора; но отъ этихъ разъясненій страдаетъ ст. 410 уст. гражд. суд.

первоначальномъ актѣ волю какими-либо новыми моментами; это новое соглашеніе парализуетъ содержаніе первоначальнаго акта, и ссылка на облеченное въ письменную форму новое соглашеніе способна отмѣнить актъ первоначальный, который, такимъ образомъ, оказывается опровергнутымъ въ своемъ содержаніи.

Если бы во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ истинная, но прикрытая явнымъ актомъ, воля оставила бы по себѣ слѣдъ въ особомъ письменномъ документѣ, то заключеніе притворныхъ сдѣлокъ не представляло бы ничего рискованнаго для сторонъ, да и для третьихъ лицъ не было бы большихъ затрудненій опровергнуть содержаніе симулятивнаго акта. Но, разумѣется, кто пускается на совершеніе акта, по содержанію своему не соотвѣтствующаго его волѣ, тотъ не дастъ противъ себя оружія въ руки заинтересованному лицу и, питая довѣріе къ контрагенту, не облечетъ въ письменную форму могущую компрометировать его самого скрытую сдѣлку.

Письменный актъ новый способенъ опровергнуть содержаніе предшествующаго письменнаго же акта. И хотя однородность формы акта предшествующаго и послѣдующаго и не требуется, но для опроверженія актовъ о тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, которыя возникаютъ въ силу облеченія воли въ крѣпостную форму и создаютъ для субъекта непосредственную власть надъ недвижимымъ имуществомъ, для опроверженія актовъ о правахъ вотчинныхъ простаго соглашенія контрагентовъ недостаточно. Здѣсь сила акта, лежащаго въ основаніи юридическаго отношенія, будетъ опредѣляться для третьихъ лицъ характеромъ самаго акта, безотносительно къ тѣмъ сдѣлкамъ, которыя имѣютъ своею цѣлью ослабить значеніе крѣпостнаго акта.

Такъ, если по купчей крѣпости я значусь собственникомъ даннаго имѣнія, то, хотя бы я и совершилъ домашній актъ, въ коемъ выражено, что имѣніе принадлежитъ не мнѣ, а постороннему лицу, такой новый актъ лишенъ всякаго юридическаго значенія, и для третьихъ лицъ имѣніе все-же будетъ считаться принадлежащимъ мнѣ: третьи лица, мои кредиторы, въ правѣ будутъ обратить свои взысканія на имѣніе,

какъ на объектъ моего права, контрагентъ же мой, въ пользу котораго я желалъ поступиться принадлежащимъ мнѣ вотчиннымъ правомъ, не можетъ предъявить искъ по ст. 1197 уст. гр. суд. Не такъ, однако, будетъ обстоять дѣло въ томъ случаѣ, если, имѣя залоговое право на чужое имущество въ силу закладной крѣпости, я отрекусь отъ этого права, выдавъ залогодателю особый актъ, въ которомъ сказано будетъ, что я отказываюсь отъ принадлежащаго мнѣ права обратить взысканіе на значащееся въ закладной имѣніе: такое заявленіе будетъ равносильно уничтоженію закладной, какъ акта, создающаго вотчинное право; и если бы залогодержатель или его наслѣдники обратили тѣмъ не менѣе свое взысканіе на заложенное имущество, то такое взысканіе имѣло бы одинаковую силу со взысканіями прочихъ кредиторовъ, не обезпеченныхъ исключительно даннымъ имуществомъ; въ глазахъ же старшаго нотаріуса и предъ лицомъ суда подобное отреченіе отъ залоговаго права должно быть достаточнымъ основаніемъ для устраненія наложеннаго на имѣніе при утвержденіи закладной запрещенія.

Общаго между этими, повидимому, противоположными явленіями то, что вещныя послѣдствія акта, надлежащимъ образомъ совершеннаго, могутъ быть и отмѣнены, и опровергнуты такими же актами, какими обосновано было вещное отношеніе, между тѣмъ какъ личное отношеніе, связывающее двухъ контрагентовъ, доколѣ отношеніе это не касается третьихъ лицъ, остается между контрагентами въ силѣ. Если бы, напримѣръ, собственникъ выдѣлилъ своему контрагенту часть своего недвижимаго имѣнія, ограничившись при этомъ совершеніемъ одного лишь домашняго акта, то inter partes такой актъ оправдывалъ бы осуществившееся уже владѣніе лица, въ пользу коего выдѣлена часть имѣнія,—такъ что собственникъ по документамъ, требуя возвращенія отъ владѣльца выдѣленной ему части имѣнія, встрѣтился бы съ возраженіемъ, основаннымъ на домашнемъ актѣ, и такое возраженіе, въ виду ст. 514 и 569 ч. 1 т. X, должно быть признано заслуживающимъ уваженія; но для третьихъ лицъ неформальный актъ значенія не имѣетъ, и въ глазахъ третьяго лица имѣніе

считается принадлежащимъ тому, въ чью пользу говорятъ крѣпостные акты. То же самое слѣдуетъ сказать относительно всѣхъ крѣпостныхъ актовъ: они не могутъ быть отмѣнены и опровергнуты актами домашними въ отношеніи третьихъ лицъ, но inter partes сила неформальнаго письменнаго акта можетъ проявиться не только въ порядкѣ возраженія на требованіе, основанное на крѣпостномъ актѣ, но и въ порядкѣ иска, направленнаго на признаніе содержанія акта неформальнаго.

Итакъ, если сказано, что и письменными актами не можетъ быть опровергаемо содержаніе крѣпостныхъ актовъ, то это имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку идетъ рѣчь о силѣ крѣпостнаго акта въ отношеніи третьихъ лицъ; въ отношеніи же сторонъ крѣпостной актъ такого значенія не имѣетъ, и простое, на письмѣ изложенное соглашеніе представляется достаточнымъ средствомъ къ опроверженію содержанія даже и крѣпостнаго акта. Впрочемъ, когда рѣчь идетъ о притворныхъ актахъ, то крѣпостная форма совершенія сдѣлки едва ли можетъ встрѣтиться на практикѣ, такъ что едва ли бываютъ случаи, когда пришлось бы доказывать притворный характеръ акта, облеченнаго въ крѣпостную форму: сила крѣпостныхъ актовъ слишкомъ хорошо извѣстна сторонамъ, чтобы онѣ прибѣгли къ этой формѣ для сокрытія истинной своей воли. Обыкновенно о мнимости (притворности) сдѣлки рѣчь идетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда юридическое отношеніе облечено въ письменную форму домашнюю, явочную или нотаріальную. Какимъ образомъ опровергнуть юридическую силу каждаго изъ сихъ актовъ?

Всякій актъ, который по закону можетъ быть совершенъ въ формѣ домашней, можетъ быть также явленъ къ засвидѣтельствованію или совершенъ порядкомъ нотаріальнымъ,—но не наоборотъ: актъ, для котораго въ законѣ предписана нотаріальная форма, не можетъ быть совершенъ порядкомъ домашнимъ. Кромѣ актовъ объ установленіи правъ вотчинныхъ на недвижимыя имущества, каковые акты чрезъ утвержденіе ихъ старшимъ нотаріусомъ обращаются въ крѣпостные (ст. 157 пол. о нот. ч.), законъ не содержитъ указаній на акты,

которые должны были бы быть совершаемы нотаріальнымъ порядкомъ [1]).

Домашній актъ (ст. 921 ч. 1 т. X), въ сравненіи съ актами явленными къ засвидѣтельствованію и нотаріальными, оказывается не удостовѣреннымъ ни относительно времени совершенія, ни относительно факта обнаруженія воли, ни относительно подлинности подписей. Въ актахъ явленныхъ къ засвидѣтельствованію удостовѣреннымъ оказывается время явки акта и самоличность участвующихъ въ совершеніи засвидѣтельствованія (ст. 146 и 147 пол. о нот. ч.), а равнымъ образомъ, хотя и въ краткихъ чертахъ, и содержаніе акта. Наконецъ въ актахъ нотаріальныхъ удостовѣрена и самоличность участвующихъ, и время совершенія, и дѣйствительность совершенія (ст. 84 пол. о нот. ч.), а въ нотаріальныхъ книгахъ остается не одинъ лишь слѣдъ совершенія акта, а полное его изображеніе (ст. 112 пол. о нот. ч.).

Противъ всякаго письменнаго акта, независимо отъ формы его совершенія, возможенъ споръ о подлогѣ (ст. 410 in f., 542, 543 уст. гр. суд.); противъ актовъ домашнихъ возможно заявленіе сомнѣнія въ подлинности,—но въ предѣлахъ ст. 542 уст. гр. суд. Этими способами поражается corpus акта. Дѣло, однако, можетъ быть поставлено и такъ, что corpus акта не вызываетъ спора, но представляется интересъ опровергнуть animus акта, парализовать юридическій эффектъ, на который разсчитанъ данный актъ. Какими средствами можетъ быть достигнута эта цѣль? Какъ сказано выше, универсальнымъ средствомъ для опроверженія письменнаго акта является другой письменный актъ, парализующій дѣйствіе перваго (contre-lettres). Но ближайшаго разсмотрѣнія заслуживаетъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ показанія свидѣтелей могутъ быть приняты за средство къ опроверженію содержанія акта. Вопросъ этотъ,

---

[1]) Впрочемъ завѣщательныя распоряженія родовыми имуществами, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1068 и 1070 ч. 1 т. X, должны быть совершены нотаріальнымъ порядкомъ; въ остальныхъ случаяхъ законъ говоритъ, что актъ *можетъ* быть предъявленъ къ засвидѣтельствованію у нотаріуса, и только вѣрящее письмо *должно* быть засвидѣтельствовано у нотаріуса (ст. 2308 ч. 1 т. X, ст. 128 п. 6 пол. о нот. ч.).

повидимому, категорически разрѣшается ст. 410 уст. гражд. суд.: „содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей, за исключеніемъ споровъ о подлогѣ“. Значитъ ли это, что все, что̀ составляетъ содержаніе текста такого акта, отличается характеромъ безусловной истины? Въ актахъ формальныхъ достовѣрнымъ почитается только день совершенія или явки (ст. 476 уст. гражд. суд.). О достовѣрности содержанія актовъ, какъ формальныхъ, такъ и домашнихъ законъ говоритъ въ ст. 457 и 458 уст. гражд. суд.: „акты крѣпостные, нотаріальные и явленные къ засвидѣтельствованію, если существо содержащейся въ нихъ сдѣлки не противно законамъ, имѣютъ силу доказательства какъ между сторонами, участвовавшими въ договорѣ, такъ и между ихъ наслѣдниками и преемниками, развѣ бы они опровергнули подлинность актовъ или доказали, что акты потеряли свою силу“,—и „домашніе акты, признанные тѣми, противъ коихъ они представлены, или судомъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, за подлинные, имѣютъ между договорившимися сторонами, ихъ наслѣдниками и преемниками равную силу съ актами, совершенными или засвидѣтельствованными установленными для сего мѣстами и лицами“. Значитъ, всѣ вообще акты имѣютъ силу только inter partes, и стороны (по сопоставленію ст. 410 съ 458) не могутъ свидѣтелями опровергать содержанія акта. А третьи лица? Для нихъ существованіе чужаго акта есть такой же фактъ, какъ и всякій иной, оказывающій вліяніе на ихъ юридическую сферу, и опровергать содержаніе чужаго акта свидѣтельскими показаніями законъ не возбраняетъ. Къ этому выводу пришелъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Шмуля Гибермана [1]).

---

[1]) 1883 г. № 91: „Ст. 106 и 410 уст. гражд. суд., воспрещающія опровергать свидѣтельскими показаніями содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ, и 409 ст., разрѣшающая принимать свидѣтельскія показанія въ доказательство только такихъ событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія,—должны быть понимаемы

Когда третьи лица имѣютъ основанія оспаривать сдѣлки постороннихъ лицъ, то свидѣтельскія показанія не могутъ быть устранены изъ числа способовъ, направленныхъ къ установленію того, что оспариваемый актъ не соотвѣтствуетъ истинной волѣ сторонъ и что выраженная въ актѣ воля не произвела измѣненій въ фактической сторонѣ отношеній между контрагентами. Третье лицо, доказавъ, что оно имѣетъ интересъ въ уничтоженіи даннаго акта, будетъ доказывать, что актъ совершенъ не съ цѣлью вызвать тотъ эффектъ, какой способенъ вызвать данный актъ, а съ цѣлью причинить ущербъ третьему лицу [1]). Чтобы доказать наличность злаго умысла, необходимо сопоставить факты, предшествовавшіе совершенію акта, съ фактами послѣдующими. Изъ совокупнаго разсмотрѣнія тѣхъ и другихъ фактовъ обнаружится, произошло ли въ области юридическихъ отношеній то измѣненіе, какое долженъ былъ, по своему содержанію, вызвать данный актъ: если окажется, что послѣдующія явленія соотвѣтствуютъ со-

въ томъ смыслѣ, что *лица, участвующія въ актѣ*, не въ правѣ ссылаться на показанія свидѣтелей въ опроверженіе содержащейся въ актѣ сдѣлки и доказывать свидѣтелями то, что должно быть по закону удостовѣрено письменнымъ документомъ; но правила эти не касаются третьихъ, не участвовавшихъ въ немъ, лицъ. Точно такъ же выраженное въ ст. 2054 ч. 1 т. X правило—объ обязанности доказывать исполненіе по письменному обязательству платежною роспискою—относится только къ должнику, при спорѣ его съ заимодавцемъ, но не можетъ относиться къ третьему лицу, такъ какъ, не участвуя ни въ совершеніи обязательства, ни въ исполненіи его, третье лицо лишено возможности оградить свои, находящіяся въ зависимости отъ этого обязательства права посредствомъ письменнаго акта и можетъ не имѣть другихъ средствъ опорочить сдѣлку заимодавца съ должникомъ, какъ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній,—въ особенности въ случаяхъ совершенія между упомянутыми лицами сдѣлокъ, направленныхъ ко вреду третьихъ лицъ. Все вышеизложенное приводитъ Правительствующій Сенатъ къ заключенію, что третьи лица, въ договорѣ не участвовавшія, могутъ свидѣтельскими показаніями доказывать полученіе кредиторомъ съ должника удовлетворенія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ значится въ выданныхъ по сему поводу кредиторомъ письменныхъ документахъ". Мотивы имѣютъ общее значеніе, и, отвѣчая на поставленный въ рѣшеніи частный вопросъ, въ то же время разрѣшаютъ и болѣе общій вопросъ о допустимости свидѣтельскихъ показаній, направленныхъ къ опроверженію третьими лицами чужихъ для нихъ актовъ. Ср. 1879 г. № 318.

[1]) Ст. 1529 п. 2 ч. 1 т. X, 555 уст. суд. торг., 1092, 1197, 1180, 1181 уст. гражд. суд.

держанію акта, что воля контрагентовъ была серьезною,—въ такомъ случаѣ третьему лицу въ искѣ будетъ отказано; если же наоборотъ будетъ установлено, что, совершая актъ, стороны преслѣдовали не тѣ цѣли, какія могутъ быть достигнуты актомъ, а нѣкоторыя иныя, и имѣли въ виду причинить ущербъ третьему лицу,—въ этомъ случаѣ актъ будетъ признанъ подлежащимъ уничтоженію. Доказывать же наличность фактовъ (событій предшествующихъ и сопровождающихъ), въ которыхъ не проявлялась воля истца (третьяго лица), можно всѣми средствами, всѣми способами доказыванія,—можно, слѣдовательно, и свидѣтелями, потому что устраненіе свидѣтельскихъ показаній изъ числа доказательствъ имѣетъ мѣсто только inter partes.

Итакъ, ст. 410 уст. гражд. суд. не имѣетъ безусловнаго значенія, такъ какъ содержащееся въ ней запрещеніе ссылаться на свидѣтелей имѣетъ силу только для лицъ, участвовавшихъ, въ качествѣ сторонъ, въ совершеніи акта: не могутъ быть опровергаемы письменные документы, установленнымъ порядкомъ совершенные или засвидѣтельствованные.

При истолкованіи этой статьи возникаетъ вопросъ, могутъ ли акты домашніе быть отнесены къ категоріи письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ?

Въ 1868 году Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу Элерсъ (№ 355) высказалъ положеніе, что „подъ словомъ *совершеніе акта* наше законодательство разумѣетъ засвидѣтельствованіе гражданской сдѣлки, укрѣпляющей извѣстныя права установленною общественною властью". Это положеніе повторено 20 лѣтъ спустя въ рѣшеніи по дѣлу Спиридоновой [1]). Выходитъ, значитъ, такъ: письменный документъ, который не засвидѣтельствованъ, оказывается и не совершеннымъ. Для обоснованія такого истолкованія термина „совершеніе акта" рѣшеніе 1868 г. № 355 дѣлаетъ глухую ссылку на „многія статьи Свода за-

---

[1]) 1888 года № 19: „отъ этого, преподаннаго имъ еще въ 1868 году, толкованія Правительствующій Сенатъ не видитъ основанія отступать и въ настоящее время".

коновъ т. IX, X ч. 1 и XI". Правда, въ 1 ч. X т., начиная съ изданія 1832 года, говорится „*о совершеніи* и явкѣ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ" и въ то же время „*о составленіи* актовъ домашнихъ" [1]). Но далѣе оказывается, что *совершаются* только акты крѣпостные въ современномъ значеніи этого термина (ст. 157 пол. о нот. ч.), тогда какъ всѣ остальные акты могутъ быть лишь *являемы къ засвидѣтельствованію*, а акты домашніе только *составляются*; но при всѣхъ этихъ различіяхъ всѣми этими актами достигается „укрѣпленіе правъ на имущества" [2]). Въ изданіи X т. Свод. зак. 1842 г. остается та же терминологія [3]); не измѣняется она и въ X т. изд. 1857 г. [4]). „Совершались" только тѣ акты, на которыхъ полагалась резолюція „совершенъ по законамъ",—а резолюція эта входила лишь въ обрядъ созданія „крѣпостнымъ порядкомъ совершаемыхъ" актовъ [5]). „Совершеніе" акта по терминологіи X т. Свод. зак. имѣло значеніе завершенія акта. Тѣ акты, которые должны были быть „совершены" крѣпостнымъ порядкомъ, до завершенія своего не имѣли значенія, потому что до „совершенія", т. е. утвержденія, они не могли вызвать тѣ юридическія послѣдствія, на которыя разсчитанъ былъ актъ, уже утвержденный. Нельзя сказать то же и относительно актовъ, токмо являемыхъ къ засвидѣтельствованію и составляемыхъ домашнимъ порядкомъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ юридическое значеніе уже въ моментъ своего написанія; если окончательное созданіе явочныхъ актовъ еще можетъ быть отодвинуто къ моменту явки акта, то относительно актовъ домашнихъ не можетъ быть сомнѣнія, что они оказываются законченными—завершенными,—какъ только подписанъ текстъ акта.

Достойно замѣчанія, что относительно такого универсальнаго документа, какимъ является вексель, терминъ „соверше-

---

[1]) Ст. 408 и сл., ст. 547 и сл. По изданію 1900 г. ст. 708 отсылаетъ къ пол. о нот. части.

[2]) 1 ч. X т. изд. 1832 г. ст. 424, 969, 404.

[3]) Ст. 573, 594, 1283 1 ч. X т. изд. 1842 г.

[4]) Ст. 707, 728, 729, 1531 ч. 1 т. X изд. 1857 г.

[5]) Ст. 435 (изд. 1832 г.)=ст. 607 (изд. 1842 г.)=ст. 750 (изд. 1857 г.).

ніе“ не имѣлъ того узкаго значенія, какое усвоено этому термину въ X т. Свод. зак. Совершеніе векселя—есть его подписаніе (ст. 7 и 8 уст. о векс.): подписанный вексель—есть вексель совершенный, и совершенный, независимо отъ того, будетъ ли онъ явленъ и записанъ въ подлежащемъ мѣстѣ. Это болѣе широкое значеніе совершенія, какъ выполненія процедуры созданія акта, получило признаніе, въ примѣненіи ко всѣмъ актамъ, въ положеніи о нотаріальной части, ст. 66 коего гласитъ: „*Акты могутъ быть совершаемы*, по усмотрѣнію сторонъ, *порядкомъ или домашнимъ, или нотаріальнымъ* (или явочнымъ), за исключеніемъ актовъ о переходѣ или ограниченіи права собственности на недвижимыя имущества, которые подъ опасеніемъ недѣйствительности, въ противномъ случаѣ, самыхъ договоровъ и сдѣлокъ, должны быть *совершаемы* всегда у нотаріусовъ и обращаемы, по ст. 157 сего положенія, въ крѣпостные“. Нотаріусъ, по ст. 67 и 128, *совершаетъ* не только акты, но и засвидѣтельствованія; *совершаютъ* актъ не только нотаріусы, но и частныя лица (ст. 66 и 88). „Совершеніе“ утратило узкое значеніе термина, соотвѣтствующаго утвержденію, и пріобрѣло широкое значеніе окончательнаго созданія акта. Поэтому не можетъ считаться соотвѣтствующимъ терминологіи законовъ толкованіе, данное Сенатомъ въ 1868 году, будто бы „подъ словомъ *совершеніе акта* наше законодательство разумѣетъ *засвидѣтельствованіе* гражданской сдѣлки“: неправильно это толкованіе потому, что съ точки зрѣнія законовъ, предшествовавшихъ положенію о нотаріальной части, *совершеніе акта* имѣло специфическое значеніе нынѣшняго утвержденія крѣпостнаго акта; вдвойнѣ неправильно повтореніе этого толкованія въ 1888 году, при дѣйствіи положенія о нoторіальной части, гдѣ *совершенію* усвоено самое широкое значеніе, и при дѣйствіи 1 ч. X т. изд. 1887 года, гдѣ въ ст. 1531 говорится: „договоры и обязательства *совершаются порядкомъ домашнимъ*, нотаріальнымъ или явочнымъ, или крѣпостнымъ“.

Совершеніе акта не есть непремѣнно засвидѣтельствованіе его; совершеніе акта есть сообщеніе волеизъявленію той внѣшней формы, какая предписывается закономъ. Рѣчь идетъ,

разумѣется, о письменной формѣ. Установленный порядокъ совершенія есть не только облеченіе воли въ форму нотаріальнаго акта, но и облеченіе воли въ форму акта домашняго, соотвѣтственно требованіямъ закона. Установленный порядокъ совершенія домашняго духовнаго завѣщанія выразится въ соблюденіи соотвѣтствующихъ статей 1 ч. X т. (ст. 1045—1059); установленный порядокъ совершенія векселя—есть выполненіе вексельнаго бланка тѣми означеніями, которыя перечислены въ ст. 2 уст. о векс.; установленный порядокъ совершенія арендного контракта—есть письменное изложеніе взаимныхъ условій, соотвѣтственно требованіямъ ст. 1691 ч. 1 т. X [1]); установленнымъ порядкомъ совершенія договоровъ о личномъ наймѣ является письменное же изложеніе взаимныхъ условій, соотвѣтственно ст. 2214, 2218, 2228 ч. 1 т. X; установленный порядокъ совершенія поклажи опредѣляется ст. 2111 ч. 1 т. X, говорящей о порядкѣ совершенія сохранной росписки; для договора подряда и поставки—установленный порядокъ совершенія выразится въ подрядной записи съ соблюденіемъ ст. 1742 ч. 1 т. X; установленный порядокъ совершенія займа—есть „составленіе“ заемнаго письма по ст. 2031 ч. 1 т. X; установленный порядокъ для договора страхованія—заполненіе полиса. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ на письмѣ изложенный договоръ долженъ давать отвѣтъ на вопросы, диктуемые закономъ; въ противномъ случаѣ договоръ не является тѣмъ, за что онъ выдаетъ себя.

Наоборотъ, могутъ быть въ формѣ домашняго письменнаго акта изложены и такія волеизъявленія, для которыхъ законъ письменной формы не предписываетъ: такой домашній актъ, хотя и представляетъ собою письменный документъ, но не письменный документъ, установленнымъ порядкомъ совершенный, а потому въ опроверженіе такого акта могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія. Такъ, для купли-продажи движимости законъ не предписываетъ формы письменнаго совершенія; если тѣмъ не менѣе стороны облекли свое со-

---

[1]) Ст. 1702 говоритъ о *совершеніи* договоровъ письменныхъ или *словесныхъ*.

глашеніе въ форму домашняго письменнаго акта, то при спорѣ о послѣдствіяхъ такого соглашенія не могутъ быть, по ссылкѣ сторонъ, отвергнуты показанія свидѣтелей въ доказательство того, что актъ не выражаетъ истинной воли сторонъ, что могли быть послѣдующія соглашенія, направленныя къ отмѣнѣ или измѣненію той воли, которая выражена въ актѣ. Для выясненія значенія воли, выраженной въ такомъ добровольномъ письменномъ актѣ, могутъ быть допущены свидѣтельскія показанія въ разъясненіе обстоятельствъ, предшествующихъ и сопровождающихъ совершеніе волеизъявленія, потому что въ этомъ случаѣ на письмѣ выраженное волеизъявленіе есть одинъ изъ фактовъ, имѣющихъ такую же силу, какъ и другіе факты, предшествующіе и послѣдующіе; разница между ними лишь въ томъ, что одни факты могутъ быть возстановлены свидѣтелями, между тѣмъ какъ фактъ волеизъявленія случайно, безъ требованія къ тому со стороны закона, облеченъ въ письменную форму: но такъ какъ это облеченіе волеизъявленія оказывается добровольнымъ, такъ какъ волеизъявленіе и безъ письменной формы способно было бы вызвать юридическій эффектъ, то письменной формѣ—акту—въ данномъ случаѣ нельзя приписывать большей силы, чѣмъ всякому иному способу установленія факта волеизъявленія. Допуская для опроверженія такого письменнаго акта свидѣтельскія показанія, практика не погрѣшаетъ ни противъ 409, нп противъ 410 статей уст. гражд. суд., хотя въ соотвѣтствующихъ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената мотивы допущенія свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе домашняго акта, имѣя болѣе широкое значеніе, обусловливаютъ внутреннія противорѣчія въ разрѣшеніе сего вопроса, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ коллидируютъ съ послѣдовательнымъ и настойчивымъ недопущеніемъ свидѣтельскихъ показаній въ разъясненіе такихъ обстоятельствъ, которыя съ точки зрѣнія принципіально высказанныхъ мотивовъ могли бы быть провѣряемы ссылкой на свидѣтелей [1].

---

[1]) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1867 г. № 122 по дѣлу Сорокина: „Статьями 410 и 411 уст. гражд. суд. воспрещается опровергать свидѣтельскими пока-

Въ рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента вполнѣ послѣдовательно проводится то положеніе, что не могутъ быть допускаемы свидѣтели въ опроверженіе векселя. при чемъ не дѣлается разницы между векселями, явленными къ засвидѣтельствованію, и векселями, совершенными домашнимъ порядкомъ; всякій вексель оказывается актомъ самодовлѣющимъ, и опровергать его содержаніе свидѣтелями невозможно. Почему? Почему должно признать вексель за такой документъ, который не можетъ быть опровергаемъ свидѣтелями, хотя бы обязательство, въ немъ содержащееся, и не было засвидѣтельствовано установленнымъ порядкомъ? Въ уставѣ о векселяхъ нѣтъ правила, которое говорило бы о недопустимости свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе векселя. И тѣмъ не менѣе Сенатъ постоянно разъясняетъ, что „невозможно допустить свидѣтельскія показанія въ доказательство безденежности векселя“ [1]), что „передача векселя, за

заніями сущность юридическихъ сдѣлокъ, заключающихся въ письменныхъ актахъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ, но не домашнихъ, и судъ не лишается права прибѣгать къ свидѣтельскимъ показаніямъ для приведенія въ извѣстность такихъ событій, обстоятельствъ или фактовъ, на которые тяжущіеся ссылаются и которые предшествовали или сопровождали совершеніе сдѣлки“. Въ рѣшеніи того же года № 124 по дѣлу Кенига сказано: „Акты крѣпостные и явочные,—какъ засвидѣтельствованные и утвержденные для вящшаго утвержденія возникающихъ изъ нихъ правъ общественною властью въ порядкѣ, указанномъ законами,—пользуются преимуществомъ предъ актами домашними и другими письменными доказательствами. Одно изъ сихъ преимуществъ заключается въ томъ, что акты сего рода въ силу ст. 410 уст. гражд. суд. не могутъ быть опровергаемы показаніемъ свидѣтелей, за исключеніемъ споровъ о подлогѣ. Но домашніе акты, хотя бы они и были признаны тѣми, противъ коихъ представлены—вслѣдствіе составленія ихъ безъ участія общественной власти—не пользуются симъ правомъ по буквальному смыслу ст. 410. Для повѣрки достовѣрности этихъ актовъ и для разъясненія событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ихъ совершеніе, судъ имѣетъ право, по ссылкѣ сторонъ, допустить свидѣтельскія показанія“. Эти соображенія повторяются въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 208; 1868 г. № 890; 1869 г. № 254, 300, 505, 618, 1090; 1870 г. № 300, 1351, 1528, 1601, 1622; 1871 г. № 194, 271, 1167; 1872 г. № 79, 466, 562; 1873 г. № 268, 681, 772, 1192; 1874 г. № 600; 1875 г. № 227; 1876 г. № 159, 181; 1878 г. № 24; 1879 г. № 9; 1882 г. № 137; 1884 г. № 12; 1885 г. № 122; 1891 г. № 60; 1893 г. № 45; 1896 г. № 63.

[1]) 1871 г. № 724 по дѣлу Мальцова; 1872 г. № 900; 1873 г. № 5, 1561,

силою ст. 409, не можетъ быть удостовѣряема свидѣтельскими показаніями“ [1]), что отвѣтственность векселенадписателя опредѣляется его подписью, но не показаніями свидѣтелей [2]). Нельзя не согласиться съ правильностью этихъ положеній; но въ сенатской практикѣ недопустимость свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе содержанія векселя остается немотивированной: почти во всѣхъ относящихся сюда рѣшеніяхъ говорится, что домашнія долговыя росписки могутъ быть опровергаемы показаніями свидѣтелей, а векселя оказываются для свидѣтельскихъ показаній неуязвимыми. За отсутствіемъ въ законѣ соотвѣствующихъ указаній, нельзя не признать это положеніе и противопоставленіе домашнихъ векселей домашнимъ долговымъ роспискамъ лишенными основанія и произвольными. Правда, еще въ 1868 году „Сенатъ призналъ, что свидѣтельскія показанія не допускаются лишь относительно такихъ событій, о коихъ въ законѣ именно и положительно предписано составлять письменные акты, которые только и могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительности событія“ [3]); но этотъ правильный взглядъ не пріобрѣлъ руководящаго значенія, и высказанное въ приведенномъ рѣшеніи общее положеніе затерялось въ огромной массѣ рѣшеній, гласящихъ, что домашнія росписки могутъ быть опровергаемы показаніями свидѣтелей [4]).

Если бы сенатская практика оставалась вѣрной этому, соотвѣтствующему законамъ, но, къ сожалѣнію, оставленному ею взгляду, то незачѣмъ было бы подчеркивать противоположность между домашними долговыми расписками и векселями по вопросу о возможности опровергать и тѣ, и другіе

1586; 1874 г. № 89; 1875 г. № 566, 910; 1878 г. № 24; 1879 г. № 9; 1886 г. № 100; 1891 г. № 60.

[1]) 1873 г. № 519, 1389.

[2]) 1871 г. № 475.

[3]) 1868 г. № 331 по жалобѣ мѣщанки Карасевой.

[4]) 1868 г. № 715; 1870 г. № 1428, 1475, 1644, 1951; 1872 № 744; 1873 г. № 681, 772; 1876 г. № 36, 181; 1877 г. № 338; 1878 г. № 122; 1882 г. № 137 и рѣшенія, касающіяся векселей въ примѣч. 1 на стр. 103).

документы показаніями свидѣтелей. Изъ сопоставленія статей 409 и 410 уст. гражд. суд. обнаруживаются предѣлы, въ коихъ возможно допускать показанія свидѣтелей: что̀ не можетъ быть установлено свидѣтелями, то не можетъ быть и опровергаемо показаніями свидѣтелей; если событіе требуетъ для своего удостовѣренія письменнаго документа, то письменный документъ, свидѣтельствующій о такомъ событіи, соотвѣтственно требованіямъ матеріальнаго права, т. е. письменный документъ, установленнымъ порядкомъ совершенный, не можетъ быть опровергаемъ показаніями свидѣтелей. Какія событія требуютъ удостовѣренія на письмѣ,—объ этомъ говорятъ законы матеріальнаго права; требовать письменнаго удостовѣренія такихъ событій, для которыхъ законъ не предписываетъ письменной формы удостовѣренія, не можетъ и практика [1]). И вотъ сенатская практика въ длинномъ рядѣ рѣшеній разъясняетъ, что событіе задолжанія изъ какого бы то ни было основанія, существованіе долга [2]) и погашеніе долга уплатой [3]) не могутъ быть доказываемы свидѣтелями, а требуютъ для своего удостовѣренія письменнаго документа [4]);

---

[1]) 1873 г. № 1577 по прошенію мѣщанки Померанцевой: „законъ устанавляетъ письменную форму совершенія договоровъ *только* для нѣкоторыхъ ихъ видовъ, которые съ *точностью* и означены въ ст. 1532—1535 т. X ч. 1“.

[2]) *1868 г.* № 326, 401, 515, 842; *1869 г.* № 33, 65, 121, 127, 176, 186, 219, 279, 361, 387, 421, 580, 710, 836, 930, 1045, 1066, 1111, 1243, 1266, 1281; *1870 г.* № 194, 232, 441, 466, 467, 547, 591, 611, 746, 755, 806, 911, 918, 936, 987, 1190, 1547; *1871 г.* № 22, 44, 146, 242, 290, 306, 380, 385, 393, 450, 637, 798, 801, 902, 948, 1012, 1046, 1069, 1070, 1124, 1127, 1131, 1201, 1280; *1872 г.* № 33, 34, 35, 178, 217, 243, 264, 265, 348, 701, 715, 824, 949, 1246, 1261, 1282; *1873 г.* № 28, 73, 270, 365, 378, 650, 762, 1337; *1874 г.* № 138, 414, 722; *1875 г.* № 96, 442, 549, 871; *1876 г.* № 400; *1881 г.* № 2; *1884* г. № 13; *1895* г. № 74

[3]) *1869 г.* № 31, 485, 805; *1870 г.* № 137, 188, 762, 1216, 1465; *1871 г.* № 327, 338, 435, 648, 739, 749, 867, 959, 971, 1000; *1872 г.* № 283, 562, 572, 761, 1252; *1873 г.* № 353, 1227, 1337, 1685; *1874 г.* № 219, 440, 812; *1875 г.* № 138, 571, 876; *1876 г.* № 162, 507; *1877 г.* № 5, 239; *1884 г.* № 15; *1893 г.* № 72.

[4]) Этотъ же взглядъ высказывается Сенатомъ и по вопросу объ удостовѣреніи свидѣтельскими показаніями факта внѣсудебнаго признанія: свидѣтельскія показанія въ доказательство факта внѣсудебнаго признанія могутъ быть допущены въ томъ лишь случаѣ, если содержаніе признанія не касается такого со-

то же самое высказано объ обязательствѣ [1]) вообще и объ отдѣльныхъ видахъ [2]).

Для того, чтобы устранить несомнѣнное противорѣчіе въ сенатской практикѣ по вопросу о допустимости свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе домашнихъ актовъ и недопустимости показаній свидѣтелей въ опроверженіе домашняго векселя, необходимымъ представляется установить общее начало, исходя изъ котораго возможно было бы оправдать установившуюся практику. Такого общаго начала въ настоящее время въ практикѣ Сената не существуетъ, и допущеніе свидѣтельскихъ показаній въ одномъ случаѣ и недопущеніе ихъ въ другомъ представляется необъяснимымъ: или неправильно недопущеніе свидѣтелей въ опроверженіе векселя, или неправильно допущеніе свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе всѣхъ иныхъ письменныхъ документовъ, совершенныхъ домашнимъ порядкомъ. Признать же правильною сенатскую практику въ обоихъ случаяхъ—для этого нѣтъ ровно никакихъ указаній въ дѣйствующемъ законѣ; необходимо возвратиться къ началу, высказанному Сенатомъ въ рѣшеніи 1868 года № 331, что „свидѣтели не допускаются относительно такихъ событій, о коихъ въ законѣ именно и положительно предписано составлять письменные акты, которые только и могутъ свидѣтельствовать о дѣйствительности

бытія, для удостовѣренія котораго требуется по закону письменный документъ. 1871 г. № 205, 1875 г. № 320, 600, 830; 1877 г. № 70; 1878 г. № 139.

[1]) 1868 г. № 72; 1875 г. № 311.

[2]) 1872 г. № 325, 617; 1885 г. № 118—товарищество. 1869 г. № 397, 302; 1871 г. № 163, 196; 1872 г. № 897; 1873 г. № 613, 1011, 1406; 1875 г. № 294—подрядъ, поставка, перевозка. 1872 г. № 78—неустойка. 1868 г. № 19; 1870 г. № 1098, 1103, 1644; 1871 г. № 1211, 1251; 1872 г. № 529, 932; 1874 г. № 183, 555, 735—платежъ. 1869 г. № 1023, 1871 г. № 805; 1874 г. № 713; 1875 г. № 336; 1877 г. № 15, 139; 1879 г. № 233; 1892 г. № 47—наемъ личный. 1868 г. № 57; 1869 г. № 258, 537, 623, 1211, 1323; 1871 г. № 712, 1025; 1873г. № 702; 1874 г. № 415; 1875 г. № 952—наемъ недвижимостей внѣ городовъ. 1868 г. № 153, 260, 362; 1869 г. № 253, 390, 404, 553, 590, 635, 655, 859, 873; 1870 г. № 254, 809, 1940; 1872 г. № 31; 1873 г. № 279, 597; 1874 г. № 548; 1875 г. № 333; 1877 г. № 5—заемъ; 1869 г. № 694, 955; 1870 г. № 713; 1871 г. № 280; 1875 г. № 393,—залогъ, закладъ.

событія“, и необходимо признать, что письменный домашній документъ, разъ онъ является неизбѣжнымъ доказательствомъ и непремѣнной формой волеизъявленія, не можетъ быть опровергаемъ свидѣтелями.

Опроверженіе содержанія домашняго акта достигается допущеніемъ свидѣтельскихъ показаній въ разъясненіе предшествующихъ и сопутствующихъ совершенію акта обстоятельствъ, такъ что изъ совокупной оцѣнки показаній свидѣтелей и содержанія письменнаго документа устанавливается истинная воля лица. Если бы допускать показанія свидѣтелей въ разъясненіе такихъ же обстоятельствъ, касающихся актовъ явленныхъ или нотаріальныхъ, то никакой актъ не выдержалъ бы такой провѣрки, и въ концѣ концовъ воля автора акта устанавливалась бы свидѣтелями, а не отраженіемъ ея въ письменномъ документѣ. Вѣдь, въ сущности всякое событіе можно устанавливать свидѣтельскими показаніями, если только этому не препятствуетъ ст. 409; обстоятельства, предшествующія и сопутствующія акту, могутъ именно принадлежать къ категоріи событій, провѣрка которыхъ можетъ быть произведена показаніями свидѣтелей. Но по тѣсной связи предшествующихъ и сопутствующихъ обстоятельствъ съ содержаніемъ акта засвидѣтельствованнаго или нотаріальнаго свидѣтельскія показанія для провѣрки этихъ обстоятельствъ не могутъ быть допущены [1]), хотя вообще для установленія фактовъ, не требующихъ письменнаго удостовѣренія, свидѣтельскія показанія допускаются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ [2]).

---

[1]) 1896 г. № 47 по дѣлу Клеймана.

[2]) Фактъ доставки товара 1869 г. № 1215; 1875 г. № 706, 859, 992; 1876 г. № 88; фактъ забора товара изъ лавки 1869 г. № 286; 1870 г. № 297, 375; 1871 г. № 140, 396, 824, 1194; 1872 г. № 344; 1873 г. № 984; 1875 г. № 124; 1876 г. № 188; 1878 г. № 198; 1880 г. № 29; фактъ полученія денегъ 1868 г. № 730; 1873 г. № 377; 1875 г. № 45, 130, 165; 1876 г. № 221; фактъ отказа принять вещи или деньги—1869 г. № 660; 1870 г. № 1614; 1872 г. № 491; 1873 г. № 497, 1196; 1875 г. № 966; 1879 г. № 379; фактъ выдачи расписки 1868 г. № 524; 1870 г. № 1437; фактъ нахожденія вещи 1870 г. № 1035; неисправность вещи 1870 г. № 105; 1873 г. № 916; производство работъ 1869 г. № 131, 584;

Итакъ, письменный документъ, совершенный согласно требованіямъ закона, оказывается неопровержимымъ доказательствомъ факта и содержанія волеизъявленія?—Нѣтъ, такой письменный документъ неуязвимъ лишь для свидѣтельскихъ показаній,—но онъ можетъ быть опровергаемъ ссылкою на письменные документы.

Если допускать опроверженіе установленныхъ домашнихъ письменныхъ документовъ свидѣтельскими показаніями, то, спрашивается, зачѣмъ же и признавать за домашними документами какую бы то ни было доказательную силу, и что же это за доказательная сила, которая существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока противная сторона не сошлется въ опроверженіе письменнаго документа на свидѣтельскія показанія? А если дѣло дошло до процесса, гдѣ искъ основанъ на письменномъ документѣ, то когда же противная сторона не воспользуется возможностью опровергать документъ свидѣтельскими показаніями? Оказывается, что для добросовѣстныхъ контрагентовъ письменный документъ вообще излишенъ, для контрагентовъ же недобросовѣстныхъ письменный документъ никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ его всегда легко разбить свидѣтельскими показаніями. И тѣмъ не менѣе законъ не воспрещаетъ совершать домашніе акты и не предписываетъ совершенія актовъ исключительно путемъ нотаріальнымъ или явочнымъ; напротивъ, въ ст. 472—477 уст. гражд. суд. опредѣляется сила домашнихъ документовъ, по сравненію ихъ съ засвидѣтельствованными, и оказывается, что законъ, не касаясь степени достовѣрности содержанія тѣхъ и другихъ актовъ, останавливается на вопросѣ о достовѣрно-

---

1871 г. № 667; 1875 г. № 634; обращеніе имущества въ свою пользу 1874 г. № 512, 1875 г. № 87, 667; продолжительность службы 1871 г. № 207, 805; продолжительность аренды 1876 г. № 543; фактъ понесенія убытковъ 1870 г. № 171, 1464; 1872 г. № 86; 1874 г. № 451; 1878 г. № 233, 261; 1880 г. № 218; фактъ нарушенія и исполненія договора 1869 г. № 330; 1872 г. № 287, 458, 520, 621; 1873 г. № 28, 49, 302, 715, 1534; 1876 г. № 186, 403, 496.—Кромѣ того въ разъясненіе различныхъ вопросовъ фактическаго свойства 1872 г. № 507, 871; 1873 г. № 246, 934, 1032; 1874 г. № 247, 845; 1875 г. № 34, 552, 579, 609, 610; 1876 г. № 454, 544; 1877 г. № 196, 232; 1878 г. № 289; 1882 г. № 40.

сти даты: дата засвидѣтельствованныхъ—достовѣрна абсолютно, дата домашнихъ—достовѣрна относительно, и постороннія акту лица могутъ оспаривать достовѣрность выставленнаго на немъ числа. Законъ не содержитъ указанія, чтобы свидѣтелями можно было опровергать содержаніе домашняго документа, а потому допущеніе свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе домашняго письменнаго акта, составленнаго по поводу такого отношенія, для котораго по закону требуется письменный актъ, не можетъ быть признано правильнымъ.

Но противоположный взглядъ настолько укоренился въ нашей практикѣ, что и въ проектѣ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства ст. 410 (въ проектѣ 265) осталась въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, и „письменные документы, установленнымъ порядкомъ совершенные или засвидѣтельствованные",—понимаются, какъ *акты, совершенные при содѣйствіи публичной власти* [1]). Такимъ образомъ, съ превращеніемъ проекта въ дѣйствующій законъ, существующія нынѣ рѣшенія Правительствующаго Сената по вопросу о допустимости свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе домашнихъ письменныхъ документовъ сохранятъ свое значеніе,—если только не придетъ на помощь новая редакція нынѣшней ст. 409 (по проекту ст. 264): „свидѣтельскія показанія не могутъ быть признаваемы доказательствомъ такихъ событій, для которыхъ, по закону, требуется письменное удостовѣреніе". Если въ конкретномъ случаѣ законъ для удостовѣренія событія требуетъ письменнаго документа, то документъ не можетъ быть ни замѣненъ, ни измѣненъ, ни отмѣненъ свидѣтельскими показаніями, хотя бы „письменное удостовѣреніе" выразилось лишь въ формѣ домашняго, не явленнаго у нотаріуса, акта. Въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената 1896 г. № 47 по дѣлу

---

[1]) Объясн. зап., ст. 265 .... „самый принципъ, ею провозглашаемый,—о недопустимости шаткаго и незаслуживающаго довѣрія доказательства чрезъ свидѣтелей въ опроверженіе содержанія актовъ, совершенныхъ при содѣйствіи публичной власти,—представляется вполнѣ правильнымъ и цѣлесообразнымъ".

Клеймана сказано: „если договоръ, по объясненію одной изъ сторонъ въ дѣйствительности заключенный, принадлежитъ къ числу такихъ, существованіе которыхъ, по закону, можетъ быть удостовѣрено показаніями свидѣтелей, они (показанія свидѣтелей) въ спорахъ, сопряженныхъ съ опроверженіемъ содержанія акта, совершеннаго или засвидѣтельствованнаго установленнымъ порядкомъ, не могутъ служить доказательствомъ“. Противъ правильности этого положенія въ примѣненіи къ актамъ, совершеннымъ или засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, ничего нельзя возразить: для свидѣтельскихъ показаній эти акты неуязвимы; но приведенное положеніе Сената слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ: всякій письменный документъ, разъ онъ по закону необходимъ для удостовѣренія юридическаго отношенія, не можетъ быть опровергаемъ свидѣтельскими показаніями. Если не принять этого положенія, то останется непонятнымъ, почему противъ домашняго векселя не можетъ быть сдѣлана ссылка на показанія свидѣтелей.

Понимая подъ документами, совершенными установленнымъ порядкомъ, не только документы, засвидѣтельствованные нотаріусомъ, но и домашніе,—въ случаяхъ необходимаго совершенія сдѣлки въ письменной формѣ—все сказанное доселѣ можно обобщить такой формулой: документы письменные могутъ быть опровергаемы только письменными документами, поскольку письменная форма является необходимымъ по закону выраженіемъ воли, и inter partes не могутъ быть опровергаемы свидѣтельскими показаніями. Формула эта отнюдь не находится въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ закономъ [1]); она, разумѣется, шире положеній сенатской практики, ограничивающей примѣненіе ст. 410 уст. гражд. суд. только документами засвидѣтельствованными [2]); впрочемъ, и

[1]) Ст. 2052 ч. 1 т. X; ст. 472—475 уст. гражд. суд.; ст. 87 уст. векс.

[2]) Впрочемъ, въ практикѣ перваго времени дѣятельности Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената высказаны были такія положенія: 1867 г. № 208 .... „Такъ какъ договоръ излагается въ письменномъ актѣ, то и отреченіе отъ права требовать исполненія по договору должно быть выражено письменнымъ актомъ въ формѣ отдѣльной расписки, квитанціи или надписи на са-

въ практикѣ Сената можно встрѣтить положенія, подтверждающія выставленную формулу: такъ, въ рѣшеніи 1870 г. № 1219, по дѣлу Кожевникова, Сенатъ высказалъ, что не составляетъ нарушенія ст. 1510, 1513, 1516 ч. 1 т. X и ст. 409 уст. гражд. суд. требованіе, чтобы въ опроверженіе письменнаго акта былъ представленъ таковой же письменный актъ, а въ рѣшеніи 1871 г. № 703, по дѣлу Братовщинскаго, Сенатъ, ссылаясь на рѣшеніе 1867 г. № 122, говоритъ: „изъ этого рѣшенія нельзя вывести того заключенія, чтобы можно было, посредствомъ свидѣтельскихъ показаній, опровергать дѣйствительность самого заключеннаго тяжущимися лицами домашняго договора". Взглядъ этотъ, соотвѣтствующій старому правилу „крѣпостное разбирать по крѣпостямъ" [1]) и положеніямъ французскаго права о contre-lettres, не упрочился въ нашей практикѣ, которая, отрицательно относясь къ формализму, упразднила значеніе наиболѣе свободной изъ формъ—домашней (за непонятнымъ исключеніемъ векселя).

Признавъ, что ст. 410 уст. гражд. суд. обнимаетъ не только засвидѣтельствованные, но и домашніе письменные документы, сенатская практика не только сократила бы иски о симулятивности сдѣлокъ, но и вообще значительно уменьшила бы сутяжничество, находящее себѣ почву въ широкомъ допущеніи свидѣтельскихъ показаній въ опроверженіе на письмѣ выраженной воли.

момъ договорѣ лица, имѣющаго право требовать исполненія обязательства"; 1868 г. № 19; 1870 г. № 1306; 1871 г. № 262, 703.

[1]) Примѣч. къ ст. 707 ч. 1 т. X. „По уложенію 1649 г. (гл. X, ст. 246—259) подъ именемъ крѣпостей разумѣлись не только крѣпости купчія, закладныя, дарственныя записи и прочіе акты, крѣпостнымъ порядкомъ нынѣ совершаемые, но и всѣ обязательства и договоры письменные, какъ-то: кабалы всякаго рода, заемныя и наемныя, духовныя памяти, сговорныя, свадебныя памяти назывались крѣпостями. Выраженіе „крѣпостное разбирать по крѣпостямъ" означало тогда, что всякое обязательство, на письмѣ учиненное, надлежитъ разбирать по словамъ и содержанію того письма, а не по свидѣтельству и не по вѣрѣ".

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ ПРОЕКТѢ НОВОЙ РЕДАКЦІИ УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Г. С. Фельдштейна.

I.

Институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ [1]) предполагаетъ постановленіе новаго рѣшенія по дѣлу, относительно котораго состоялся вошедшій въ законную силу приговоръ. Самымъ фактомъ своего существованія институтъ этотъ противорѣчитъ, съ формальной стороны, тому общепризнанному принципу современнаго процесса, по которому res judicata pro veritate habetur. Допустимость возобновленія уголовныхъ дѣлъ не противорѣчитъ, однако, стремленію къ раскрытію

[1]) Wendler. De re judicata in causis criminalibus. Lips. 1833. Fabricius. De re criminali judicata ex jure Romano. Jenae. 1835. M. Rauteur. Traité théorique et pratique du droit criminel français. Paris. 1836. T. II. p. 493 и слѣд. I. Plank. Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens. Göttingen. 1857. S. 606 ff. Remeis. Die Wiederaufnahme im Strafverfahren 1864. Zachariae. Handbuch des deutschen Strafprocesses. II B. Göttingen. 1868. S. 670 ff. Mayer Zur Reform des Strafprozesses. 1871. Boitard. Leçons de droit criminel 11 ed. completée par Faustin Hélie. Paris. 1876. p. 772 и слѣд. Dochow. Wiederaufnahme des Strafverfahrens. Holtzendorff's Rechtslexikon III_2 1881. S. 1325 ff. I. Glaser. Rechtskraft. Holtzendorff's Rechtslexikon III_I. 1881 I. Glaser. Handbuch des Strafprozesses II B. Leipz. 1885 S. 62 f. А. Ф. Кони. Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ. Юрид. Лѣт. іюнь 1890. M. Berner. Der Grundsatz des ne bis in idem im Strafprozess. Leipz. 1891.

матеріальной истины, которая и является главною цѣлью уголовнаго процесса. Было бы равносильно нежеланію выяснить дѣйствительное положеніе дѣла, если бы государство стало всегда настаивать на существованіи и дѣйствительности такихъ рѣшеній, которыя трудно согласить съ обстоятельствами, обнаружившимися уже послѣ постановленія приговора. Не подлежитъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что возобновленіе уголовныхъ дѣлъ, практикуемое безъ строгаго разбора, послужило бы средствомъ, способнымъ подорвать непоколебимость судебныхъ рѣшеній, которой справедливо гордится современное правовое государство. Эта опасность практики института возобновленія уголовныхъ дѣлъ нерѣдко заставляла нѣкоторыхъ законодателей совершенно отъ нея отказываться.

Во Франціи, въ эпоху великой революціи, учредительное собраніе значительно ограничиваетъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Законъ 15 мая 1793 г. допускаетъ возобновленіе въ томъ единственномъ случаѣ, когда по одному и тому же дѣлу существуютъ одновременно два непримиримыхъ между собою осужденія. Но и этотъ единственный случай не былъ принятъ въ кодексѣ 3 брюмера IV г. Не допуская возобновленія уголовныхъ дѣлъ, составители этого кодекса исходили изъ того, что, какъ существенны ни были бы поводы для возобновленія, это послѣднее совершенно несовмѣстимо съ существованіемъ жюри [1].

Съ отрицательнымъ отношеніемъ къ институту возобновленія уголовныхъ дѣлъ, которое такъ недвусмысленно прово-

---

[1]) Ср. H. Zachariae. Handbuch des deutschen Strafprozesses. II B. Göttingen 1868. S. 671, а также Boitard. Leçons de droit criminel. Paris. 1876, p. 772.—Точку зрѣнія, по которой возобновленіе уголовнаго дѣла находится въ несоотвѣтствіи съ существованіемъ жюри присяжныхъ, защищаетъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ криминалистовъ и M. Rauteur, когда замѣчаетъ „Non seulement, politiquement parlant, la décision du jury est vox populi, mais, comme il ne motive pas ses décisions et qu'il ne reste aucune trace de ses délibérations, il est difficile, sinon impossible, d'établir qu'il s'est trompé". M. Rauteur. Traité théorique et pratique du droit criminel français. Paris. 1836. T. II p. 493.

дится въ законодательствѣ Франціи конца XVIII вѣка, трудно, однако, согласиться. Эта радикальная точка зрѣнія нѣсколько одностороння.

Несомнѣнно, что предоставленіе дѣлъ жюри не вполнѣ еще исключаетъ возможность судебной ошибки. Но пойдемъ далѣе. Предполагается при допущеніи жюри, что присяжные постановятъ рѣшеніе на основаніи фактовъ, имѣющихся на лицо. Но являются ли эти факты чѣмъ-то абсолютно достовѣрнымъ? Не можетъ ли развѣ уже ближайшее будущее обнаружить, что приговоръ, постановленный на основаніи извѣстныхъ, предполагаемыхъ существующими, обстоятельствъ, совершенно неправиленъ? Не можетъ ли развѣ съ очевидностью выясниться, что матеріальная правда не на сторонѣ рѣшенія даже присяжныхъ? А не заслуживаетъ ли развѣ матеріальная правда торжества надъ формальной, и не должно ли быть принесено въ жертву рѣшеніе, казавшееся правильнымъ, рѣшенію дѣйствительно правильному? Въ этихъ случаяхъ замѣны одного рѣшенія другимъ мы имѣемъ въ сущности явленіе, аналогичное тому, какъ извѣстный правовой порядокъ, незыблемый и пользующійся безусловной охраной, какъ таковой, отступаетъ на задній планъ передъ новой нормой, передъ новымъ порядкомъ, вызываемымъ къ жизни законодателемъ, благодаря возникновенію нѣкоторыхъ новыхъ условій. Какъ ни былъ бы цѣненъ принципъ res judicata pro veritate habetur, онъ не болѣе неприкосновененъ, чѣмъ нормы существующаго правопорядка. Но и этотъ послѣдній не безусловно неизмѣненъ. За нимъ стоятъ потребности жизни, которыя властно предписываютъ праву свои законы. Необходимо въ виду этого прійти и къ тому, что нерѣдко и судебное рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, какъ часть правопорядка, должно быть поколеблено въ интересахъ того, что̀ достигается при помощи правопорядка, въ интересахъ того, что̀ является главной цѣлью правопорядка, въ интересахъ, словомъ, достиженія правды, доступной земному правосудію.

Но если мы считаемъ возможнымъ дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ о томъ, допустимо ли возобновленіе уголовныхъ дѣлъ въ качествѣ института правоваго, то, вмѣстѣ

съ тѣмъ, возникаетъ необходимость регулировать этотъ институтъ опредѣленными нормами.

Необходимо должно быть съ точностью предусмотрѣно, въ какихъ случаяхъ можетъ быть прибѣгнуто къ возобновленію уголовнаго дѣла, каковъ долженъ быть порядокъ производства возобновленія и проч. Въ возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, какъ институтѣ юридическомъ, мы встрѣчаемся съ учрежденіемъ, стоящимъ надъ институтомъ непоколебимости рѣшенія. Такое взаимоотношеніе этихъ институтовъ не представляетъ собой чего-либо исключительнаго для юридическаго строя. Правопорядокъ не только въ этомъ частномъ случаѣ, но и въ его цѣломъ, даетъ намъ нерѣдко случай констатировать нѣкоторую какъ-бы іерархическую постепенность нормъ, представляющихъ собой нѣчто въ родѣ концентрической системы отдѣльныхъ правоположеній.

Перейдемъ, однако, къ общему разсмотрѣнію тѣхъ условій, которыя должны быть приняты во вниманіе при правильной постановкѣ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, какъ института юридическаго.

Первымъ условіемъ, необходимымъ для допустимости возобновленія уголовнаго дѣла, является наличность рѣшенія, вошедшаго въ законную силу,—рѣшенія, признаваемаго, при нормальныхъ условіяхъ, окончательнымъ.

Но когда можно говорить о наличности этого условія, въ качествѣ момента, оправдывающаго допустимость возобновленія уголовнаго дѣла? Намъ думается, что вполнѣ безспорно и естественно считать вошедшимъ въ законную силу такой приговоръ или постановленіе, для обжалованія котораго не существуетъ ни апелляціонной, ни кассаціонной инстанціи. Глазеръ, думается намъ, переступаетъ границы должнаго, когда называетъ рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу, такое, противъ котораго не допустимы никакія юридическія средства для его отклоненія или измѣненія [1]). Процессуалистъ этотъ забываетъ, повидимому, что и въ случаяхъ измѣненія приговора подъ вліяніемъ возобновленія уголовнаго дѣла имѣетъ мѣсто средство юридическое.

[1]) I. Glaser. Rechtskraft. Art. im Rechtslexikon von Holtzendorff, S. 285.

Для допустимости возобновленія уголовнаго дѣла необходимы, по согласному признанію всѣхъ законодательствъ, знающихъ этотъ институтъ, кромѣ условія, уже упомянутаго выше, такія вновь открывшіяся обстоятельства, которыя не имѣлись въ виду судьей при постановленіи приговора. Безъ строгаго проведенія въ процессѣ, а въ частности и въ процессѣ уголовномъ, начала ne bis in idem не можетъ быть рѣчи о цѣлесообразной постановкѣ правосудія. Если бы каждый разъ по одному и тому же дѣлу можно было отмѣнять правильно постановленные приговоры при отсутствіи вновь открывшихся обстоятельствъ, тогда самое постановленіе приговоровъ было бы довольно безцѣльной дѣятельностью, не ведущей ни къ какимъ юридическимъ послѣдствіямъ.

Отъ того, какой смыслъ придавать выраженію вновь открывшихся обстоятельствъ, зависитъ, конечно, многое. Понятіе „новаго обстоятельства" различно въ различныхъ законодательствахъ. Ихъ разнообразіе возрастаетъ еще благодаря тѣмъ особенностямъ и колебаніямъ, которыя вносятся въ эту область судебной практикой.

Условность института возобновленія уголовныхъ дѣлъ въ зависимости отъ особенностей законодательствъ и колебанія судебной практики не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ однѣхъ странахъ приговоры, постановленные иноземными судами, считаются рѣшеніями, вошедшими въ законную силу, рѣшеніями окончательными [1]), въ другихъ странахъ—наоборотъ. Но разъ различныя законодательства различно рѣшаютъ этого рода вопросы, то легко видѣть, что, благодаря этому обстоятельству, самая допустимость возобновленія можетъ быть на лицо или отсутствовать при однихъ и тѣхъ же условіяхъ въ зависимости отъ различія постановленій дѣйствующаго законодательства. Но пойдемъ далѣе. Развѣ не различны въ отдѣльныхъ странахъ самыя условія, позволяющія говорить о наличности окончательнаго приговора?

Съ точки зрѣнія германскаго законодательства и судеб-

---

[1]) См. по этому вопросу M. Berner, Der Grundsatz des ne bis in idem im Strafprozess. Leipzig. 1891. S. 12 и слѣд.

ной практики, если приговоръ по какому-нибудь дѣлу, разрѣшенному окончательно, не высказывается in expressis verbis по вопросу о допустимости и умѣстности уголовнаго преслѣдованія даннаго обвиняемаго по данному дѣянію, то такое рѣшеніе, если бы оно вошло въ законную силу, не можетъ исключить вторичнаго разсмотрѣнія по этому дѣлу на случай его возникновенія [1]). Съ другой стороны, существуетъ цѣлый рядъ пороковъ, которые могутъ быть констатированы въ рѣшеніи и тѣмъ не менѣе не вліять на его непоколебимость, не допускать вторичнаго разбора по тому же дѣлу. Такова, напр., неполнота приговора по германскому праву и проч. [2]).

Въ свою очередь, въ русской практикѣ мы встрѣчаемся съ своеобразнымъ взглядомъ на проведеніе въ жизнь принципа ne bis in idem въ сферѣ уголовнаго процесса. Можно высказать вполнѣ обоснованное сомнѣніе по поводу того, удовлетворилъ ли бы этотъ взглядъ правосознаніе нѣмцевъ и является ли онъ свободнымъ отъ нѣкоторыхъ чисто мѣстныхъ условностей. Приведемъ, въ подтвержденіе нашей мысли, нѣсколько примѣровъ.

Въ нашей судебной практикѣ находитъ себѣ примѣненіе начало, по которому возобновленіе дѣла недопустимо, и не считается обстоятельствомъ, вновь открывшимся, фактъ открытія послѣ постановленія приговора того, что обвиняемый ошибочно былъ признанъ бывшимъ подъ судомъ (1868 г. № 75 Кастальскаго). Между тѣмъ, въ отношеніи дѣлъ по нарушенію, напр., питейнаго устава, обстоятельство этого рода можетъ имѣть рѣшающее значеніе для приговора, въ виду того, что оно, по общему смыслу нашего законодательства и по авторитетному разъясненію нашего кассаціоннаго суда, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ ошибочности приговора (1871 г. № 876 Волошинова) или заставляетъ предполагать

---

[1]) I. Glaser—Handbuch des Strafprozesses II B. 1885. S. 67. Ср. о нѣкоторыхъ условныхъ особенностяхъ окончательнаго приговора по германскому и австрійскому праву у комментаторовъ Oppenhof. Kommentar. Прим. 48 къ § 1 Preus. Ver. 1849. Mayer. Handbuch des öster. Strafprozessrechts. Anm. 66—69 къ § 2 östr. StP.O.

[2]) I. Glaser. Handbuch des Strafprozesses II B. 1885. S. 70.

болѣе легкое наказаніе осужденнаго при новомъ разсмотрѣніи дѣла (п. 2 ст. 935) (кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Павленко и Мошеенко 1868 г. № 344, а также Троицкаго 1871 г. № 1722).

Нѣтъ недостатка и въ другихъ примѣрахъ этого рода, число которыхъ можетъ быть легко увеличено по произволу. Но врядъ ли это необходимо для иллюстрированія и безъ того ясной мысли, что понятіе непоколебимости вошедшаго въ законную силу приговора существуетъ только въ принципѣ. Проведеніе этого послѣдняго въ жизнь постулируетъ, однако, нѣкоторыя отступленія. Рѣшенія, непоколебимыя съ точки зрѣнія одного законодательства, легко могутъ быть поколеблены съ точки зрѣнія какого-нибудь другаго законодательства.

II.

Послѣ этихъ общихъ положеній перейдемъ, ближайшимъ образомъ, къ постановленіямъ по вопросу о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства и отчасти въ дѣйствующемъ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ.

Какъ извѣстно, наше дѣйствующее законодательство въ ст. ст. 21 и 22 уст. угол. суд. устанавливаетъ границу непоколебимости вошедшихъ въ законную силу приговоровъ, а въ ст. ст. 23, 25, 180 и 934—940 характеризуетъ въ существенныхъ чертахъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Слѣдуя въ значительной степени постановленіямъ устава уголовнаго судопроизводства, и проектъ новой редакціи предполагаетъ удержать въ нашемъ законодательствѣ существенныя черты института возобновленія уголовныхъ дѣлъ по нашему дѣйствующему уставу уголовнаго судопроизводства, вводя, однако, много улучшеній въ постановленія устава.

Постановленія проекта по вопросу о непоколебимости вошедшаго въ законную силу приговора сосредоточены въ ст. 19 и 20. Регулированію же института возобновленія уголовныхъ дѣлъ посвящены, главнымъ образомъ, ст. 21, 23 и ст. 1015—

1027 и 1179—1181. Мы изложимъ болѣе или менѣе подробно постановленія проекта, попутно указывая на отличіе ихъ отъ постановленій устава. Мы предполагаемъ при этомъ остановиться сперва на перечисленіи тѣхъ поводовъ, при наличности которыхъ можетъ быть рѣчь, съ точки зрѣнія составителей проекта, о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, перейти, вслѣдъ за этимъ, къ указанію времени, въ теченіе котораго можетъ возбуждаться вопросъ о возобновленіи, и къ перечисленію лицъ, коими такія ходатайства могутъ быть предъявлены. Въ заключеніе, мы остановимся на порядкѣ разсмотрѣнія этого рода ходатайствъ и перейдемъ, наконецъ, къ вопросу о томъ, какъ разсматриваются уголовныя дѣла, по ихъ возобновленіи.

Въ соотвѣтствіи съ ст. 21 уст. угол. суд. статья 19 проекта устанавливаетъ принципъ непоколебимости судебнаго рѣшенія въ томъ смыслѣ, что оправданный, вошедшимъ въ законную силу приговоромъ, не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду въ томъ же преступномъ дѣяніи даже на тотъ конецъ, когда обнаружены новыя обстоятельства, изобличающія его въ семъ дѣяніи. Съ другой стороны, ст. 20 проекта, въ соотвѣтствіи съ ст. 22 уст. угол. суд., опредѣляетъ, что осужденный, вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда, не можетъ быть по тому же самому дѣянію подвергнутъ слѣдствію и суду, если бы даже впослѣдствіи и были обнаружены такія новыя обстоятельства, которыя могутъ увеличить отвѣтственность осужденнаго. Въ этихъ статьяхъ нашего дѣйствующаго права и проекта устанавливается такимъ образомъ дѣйствительная непоколебимость только относительно вошедшихъ въ законную силу приговоровъ оправдательныхъ, съ одной стороны, и съ другой—относительно приговоровъ осуждающихъ на тотъ конецъ, когда вновь открывшіяся обстоятельства способны увеличить отвѣтственность осужденнаго.

Съ установленіемъ этихъ началъ абсолютной непоколебимости относительно извѣстнаго рода приговоровъ, проектъ переходитъ къ дальнѣйшему развитію началъ, высказанныхъ въ ст. ст. 19 и 20.

Ст. 23 проекта предусматриваетъ, въ частности, слѣдующую комбинацію. На тотъ конецъ, когда откроются доказательства невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ свыше мѣры содѣяннаго, то въ случаѣ этомъ имѣется достаточный поводъ для возобновленія уголовнаго дѣла.

Ст. 21 проекта, кромѣ двухъ, уже выше упомянутыхъ, поводовъ, т. е. обнаруженія невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія свыше мѣры заслуженнаго, говоритъ еще объ одномъ поводѣ къ возобновленію уголовнаго дѣла, а именно, о тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ, вошедшій въ законную силу, былъ, самъ по себѣ, послѣдствіемъ преступнаго дѣянія. Въ этой послѣдней комбинаціи проектъ не требуетъ, чтобы приговоръ былъ непремѣнно осуждающимъ. Онъ можетъ быть и оправдывающимъ. Возобновленіе уголовнаго дѣла вполнѣ допустимо и въ этомъ случаѣ.

Проектъ добавляетъ при этомъ въ ст. 24, что ни смерть невинно осужденнаго, ни истеченіе давностнаго срока не въ силахъ остановить возобновленіе уголовнаго дѣла.

Итакъ, для возобновленія уголовнаго дѣла съ точки зрѣнія проекта существуютъ три повода. Они предусмотрѣны въ ст. 23 и ст. 21 и сводятся къ открывшейся невинности осужденнаго, къ обнаружившемуся понесенію имъ наказанія свыше мѣры и, наконецъ, къ наличности приговора, являющагося, самъ по себѣ, преступленіемъ.

Не ограничиваясь, однако, этимъ общимъ перечисленіемъ поводовъ къ возобновленію уголовныхъ дѣлъ, составители проекта стараются предусмотрѣть исчерпывающій, повидимому, рядъ всевозможныхъ поводовъ къ возобновленію уголовныхъ дѣлъ въ ст. 1020. Въ этой послѣдней проектомъ новой редакціи уст. угол. суд. предусматриваются, въ качествѣ законныхъ причинъ возобновленія дѣлъ, слѣдующія четыре случая: 1) осужденіе различными, вступившими въ законную силу, приговорами нѣсколькихъ лицъ за одно и то же преступное дѣяніе при такихъ условіяхъ, что совершеніе этого дѣянія однимъ изъ осужденныхъ исключаетъ возможность совершенія его другимъ; 2) осужденіе за несовершившееся дѣя-

ніе и открытіе новыхъ, не бывшихъ въ виду суда, доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія свыше мѣръ содѣяннаго, и 3) и 4) случаи, когда вошедшій въ законную силу приговоръ является самъ по себѣ незаконнымъ, будетъ ли то потому, что документы, на которыхъ онъ основывался, подложны, или судьи дѣйствовали изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ.

Проектъ считаетъ, такимъ образомъ, возобновленіе уголовныхъ дѣлъ умѣстнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ путемъ имѣется въ виду содѣйствовать оправданію или облегченію участи осужденнаго, благодаря открывшимся новымъ обстоятельствамъ. Возможность возобновленія уголовнаго дѣла по отношенію къ лицамъ оправданнымъ проектъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ постановленіями дѣйствующаго устава уголовнаго судопроизводства, принимаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда судебный приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или иного преступленія (ст. 23 уст. угол. суд. п. 3, ст. 1020 проекта). Выставляя положеніе о томъ, что возобновленіе уголовныхъ дѣлъ по отношенію къ оправданнымъ недопустимо по какимъ-либо другимъ поводамъ, кромѣ упомянутаго выше, составители проекта указываютъ въ видѣ мотива на то, что безсиліе судебной власти обнаружить виновнаго и собрать данныя для обвиненія не можетъ никоимъ образомъ служить основаніемъ для оставленія оправданнаго подъ постоянною угрозою возобновленія рѣшеннаго о немъ дѣла [1]). По мнѣнію составителей проекта, и сознаніе, сдѣланное оправданнымъ послѣ того, какъ рѣшеніе вошло въ законную силу, не должно служить поводомъ для возобновленія уголовнаго дѣла. Къ защитѣ такого взгляда приводитъ составителей проекта отчасти и слѣдующее. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто вошедшій въ законную силу приговоръ, не соотвѣтствующій новымъ, обнаружившимся относительно виновности оправданнаго, даннымъ для цѣли поколебанія его, „можно съ пол-

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства. Т. IV. Спб. 1900, ст. 137.

нымъ основаніемъ указать на то, что такой приговоръ устанавливаетъ пользованіе плодами преступнаго дѣянія и служитъ явнымъ соблазномъ для общественной нравственности [1]).

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ поводовъ, считаемыхъ составителями проекта достаточными для возобновленія уголовныхъ дѣлъ, намъ предстоитъ еще для полной характеристики этого института по проекту остановиться на слѣдующихъ моментахъ: на самомъ процессѣ возбужденія вопроса о возобновленіи и на проблемѣ о порядкѣ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, по ихъ возобновленіи.

Процессъ возбужденія вопроса о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ предполагаетъ прежде всего разсмотрѣніе вопроса о лицахъ, могущихъ требовать возобновленія уголовныхъ дѣлъ, времени, въ теченіе котораго такія ходатайства допустимы, и, наконецъ, порядкѣ разсмотрѣнія ходатайствъ о возобновленіи.

Переходимъ, ближайшимъ образомъ, къ вопросу о лицахъ, уполномочиваемыхъ съ точки зрѣнія проекта на ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ.

Проектъ значительно расширяетъ, по сравненію съ уставомъ уголовнаго судопроизводства, кругъ лицъ, по просьбѣ которыхъ можетъ начинаться ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ ст. 934 признаетъ такое право только за лицами прокурорскаго надзора, самими осужденными, ихъ родственниками и свойственниками, ст. 1015 проекта дополняетъ этотъ перечень супругами осужденныхъ, лицами, вообще потерпѣвшими отъ преступнаго дѣянія; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется право ходатайства о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ разнымъ правительственнымъ установленіямъ и должностнымъ лицамъ. Въ ряду установленій этихъ видную роль, полагаютъ составители проекта новой редакціи, будутъ играть въ особенности суды, которые при разсмотрѣніи другихъ дѣлъ или при обращеніи приговора къ исполненію по вступленіи его въ законную силу, могутъ обнаружить основанія для возобновленія рѣшенныхъ ими дѣлъ [2]).

---

[1]) Объяснительная записка, т. IV ibid.

[2]) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи уст. угол. суд. т. IV, стр. 140.

Что касается времени, въ теченіе котораго допустимо ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, послѣ того какъ приговоръ вступилъ въ законную силу, то рѣшеніе по этому вопросу мы находимъ въ ст. 24 проекта; она гласитъ, что возстановленіе чести и правъ невинно осужденнаго допускается во всякое время, несмотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго.

Обратимся теперь, ближайшимъ образомъ, къ обзору того порядка разсмотрѣнія ходатайствъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, который вводится проектомъ.

Проектъ постановляетъ, по силѣ ст. 1015, что просьбы лицъ, имѣющихъ право ходатайства о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ по причинамъ, предусмотрѣннымъ въ законѣ, поступаютъ къ прокурору того окружнаго суда, который разрѣшилъ дѣло по существу. По ст. 1016, прокуроръ дѣлаетъ распоряженіе о провѣркѣ тѣхъ обстоятельствъ, на которыя опираются ходатайства о возобновленіи. Когда основанія къ возобновленію дѣлъ, послѣ провѣрки ихъ путемъ дознанія или посредствомъ отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подтвердятся, прокуроръ, по ст. 1017 проекта, предлагаетъ суду пріостановить исполненіе приговора, вошедшаго въ законную силу, впредь до окончательнаго разрѣшенія ходатайства о возобновленіи и одновременно дѣлаетъ представленіе о возобновленіи дѣла Уголовному Судебному Департаменту Правительствующаго Сената черезъ оберъ-прокурора. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда прокуроръ не видитъ, по провѣркѣ, достаточныхъ основаній къ тому, чтобы данное дѣло было возобновлено, онъ представляетъ свое заключеніе суду, отъ усмотрѣнія котораго уже зависитъ или оставить безъ послѣдствій просьбу о возобновленіи, или представить ее въ Уголовный Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената (ст. 1018). На тотъ конецъ, когда судъ оставляетъ безъ послѣдствій ходатайство о возобновленіи дѣла, лица, ходатайствующія объ этомъ, извѣщаются о такомъ рѣшеніи и могутъ въ двухнедѣльный срокъ принести на опредѣленіе суда жалобу въ Уголовный Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената, по силѣ ст. 1019.

Дѣла, подлежащія вѣдомству вновь учреждаемыхъ участковыхъ судей или отдѣленій окружнаго суда, на случай ходатайствъ о ихъ возобновленіи, могутъ быть возобновляемы путемъ слѣдующаго порядка. Просьбы и сообщенія о возобновленіи такихъ дѣлъ направляются, по силѣ ст. 1179, въ тотъ самый судъ, который приговоръ постановилъ. На этомъ же судѣ лежитъ обязанность провѣрки ходатайства о возобновленіи. На уѣздныя или городскія отдѣленія окружныхъ судовъ, по ст. 1180, возлагается рѣшеніе вопросовъ о томъ, должны ли ходатайства о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ быть оставлены безъ послѣдствій, или этимъ ходатайствамъ должно быть дано дальнѣйшее движеніе въ смыслѣ представленія ихъ Правительствующему Сенату. Ст. 1181 предоставляетъ при этомъ ходатайствующимъ о возобновленіи право жалобы въ Правительствующій Сенатъ на опредѣленія уѣздныхъ или городскихъ отдѣленій окружнаго суда по вопросу объ оставленіи ходатайствъ о возобновленіи безъ послѣдствій.

Порядокъ, предполагаемый къ введенію составителями проекта, значительно отличается отъ порядка, предусмотрѣннаго дѣйствующимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. Какъ извѣстно, по силѣ ст. 934, 936 и 180 уст. угол. суд., ходатайства о возобновленіи направляются прямо въ Уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената, который долженъ удостовѣриться въ дѣйствительности обстоятельствъ, на коихъ основано ходатайство о возобновленіи дѣла. По отношенію къ возобновленію дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, по выработавшемуся судебной практикой порядку, Правительствующій Сенатъ не входитъ непосредственно въ разсмотрѣніе поданныхъ просьбъ о возобновленіи. Эти послѣднія подаются въ судъ, разрѣшившій дѣло по существу. Судъ производитъ разслѣдованіе, а затѣмъ входитъ съ представленіемъ въ Сенатъ, при чемъ представленіе ходатайства въ Сенатъ не пріостанавливаетъ исполненія приговора [1]). При этомъ, въ случаѣ от-

---

[1]) Рѣш. Угол. Касс. Деп. 1868 г. № 420, 1869 г. № 743 и др. Ср. Объяснительная записка къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства. Т. IV. Спб. 1900 г., стр. 143.

каза въ представленіи просьбы о возобновленіи въ Сенатъ, допускается жалоба въ съѣздъ мировыхъ судей и Правительствующій Сенатъ [1]). Если приговоръ постановленъ мировымъ съѣздомъ, то ходатайство о возобновленіи должно быть подано въ съѣздъ [2]).

Въ ст. ст. 1022 и 1023 проектъ регулируетъ порядокъ разсмотрѣнія Судебнымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената ходатайствъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Въ первой изъ нихъ опредѣляется, что представленія о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ разрѣшаются Судебнымъ Департаментомъ Сената въ порядкѣ, опредѣленномъ для разсмотрѣнія кассаціонныхъ протестовъ и жалобъ, а ст. 1023 вводитъ порядокъ, по которому Сенату предоставляется, по признаніи ходатайства о возобновленіи заслуживающимъ уваженія, отмѣнять въ цѣломъ или частяхъ прежній приговоръ и разрѣшать возобновленіе уголовнаго дѣла обращеніемъ его въ судъ, коему оно подсудно.

Покончивъ съ вопросомъ о постановкѣ въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства вопроса о порядкѣ возбужденія и разсмотрѣнія ходатайствъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, намъ предстоитъ, наконецъ, характеризовать еще точку зрѣнія проекта по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, по ихъ возобновленіи, и остановиться вообще на нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ разрѣшенія возобновленія дѣла. Вопросы эти регулируются 1024, 1025, 1026 и 1027 статьями проекта.

Ст. 1024 предписываетъ тотчасъ же, вслѣдъ за разрѣшеніемъ возобновленія дѣла, если идетъ рѣчь о доказательствахъ, представленныхъ въ пользу осужденнаго, облегчить участь этого послѣдняго, обезпечивъ только явку его на судъ.

---

[1]) Ср. кассац. рѣш. 1866 г. № 18 по дѣлу Степанова, 1866 г. № 56—Ефимовой, 1867 г. № 44—Ромашева, 1867 г. № 95—Шумакова, 1867 г. № 235—Самарскаго, 1867 г. № 610—Куклина, 1868 г. № 346—Шумаковыхъ, 1868 г. № 420—Гунидова, 1868 г. № 845—Пишкова, 1868 г. № 871—Митрофанова, 1868 г. № 920—Перова, 1870 г. № 383—Семенова, 1872 г. № 1006—Иванова и мн. др.

[2]) Ср. касс. рѣш. 1870 г. № 195 по дѣлу Шарапова.

Слѣдующая 1025 ст. устанавливаетъ то правило, что „судъ, коему разрѣшено возобновить дѣло, разсматриваетъ его съ самаго начала и постановляетъ новый приговоръ“. По ст. 1026, на случай смерти или душевной болѣзни осужденнаго, при возобновленіи дѣла его, къ защитѣ интересовъ осужденнаго допускается защитникъ, избранный родственниками или свойственниками осужденнаго или назначенный отъ суда. По силѣ ст. 1027, жалобы и протесты на приговоры по возобновленнымъ дѣламъ допускаются на общемъ основаніи.

III.

Обращаясь къ критикѣ постановленій проекта по вопросу о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, мы не можемъ не признать, что они находятся въ общемъ на высотѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ этому институту въ современной научной литературѣ. Тѣмъ не менѣе, противъ цѣлесообразности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ постановленій проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства можно, какъ намъ кажется, спорить.

Прежде всего, думается намъ, излишне говорить, какъ поступаютъ между тѣмъ составители проекта объ институтѣ возобновленія уголовныхъ дѣлъ дважды: прежде всего, въ отдѣлѣ общихъ положеній, а затѣмъ въ отдѣлѣ спеціальномъ. Этотъ образъ дѣйствій имѣлъ бы, съ нашей точки зрѣнія, еще особенное основаніе, если бы въ спеціальной части кодекса шла рѣчь о такихъ поводахъ къ возобновленію уголовныхъ дѣлъ, которые непосредственно не вытекаютъ изъ общихъ положеній, или предусматривались бы какіе-нибудь спеціальные случаи. Если уже составители проекта считали необходимымъ говорить о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ въ особенной части, что̀ отчасти вызывается необходимостью детальнаго регулированія института возобновленія, то ничто, кажется намъ, не препятствуетъ группированію всѣхъ статей о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ въ спеціальной части. Вѣдь и въ общей части

проекта непоколебимость устанавливается только въ извѣстныхъ границахъ. Но разъ въ общей части не дана статья о непоколебимости судебныхъ приговоровъ вообще, то нѣтъ необходимости давать здѣсь же и исключенія изъ принципа непоколебимости. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ, какъ, напр., французскомъ code d'instruction criminelle и судопроизводственномъ кодексѣ венгерскомъ, утвержденномъ 4 декабря 1896 г., мы находимъ группированіе статей, относящихся къ возобновленію уголовныхъ дѣлъ, въ одномъ мѣстѣ. Въ кодексѣ французскомъ статьи, касающіяся института возобновленія, группируются въ ст.ст. 443—446. Въ кодексѣ венгерскомъ постановленія эти образуютъ отдѣльную XXI главу, обнимающую собой ст.ст. 444—462 [1]).

Выдѣленіе статей о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ въ одно мѣсто спеціальной части не представляетъ собой такимъ образомъ чего-либо исключительнаго. Сведеніе къ одному мѣсту постановленій, касающихся возобновленія уголовныхъ дѣлъ, въ нашемъ проектѣ мы считаемъ тѣмъ болѣе существеннымъ, что статьи, которыя касаются поводовъ достаточныхъ для возобновленія уголовныхъ дѣлъ, уже исчерпываются ст.ст. 21 и 23 проекта, по крайней мѣрѣ по вопросу о поводахъ къ возобновленію. Но пойдемъ далѣе. Врядъ-ли можетъ подлежать серьезному спору, что, при всей относительной полнотѣ, нельзя признать исчерпывающаго характера за ст. 1020. То обстоятельство, что подъ ст. 23 проекта могутъ быть подведены и такія комбинаціи, которыя не перечислены въ ст. 1020, придаетъ перечисленію, встрѣчаемому въ этой послѣдней, значеніе примѣровъ. Пункты 1, 3 и 4 являются въ значительной степени повтореніемъ ст. 21 и 23. Въ частности п. 1 ст. 1020 предусматриваетъ одинъ изъ случаевъ, могущихъ быть подведенными подъ ст. 23.

Въ виду всего этого намъ казалось бы цѣлесообразнымъ объединить въ одномъ мѣстѣ, преимущественно въ спеціальной части, все то, что касается вопроса о возобновленіи

---

[1]) Strafprozess-Ordnung für das Königreich Ungarn. Berlin. Guttentag. 1899. S. 129 f.

уголовныхъ дѣлъ. Въ примѣненіи къ проекту такой порядокъ избавилъ бы отъ конкуррированія ст.ст. 21, 23 и 1020 проекта.

Въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства мы встрѣчаемся, какъ мы это выше видѣли, съ недопущеніемъ возобновленія дѣла на тотъ конецъ, когда идетъ рѣчь о подвергнутіи новому суду лицъ оправданныхъ. Принимая этотъ порядокъ, составители проекта ссылаются на весьма существенныя соображенія. Единственнымъ случаемъ, въ которомъ, несмотря на вошедшій въ законную силу приговоръ, можетъ быть рѣчь о возобновленіи дѣла, является тотъ, когда имѣетъ мѣсто оправданіе, вызванное тѣмъ, что самое судебное рѣшеніе было актомъ преступнымъ. Соглашаясь съ составителями проекта, что весьма существенные интересы побуждаютъ настаивать на неколебаніи, по общему правилу, оправдательныхъ приговоровъ, мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, согласиться съ нѣкоторыми доводами, приводимыми редакторами проекта въ пользу нежелательности колебанія оправдательныхъ приговоровъ. По мнѣнію составителей проекта, парализовать нѣкоторыя нежелательныя послѣдствія безусловной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ будетъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ нетрудно. Въ тѣхъ комбинаціяхъ, полагаютъ они, когда возникаетъ необходимость въ отмѣнѣ оправдательнаго приговора или потому, что, по обнаружившимся обстоятельствамъ, оправданный дѣйствительно учинилъ преступленіе, или оно было учинено другимъ лицомъ, можно будетъ сослаться на то, „что такой приговоръ устанавливаетъ пользованіе плодами преступнаго дѣянія и служитъ явнымъ соблазномъ для общественной нравственности“ [1]. Но составители проекта, кажется намъ, забываютъ, утверждая это, что, на случай предъявленія къ оправданному обвиненія въ пользованіи плодами преступнаго дѣянія, онъ всегда можетъ сослаться на то, что дѣло это уже разсматривалось судомъ по

[1]) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, т. IV. СПБ. 1900 г., стр. 137.

отношенію къ нему и что по отношенію къ оправданному не слѣдуетъ нарушать принципа ne bis in idem, выраженнаго въ ст. 19 проекта. Наконецъ, каковы могутъ быть тѣ доказательства виновности оправданнаго, обнаружившіяся послѣ оправданія его, когда по ст. 1020 даже существованіе двухъ діаметрально противоположныхъ приговоровъ, исключающихъ другъ друга, въ смыслѣ осужденія нѣсколькихъ лицъ за одно и то же дѣяніе, служитъ законной причиной для возобновленія дѣла только на тотъ конецъ, когда рѣчь идетъ объ осужденномъ, а не оправданномъ. Устраненіе невыгодъ, возникающихъ при томъ условіи, что оправдательные приговоры и при открытіи новыхъ обстоятельствъ не подлежатъ отмѣнѣ, совершенно не достижимо, такимъ образомъ, безъ допущенія возможности возобновленія такихъ дѣлъ. Въ виду этого нѣкоторыя новѣйшія законодательства, помимо германскаго уст. угол. суд. въ ст. 402 п. 4 и австрійскаго уст. угол. суд. въ ст. 355 п. 2, а именно норвежскій уст. угол. суд. въ ст. 415 и венгерскій уст. въ ст. 449, допускаютъ возможность возобновленія уголовнаго дѣла, по которому обвиняемый былъ оправданъ, въ томъ случаѣ, если онъ сознался впослѣдствіи въ дѣйствительномъ совершеніи имъ дѣянія. По смыслу венгерскаго устава уголовнаго судопроизводства, возобновленіе допускается и на тотъ конецъ, когда вообще открыты новыя доказательства виновности оправданнаго [1]).

Вслѣдъ за составителями проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, и мы не рѣшаемся признать значеніе достаточнаго повода для пересмотра оправдательнаго рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, исключительно только въ случаяхъ открытія нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ вѣроятнымъ обвиненіе оправданнаго, какъ это принимаютъ законодательства австрійское и венгер-

---

[1]) „Zum Nachtheile des Freigesprochenen... kann die Wiederaufnahme des Verfahrens... gestattet werden... n. 3... wenn die königl. Staatsanwaltschaft eine neue Thatsache oder ein Beweismittel vorbringt, welche (welches) in sich selbst, oder in Verbindung mit den im Laufe des früheren Verfahrens vorgebrachten die Verurteilung des Freigesprochenen... wahrscheinlich macht". Strf.-Pr.-Ord. für Königreich Ungarn. Berlin. 1899. S. 131.

ское. Но иначе смотримъ мы на колебаніе оправдательнаго приговора въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ послѣдующаго сознанія оправданнаго. Для насъ не является рѣшающимъ доводомъ тотъ аргументъ въ устахъ составителей проекта, что „самый фактъ учиненія подсудимымъ сознанія послѣ суда можетъ быть результатомъ раскаянія, хотя и поздняго, за которое едва-ли справедливо подвергать оправданнаго вторичному суду". Мы полагаемъ, несмотря на то огромное значеніе, которое имѣетъ фактъ раскаянія, что съ точки зрѣнія принципіальной взглядъ составителей проекта не выдерживаетъ въ сущности строгой критики. Представимъ себѣ, что по обвиненію въ какомъ-то убійствѣ лицо А было оправдано хотя-бы потому, что слѣдственной власти не удалось собрать необходимыхъ уликъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ оправданія А подозрѣніе въ совершеніи упомянутаго убійства падаетъ на В. Этого послѣдняго привлекаютъ къ суду и осуждаютъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, несмотря на его невинность. Случайно узнавъ объ этомъ, А сознается въ убійствѣ вопреки его судебному оправданію. Съ точки зрѣнія составителей проекта, возобновленіе дѣла по отношенію къ А безповоротно недопустимо. Врядъ-ли правиленъ, однако, такой взглядъ, и врядъ-ли желательны такія явленія въ видахъ сохраненія нравственнаго авторитета за рѣшеніями уголовныхъ судовъ. Въ виду этихъ соображеній намъ казалось бы, что нѣкоторыя ограниченія безусловной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ, хотя-бы въ тѣхъ случаяхъ, когда фактъ виновности оправданнаго подтверждается, помимо его сознанія, обстоятельствами, открывшимися и удостовѣренными судебнымъ приговоромъ, относящимся къ тому же дѣлу, безусловно желательны.

По вопросу о лицахъ, уполномочиваемыхъ съ точки зрѣнія проекта на ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, должно замѣтить слѣдующее. Съ нашей точки зрѣнія, заслуживаютъ одобренія тѣ части проекта, которыя расширяютъ сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ кругъ лицъ, могущихъ просить о возобновленіи, супругами осужденныхъ и потерпѣвшими. Сочувственно слѣдуетъ отнестись и къ пре-

доставленію правъ ходатайства о возобновленіи и разнымъ правительственнымъ установленіямъ. Но желательна нѣкоторая болѣе точная квалификація установленій, для которыхъ это представляется особо желательнымъ съ точки зрѣнія проекта, имѣющаго, главнымъ образомъ, въ виду суды. Полную неопредѣленность вноситъ ст. 1015 въ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ упоминаніемъ въ числѣ лицъ, могущихъ ходатайствовать о возобновленіи, о категоріи „должностныхъ лицъ". Терминъ этотъ допускаетъ слишкомъ широкое толкованіе и врядъ-ли желателенъ для обозначенія лицъ, получающихъ право ходатайствовать о возобновленіи. Не слѣдуетъ забывать, что если предоставить всѣмъ должностнымъ лицамъ безъ исключенія право ходатайства о возобновленіи, то придется распроститься вообще съ какими-нибудь окончательными рѣшеніями и устойчивостью въ сферѣ уголовнаго правосудія.

Что касается порядка подачи просьбъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, а равно порядка обсужденія этихъ ходатайствъ, то мы имѣемъ въ постановленіяхъ проекта значительный прогрессъ по сравненію съ положеніями дѣйствующаго устава уголовнаго судопроизводства. Не умаляя всей авторитетности рѣшеній касательно возобновленія уголовныхъ дѣлъ въ смыслѣ предоставленія послѣдняго слова по этимъ вопросамъ Судебному Департаменту Правительствующаго Сената, составители проекта обезпечиваютъ наилучшимъ образомъ самую провѣрку вновь обнаружившихся обстоятельствъ. Какъ мы видѣли, проектъ дѣлаетъ рѣшительно все для предоставленія возможности надлежащей оцѣнки обстоятельствъ, говорящихъ въ пользу возобновленія, органамъ, близко стоящимъ къ дѣлу и знакомымъ съ нимъ съ момента его возникновенія. Право жалобы въ Судебный Департаментъ Сената вполнѣ способно, повидимому, при этомъ гарантировать закономѣрность дѣятельности органовъ, производящихъ, по постановленіямъ проекта, провѣрку того, говорятъ ли въ пользу возобновленія дѣла вновь обнаружившіяся обстоятельства.

Въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ проектъ сохраняетъ

дѣйствовавшія въ уставѣ уголовнаго судопроизводства нормы, цѣлесообразность которыхъ, въ связи съ устраненіемъ нѣкоторыхъ несущественныхъ недостатковъ, вполнѣ выяснила наша кассаціонная практика. Таковы въ своихъ существенныхъ частяхъ постановленія ст. ст. 1024, 1026 и 1027. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ, съ нашей точки зрѣнія, только добавка, сдѣланная въ ст. 1024. Въ силу этого нововведенія участь осужденнаго, о возобновленіи дѣла котораго идетъ рѣчь, облегчается во всемъ, что̀ не препятствуетъ явкѣ его въ судъ, только по разрѣшеніи возобновленія дѣла. Одно только представленіе о необходимости возобновленія Правительствующему Сенату, со стороны суда, разбиравшаго дѣло по существу, оказывается недостаточнымъ. Врядъ-ли, однако, такой порядокъ желателенъ. Въ ст. 1026 обращаетъ, кромѣ того, на себя вниманіе неупоминаніе о супругахъ лицъ, осужденныхъ первымъ приговоромъ. Добавка эта является логическимъ послѣдствіемъ пополненія, со стороны проекта, перечня лицъ, могущихъ ходатайствовать о возобновленіи, и этой категоріей лицъ.

ПРОЕКТЪ ШВЕЙЦАРСКАГО ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

И. Вольмана.

I. Schweizerisches Civilgesetzbuch, Vorentwurf des Eidgenössischen Justiz- und Polizei-Departaments. Bern, 1900.

II. Schweizerisches Civilgesetzbuch, Erläuterungen zum Vorentwurf des Eidgenössischen Justiz-und Polizei-Departaments. Bern, 1901 u. 1902 Erstes Heft. Einleitung. Personen-und Familienrecht. Zweites Heft. Das Erbrecht.

Drittes Heft. Das Sachenrecht.

Будущій историкъ права, безъ сомнѣнія, назоветъ наше время эпохой всеобщей кодификаціи. Почти вся Европа занята въ настоящее время обновленіемъ своихъ писанныхъ юридическихъ нормъ [1]. Даже маленькая республика Санъ-Марино, насчитывающая едва 10.000 гражданъ, рѣшила заняться кодификаціей своего права. И мы, русскіе, въ данномъ случаѣ не отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей. И у насъ идетъ теперь пересмотръ нормъ уголовнаго и гражданскаго права. Тѣмъ болѣе для насъ представляетъ интересъ вопросъ о томъ, какъ на западѣ совершаются кодификаціонныя работы. Помимо того, ходъ кодификаціонныхъ работъ, характеръ новыхъ кодексовъ и проектовъ должны насъ интересовать вообще, какъ людей, принимающихъ участіе

---

[1]) Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ Германія покончила съ кодификаціей своего частнаго права; въ настоящее время Венгрія опубликовала проектъ своего гражданскаго уложенія.

въ общихъ культурныхъ движеніяхъ человѣчества. Наше время выдвинуло массу новыхъ культурныхъ и соціальныхъ вопросовъ, которые не были извѣстны старому времени. Всѣ эти вопросы ищутъ себѣ отвѣтовъ въ жизни людей, въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Интересно поэтому также знать, какъ отвѣчаетъ на эти вопросы оффиціальное право людей, насколько настоятельные культурные и соціальные вопросы нашли себѣ откликъ въ новыхъ кодификаціяхъ. Швейцарія представляетъ еще особенный интересъ потому, что въ этой странѣ въ сильной степени развита общественная и политическая жизнь гражданъ. Тамъ каждый гражданинъ не только принимаетъ активное участіе въ культурной и соціальной жизни своего отечества, но имѣетъ полную возможность оказать извѣстное воздѣйствіе на политическія сферы республики.

Такимъ образомъ происходящая въ настоящее время кодификація гражданскаго (и уголовнаго) права въ Швейцаріи представляетъ для насъ крупный интересъ.

Небольшая Швейцарская республика, объединенная въ политическомъ отношеніи въ 1848 году, представляетъ до настоящаго времени поразительный примѣръ крайняго разнообразія въ гражданско-правовомъ отношеніи. Каждый кантонъ, а ихъ 25 (считая 6 полукантоновъ), имѣетъ свои собственные гражданскіе законы, подчасъ значительно отличающіеся отъ таковыхъ сосѣдняго кантона.

Мы остановимся нѣсколько на обзорѣ дѣйствующихъ въ Швейцаріи гражданско-правовыхъ нормъ.

Всѣ кантоны, входящіе въ составъ Швейцарской республики, въ гражданско-правовомъ отношеніи можно раздѣлить на двѣ группы.

Къ первой группѣ мы отнесемъ кантоны, которые не имѣютъ вовсе кодифицированнаго гражданскаго права или имѣютъ его только частью. Во вторую группу войдутъ всѣ остальные кантоны, гражданское право которыхъ кодифицировано.

Къ первой группѣ относятся кантоны: *Ури*, *Швицъ*, *оба Унтервальдена* (Обвальденъ и Нидвальденъ), *оба Базеля* (Го-

родъ и Земля), *оба Аппенцеля* (Аппенцель Внутренняго Родена и Аппенцель Внѣшняго Родена), *Сенъ-Галленъ* и *Тургау*. Въ этихъ кантонахъ дѣйствуютъ разные сборники статуарнаго и земскаго права, а также право обычное.

Нѣкоторые изъ этихъ кантоновъ, какъ, напримѣръ, Нидвальденъ и Тургау, имѣютъ частичное кодифицированное право.

Въ остальныхъ кантонахъ, а ихъ большинство, дѣйствуетъ, какъ мы уже замѣтили, кодифицированное цѣликомъ гражданское право.

Эти кантоны, въ свою очередь, можно разбить на три подгруппы.

Въ первую подгруппу войдутъ кантоны, подпавшіе подъ вліяніе code Napoléon; во вторую—тѣ кантоны, которые оказались подъ сильнымъ вліяніемъ австрійскаго гражданскаго уложенія 1811 г.; къ третьей подгруппѣ мы отнесемъ кантонъ Цюрихъ и тѣ кантоны, которые подпали подъ вліяніе цюрихскаго гражданскаго уложенія.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ подгруппъ отдѣльно.

Къ первой относятся кантоны: *Женева*, *Бернская Юра*, *Валлисъ*, *Ваадтъ* (Во), *Фрейбургъ*, *Тессинъ* и *Нейенбургъ* (Невшатель).

Первые два кантона получили еще въ 1804 году code Napoléon, въ качествѣ частей тогдашней французской республики, и не разстались съ нимъ и послѣ того, какъ они вошли въ составъ Швейцарской республики, при чемъ въ *Женевѣ* code Napoléon подвергся значительнымъ измѣненіямъ, а *въ Бернской Юрѣ* онъ дѣйствуетъ въ совершенно неизмѣненномъ видѣ, несмотря на то, что въ самой Франціи кодексъ этотъ значительно модифицированъ. Въ *Валлисѣ*, съ присоединеніемъ его къ Франціи въ 1810 г., также былъ введенъ code Napoléon. Но этотъ послѣдній дѣйствовалъ недолго, и, какъ только Валлисъ вошелъ въ составъ Швейцаріи, прежнее статуарное право снова воспріяло силу. Въ 1853 году Валлисъ издалъ свой Civilgesetzbuch des Cantons Wallis, дѣйствіе котораго началось съ 1 января 1855 г. Уложеніе это, однако, насквозь проникнуто принципами французскаго кодекса.

Кантонъ *Ваадтъ* (Во) издалъ свой code civil du canton de Vaud въ 1819 году (въ дѣйствіи съ 15 іюля 1821 г.). Уложеніе это подверглось впослѣдствіи значительнымъ измѣненіямъ.

Фрейбургъ приступилъ къ изданію своего code civil въ 1834 г., когда была издана первая книга (lois concernant les personnes, въ дѣйствіи съ 1 января 1836 г.); вторая книга (lois concernant les biens) издана въ 1835 г. (въ силѣ съ 1 января 1837 г.); третья книга (lois concernant les successions, le partage des successions et l'indivision entre frères et soeurs) появилась въ 1839 г. (вступила въ силу съ 1 января 1841 г.); книга четвертая (lois concernant les obligations et leurs suites) и пятая (de la prescription, des preuves et des présomptions légales) изданы въ 1842 г. (въ дѣйствіи съ 1 января 1850 г.). 1 іюля 1850 г. сталъ здѣсь дѣйствовать изданный въ 1849 году code de commerce, образцомъ для котораго послужило также французское торговое уложеніе.

Тессинъ приступилъ къ изданію своего codice civile, отмѣнившаго прежнее статуарное право, въ 1837 г. Уложеніе это впослѣдствіи подверглось довольно значительному измѣненію, въ особенности въ виду изданія союзнаго обязательственнаго права. Послѣдній разъ уложеніе это издано въ 1882 году въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ: codice civile della republica e cantone del Ticino coordinato col codice federale delle obligazioni colla lege federale sulla capacità civile. Въ силу этотъ кодексъ вступилъ 1 января 1883 г.

Нейенбургъ издалъ первую книгу (des personnes) своего code civil въ 1853 г. (въ дѣйствіи съ 1 марта 1854 г.); вторая книга и первыя три главы третьей книги изданы въ 1854 г. и въ томъ же году вступили въ силу; конецъ третьей книги (послѣдней) изданъ также въ 1854 г., но сталъ примѣняться только съ 30 апрѣля 1855 г.

Но французское право имѣло такое вліяніе не на всѣ гражданско-правовые институты поименованныхъ кантоновъ. Ипотечное право, имущественное отношеніе между супругами и право наслѣдственное остались во всѣхъ этихъ кантонахъ, за исключеніемъ впрочемъ Женевы и Бернской Юры, неизмѣненными, самобытными.

Австрійское гражданское уложеніе 1811 г. послужило образцомъ при созданіи гражданскихъ кодексовъ въ слѣдующихъ кантонахъ: *Бернъ*, *Люцернъ*, *Золотурнъ* и *Ааргау*. Изъ нихъ Золотурнъ оказался нѣсколько подъ вліяніемъ также французскаго code Napoléon; кромѣ того Золотурнъ и Ааргау выработали собственныя системы для своихъ уложеній. Право ипотечное, имущественное отношеніе между супругами и частью право наслѣдственное остались самобытными и во всѣхъ этихъ четырехъ кантонахъ.

Бернъ приступилъ къ изданію своего Civilgesetzbuch 23-го декабря 1824 г. и окончилъ 18 марта 1830 г. (дѣйствуетъ съ 1-го апрѣля 1831 г.).

Люцернъ началъ издавать свое гражданское уложеніе частями въ 1831 г. Сперва было издано „Personenrecht", затѣмъ „Sachenrecht" постепенно отдѣльными частями. Весь кодексъ вступилъ въ дѣйствіе 1 января 1833 г. Такой же порядокъ изданія частей кодекса имѣлъ мѣсто и въ *Бернѣ*.

Золотурнъ сперва издалъ „семейное право" (дѣйствуетъ съ 1 апрѣля 1842 г.), въ 1843 г. издано „наслѣдственное право", еще черезъ два года—„право имущественное" (первая часть), а вторая и послѣдняя часть имущественнаго права (право обязательственное) появилось лишь въ 1847 г. (дѣйствуетъ съ 1 января 1848 г.).

Кантонъ *Ааргау* сперва выпустилъ „введеніе" и „право лицъ" (въ 1847 г.) своего „Allgemeinen Bürgerlichen Gesetzbuches", „вещное право" появилось въ 1849 г., „право обязательственное"—въ 1852 г., а „наслѣдственное право" лишь въ 1855 г.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о кантонѣ *Цюрихѣ* и о тѣхъ кантонахъ, которые подпали подъ вліяніе цюрихскаго гражданскаго уложенія. Это кантоны: *Шаффгаузенъ*, *Граубюнденъ*, *Цугъ* и *Гларусъ*, *отчасти* также *Тургау* и *Нидвальденъ*. Необходимо замѣтить, что и эти кантоны сохранили свое самобытное право въ отношеніи ипотечнаго права, права наслѣдственнаго и имущественныхъ отношеній между супругами.

Что касается *Тургау* (о кантонѣ Нидвальденъ—рѣчь ниже),

то, хотя этотъ кантонъ, какъ мы уже замѣтили, не имѣетъ полнаго гражданскаго кодекса и принадлежитъ къ группѣ кантоновъ съ некодифицированнымъ правомъ, но въ немъ, точно такъ же, какъ въ Сенъ-Галленѣ, цюрихское гражданское уложеніе примѣняется на практикѣ, какъ право субсидіарное.

Цюрихъ приступилъ къ изданію своего „Privatrechtliches Gesetzbuch" въ 1853 году. Въ томъ же году были изданы первыя двѣ части (право лицъ и семейное право), черезъ годъ вышла третья часть (вещное право), четвертая часть (право обязательственное) появилась въ 1855 г., а въ слѣдующемъ году издана послѣдняя часть (наслѣдственное право). Послѣднее изданіе кодекса относится къ 1888 году. Уложеніе это, занявшее одно изъ почетныхъ мѣстъ среди гражданскихъ кодексовъ Европы, составлено извѣстнымъ Блюнчли [1]).

Шаффгаузенъ издалъ свое гражданское уложеніе, носящее то же наименованіе, какъ и цюрихское, въ промежуткахъ времени съ 1863 года, когда были изданы „право лицъ" и „семейное право", по 1864 годъ, когда появились остальныя части. Изданіе гражданскаго уложенія кантона *Цугъ* продолжалось гораздо дольше. Приступлено было къ изданію еще въ 1861 г., а вся работа закончена лишь въ 1874 году.

Граубюнденъ издалъ весь свой гражданскій кодексъ въ 1862 году, а *Гларусъ* въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1869 года по 1874 г. „Обязательственное право" въ Гларусѣ и Цугѣ вовсе не было кодифицировано, въ виду того, что ко времени окончанія изданій кодексовъ этихъ кантоновъ Швейцарія вырабатывала уже свое союзное обязательственное право.

Нидвальденъ имѣетъ въ кодифицированномъ видѣ только двѣ части: право лицъ и наслѣдственное право. Изданы эти части въ промежутокъ времени съ 1851 г. по 1859 г. Остальные институты гражданскаго права въ этомъ кантонѣ не кодифицированы понынѣ.

---

[1]) Цюрихское гражданское уложеніе переведено на русскій языкъ и издано редакціонной коммисіей по составленію гражданскаго уложенія. СПБ. 1887 г.

Тургау издалъ въ 1860 г. „личное и семейное право“. Въ 1885 г. эти части уложенія были вновь переработаны, при чемъ прибавилось еще право наслѣдственное, составленное по французскому образцу.

Такое разнообразіе нормъ гражданскаго права не могло не отразиться на интересахъ самихъ гражданъ и на экономической, соціальной и даже политической жизни всей республики. Вся Швейцарія насчитываетъ что-то около трехъ милліоновъ гражданъ, а нѣкоторые кантоны, какъ, напримѣръ, полукантонъ Нидвальденъ, имѣютъ нѣсколько болѣе 10.000 жителей.

Швейцарскіе кантоны, объединенные сперва только политически, начали объединяться постепенно и въ другихъ отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ объединенія началась общая культурная жизнь. Мирнымъ, естественнымъ путемъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ 25 отдѣльныхъ, почти самостоятельныхъ государствъ, входящихъ въ составъ небольшой Швейцарской республики, съ различнымъ племеннымъ составомъ населенія, образовали постепенно особую швейцарскую *націю* съ своими національными культурными интересами. Объединеніе это не закончено совсѣмъ, но оно, безъ сомнѣнія, идетъ впередъ гигантскими шагами. Вполнѣ понятно поэтому, что, какъ отраженіе національнаго объединенія, должны были появиться различные законы, общіе для всѣхъ кантоновъ, помимо законовъ конституціонныхъ. Дѣйствительно такъ и было. На протяженіи всего полувѣка (съ 1848 г.) было издано много такъ называемыхъ союзныхъ законовъ швейцарской республики (lois fédérales).

Въ конституціи 29 мая 1874 года мы находимъ статью 64, которая гласитъ слѣдующее (въ своей новой редакціи, принятой народнымъ голосованіемъ 10 іюля 1887 года).

Союзу принадлежитъ изданіе законовъ: 1) о гражданской дѣеспособности, 2) о всемъ, что касается права торговаго и сдѣлокъ съ движимостями (право обязательственное, со включеніемъ права торговаго и вексельнаго), 3) о правѣ авторскомъ на литературныя и художественныя произведенія, 4) объ охранѣ правъ на новые рисунки и модели, точно такъ же, какъ

на изобрѣтенія, представленныя въ видѣ моделей и относящіяся къ промышленности, и 5) о долговомъ и конкурсномъ производствѣ. Но еще до конституціи 1874 г. въ Швейцаріи были изданы общіе союзные законы.

Въ настоящее время въ гражданско-правовомъ отношеніи дѣйствуютъ слѣдующіе федеральные законы Швейцаріи [1]):

1) Союзный законъ 25 іюня 1891 г. о согласованіи и примѣненіи нормъ гражданскаго права для швейцарцевъ, живущихъ въ разныхъ кантонахъ (см. ст. 46 и 47 конституціи 1874 г.);

2) Союзный законъ 22 іюня 1881 о гражданской дѣеспособности;

3) Союзный законъ 24 декабря 1874 г. (ст. 53, 54 и 58 конституціи) объ актахъ гражданскаго состоянія и о бракѣ;

4) Правила 20 сентября 1881 г. о веденіи актовъ гражданскаго состоянія;

5) Союзный законъ 1 мая 1850 г. (ст. 21 конституціи 1848 г., ст. 23 конст. 1874 г.) объ экспропріаціи для общеполезныхъ цѣлей;

6) Инструкція 22 апрѣля 1854 г. оцѣночной коммисіи при экспропріаціяхъ.

7) Союзное обязательственное право 14 іюня 1881 г., содержащее также право торговое (сухопутное), вексельное и правила о сдѣлкахъ съ недвижимостью [2]);

8) Правила 6 мая 1890 г. о торговомъ регистрѣ и объ оффиціальномъ торговомъ листкѣ;

9) Союзный законъ 1 іюля 1875 г. объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпринимателей за причиненіе смерти и тѣлесныхъ поврежденій людямъ;

---

[1]) См. Lois usuelles de la confédération Suisse, publiées sur l'ordre du conseil fédérale par P. Wolf. Lausanne, 1898.

[2]) Швейцарское союзное обязательственное право переведено на русскій языкъ и издано редакціонной коммисіей по составленію гражданскаго уложенія, Спб. 1891. Къ переводу приложены также законы объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій, о гражданской дѣеспособности и о перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ (нынѣ замѣненный другимъ закономъ).

10) Союзный законъ 25 іюня 1881 г. о гражданской отвѣтственности фабрикантовъ (ст. 34 конституціи 1874 г.).

11) Союзный законъ 26 апрѣля 1887 г. о расширеніи отвѣтственности фабрикантовъ, изданный въ дополненіе союзнаго закона 25 іюня 1881 г.

12) Союзный законъ 23 марта 1877 г. о работахъ на фабрикахъ и постановленія союзнаго совѣта по тому же вопросу отъ 19 декабря 1887 г., 3 іюня 1891 г., 14 января 1893 г., 13 декабря 1897 г., и ордоннансъ 16 октября 1897 г.[1]).

13) Союзный законъ 23 апрѣля 1883 г. о литературной и артистической собственности (propriété littéraire et artistique) и правила 28 декабря 1883 г. о примѣненіи этого закона;

14) Союзный законъ 26 сентября 1890 г. объ охранѣ правъ на фабричныя и торговыя марки, объ отличительныхъ признакахъ продуктовъ и о почетныхъ промышленныхъ наградахъ и правила 7 апрѣля 1891 г. о примѣненіи этого закона;

15) Союзный законъ 29 іюня 1894 г., содержащій переходныя постановленія по поводу закона 26 сентября 1890 г., и правила 27 ноября 1894 г. о примѣненіи этого закона;

16) Союзный законъ 29 іюня 1888 г. о привилегіяхъ на изобрѣтенія и правила 10 ноября 1896 г. о примѣненіи этого закона;

17) Союзный законъ 21 декабря 1888 г. о рисункахъ и моделяхъ промышленныхъ и правила 31 августа 1894 г. о примѣненіи этого закона.

Кромѣ того Швейцарія имѣетъ много другихъ союзныхъ законовъ, преимущественно публично-правоваго характера, какъ, напримѣръ, законъ 11 апрѣля 1889 г. о долговомъ и конкурсномъ производствѣ.

Отъ всѣхъ этихъ федеральныхъ гражданско-правовыхъ законовъ къ полному объединенію въ частно-правномъ отношеніи—одинъ шагъ. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ 17 ноября

---

[1]) См. статью Карла Бюхера въ сборникѣ, изданномъ М. И. Водовозовой: Законодательная охрана труда. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatwissenschaften. Спб. 1901 г., стр. 218—241.

1893 года, когда на основаніи меморіала союзнаго Департамента Юстиціи и Полиціи и выработаннаго этимъ же Департаментомъ плана было приступлено къ составленію полнаго гражданскаго уложенія для всей Швейцаріи.

Главнымъ редакторомъ и руководителемъ работъ былъ назначенъ профессоръ Евгеній Губеръ, извѣстный цивилистъ, авторъ знаменитой четырехтомной „Системы и исторіи швейцарскаго гражданскаго права“ [1]).

Выборъ редактора можно назвать какъ нельзя болѣе удачнымъ, такъ какъ проф. Губеръ является лучшимъ знатокомъ гражданскаго права, дѣйствующаго въ настоящее время въ Швейцаріи.

При главномъ редакторѣ состоятъ небольшія коммисіи изъ 2—3 человѣкъ, а при Департаментѣ состоятъ особыя коммисіи, болѣе многолюдныя. Сначала былъ выработанъ рядъ вопросовъ по поводу будущаго уложенія, и эти вопросы были разосланы кантональнымъ учрежденіямъ. Отвѣты отъ этихъ послѣднихъ не замедлили явиться послѣ обсужденія вопросовъ въ кантональныхъ коммисіяхъ. Отъ нѣкоторыхъ кантоновъ были получены обстоятельные доклады, принятые во вниманіе редакторомъ и коммисіями.

Больше трудности предстояло при составленіи проектовъ относительно брачно-юридическихъ отношеній, права наслѣдственнаго и права ипотечнаго, такъ какъ, какъ было отмѣчено выше, большинство кантоновъ въ отношеніи помянутыхъ институтовъ сохранили свое самобытное право.

Въ этихъ видахъ прежде всего было приступлено къ выработкѣ проектовъ относительно указанныхъ только-что институтовъ.

Были выработаны проф. Губеромъ три частичныхъ проекта. Первый частичный проектъ, содержащій нормы юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ союза брачнаго, былъ изготовленъ уже осенью 1893 г. и сперва подвергся обсужденію въ коммисіи, состоящей при редакторѣ, въ со-

[1]) Eugen Huber. System und Geschichte des Schweizerischen Privatrechtes, тома. Basel 1886, 1888, 1889, 1893.

ставѣ: д-ра Ф. Шрайбера (изъ Арта) и проф. Л. Бриделя (изъ Женевы).

Послѣ этого, такъ сказать, предварительнаго обсужденія проектъ поступилъ на разсмотрѣніе коммисіи, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: д-ръ А. Аффольтеръ (изъ Золотурна), адвокатъ Плиніо Болла (изъ Олифона), профессоръ А. Карраръ (изъ Лозанны), г. Герцогъ-Веберъ (изъ Мюнстера), д-ръ Феръ (изъ Фрауэнфельда), проф. А. Мартэнъ (изъ Женевы), проф. А. Шнайдеръ (изъ Цюриха), предсѣдатель суда А. Вирцъ (изъ Саксельна), профессора Ф. Висъ (изъ Цюриха) и Г. Фиттингъ (изъ Галле). Весь этотъ частичный проектъ съ небольшими измѣненіями включенъ въ проектъ швейцарскаго гражданскаго уложенія, въ которомъ онъ занимаетъ пятую и шестую главы.

По поводу этого частичнаго проекта поступили отзывы и доклады отъ союза швейцарскихъ юристовъ (Schweizerisches Juristenverein) съ рефератами профессоровъ г.г. Губера и Бриделя, отъ междукантональнаго комитета „Союза швейцарскихъ женщинъ для поднятія нравственности", а также отъ Бернскаго женскаго комитета.

Второй частичный проектъ, содержащій все наслѣдственное право, былъ выработанъ къ веснѣ 1894 года и былъ сперва разсмотрѣнъ редакторомъ вмѣстѣ съ профессоромъ В. Росселемъ (изъ Берна) и предсѣдателемъ Цюрихскаго Obergericht'а Гоннегеромъ, а затѣмъ поступилъ въ коммисію, въ составъ которой вошли, кромѣ упомянутыхъ уже гг. Аффольтеръ, Феръ, Мартэнъ, Шнайдеръ и Висъ, еще нѣсколько лицъ изъ разныхъ кантоновъ Швейцаріи.

По поводу этого частичнаго проекта поступилъ также докладъ отъ союза юристовъ и еще отъ нотаріусовъ (относительно наслѣдованія у крестьянъ). О судьбѣ этого проекта рѣчь далѣе.

Третій частичный проектъ относительно ипотечнаго права составленъ былъ гораздо позже. Окончательно онъ былъ изготовленъ въ первой редакціи только въ августѣ 1897 г. Предварительно проектъ этотъ обсуждался редакторомъ вмѣстѣ съ д—ромъ Гафнеромъ (союзный судья), г. Буавеномъ (ди-

ректоръ Banque foncière du Jura въ Базелѣ) и проф. Салисомъ.

Въ 1898 г. проектъ съ объясненіями былъ отпечатанъ (всѣ проекты печатались съ объясненіями редактора тотчасъ послѣ обсужденія въ коммисіяхъ, состоящихъ при проф. Губерѣ) и переданъ на обсужденіе коммисіи экспертовъ и другихъ лицъ и обществъ. Оффиціальныя мнѣнія поступили отъ многихъ лицъ, теоретиковъ и практиковъ—спеціалистовъ по ипотечному праву, отъ кантональныхъ банковъ: Гларусскаго, Граубюнденскаго и Ваадтскаго, а также отъ Базельскаго ремесленнаго банка и отъ Банка für Graubünden.

По поводу этого же проекта поступило нѣсколько частныхъ отзывомъ, весьма интересныхъ. Кромѣ того при выработкѣ этого проекта и при его переработкѣ были приняты въ соображеніе оффиціальные матеріалы, представленные отдѣльными кантонами (Сенъ-Галленъ, Базель-Земля, Цюрихъ, Аппенцель Внѣшняго Родена).

Въ теченіе 1898 года проектъ этотъ подвергся значительной переработкѣ и окончательно выработанъ къ концу 1898 года. Въ проектѣ гражданскаго уложенія этотъ частичный проектъ занимаетъ двадцать четвертую главу и пятое отдѣленіе двадцать пятой главы и входитъ въ составъ вещнаго права.

Всѣ эти проекты въ свое время носили, такъ сказать, частный характеръ.

Параллельно съ этой предварительной и частной работой шла работа по выработкѣ проектовъ (частичныхъ) отъ имени Департамента, такъ называемыхъ Departamental-Entwürfe.

Въ январѣ 1896 года проф. Губеру было поручено Департаментомъ выработать цѣльные проекты личнаго и семейнаго права. Черезъ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ, а именно 24 іюля 1896 г., была представлена Департаменту первая редакція этихъ проектовъ, поступившая на обсужденіе коммисіи, въ составъ которой вошли, кромѣ самаго редактора, представитель отъ Департамента г. Мюллеръ, д-ръ

Гобатъ (изъ Берна), союзный судья д-ръ Гавнеръ (изъ Лозанны) и шефъ отдѣла законодательства при Департаментѣ д-ръ Л. Веберъ. По поводу этихъ проектовъ были представлены очень интересные (по словамъ самого проф. Губера) доклады отъ профессоровъ гг. Буркгардта (изъ Базеля) и Лотмара (изъ Берна).

Окончательная редакція этихъ проектовъ установлена 2 декабря 1896 г. [1]).

Къ выработкѣ вещнаго права проф. Губеръ приступилъ еще въ 1897 г. (независимо отъ проекта ипотечнаго права). Сперва были выработаны проекты правилъ относительно владѣнія, вотчинной книги, затѣмъ водное право и нормы, относящіяся къ горнымъ промысламъ. Относительно владѣнія и ипотечной книги были представлены протоколы союза юристовъ, гдѣ эти проекты подверглись всестороннему обсужденію, при чемъ были написаны спеціальные рефераты судьей д-ромъ Ліенгардомъ и нотаріусомъ г. А. Гампертомъ (изъ Женевы). Эти послѣднія лица вмѣстѣ съ д-ромъ Гафнеромъ, проф. фонъ-Салисомъ и редакторомъ обсуждали предварительно проектъ о владѣніи и вотчинной книгѣ.

Къ обсужденію проектовъ воднаго и горнаго права были также привлечены лучшіе спеціалисты по этимъ вопросамъ. Лучшіе доклады были представлены инженеромъ Іегеромъ („О водныхъ отношеніяхъ въ Швейцаріи") и г. Рокко („О союзной горной инспекціи въ 1896 и 1897 гг."), а также профессорами Гаймомъ (изъ Цюриха) и Пиккаромъ (изъ Базеля). Все вещное право было изготовлено къ началу 1899 года и сейчасъ же поступило на предварительное обсужденіе коммисіи, въ составъ которой вошелъ, кромѣ редактора и упомянутыхъ уже лицъ, проф. F. Mentha (изъ Нейенбурга).

[1]) По поводу этихъ проектовъ (личнаго и семейнаго права) см. Laband— die Kodifikation des bürgerlichen Rechts der Schweiz, въ Deutsche Juristenzeitung. 1897, № 7, стр. 132 и сл. Barazetti. Der Vorentwurf zum ersten und zweiten Teil des schweizerichen Civilgesetzbuches Personen-und Familienrecht). Bern. 1898. Башмаковъ. Швейцарскій проектъ гражданскаго уложенія. Журн. гражд. и уголовн. права. 1897, кн. 10.

Вслѣдъ за этой коммисіей проектъ былъ разсмотрѣнъ вновь въ департаментской коммисіи.

Окончательная редакція всего вещнаго права была установлена въ ноябрѣ 1899 года.

При окончательной редакціи „вещнаго права“ были приняты во вниманіе и использованы еще слѣдующіе доклады: „заключенія на проектъ“ союзнаго судьи д-ра Ліенгарда и нотаріуса А. Гамперта, записка Бернскаго геометрическаго союза (относительно вотчинной книги), доклады завѣдующаго вотчинной книгой д-ра Л. Зигмунда, профессоровъ Гайма, Цшоке (изъ Ааргау), Буркгарда, директора ипотечнаго отдѣленія Цюрихскаго кантональнаго банка д-ра Шенка, проф. Маркузена (изъ Берна), профессоровъ Лотмара (изъ Берна), М. Рюмелина (изъ Тюбингена), А. фонъ Туръ (изъ Страсбурга) и М. Гмюръ (изъ Берна).

Проектъ наслѣдственнаго права, выработанный первоначально еще въ 1894 году, подвергся значительной переработкѣ и представленъ Департаменту въ февралѣ 1900 г. и обсужденъ въ департаментской коммисіи, въ которую вошли: редакторъ, два представителя отъ департамента, одинъ членъ высшаго суда и три профессора. Эта же коммисія просмотрѣла „введеніе“ къ проекту и „заключительную главу“ (Schlusstitel).

Всѣ эти частичные Departamental-Entwürfe соединены въ одно цѣлое и опубликованы 15 ноября 1900 г. на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ подъ общимъ заглавіемъ (на нѣмецкомъ языкѣ):

Schweizerisches Civilgesetzbuch. Vorentwurf des Eidgenössischen Justiz-und Polizei-Departaments (Bern, 1900).

Вслѣдъ за самимъ проектомъ стали появляться и Erläuterungen (объясненія) къ проекту. Объясненія выпущены въ 3-хъ выпускахъ: первый выпускъ содержитъ объясненіе къ введенію, праву лицъ и семейному праву (1901), второй выпускъ относится къ наслѣдственному праву (1901), а третій даетъ объясненія къ праву вещному (1902).

Переходимъ къ болѣе детальному обозрѣнію проекта въ его цѣльномъ видѣ.

Весь проектъ состоитъ изъ четырехъ частей. Первая часть содержитъ „личное право“ (Personenrecht), вторая часть—„семейное право“ (Familienrecht), третья—„наслѣдственное право“ (Das Erbrecht) и четвертая—„вещное право“ (Sachenrecht). Проектъ открывается „введеніемъ“ (Einleitung) и замыкается „заключительной главой“ (Schlusstitel). Такимъ образомъ будущій швейцарскій кодексъ будетъ имѣть всего *пять* частей. Въ качествѣ пятой части войдетъ нынѣ дѣйствующее союзное обязательственное право 1881 г.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе подробному изложенію содержанія проекта, мы остановимся на своеобразной и оригинальной системѣ будущаго уложенія. Гражданское право знаетъ до настоящаго времени слѣдующія системы, принятыя въ кодексахъ и въ научномъ изложеніи.

Система институціонная, или система Гая, система трехчленная. Она основана на дѣленіи всего гражданскаго права на три части (Omne jus vel ad personas vel ad res vel ad actiones pertinet. Gaius I. 8).

Въ первой части излагается ученіе о субъектахъ правъ, во второй—ученіе объ объектахъ правъ, подъ понятіе которыхъ подходятъ также и обязательственныя отношенія, какъ res incorporales; сюда же входитъ и наслѣдственное право, какъ универсальное преемство правъ (successio in universum jus, quod defunctus habuerit), и наконецъ третья часть обнимаетъ собою ученіе объ искѣ въ матеріальномъ смыслѣ слова.

Система эта легла въ основаніе образованія большинства гражданскихъ кодексовъ Европы, преимущественно въ странахъ, гдѣ реципированъ code Napoléon.

Въ началѣ минувшаго столѣтія въ Германіи образовалась новая система, называемая гуго-гейзевской (по имени ученаго Гуго и его ученика Гейзе), или германской. Система эта была развита нѣмецкими пандектистами, отчего она извѣстна больше подъ названіемъ пандектной системы. Система эта основана на дѣленіи всего гражданскаго права на пять частей.

Господствующимъ типомъ этой системы можно назвать слѣдующее расположеніе гражданскаго права.

Книга 1-ая. Общая часть.
„ 2-ая. Вещное право.
„ 3-я. Обязательственное право.
„ 4-ая. Семейное право.
„ 5-ая. Наслѣдственное право.

По этому типу написаны между прочимъ „Пандекты“ Дернбурга.

Новое германское гражданское уложеніе расположено по этой же системѣ съ тѣмъ только отступленіемъ отъ приведеннаго типа, что обязательственное право поставлено передъ вещнымъ. Французскій code civil, какъ мы уже указали, расположенъ по системѣ трехчленной и состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ книгъ.

Livre premier. Des personnes.

„ deuxième. Des biens et des différentes modifications de la propriété.

Livre troisième. Des différentes manières dont on acquiert la propriété.

Обязательственное право, а также наслѣдственное, вошли въ эту третью книгу, при чемъ обязательственное право замыкаетъ собою кодексъ. Итальянскій codice civile 1865 г. всецѣло слѣдуетъ въ отношеніи системы своему прототипу. По этой же системѣ расположены гражданскія уложенія тѣхъ швейцарскихъ кантоновъ, которые подпали подъ вліяніе французскаго code. Только уложеніе кантона Тессина имѣетъ еще четвертую книгу (въ изданіи 1882 г.): Dei contratti regolati dal diritto cantonale.

Австрійское гражданское уложеніе 1811 г. также дѣлится на три части. Первая часть (Personenrecht) содержитъ постановленія „о правахъ, относящихся къ личнымъ свойствамъ и отношеніямъ“, и „право семейное“; вторая часть содержитъ „имущественное право“. Сюда входятъ, между прочимъ, право наслѣдственное и право обязательственное (послѣднее—подъ рубрикой: Persönliche-Sachenrechte—лично-имущественныя права). Къ третьей книгѣ отнесены правила объ обезпеченіи, измѣненіи и прекращеніи правъ и обязанностей и о давности исковой и пріобрѣтательной. 3-я книга озаглавлена: „Объ

общихъ постановленіяхъ, относящихся къ правамъ лицъ и правамъ имущественнымъ". Въ началѣ уложенія имѣется „введеніе", содержащее ученіе „о гражданскихъ законахъ вообще" (14 статей).

Необходимо отмѣтить, что и въ австрійскомъ уложеніи, подобно французскому, обязательственное право помѣщено послѣ наслѣдственнаго. По системѣ австрійскаго уложенія составленъ гражданскій кодексъ кантона Люцернъ.

Цюрихское гражданское уложеніе раздѣлено на пять частей, которыя первоначально были расположены слѣдующимъ образомъ:

I. Право лицъ; II. Семейное право; III. Вещное право; IV. Обязательственное право; V. Наслѣдственное право.

Въ новомъ изданіи 1888 г. порядокъ расположенія частей измѣненъ и въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ.

I. Право лицъ;

II. Вещное право;

III. Обязательственное право;

IV. Семейное право;

V. Наслѣдственное право.

Гражданское уложеніе кантона Ааргау дѣлится на 4 части.

I. Право лицъ, куда входитъ и семейное право;

II. Вещное право;

III. Право требованій (личныя права, по терминологіи граубюнденскаго уложенія);

IV. Наслѣдственное право.

Проектъ, такимъ образомъ, представляетъ, какъ и цюрихское уложеніе, комбинацію изъ системъ, принятыхъ въ французскомъ и австрійскомъ уложеніяхъ, и господствующаго типа пандектной системы.

Насъ главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ о томъ, почему отвергнута „общая часть".

Профессоръ Губеръ высказывается категорически противъ общей части въ будущемъ швейцарскомъ гражданскомъ уложеніи. Разсужденія его по этому вопросу чрезвычайно инте-

ресны и содержатъ много соображеній принципіальнаго свойства.

Во-первыхъ,—говоритъ профессоръ Губеръ [1]),—„общая часть“ нигдѣ въ Швейцаріи не привилась. Какъ мы видѣли, ни одинъ швейцарскій гражданскій кодексъ не содержитъ „общей части“. Во-вторыхъ, противъ общей части высказалось большинство кантоновъ (за общую часть было всего два голоса); противъ общей части высказался и союзный судъ. Это—соображенія, такъ сказать, мѣстнаго свойства. Но почтенный редакторъ проекта и принципіально противъ необходимости выдѣленія извѣстной части нормъ въ „общую часть“. Обыкновенно, говоритъ по этому поводу профессоръ Губеръ, въ „общую часть“ входятъ ученія о субъектѣ и объектѣ правъ и о возникновеніи, прекращеніи и содержаніи правъ вообще. Такимъ образомъ то, что̀ принято называть „правомъ лицъ“ (т. е. ученіе о субъектѣ правъ), дѣлается составною частью „общей части“ и отрывается отъ своей несомнѣнной связи съ правомъ семейнымъ. Ученіе объ объектѣ правъ должно всецѣло быть отнесено къ праву вещному. Что касается общихъ ученій о возникновеніи, прекращеніи и содержаніи правъ, то эти ученія гораздо цѣлесообразнѣе помѣщать въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ гражданскаго права, такъ какъ не вездѣ эти ученія обнимаются одинаковыми опредѣленіями. Ошибка, напримѣръ, можетъ имѣть мѣсто какъ въ области семейнаго права, такъ и въ правѣ вещномъ и обязательственномъ. Но при ближайшемъ *практическомъ* ознакомленіи съ свойствами ошибки во всѣхъ институтахъ мы убѣдимся, что эти свойства не вездѣ одинаковы. Цѣлесообразнѣе поэтому нормировать вліяніе ошибки на правоотношенія въ каждомъ институтѣ отдѣльно. Засимъ существуютъ такія юридическія сдѣлки, которыя чаще всего встрѣчаются въ одномъ какомъ-нибудь институтѣ гражданскаго права, въ системѣ же онѣ занимаютъ мѣсто въ „общей части“. Съ практической точки зрѣнія правильнѣе помѣстить ученіе объ этихъ сдѣлкахъ тамъ, гдѣ онѣ на дѣлѣ

---

[1]) Erläuterungen. I, стр. 18 и сл.

чаще встрѣчаются, отсылая сюда судью въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется примѣнить эти нормы по отношенію къ другимъ институтамъ. Остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ основныхъ опредѣленіяхъ, которыя обыкновенно даются законодателемъ въ „общей части“. Проф. Губеръ возстаетъ противъ всякихъ излишнихъ опредѣленій въ кодексѣ, опредѣленій чисто-научнаго свойства. Область опредѣленій должна быть по возможности предоставлена научной разработкѣ. Опредѣленія эти могутъ съ теченіемъ времени мѣняться, чѣмъ нисколько не будетъ нарушено практическое значеніе кодекса, въ которомъ эти опредѣленія отсутствуютъ.

Вотъ въ общемъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ была отвергнута „общая часть“.

Соображенія эти: 1) мѣстныя, 2) логическія и 3) практическія. Болѣе вѣскими можно признать первыя и послѣднія соображенія, въ особенности *практическія* основанія. Вообще взглядъ на кодексъ, какъ на руководство исключительно *практическое*, проходитъ красной нитью черезъ всѣ работы проф. Губера по составленію проекта; но объ этомъ рѣчь еще ниже.

Что касается размѣщенія частей будущаго уложенія, то нельзя не согласиться съ проф. Meili, [1]), что во всякомъ случаѣ не было никакихъ основаній помѣстить „обязательственное право“ въ концѣ уложенія (подобно французскому code civil). Дѣло въ томъ, что въ „обязательственномъ правѣ“ содержится много общихъ ученій (о волеизъявленіи, объ ошибкѣ, о правѣ вступленія въ договорныя отношенія (Vertragsfähigkeit), о недозволенныхъ дѣйствіяхъ и пр., изъ которыхъ наукѣ и практикѣ придется дѣлать дедуктивные выводы для другихъ институтовъ частнаго права.

Мы должны еще остановиться на очень интересныхъ мысляхъ автора проекта относительно „задачи законодательства“ (die Aufgabe der Gesetzgebung), каковому вопросу онъ посвящаетъ особую главу въ своихъ „Erläuterungen“ къ проекту

---

[1]) Meili. Die Kodifikation des Schweizerischen Privat-und Strafrechts. Zürich 1901. Стр. 18.

(I, стр. 1 и сл.). Соображенія эти могутъ намъ лучше уяснить характеръ проекта, являющагося, повидимому, осуществленіемъ этихъ мыслей автора, которыя мы излагаемъ вкратцѣ.

Всякій законъ, говоритъ профессоръ Губеръ (рѣчь идетъ, конечно, о законѣ гражданскомъ), долженъ исходить исключительно изъ народнаго правосознанія и черпать свои основанія непосредственно изъ гражданскаго оборота. Содержаніе закона должно быть таково, чтобы каждый мыслящій человѣкъ, задумывающійся надъ потребностями времени, долженъ былъ при чтеніи закона испытывать такое чувство, какъ-будто законодатель вѣщаетъ его устами. Законодатель долженъ находиться въ постоянной искренней и непрерывной связи съ правовой жизнью народа и чутко прислушиваться къ біенію пульса жизни, чтобы умѣть отличить право отъ не-права и понимать тѣ тенденціи къ дальнѣйшему развитію, которыя проявляютъ правоотношенія. Прежде чѣмъ создать какой-нибудь законъ, законодатель долженъ убѣдиться, что то, что̀ онъ называетъ закономъ, есть дѣйствительно право въ дѣйствительной жизни и въ народномъ правосознаніи. Каждое новое законодательство имѣетъ своею цѣлью улучшеніе современнаго ему правопорядка въ виду потребности времени. Поэтому каждое новое законодательство идетъ всегда впереди существующихъ законовъ съ цѣлью упроченія или измѣненія существующихъ юридическихъ отношеній. Но всякое новое право должно исходить изъ существующаго порядка вещей въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ людей между собою, и поэтому эти дѣйствительныя отношенія должны быть хорошо извѣстны законодателю. Когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь новшествѣ въ положительномъ законодательствѣ, то нужно всегда сообразоваться съ условіями дѣйствительной правовой жизни людей и обновлять то, что̀ достижимо при данныхъ современной ему жизни. Законодатель не долженъ своей мощной рукой уничтожать все старое, но онъ обязанъ устранить все то, что̀ считается пережиткомъ, что̀ больше не живетъ, чтобы дать мѣсто новому, живому праву.

При этомъ профессоръ Губеръ стоитъ на мѣстной, національной точкѣ зрѣнія. Каждый правовой институтъ въ своемъ индивидуальномъ видѣ выростаетъ и развивается на собственной почвѣ и въ продолженіе вѣковъ. Никакое поэтому подраженіе, никакая доктрина, никакая фантазія не могутъ замѣнить собою дѣйствительную жизнь. Но законодательство не должно обратиться въ какую-то китайскую стѣну. Законодатель долженъ быть знакомъ и съ правовымъ бытомъ другихъ народовъ. Иностранные кодексы могутъ принести громадную пользу, въ особенности, когда правовые институты собственной страны сходны съ институтами другаго государства. Но пересаживать чужое право къ себѣ нужно съ большою осторожностью.

Чтобы пересадить чужой институтъ на свою почву, надо отлично знать, насколько эта почва воспріимчива. Не нужно переписывать кодексы сосѣднихъ странъ, въ частности code civil français и германское уложеніе, но подражать имъ слѣдуетъ, насколько собственные источники позволяютъ.

Мы изложили лишь вкратцѣ тѣ очень интересныя соображенія проф. Губера, которыя онъ положилъ въ основаніе при составленіи проекта гражданскаго кодекса своей страны.

Теперь мы перейдемъ къ самому содержанію проекта, при чемъ попутно мы отмѣтимъ наиболѣе яркія мѣста и особенности будущаго гражданскаго уложенія.

Всѣхъ статей въ проектѣ—1019. Если прибавить сюда еще 904 статьи обязательственнаго права 1881 г., то въ будущемъ гражданскомъ уложеніи Швейцаріи будетъ всего 1923 статьи.

Въ изданномъ на нашихъ глазахъ обще-германскомъ гражданскомъ уложеніи 2385 параграфовъ-статей. Такимъ образомъ, въ швейцарскомъ кодексѣ будетъ на первый взглядъ менѣе на 462 статьи, чѣмъ въ уложеніи германскомъ. Но эта разница станетъ еще болѣе рѣзкой, если мы примемъ во вниманіе, что въ швейцарскомъ обязательственномъ правѣ имѣется 110 статей по вексельному праву и 104 статьи „переходныхъ постановленій...“; тогда получится разница въ 676 статей.

При этомъ надо еще указать, что сами статьи въ швейцарскомъ проектѣ редактированы въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ въ германскомъ уложеніи.

Проектъ начинается „введеніемъ" (Einleitung), которое состоитъ изъ 5 статей съ слѣдующимъ содержаніемъ: 1) область господства гражданскаго кодекса, 2) отношеніе къ отдѣльнымъ кантонамъ и 3) отношеніе къ иностраннымъ государствамъ.

Статья 1-ая „введенія" гласитъ слѣдующее:

„Гражданское уложеніе примѣняется ко всѣмъ правовымъ вопросамъ, на которые оно содержитъ постановленія буквально или путемъ толкованія.

„При отсутствіи постановленія въ законѣ, судья рѣшаетъ вопросъ на основаніи обычнаго права, а при отсутствіи послѣдняго, согласно прочно установленнымъ выводамъ науки и традиціи.

„Если судья не можетъ черпать право изъ всѣхъ поименованныхъ источниковъ, то онъ долженъ вынести рѣшеніе на основаніи того правила, которое онъ установилъ бы *въ качествѣ законодателя*" [1]).

Такимъ образомъ, швейцарское уложеніе прямо прокладываетъ мостъ изъ области чисто-судебной въ область законодательную. Хотя фактически всюду, гдѣ предоставлено судамъ право широкаго толкованія законовъ, судьи выступаютъ въ роли законодателей, но отсюда еще далеко до признанія за судебной властью функціи законодателя самимъ закономъ. При введеніи новой нормы путемъ самаго широкаго толкованія судья все-таки связанъ положительнымъ законодательствомъ: онъ обязанъ вывести новую норму изъ дѣйствующихъ законовъ путемъ логическимъ, путемъ, который можетъ быть всегда провѣренъ. Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ни одно законодательство не пошло такъ далеко, какъ идетъ швейцарскій проектъ.

Статья 2-ая гласитъ: „Если для разъясненія или въ дополненіе союзно-правоваго постановленія образуется юри-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

дическій обычай, то этотъ послѣдній признается также союзнымъ правомъ.

„Не имѣетъ значенія такой юридическій обычай, который образовался, въ качествѣ мѣстнаго обыкновенія, для отмѣны или измѣненія какого-либо закона“.

Весь проектъ, какъ мы указали выше, раздѣленъ на четыре части и на 26 главъ (Titel).

Первая часть (Personenrecht) содержитъ 2 главы, къ которымъ относятся 104 статьи (ст. 6—109). *Первая глава* (ст. 6—69) посвящена лицамъ физическимъ, *а вторая*—(ст. 70—109) лицамъ юридическимъ. Въ отличіе отъ германскаго уложенія, здѣсь мы вовсе не встрѣчаемъ терминовъ: „физическое лицо“, „юридическое лицо“ („Natürliche Personen“ и „Juristische Personen“, по терминологіи германскаго B. G. B.), а вмѣсто нихъ швейцарскій проектъ употребляетъ болѣе доступныя непосвященной публикѣ выраженія: „Die Einzelpersonen“ для обозначенія лицъ физическихъ и „Die Körperschaften und Anstalten“—для лицъ юридическихъ. Вообще своеобразная терминологія проекта обращаетъ на себя вниманіе, и о ней намъ еще придется говорить.

„Personenrecht“ начинается 6-ой статьей, которая гласитъ: „Каждый человѣкъ правоспособенъ. Всѣ люди одинаково способны имѣть права и обязанности въ границахъ, установленныхъ правопорядкомъ“.

Слѣдующая затѣмъ (7-ая) статья гласитъ:

„Дѣеспособнымъ (handlungsfähig) почитается тотъ, кто совершеннолѣтенъ“.

„Кто дѣеспособенъ, тотъ имѣетъ неограниченную возможность (unbeschränkte Fähigkeit) устанавливать для себя и для другихъ [1]) права и обязанности.

Статья 8-ая: „Совершеннолѣтнимъ почитается тотъ, кому минетъ двадцатый годъ. Лицо, вступившее въ (законный) бракъ, во всякомъ случаѣ становится совершеннолѣтнимъ“.

Въ этой послѣдней статьѣ проектъ цѣликомъ воспроиз-

---

[1]) Разумѣется: въ качествѣ представителя.

водитъ правило 1-ой статьи союзнаго закона о гражданской дѣеспособности 1881 г.

Въ этой части проекта обращаютъ на себя еще вниманіе статьи 25—28, посвященныя „защитѣ личности“ (der Schutz der Persönlichkeit).

Статья 25-ая, устанавливающая общее правило, гласитъ: „Никто не можетъ быть лишенъ ни полностью, ни частью право- и дѣеспособности.

„Никто не можетъ отречься отъ своей свободы или ограничить себя сверхъ должнаго въ пользованіи ею.

Но интереснѣе всего статья 26-ая, которая содержитъ слѣдующее правило:

„Всякій, на чью личность будетъ произведено посягательство неправомѣрнымъ образомъ (wer in seiner Person unbefugter Weise angegriffen wird ist berechtigt...) имѣетъ право предъявить жалобу, которая можетъ имѣть своимъ предметомъ: устраненіе посягательства, возмѣщеніе убытковъ, а также денежное вознагражденіе, по обстоятельствамъ дѣла [1]), въ видѣ удовлетворенія.

Въ этой статьѣ воспроизводится принципъ, выраженный въ ст. 55-ой союзнаго обязательственнаго права, но въ болѣе объективномъ видѣ и въ болѣе сильной степени.

Какъ извѣстно, принципъ, выраженный въ только-что процитированной статьѣ, проводится французской судебной практикой очень послѣдовательно, при чемъ опору практика нашла въ art. 1382 cod. civ., гласящемъ: „Tout fait quelconque de l'homme, qui cause à autrui un dommage, oblige celui par la faute duquel il est arrivé à le réparer“.

Относительно нормъ, регулирующихъ права и обязанности юридическихъ лицъ, можно въ общемъ сказать, что правила эти вообще гораздо менѣе стѣснительны, нежели таковыя въ германскомъ гражданскомъ уложеніи.

Въ этой главѣ обращаетъ на себя въ особенности вниманіе одинъ изъ способовъ прекращенія юридическихъ лицъ.

[1]) „По обстоятельствамъ дѣла“—„Unter Umständen“, т. е. по усмотрѣнію судьи, какъ поясняетъ проф. Губеръ. Erläuterungen. I, стр. 68.

Статья 95-ая, относящаяся къ „корпораціямъ", гласитъ: „Прекращеніе можетъ послѣдовать по судебному рѣшенію, состоявшемуся по жалобѣ соотвѣтственнаго присутственнаго мѣста или *частнаго лица* [1]), которое имѣетъ какой-либо въ этомъ интересъ, коль скоро корпорація преслѣдуетъ противоправную или безнравственную цѣль".

Правило это повторяется и въ статьѣ 107-ой (относительно „учрежденій").

Искъ, устанавливаемый этими статьями, напоминаетъ собою actiones populares, которые были извѣстны римскому праву и не были реципированы въ Германіи. Это были особаго рода штрафные иски, которые могли быть предъявлены не только потерпѣвшимъ, но и всякимъ гражданиномъ [2]).

Съ подобнаго рода исками мы еще встрѣтимся въ другихъ отдѣлахъ проекта (въ брачномъ правѣ, въ правѣ опекунскомъ и пр.), гдѣ мы ихъ и будемъ отмѣчать.

Переходимъ къ второй части проекта, къ „семейному праву" (ст. 110—483, всего 374 статьи). Эта часть занимаетъ 10 главъ и кромѣ того дѣлится на самостоятельныхъ три раздѣла (Abteilung). *Первый раздѣлъ* (ст. 110—276, главы 3—6) посвященъ „праву брачному" (Das Eherecht); *второй раздѣлъ* (ст. 277—385, главы 7—9) содержитъ правила „о родствѣ" (Die Verwandschaft); *третій раздѣлъ* (ст. 386—483, главы 10—12) отведенъ „опекѣ" (Die Vormundschaft).

Содержаніе перваго раздѣла слѣдующее:

Брачное право. 3-я глава. (По общему счету). Заключеніе брака. Первое отдѣленіе. Обрученіе (ст. 110—115). 2-ое отдѣленіе. Брачная правоспособность и препятствія къ заключенію брака (ст. 116—123). 3-е отдѣленіе. Оглашеніе и вѣнчаніе (ст. 124—141). 4-ое отдѣленіе. Недѣйствительность заключеннаго брака (ст. 142—158).

Четвертая глава. Разводъ (ст. 159—181).

Пятая глава. Юридическія послѣдствія брака.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) См. Bader. Schweizerische Rechtsgeschichte und Kodifikation. Zürich. 1901 г. Стр. 16.

1-ое отдѣленіе. Брачный союзъ (ст. 182—200). 2-ое отд. Легальныя имущественныя отношенія (ст. 201—211). 3-е отд. Отдѣльное имущество (ст. 212—214). 4-ое отд. Брачный договоръ (ст. 215—218). 5-ое отд. Брачно-имущественный реестръ (ст. 219—222).

Шестая глава. Договорныя имущественныя отношенія между супругами.

Первое отдѣл. Соединеніе имуществъ (Güterverbindung, ст. 223—244). 2-ое отдѣл. Общность имуществъ (Die Gütergemeinschaft, ст. 245—268). 3-е отдѣл. Раздѣльность имуществъ (Die Gütertrennung, ст. 269—276).

Раздѣлъ второй. Родство.

Седьмая глава. Отношеніе къ законнымъ дѣтямъ.

1-ое отдѣленіе. Происхожденіе отъ законнаго брака (ст. 277—282). 2-ое отд. Узаконеніе (ст. 283—288). 3-е отд. Усыновленіе (ст. 289—295). 4-ое отд. Союзъ родителей и дѣтей (ст. 296—298). 5-ое отд. Родительская власть (ст. 299—317). 6-ое отд. Права родителей на имущество дѣтей (ст. 318—329).

Восьмая глава. Отношеніе къ внѣбрачнымъ дѣтямъ (ст. 330—353).

Девятая глава. Союзъ семейный (Die Familiengemeinschaft).

Первое отдѣленіе. Обязанность содержанія (ст. 354—356). 2-ое отд. Управленіе домомъ (ст. 357—361). 3-е отд. Семейное имущество (семейныя учрежденія, семейные фидеикоммисы и пр., ст. 362—385).

Раздѣлъ третій. Опека.

Десятая глава. Общій порядокъ учрежденія опеки.

1-ое отдѣленіе. Опекунскіе органы (ст. 386—394). 2-ое отд. Обыкновенные случаи учрежденія опеки (ст. 395—405). 3-е отд. Мѣсто учрежденія опеки (ст. 406—408). 4-ое отд. Назначеніе обыкновеннаго опекуна (ст. 409—421). 5-ое отд. Назначеніе временнаго опекуна (Beistand) (ст. 422—425).

11-ая глава. Завѣдываніе опекой.

1-ое отдѣленіе. Должность обыкновеннаго опекуна (ст. 426—445). 2-ое отд. Должность временнаго опекуна (ст. 446—447). 3-е отд. Содѣйствіе опекунскихъ учрежденій

(ст. 448—454). 4-ое отд. Отвѣтственность опекунскихъ органовъ (ст. 455—459).

12-я глава. Прекращеніе опеки.

Первое отдѣленіе. Прекращеніе опеки вообще (ст. 460—468).

Второе отдѣленіе. Прекращеніе опекунской должности (ст. 469—477).

Третье отдѣленіе. Слѣдствія прекращенія опеки (ст. 478—483).

„Брачный сговоръ (помолвка)",—гласитъ статья 111-ая,—„не даетъ права на искъ о заключеніи брака. Договорный штрафъ, установленный на случай нарушенія обѣщанія сочетаться бракомъ (für den Fall der Verlöbnisbruches), не можетъ быть взысканъ, т. е. признается недѣйствительнымъ" [1]).

Брачное совершеннолѣтіе устанавливается для мужчинъ съ достиженіемъ полнаго 20-тилѣтняго, а для женщинъ 18-тилѣтняго возраста (статья 116).

Несовершеннолѣтніе для вступленія въ бракъ должны испросить согласія родителей, а при ихъ отсутствіи—опекуновъ (ст. 118).

Форма заключенія брака (ст. 124—141) оставлена, конечно, нынѣ существующая—гражданская. 139 статья (п.п. 2 и 3) гласитъ: „Церковное вѣнчаніе можетъ послѣдовать не иначе, какъ послѣ предъявленія брачнаго свидѣтельства, выдаваемаго гражданскимъ чиновникомъ".

„Духовныя лица, нарушившія это правило, подвергаются штрафу до 1000 франковъ (надо полагать—за каждое нарушеніе особо)".

Въ четвертомъ отдѣленіи, посвященномъ вопросу о недѣйствительности брака (ст. 142—158), обращаетъ на себя вниманіе 2-ой пунктъ 143 статьи, согласно которому, „искъ о признаніи брака недѣйствительнымъ можетъ быть предъявленъ каждымъ частнымъ лицомъ, имѣющимъ въ этомъ интересъ".

Въ отдѣленіи, посвященномъ „союзу брачному", мы на-

---

[1]) Ср. ст. 52, 53 нашего проекта семейственнаго права. Спб. 1902.

ходимъ цѣлый рядъ правилъ чисто нравственнаго свойства, какъ, напримѣръ, обязанность супруговъ вѣрностью по отношенію другъ къ другу, обязанность давать совѣты и пр. (ст. 182 п. 3-й, ст. 184 п. 2 и др.).

Самымъ труднымъ вопросомъ въ области семейнаго права оказался вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами. Причина отчасти явствуетъ изъ нашего прежняго изложенія. Дѣло въ томъ, что въ отдѣльныхъ кантонахъ дѣйствуютъ различныя системы имущественно-брачныхъ отношеній. Пришлось составить комбинацію изъ дѣйствующихъ системъ.

Въ общемъ проектъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Супруги могутъ нормировать свои имущественныя отношенія посредствомъ особаго договора, заключаемаго *какъ до, такъ и послѣ заключенія брака*, при чемъ законъ предоставляетъ имъ на выборъ одну изъ трехъ указанныхъ въ законѣ системъ (ст. 201).

Если не заключено договора, либо нѣтъ особыхъ постановленій въ законѣ, а также нѣтъ особаго судебнаго опредѣленія (ст. 204—206), то супруги въ имущественномъ отношеніи подчиняются общему порядку, который сводится къ соединенію имуществъ супруговъ (Güterverbindung) (ст. 202).

Что касается договорныхъ системъ, то ихъ всего, какъ указано выше, три, а именно: 1) соединеніе имуществъ супруговъ (Güterverbindung), 2) система общности имуществъ (Gütergemeinschaft) и 3) система раздѣльности имуществъ (Gütertrennung).

Согласно первой системѣ, соединяется въ одно брачное имущество все имущество, которое оба супруга имѣли до заключенія брака и которое они пріобрѣтутъ во время существованія брака, за исключеніемъ такъ называемаго Sondergut'а (имущество, всегда остающееся въ распоряженіи супруга-собственника, ст. 212 и сл.) (ст. 223).

При этой системѣ каждый супругъ остается собственникомъ своего имущества.

При системѣ полной общности имуществъ, все, принад-

лежащее обоимъ супругамъ, становится единымъ имуществомъ, принадлежащимъ обоимъ супругамъ нераздѣльно (ст. 245).

Здѣсь обращаетъ еще на себя вниманіе правило, выраженное во 2-мъ пунктѣ 223 ст. и гласящее: „если одинъ изъ супруговъ утверждаетъ, что какое-либо имущество (это при системѣ соединенія имуществъ) принадлежитъ женѣ, то онъ долженъ это доказать“. Этотъ принципъ извѣстенъ еще римскому праву подъ названіемъ „praesumptio Muciana“. Введенъ онъ былъ для защиты интересовъ кредиторовъ противъ злоупотребленія со стороны супруговъ. Въ германскомъ гражданскомъ уложеніи принципъ этотъ выраженъ слѣдующимъ образомъ: „Въ пользу кредиторовъ мужа допускается предположеніе, что движимыя вещи, которыми владѣютъ одинъ изъ супруговъ или оба супруга, принадлежатъ мужу (ст. 1362, ab. I). Это, конечно, только praesumptio juris, а не juris et de jure.

Въ статьяхъ 283 и сл., посвященныхъ вопросу объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей, интересъ представляетъ правило статей 283 и 285.

Первая изъ нихъ содержитъ постановленія о legitimatio per subsequens matrimonium и гласитъ: „Если родители внѣбрачнаго ребенка вступятъ другъ съ другомъ въ законный бракъ, то этимъ самимъ внѣбрачный ихъ ребенокъ становится законнымъ“. Но особенно интересной является статья 285, содержащая слѣдующее въ высшей степени гуманное правило относительно узаконенія такъ называемыхъ „Brautkinder“ (дѣти невѣсты): „Если родители ребенка обручились, но вѣнчаніе не могло состояться по случаю смерти или потери брачной правоспособности однимъ изъ обрученныхъ, то судъ можетъ по ходатайству другаго обрученнаго или ребенка признать послѣдняго законнорожденнымъ“.

Въ статьяхъ 299—317, посвященныхъ „родительской власти“, любопытнымъ является то обстоятельство, что, въ противоположность господствующей въ большинствѣ кантоновъ власти „отцовской“, проектъ всюду имѣетъ дѣло съ властью „родительской“, уравнивъ въ этомъ отношеніи мать съ отцомъ.

Относительно правъ родителей на имущество дѣтей можно отмѣтить статью 318, содержащую общее правило, гласящее: „*Родители* имѣютъ право и обязаны управлять имуществомъ своихъ дѣтей, покуда послѣднія состоятъ подъ ихъ родительской властью“.

По вопросу объ отношеніяхъ къ внѣбрачнымъ дѣтямъ (das aussereheliche Kinderverhältnis) слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя статьи, содержаніе которыхъ мы здѣсь приведемъ.

Ст. 333 постановляетъ, что „признаніе внѣбрачнаго ребенка со стороны отца можетъ быть оспорено всякимъ *постороннимъ* лицомъ, имѣющимъ въ этомъ интересъ и утверждающимъ, что признавшій—не отецъ и не предокъ ребенка“.

346 статья содержитъ слѣдующее правило: „Если внѣбрачный ребенокъ не наслѣдуетъ своему отцу, то обязанность содержать ребенка (ст. 345) переходитъ на наслѣдниковъ отца; но послѣдніе во всякомъ случаѣ не обязаны выдать внѣбрачному болѣе того, что̀ слѣдовало бы ему, если бы онъ наслѣдовалъ отцу“ (относительно наслѣдственныхъ правъ внѣбрачныхъ дѣтей рѣчь будетъ дальше).

Интересно также правило, устанавливаемое первымъ пунктомъ 351 статьи. Вотъ это правило: „если внѣбрачный ребенокъ признанъ отцомъ добровольно или присужденъ послѣднему съ распространеніемъ на ребенка правъ состоянія отца, то внѣбрачный получаетъ фамилію отца и мѣсто жительство послѣдняго и вступаетъ, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери во всѣ права и обязанности внѣбрачнаго родства“.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ опекѣ, обращаетъ на себя вниманіе то, что проектъ не знаетъ института попечительства, извѣстнаго между прочимъ германскому гражданскому уложенію. Отсутствіе этого института въ новомъ проектѣ станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять въ соображеніе, что большинство швейцарскихъ кантоновъ знаетъ только одинъ видъ опекунства и не знаетъ вовсе попечительства [1].

---

[1]) Huber. Ук. соч. I, стр. 553.

За то проектъ знаетъ институтъ „помощниковъ опекуновъ“, замѣстителей, или временныхъ опекуновъ (Beistandschaft). Они назначаются: a) для исполненія отдѣльныхъ порученій (юридическаго свойства), когда частное (совершеннолѣтнее) лицо само не можетъ выступить по безотлагательному дѣлу и не можетъ назначить себѣ представителя, b) въ случаяхъ, когда интересы опекуна сталкиваются съ интересами опекаемаго, c) въ другихъ случаяхъ, когда въ этомъ встрѣтится необходимость (ст. 422—425).

Опекунство признается проектомъ munus publicum. Но къ принятію опекунства обязаны только *мужчины* (ст. 412), женщины же могутъ отказаться безъ особыхъ уважительныхъ причинъ.

Такую привилегію по отношенію къ женщинамъ проф. Губеръ объясняетъ тѣмъ, что только въ нѣкоторыхъ кантонахъ—и то лишь съ недавняго времени—стали назначать женщинъ на должности опекуновъ [1]).

По вопросу о прекращеніи опеки крайне любопытной является ст. 463, согласно которой „просьбу о прекращещеніи опеки можетъ подать какъ самъ опекаемый, такъ и всякое *частное* лицо, которое чѣмъ-либо заинтересовано въ прекращеніи опеки“.

Приступаемъ къ обозрѣнію „наслѣдственнаго права“, которому отведено всего 160 статей (484—643), противъ 464 статей въ германскомъ уложеніи.

Вся 3-я часть проекта раздѣляется на два раздѣла (Abteilung) и содержитъ 5 главъ (Titel) (13—17 главы по общему счету).

Первый раздѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія о „наслѣдникахъ“ (Die Erben), *второй раздѣлъ* относится къ „порядку наслѣдованія“ (Der Erbgang).

Содержаніе перваго раздѣла:

Глава 13-ая. Наслѣдники по закону (ст. 484—491).

Глава 14-ая. Распоряженія на случай смерти.

---

[1]) Erläuterungen. I, стр. 267.

Отдѣленіе 1-ое. Завѣщательная дѣеспособность (Testamentifactio activa) (ст. 492—493). Отдѣленіе 2-ое. Свобода распоряженія (ст. 495—499). Отдѣленіе 3-е. Виды распоряженій (ст. 500—519). Отдѣленіе 4-ое. Формы распоряженій на случай смерти (ст. 520—538). Отдѣленіе 5-ое. Душеприказчики (ст. 539—540). Отдѣленіе 6-е. Недѣйствительность и уменьшеніе распоряженій (ст. 541—553).

Содержаніе втораго раздѣла.

15-ая глава. Открытіе наслѣдства (ст. 554—567).

16-ая глава. Юридическія послѣдствія открытія наслѣдства (Die Wirkungen des Erbganges).

Отдѣленіе 1-е. Охранныя мѣры (ст. 568—576).

Отдѣленіе 2-е. Пріобрѣтеніе наслѣдства (ст. 577—592).

Отдѣленіе 3-е. Публичный инвентарь (ст. 593—604).

Отдѣленіе 4-е. Оффиціальная ликвидація наслѣдственной массы (ст. 605—610).

Отдѣленіе 5-е. Искъ о наслѣдствѣ (ст. 611—614).

Глава 17-я. Раздѣлъ наслѣдства.

Отдѣленіе 1-е. Общность до раздѣла (ст. 615—619).

Отдѣленіе 2-е. Способъ раздѣла (ст. 620—632).

Отдѣленіе 3-е. Уравненіе наслѣдственныхъ долей (ст. 633—637).

Отдѣленіе 4-е. Окончаніе и послѣдствіе раздѣла (ст. 638—643).

Переходя къ мѣстамъ наиболѣе характернымъ и интереснымъ, мы отмѣтимъ сначала статью 488-ую, содержащую постановленія о внѣбрачномъ родствѣ и вліяніи его на право наслѣдованія.

Статья эта гласитъ слѣдующее.

„Внѣбрачные кровные родственники въ материнскомъ родѣ приравниваются брачнымъ“ [1]).

„Въ отцовскомъ родѣ они только тогда пользуются правомъ наслѣдованія, когда внѣбрачный ребенокъ получилъ

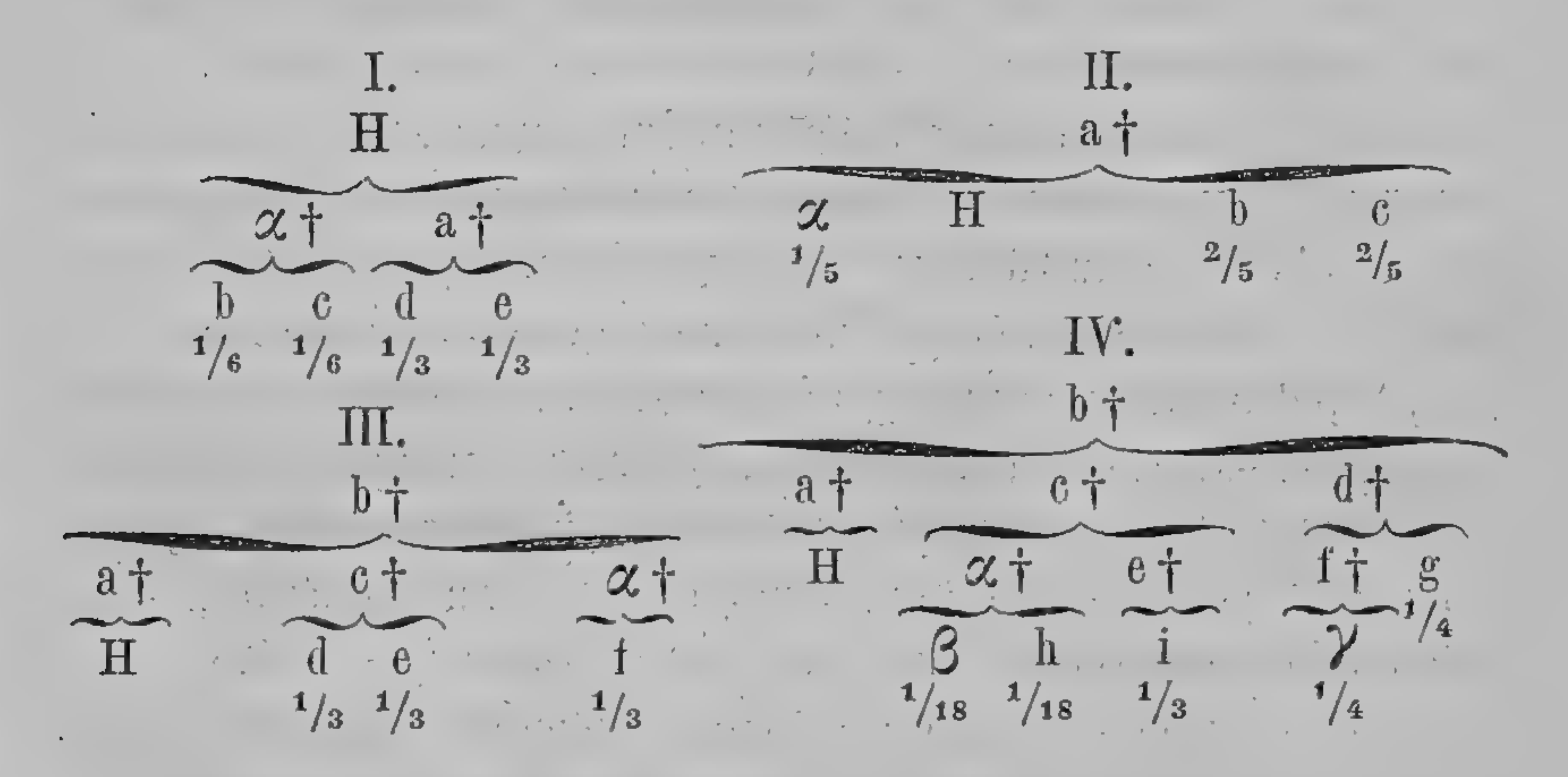
[1]) Разумѣется,—въ наслѣдственныхъ правахъ.

права состоянія отца посредствомъ признанія или судебнаго рѣшенія“ [1]).

„Если въ отцовскомъ родѣ внѣбрачные наслѣдники наслѣдуютъ рядомъ съ брачными наслѣдниками [2]), находящимися въ одинаковой степени родства и происходящими отъ одного и того же предка, то внѣбрачный получаетъ только половину того, что̀ получаетъ брачный наслѣдникъ той же близости родства“.

Для болѣе яснаго пониманія послѣдняго постановленія мы должны иллюстрировать его нѣсколькими примѣрами, заимствуемыми нами у проф. Губера [3]).

Отмѣтимъ наслѣдодателя черезъ букву H., его брачныхъ родственниковъ черезъ латинскія буквы a, b, c и т. д., а его внѣбрачныхъ родственниковъ черезъ греческія буквы α, β, γ, δ, и т. д., возлѣ родственниковъ умершихъ раньше смерти наслѣдодателя мы поставимъ крестъ. Теперь мы представимъ слѣдующія примѣрныя таблицы.

Вообще регулированіе нормъ относительно внѣбрачнаго родства представляло большія трудности, такъ какъ партикулярныя кантональныя постановленія по этому вопросу об-

[1]) Ср. ст. 351 проекта, процитированную выше.

[2]) Т. е. происходящими отъ законнаго брака или узаконенными.

[3]) Erläuterungen. II, стр. 60.

наруживаютъ крайнее разнообразіе воззрѣній швейцарцевъ на внѣбрачныхъ дѣтей.

Въ дѣйствующемъ правѣ швейцарскихъ кантоновъ мы находимъ различныя нормы въ этомъ отношеніи, начиная отъ полнаго лишенія внѣбрачныхъ родственниковъ права наслѣдованія по закону (Ури, Швицъ, Обвальденъ, Нидвальденъ) до полнаго ихъ уравненія въ отношеніи наслѣдованія съ брачными родственниками (Бернъ) [1].

Профессоръ Губеръ справедливо замѣчаетъ, что, согласно современнымъ взглядамъ, кровное родство должно дать право наслѣдованія независимо отъ того, брачное ли оно или внѣбрачное. Несмотря, однако, на это, почтенный ученый счелъ нужнымъ въ одномъ случаѣ отличить довольно рѣзко отношенія внѣбрачныхъ родственниковъ къ материнскому роду отъ отношеній къ роду отца. Соображенія проф. Губера по этому поводу не убѣдительны [2].

По вопросу о свободѣ распоряженій своимъ имуществомъ на случай смерти интересъ представляетъ статья 495, которая постановляетъ:

„Кто оставляетъ послѣ себя нисходящихъ, тотъ въ правѣ завѣщать только четверть своего имущества, а кто оставляетъ въ качествѣ ближайшихъ наслѣдниковъ отца или мать, можетъ завѣщать не болѣе половины своего имущества“.

„Пережившему супругу наслѣдодатель, если наслѣдство переходитъ къ его нисходящимъ, обязанъ предоставить право пользованія на половину всей наслѣдственной массы, въ прочихъ случаяхъ—не менѣе четвертой доли наслѣдства на правѣ собственности.

„Въ остальномъ наслѣдодатель можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти по своему усмотрѣнію“.

Слѣдующія статьи содержатъ правила о томъ, въ какихъ случаяхъ наслѣдодатель можетъ лишить своихъ наслѣдниковъ ихъ обязательной наслѣдственной доли.

---

[1]) Huber. ук. соч. II, стр 111 и сл.

[2]) Erläuterungen. I, стр. 222 и сл.

Наслѣдство открывается въ моментъ смерти наслѣдодателя (ст. 554), при чемъ наслѣдникъ (по закону или по завѣщанію) долженъ непремѣнно быть въ живыхъ въ моментъ открытія наслѣдства (ст. 559).

Изъ этого послѣдняго правила проектъ знаетъ два исключенія: 1) для nasciturus'а, моментъ зачатія котораго приравнивается къ моменту рожденія въ отношеніи наслѣдственныхъ правъ (ст. 561), и 2) для субститутовъ, которые могутъ родиться и послѣ открытія наслѣдства (или быть зачатыми) (ст. 562).

Эта же послѣдняя статья постановляетъ, что если учреждена субституція, но не поименованы institutus'ы, то таковыми считаются наслѣдники по закону.

Наслѣдственная масса, какъ одно цѣлое, переходитъ къ наслѣдникамъ въ моментъ смерти наслѣдодателя силою самаго закона (ст. 577).

Легатаріи имѣютъ по отношенію къ наслѣдникамъ „личное" требованіе (Einen persönlichen Anspruch) (ст. 579).

Относительно отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя мы имѣемъ нѣсколько постановленій; изъ нихъ мы приведемъ правило 577 статьи, гласящее:

„Съ исключеніями, указанными въ законѣ, всѣ требованія, право собственности, ограниченныя вещныя права и владѣніе наслѣдодателя переходятъ прямо на наслѣдниковъ, и долги наслѣдодателя становятся личными долгами наслѣдниковъ (die Schulden des Erblassers werden zu persönliche Schulden der Erben)".

За долги наслѣдодателя наслѣдники отвѣчаютъ солидарно (ст. 616).

Къ всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что завѣщательная дѣеспособность по проекту наступаетъ съ достиженіемъ 18-лѣтняго возраста (ст. 492).

Проектъ знаетъ три основанія наслѣдованія: завѣщаніе, законъ и договоръ о наслѣдованіи (Erbvertrag).

Остается еще обозрѣть четвертую часть проекта, „вещное право". Эта часть сравнительно съ прочими занимаетъ самое видное мѣсто въ проектѣ по количеству статей.

Всего вещному праву отведено 376 статей, на 68 статей меньше, чѣмъ въ германскомъ гражданскомъ уложеніи, гдѣ „вещное право“ занимаетъ 444 статьи.

Вся четвертая часть дѣлится на три раздѣла, которые, въ свою очередь, подраздѣляются, какъ и предыдущія части, на главы, главы—на отдѣленія (Abschnitt). Всѣхъ главъ въ четвертой части проекта—девять (18—26 по общему счету главъ въ проектѣ).

Первый раздѣлъ (ст. 644—722) посвященъ „праву собственности“, второй—(ст. 723—960) „ограниченнымъ вещнымъ правамъ“ (Die beschränkten dinglichen Rechte), а въ третьемъ раздѣлѣ (ст. 961—1019) содержатся правила „о владѣніи и о вотчинной книгѣ“ (Besitz und Grundbuch).

Болѣе подробное содержаніе четвертой книги.

Первый раздѣлъ. Восемнадцатая глава. Общія постановленія (о правѣ собственности) (ст. 644—657).

Девятнадцатая глава. Право собственности на земельные участки (Das Grundeigentum). Отдѣленіе 1-е. Предметъ, пріобрѣтеніе и потеря права собственности на земельные участки (ст. 658—668). Отдѣленіе 2-е. Содержаніе и ограниченія права собственности на земельные участки (ст. 669—705).

Двадцатая глава. Право собственности на движимыя вещи (Das Fahrniseigentum) (ст. 706—722).

Раздѣлъ второй.

Глава 21-я. Служебности и вотчинныя повинности (Die Dienstbarkeiten und Grundlasten).

Отдѣленіе 1-е. Вотчинныя служебности (Die Grunddienstbarkeiten) (ст. 723—737).

Отдѣленіе 2-е. Пользованіе и другія служебности (ст. 738—774). Отдѣленіе 3-е. Вотчинныя повинности (ст. 775—786).

Глава 22-я. Залогъ земельныхъ участковъ (Das Grundpfand). Отдѣленіе 1-е. Общія постановленія (ст. 787—812). Отдѣленіе 2-е. Запись залоговъ земельныхъ участковъ (ст. 813—825).

Отдѣленіе 3-е. Долговыя письма и рента (Schuldbrief und Gült) (ст. 826—853).

Отдѣленіе 3-е. Заемные закладные билеты (ст. 854—864) (Die Emission von Anleihen).

Глава 23-я. Залогъ движимостей. Отдѣленіе 1-е. Ручной закладъ и право удержанія (ст. 865—877). Отдѣленіе 2-е. Залоговое право на требованія и на другія права (ст. 878—883). Отдѣленіе 3-е. Запись движимостей (ст. 884—889). Отдѣленіе 4-е. Ломбарды (Versatzpfand) (ст. 890—901). Отдѣленіе 5-е. Залоговыя письма (ст. 902—916).

Глава 24-я. Права на безхозяйныя и на публичныя вещи. Отдѣленіе 1-е. Общія постановленія (ст. 917—921). Отдѣленіе 2-е. Водное право (ст. 922—943). Отдѣленіе 3-е. Горные промыслы (ст. 944—960).

Содержаніе *третьяго* и *послѣдняго раздѣла:*

Глава 25-я. Владѣніе [1]) (ст. 961—983).

Глава 26-я. Вотчинная книга (ст. 984—1019).

Статья 644, которою открывается четвертая часть проекта, гласитъ слѣдующее:

„Собственникъ вещи можетъ распоряжаться ею въ границахъ, очерченныхъ правопорядкомъ, по своему усмотрѣнію“.

„Онъ можетъ сдѣлать изъ нея какое угодно употребленіе, лишь бы оно не имѣло явной единственной цѣли вредить другому“.

„Онъ можетъ ее вытребовать отъ всякаго, кто ее удерживаетъ, и имѣетъ право препятствовать всякому неправомѣрному посягательству на вещь“.

Въ этой статьѣ мы имѣемъ прежде всего принципъ запрещенности *шикана*, при чемъ принципъ этотъ выраженъ прямо только по отношенію къ вещнымъ правамъ, но имѣетъ характеръ общаго правила.

Относительно содержанія права собственности на земельные участки мы имѣемъ статью 669, которая устанавливаетъ правило, аналогичное съ принципомъ, выраженнымъ въ 905 статьѣ германскаго гражданскаго уложенія. Согласно этому

---

[1]) Любопытно здѣсь то, что „владѣніе“ помѣщено не въ началѣ „вещнаго права“, какъ это сдѣлано въ германскомъ гражданскомъ уложеніи, а въ самомъ концѣ четвертой части, рядомъ съ правилами, относящимися къ вотчинной книгѣ.

правилу, право собственности на земельные участки простирается какъ на пространство, находящееся на поверхности, такъ и на нѣдра земли, пока собственникъ имѣетъ въ пользованіи своимъ правомъ интересъ.

Слѣдующія статьи этого отдѣленія содержатъ постановленія по „сосѣдскому праву", которое здѣсь значительно развито.

Интересно также постановленіе 697 статьи, содержащей правило, аналогичное съ правиломъ 904 статьи германскаго уложенія. Статья эта гласитъ слѣдующее: „Если кто-нибудь можетъ отвратить угрожающій ему или другому вредъ или дѣйствительную опасность только путемъ воздѣйствія на чужую недвижимую собственность, то собственникъ послѣдней обязанъ терпѣть это воздѣйствіе, если только опасность или вредъ несравненно больше, нежели происходящій отъ воздѣйствія ущербъ для собственника.

„Если собственникъ понесетъ убытки, то таковые могутъ быть ему присуждены по усмотрѣнію судьи".

Относительно движимыхъ вещей крупный интересъ представляетъ статья 706, которая опредѣляетъ слѣдующее: „Предметомъ права собственности на движимыя вещи являются всѣ по своей природѣ движимыя тѣлесныя вещи, а также *силы природы* (Naturkräfte), поскольку онѣ не причислены къ вещамъ недвижимымъ".

Такимъ образомъ и силы природы (электричество, свѣтъ, теплота и пр.) причислены къ „вещамъ".

Насколько намъ извѣстно, это первый случай, когда силы природы нормируются *въ кодексѣ* въ качествѣ „вещей". Германское гражданское уложеніе не рѣшилось на этотъ шагъ, и тамъ, напримѣръ, электрическая энергія не почитается „вещью" въ юридическомъ смыслѣ [1]).

Относительно пріобрѣтенія права собственности на дви-

---

[1]) B. G. B. § 90. Endemann. Einführung in das Studium des B. G. B. I стр. 226 и примѣч. 7. Erläuterungen z. Schweizerischen CGB. III, стр. 110 и сл. Rümelin. Der Vorentwurf zu einem Schweizerischen Civilgesetzbuch (Leipzig. 1901), стр. 107 и сл. По этому вопросу появилось недавно спеціальное сочиненіе д-ра E. Budde. Energie und Recht. Berlin. 1902.

жимости проектъ сталъ на точкѣ зрѣнія римско-германской. Согласно первому пункту 707 статьи проекта, „для пріобрѣтенія права собственности на движимыя вещи необходимъ переходъ владѣнія вещью къ ея пріобрѣтателю“.

Аналогичныя постановленія содержатъ гражданскія уложенія Австріи и Цюриха. Въ этомъ случаѣ отброшенъ французскій принципъ о достаточности для перехода права собственности на движимости одного соглашенія.

Для пріобрѣтенія права собственности на вещи безхозяйныя нужно, чтобы „кто-нибудь овладѣлъ вещью съ намѣреніемъ стать ея собственникомъ“ (ст. 708), необходимы, стало быть, два элемента: corpus и animus rem sibi habendi.

По вопросу о спецификаціи очень любопытна 719 статья, въ которой выраженъ слѣдующій принципъ: „Если кто-либо обработалъ или измѣнилъ чужую вещь, то новая вещь принадлежитъ спецификанту, если обработка стòитъ дороже, нежели матеріалъ; въ противномъ случаѣ новая вещь принадлежитъ собственнику матеріала.

„Если спецификантъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, то судья можетъ по своему усмотрѣнію присудить новую вещь въ собственность хозяину матеріала и кромѣ того присудить ему понесенные убытки“.

„Спецификантъ сохраняетъ, однако, право притязанія по отношенію къ собственнику матеріала въ размѣрѣ обогащенія послѣдняго“.

Правило, выраженное въ первомъ пунктѣ цитируемой статьи, содержится также въ ст. 950-ой германскаго гражданскаго уложенія. Небезынтересное правило содержитъ статья 721-ая, согласно которому „безспорное, непрерывное и добросовѣстное владѣніе чужою движимою вещью въ теченіе пяти лѣтъ дѣлаетъ владѣльца собственникомъ этой вещи“.

Обратимся къ послѣднему раздѣлу.

„Кто господствуетъ фактически надъ вещью“,—гласитъ постановленіе 961-ой статьи,—„тотъ считается ея владѣльцемъ“ (Wer die thatsächliche Gewalt über eine Sache hat, ist ihr Besitzer).

Любопытны также статьи 968, 969 и 970.

Первая изъ нихъ гласитъ:

„Каждый владѣлецъ можетъ защищаться силой отъ запрещеннаго самоуправства".

„Онъ въ правѣ, если вещь отнята у него насильно или тайно (durch Gewalt oder heimlich=vi aut clam), тотчасъ возстановить свое право либо путемъ изгнанія виновника изъ недвижимой вещи, либо путемъ отобранія движимой, если онъ настигъ виновника непосредственно послѣ завладѣнія имъ вещью".

„Но онъ (т. е. владѣлецъ вещи) долженъ воздержаться отъ всякаго неоправдываемаго по обстоятельствамъ дѣла насилія".

969-ая статья устанавливаетъ слѣдующее правило:

„Кто отнялъ у другаго вещь посредствомъ запрещеннаго самоуправства, тотъ обязанъ вернуть отнятую вещь ея прежнему владѣльцу даже въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ на вещь лучшее право".

„Жалоба должна быть немедленно предъявлена, и она простирается какъ на выдачу вещи, такъ и на возмѣщеніе убытковъ".

Слѣдующая (970-ая) статья постановляетъ:

„Если владѣніе нарушено путемъ запрещеннаго самоуправства, то владѣлецъ имѣетъ право предъявить жалобу (о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и о возмѣщеніи убытковъ) противъ нарушителя даже въ томъ случаѣ, когда самъ нарушитель обладаетъ какимъ-либо правомъ на эту вещь".

Не напоминаютъ ли эти статьи римскіе владѣльческіе интердикты и правило: vim vi repellere potest?

Статьи 976 и 979 (a contrario) устанавливаютъ принципъ защиты добросовѣстнаго пріобрѣтенія движимыхъ вещей отъ владѣльцевъ.

Мы покончили съ обозрѣніемъ содержанія проекта, насколько позволяютъ границы журнальной статьи. Остается еще упомянуть о „заключительной главѣ" Vorentwurf'a.

Эта глава содержитъ правила: a) объ отношеніяхъ международнаго гражданскаго права къ междукантональному (Die Anwendung fremden und einheimischen Rechtes), b) объ отношеніи

новаго права къ старому (Das Verhältnis des neuen zum alten Rechte) и c) переходныя постановленія (Uebergangsbestimmungen).

Переходимъ къ общей характеристикѣ новаго проекта.

Составитель проекта сталъ, по нашему убѣжденію, съ самаго начала на правильную точку зрѣнія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью составить кодексъ, который удовлетворилъ бы по возможности всѣмъ требованіямъ современной жизни, и съ этой стороны задача выполнена блестяще.

Проектъ даетъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты на всѣ или на большинство вопросовъ современной соціальной жизни, вопросовъ частно-правоваго свойства.

Отвѣты эти выразились въ слѣдующемъ: a) сильно ограждены и защищены гражданскія права личности, b) запрещенъ шиканъ, c) въ сильной степени принято во вниманіе то, что̀ называется Treu und Glauben въ гражданскомъ оборотѣ, d) значительно расширены гражданскія права женщины, e) сильно развито „сосѣдское право“ и т. д.

Проектъ написанъ языкомъ въ высшей степени легкимъ, простымъ и удобопонимаемымъ.

Каждая статья представляетъ собою одно законченное цѣлое. Въ проектѣ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ терминовъ, доступныхъ только „посвященнымъ“, нѣтъ почти никакихъ научно-легальныхъ опредѣленій.

Статьи редактированы чрезвычайно удачно и по возможности кратко.

Все это дѣлаетъ кодексъ вполнѣ доступнымъ не только спеціалистамъ, но и обыкновеннымъ гражданамъ [1]).

Цѣль каждаго кодекса—служить потребностямъ непосредственнаго оборота, и съ этой стороны проектъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Положеніе судьи въ гражданско-правовомъ отношеніи проектомъ сильно выдвинуто. Усмотрѣнію судьи, его boni viri arbitrium придано проектомъ особо важное значеніе, можетъ быть, даже слишкомъ большое. Судьѣ предоставлено

---

[1]) Barazetti. Указ. соч., стр. 15. Rümelin. Указ. соч., стр. 7.

право не только самаго широкаго толкованія нормъ, указанныхъ въ законѣ, и примѣненія этихъ нормъ, но ему позволено въ извѣстныхъ случаяхъ даже законодательствовать.

Число статей доведено до желательнаго minimum'a.

Система, въ которой расположены нормы въ проектѣ, если и можетъ вызвать замѣчанія и возраженія, очень удобная.

Какъ практическое руководство, мы лучшаго кодекса не знаемъ.

Все это даетъ намъ право прійти къ заключенію, что швейцарскій проектъ, если ему суждено стать закономъ, займетъ, если не самое видное мѣсто среди гражданскихъ кодексовъ Европы, то одно изъ самыхъ видныхъ [1]).

---

[1]) Rümelin: Указ. соч., стр. 161.

ХРОНИКА.

I.

ИЗЪ ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Въ силу 84 ст. устава желѣзныхъ дорогъ, желѣзная дорога не обязана посылать грузоотправителю увѣдомленіе о непринятіи груза получателемъ, если этотъ грузъ относится къ числу скоропортящихся.

Выставленное нами положеніе, устраняющее нынѣ всякое недоразумѣніе относительно смысла 84 ст. устава желѣзныхъ дорогъ, было установлено въ засѣданіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, 20 сентября сего года, по дѣлу Мордуха Штейна и Боруха Готлиба. Обстоятельства этого дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Мордухъ Штейнъ и Борухъ Готлибъ предъявили къ обществу Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги искъ объ уплатѣ имъ 456 руб., въ возмѣщеніе убытка, причиненнаго тѣмъ, что желѣзная дорога продала съ публичнаго торга невостребованный получателемъ грузъ, не увѣдомивъ о томъ предварительно отправителя.

Уѣздный членъ Нѣжинскаго окружнаго суда нашелъ, что отвѣтная сторона ничѣмъ не доказала факта посылки, до продажи груза съ публичнаго торга, увѣдомленія отправителю о томъ, что грузъ не былъ востребованъ на станціи назначенія, необходимость чего вытекаетъ изъ соображенія 84 ст. общ. уст. росс. жел. дор.

съ 90 ст. того же устава и § 24 международной конвенціи о желѣзнодорожной перевозкѣ грузовъ, а потому опредѣлилъ: взыскать съ отвѣтчика въ пользу истцовъ 98 р. 94 коп. съ процентами.

Съ этимъ заключеніемъ уѣзднаго члена окружнаго суда согласился и Нѣжинскій окружный судъ, утвердивъ его рѣшеніе.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ привелъ, между прочимъ, слѣдующіе доводы къ отмѣнѣ означеннаго рѣшенія.

Правила конвенціи къ данному случаю непримѣнимы, въ виду того, что споръ идетъ объ отправкѣ внутренняго сообщенія, а не заграничнаго. Толкованіе же судомъ 84 и 90 ст. общ. уст. росс. жел. дор. не согласно съ точнымъ ихъ смысломъ. Статья 84 говоритъ о скоропортящихся грузахъ, а 90—обо всѣхъ остальныхъ, и соотвѣтственно этимъ статьямъ существуютъ отдѣльныя правила продажи невостребованныхъ грузовъ; для первой категоріи правила опубликованы въ Собраніи узаконеній за 1889 годъ въ № 99, ст. 837, 1892 г. № 77, ст. 845 и 1893 г. № 135, ст. 1105, а для грузовъ II категоріи—въ Собраніи узаконеній за 1890 г. № 111, ст. 1079 и за 1892 г. № 80, ст. 889. Если законодатель имѣлъ намѣреніе не дѣлать различія между грузами скоропортящимися и всѣми остальными, въ случаѣ непринятія ихъ получателемъ въ установленный закономъ срокъ и продажи грузовъ съ публичнаго торга, то, конечно, не было бы надобности въ изданіи отдѣльныхъ для нихъ правилъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ видно, что продажа первыхъ грузовъ обставлена, въ силу ихъ естественнаго свойства, гораздо меньшими формальностями, чѣмъ продажа вторыхъ. Въ 3 и 4 §§ правилъ продажи скоропортящихся грузовъ ничего не говорится объ обязанности дороги извѣщать станцію отправленія или самого отправителя о непринятіи грузовъ; нѣтъ этого требованія и въ 84 ст. общ. уст., тогда какъ ст. 90 ставитъ категорическое требованіе посылки извѣщенія отправителю о непринятіи груза. Выводить такую обязанность дороги для грузовъ скоропортящихся изъ словъ ст. 84—„если не получитъ заявленія отправителя или получателя о томъ, какъ поступить съ грузомъ"—невозможно, въ виду того, что эти слова только указываютъ на тотъ случай, когда отправителю было извѣстно о непринятіи груза получателемъ, и даютъ въ такихъ случаяхъ дорогѣ указаніе, какъ поступить съ грузомъ: отправителю можетъ быть извѣстно о непринятіи груза получателемъ и изъ другаго источника, а не только черезъ извѣщеніе его дорогою.

Настоящее дѣло слушалось въ отдѣленіи Департамента и по его резолюціи передано на уваженіе присутствія Департамента.

Гражданскій Кассаціонный Департаментъ рѣшеніе Нѣжинскаго окружнаго суда отмѣнилъ по нарушенію 84 ст. уст. желѣз. дорогъ. очевидно, согласившись съ доводами кассаціонной жалобы.

Такое рѣшеніе нельзя не привѣтствовать, такъ какъ оно устранитъ существующее нынѣ колебаніе судебной практики при примѣненіи 84 ст. устава.

Статья эта говоритъ, что грузы скоропортящіеся должны быть взяты получателемъ въ установленный Министромъ Путей Сообщенія по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ срокъ. По истеченіи сего срока,—поясняется далѣе въ этой статьѣ,—„*дорога, если не получитъ заявленія отправителя или получателя о томъ, какъ поступить съ грузомъ, имѣетъ право продать его съ публичнаго торга, на основаніи издаваемыхъ по взаимному соглашенію упомятыхъ министровъ правилъ*". Не совсѣмъ удачное выраженіе въ текстѣ статьи: „если не получитъ заявленія отправителя или получателя" давало поводъ судебной практикѣ приходить къ заключенію, что дорога обязана извѣщать грузоотправителя о непринятіи груза получателемъ. Тотъ же взглядъ былъ высказанъ въ рѣшеніи отдѣленія Департамента Правительствующаго Сената въ 1894 года по дѣлу Глоза № 4045 за 1892 года. Въ этомъ рѣшеніи взглядъ этотъ обоснованъ слѣдующими соображеніями: „хотя 84 ст. и не упоминаетъ объ обязанности дороги извѣщать отправителя о непринятіи его груза на станціи назначенія, но эта обязанность явствуетъ изъ ссылки этой статьи на заявленіе отправителя, какъ поступить съ непринятымъ грузомъ, и если таковую ссылку сообразить съ постановленіемъ 90 ст. того же устава, въ силу которой о непринятомъ грузѣ желѣзная дорога посылаетъ увѣдомленіе отправителю, а также съ 24 ст. международной конвенціи, постановляющей общее правило объ обязанности станціи назначенія, встрѣтившей препятствіе къ выдачѣ груза, немедленно извѣстить о томъ отправителя чрезъ станцію отправленія".

Ошибочность этихъ соображеній заключается въ неудачномъ сопоставленіи 84 и 90 ст., говорящихъ о разныхъ предметахъ, и неподходящей ссылки на 24 ст. международной конвенціи (Собр. узак. за 1892 г. № 139), не знающей существующаго у насъ въ законѣ дѣленія грузовъ на обыкновенные и скоропортящіеся. Какъ извѣстно, изданный въ 1885 ст. общій уставъ росс. желѣз. дорогъ былъ предметомъ серьезныхъ обсужденій и составителей его—

коммисіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ графа Баранова,— и Государственнаго Совѣта, при разсмотрѣніи имъ проекта сего устава. Поэтому трудно допустить, чтобы, устанавливая два отдѣльныя правила о непринятіи груза на станціи назначенія грузополучателемъ, и составители устава, и Государственный Совѣтъ упустили въ 84 ст. указать на обязанность дороги извѣстить грузоотправителя о непринятіи груза, когда эта обязанность прямо подчеркнута въ 90 ст., относительно грузовъ, не подверженныхъ скорой порчѣ. Вѣдь такого рода недосмотры можно допустить въ нашей 1 ч. X т., составляющей собою сводъ законовъ, изданныхъ въ разное время и основанныхъ на сепаратныхъ указахъ, а не въ цѣльномъ законодательномъ актѣ, который былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію и отдѣльныя статьи котораго составляютъ стройное цѣлое, проникнутое единствомъ взгляда.

Не заглядывая даже въ мотивы, послужившіе основаніемъ 84 ст., а сопоставляя только эту послѣднюю съ 90 ст., мы видимъ, что по отношенію къ обыкновеннымъ грузамъ законодатель возложилъ на дорогу обязанность не только извѣстить отправителя о непринятіи его груза получателемъ, но и троекратно публиковать о томъ въ губернскихъ и городскихъ вѣдомостяхъ. При этомъ въ законѣ (90 ст.) указано время, когда должно быть послано увѣдомленіе грузополучателю и сдѣлана публикація, а затѣмъ срокъ, когда невостребованные грузы подлежатъ продажѣ. Совершенно иное правило мы находимъ въ 84 ст. по отношенію къ грузамъ, подверженнымъ скорой порчѣ: здѣсь ни объ обязанности дороги извѣстить грузоотправителя о непринятіи груза, ни объ обязанности ея публиковать о томъ въ вѣдомостяхъ не говорится ни слова, какъ не говорится ни о срокѣ, въ теченіе котораго грузъ, по его прибытіи, долженъ быть взятъ со станціи назначенія, ни о порядкѣ продажи его съ публичнаго торга; а то и другое предоставлено установить подлежащимъ министрамъ. Уже въ виду этого бросающагося въ глаза несходства между собою 84 и 90 ст., казалось бы, нельзя было восполнять кажущійся недостатокъ одной статьи правиломъ другой. Но если вникнуть въ основаніе различія правилъ, содержащихся въ 84 и 90 ст., то мы убѣждаемся, что это различіе вызвано природою вещей и необходимостью. Вѣдь по отношенію къ грузамъ, подверженнымъ скорой порчѣ, установлены минимальные сроки, въ теченіе которыхъ они, по прибытіи ихъ на станцію назначенія, должны быть взяты грузополучателемъ. Такъ, напримѣръ, свѣжее мясо, битая птица и свѣжіе ягоды должны быть

взяты получателемъ, по ихъ прибытіи на станцію назначенія, въ теченіе 48 часовъ. Теперь, спрашивается, цѣлесообразно ли посылать увѣдомленіе о непринятіи его груза отправителю, когда онъ можетъ находиться на другомъ концѣ Россіи, и на извѣщеніе его и выжиданіе отъ него отвѣта потребуется столько времени, что грузъ этотъ, если онъ перевозится лѣтомъ, можетъ испортиться и потерять всякую цѣнность? Очевидно, отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Затѣмъ, если бы законодатель считалъ необходимымъ посылать означенное извѣщеніе отправителю, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ бы и тотъ срокъ, въ теченіе котораго дорога должна бы выжидать отъ отправителя отвѣта на свое извѣщеніе до приступа къ публичной продажѣ, какъ это установлено въ 90 ст. Помимо этого, въ 84 ст. сдѣлано слишкомъ ясное указаніе, что срокъ, въ теченіе котораго скоропортящіеся грузы должны быть взяты со станціи назначенія, и порядокъ продажи этихъ грузовъ устанавливается Министромъ Путей Сообщенія, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ въ правилахъ, изданныхъ означенными министрами и имѣющими силу закона, и слѣдуетъ искать отвѣта на вопросъ о томъ: обязана ли дорога въ предусмотрѣнныхъ 84 ст. устава случаяхъ посылать извѣщеніе грузоотправителю о непринятіи его груза. Въ этихъ правилахъ, опубликованныхъ въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства за 1892 г. № 77, мы находимъ, что грузы, которые должны быть взяты со станціи назначенія въ теченіе 48 часовъ, продаются съ публичнаго торга безъ посылки извѣщенія отправителю, при чемъ дорога обязана лишь за сутки до продажи вывѣсить объявленіе о продажѣ у пассажирскихъ, багажныхъ и товарныхъ кассъ, а равно въ товарныхъ складахъ и пакгаузахъ, указавъ въ объявленіи точно предметы, подлежащіе продажѣ, время и мѣсто производства публичнаго торга. Затѣмъ скоропортящіеся грузы, для которыхъ этими же правилами установленъ 15-тидневный срокъ, въ теченіе котораго, со дня ихъ прибытія, они должны быть взяты со станціи назначенія, могутъ быть проданы чрезъ три дня послѣ выставленія объявленія о ихъ продажѣ, при чемъ вмѣстѣ съ выставленіемъ объявленія отправитель увѣдомляется депешею о предстоящей продажѣ, но лишь въ томъ случаѣ, если о такомъ увѣдомленіи онъ заявилъ въ накладной. Только упуская изъ вида эти правила, имѣющія значеніе законоположенія, можно было дѣлать сопоставленіе и сближеніе 84 съ 90 ст. Могутъ возразить, и такія возраженія намъ приходилось слышать, что правила эти, какъ

не вполнѣ согласованныя съ 84 ст., не могутъ имѣть значенія во всемъ томъ, въ чемъ они отступаютъ отъ прямаго ея указанія; между тѣмъ въ 84 ст. прямо сказано, что дорога имѣетъ право продать грузъ, когда она не получитъ заявленія отправителя о томъ, какъ она должна съ нимъ поступить, а такое заявленіе она можетъ ожидать только тогда, когда отправитель поставленъ въ извѣстность о непринятіи его груза. Эти возраженія, опирающіяся на не совсѣмъ удачную редакцію 84 ст., являются результатомъ игнорированія законодательнаго матеріала, на которомъ основана эта статья. Какъ извѣстно, въ послѣдней редакціи проекта общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 202 ст., соотвѣтствующая нынѣ дѣйствующей 84 ст., была изложена такъ: „грузы, подвер-„женные скорой порчѣ, должны быть взяты получателемъ не позже „24 часовъ со времени начала срока платнаго храненія, а если „они адресованы до востребованія, то со времени прибытія ихъ. „По истеченіи сего срока, дорога, *если не имѣетъ въ виду про-„тивнаго сему заявленія отправителя или получателя*, должна „продать грузъ съ аукціона . . . . .“

Такимъ образомъ составители устава предполагали обязать дорогу продавать скоропортящіеся грузы съ публичнаго торга, если только она не имѣла въ виду противнаго сему заявленія со стороны отправителя или получателя, но объ обязанности дороги извѣстить отправителя о непринятіи груза и выжидать полученія отъ него заявленія не было и рѣчи. Затѣмъ, при разсмотрѣніи 202 ст. проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, не возникало и вопроса относительно необходимости извѣщенія отправителя, и та часть этой статьи, которая нами подчеркнута, не вызвала никакихъ разногласій и сомнѣній. Возраженія были представлены противъ другихъ частей 205 ст. Такъ, Министръ Юстиціи замѣтилъ, что продолжительность срока, въ теченіе котораго грузъ долженъ быть взятъ со станціи назначенія получателемъ, должна бы опредѣляться не тѣмъ обстоятельствомъ, адресованъ ли грузъ на имя опредѣленнаго лица или на предъявителя, а качествомъ груза. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ виду разнообразія грузовъ и различія во времени, въ теченіе котораго они могутъ быть сохранены безъ порчи, неудобно установить въ законѣ одинъ опредѣленный срокъ для взятія его. По этимъ основаніямъ первая часть 205 ст. проекта была исправлена, и выражено было въ 84 ст., что срокъ взятія груза, подверженнаго скорой порчѣ, устанавливается подлежащими ми-

нистрами. Затѣмъ противъ 2 части 205 ст. возраженія заключались лишь въ томъ, что неудобно поставить дорогѣ въ обязанность продавать непремѣнно грузъ по истеченіи срока, назначеннаго для взятія его со станціи назначенія, такъ какъ исполненіе такой обязанности въ отношеніи всѣхъ грузовъ, безъ указанія притомъ порядка самой продажи, могло бы вызвать на практикѣ большія затрудненія. По этимъ соображеніямъ, Государственный Совѣтъ измѣнилъ 2 часть 202 ст. въ томъ смыслѣ, что, по истеченіи установленнаго срока, дорога *имѣетъ право* (но не обязана) продать грузъ съ публичнаго торга, руководствуясь правилами, издаваемыми по этому предмету Министромъ Путей Сообщенія, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (46 пунктъ журнала Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, 36 стр.).

Конечно, ссылка на Бернскую конвенцію, ставшую нынѣ международной, можетъ имѣть значеніе, для уясненія правилъ нашего желѣзнодорожнаго устава, источникомъ котораго во многихъ отношеніяхъ и служила эта конвенція. Но для выясненія 84 ст. устава голая ссылка на 24 ст. конвенціи ничего не даетъ. Между тѣмъ, если просмотрѣть всю Бернскую конвенцію, то мы находимъ въ ней 33 ст., которая опредѣляетъ для всѣхъ безъ различія грузовъ одинъ тридцатидневный срокъ взятія ихъ со станціи назначенія по ихъ прибытіи. Это правило перенесено и въ нашу 90 ст., составивши первую ея часть. Затѣмъ изъ первой части 24 ст. конвенціи включено во 2 часть 90 ст. устава требованіе объ обязательномъ извѣщеніи грузоотправителя о невостребованномъ грузѣ чрезъ станцію отправленія. При этомъ замѣчательно, что 2 ч. 24 ст. конвенціи даетъ намъ право и при международной перевозкѣ по отношенію къ грузамъ, подверженнымъ скорой порчѣ, примѣнить 84 ст. устава. Въ этой 2 части сказано: Du reste, le mode de procéder dans le cas d'empêchement à la livraison *est déterminé par les lois et* réglements en vigueur, applicables au chemin de fer chargé de la livraison. Такимъ образомъ, если прибывшій изъ за границы на нашу станцію назначенія грузъ относится къ числу скоропортящихся, то при непринятіи его получателемъ мы должны руководствоваться дѣйствующими у насъ узаконеніями, а именно 84 ст. устава и правилами о продажѣ съ публичнаго торга невостребованныхъ грузовъ, подверженныхъ скорой порчѣ.

2.

Иски къ желѣзнымъ дорогамъ о вознагражденіи за убытки, причиненные занятіемъ снѣговыми защитами прилегающихъ къ полотну желѣзныхъ дорогъ земельныхъ участковъ, погашаются не годовою, установленною 135 ст. уст. желѣзн. дорогъ, давностью, но десятилѣтнею, согласно приложенію къ 694 ст. 1 ч. X т., изд. 1900 года.

Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ томъ же засѣданіи 25 сентября, по дѣлу Даніила Кулибабы съ обществомъ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Обстоятельства этого дѣла таковы.

Повѣренный крестьянина Даніила Кулибабы, объяснивъ, что общество Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ съ 1891 года по 1897 г. ставило въ зимнее время щиты на землѣ его вѣрителя, близъ станціи Чертково, на 479 и 480 верстахъ, для огражденія линіи отъ снѣжныхъ заносовъ, занимало этимъ способомъ ежегодно по обѣимъ сторонамъ дороги $6^1/_4$ десятинъ, но слѣдуемаго вознагражденія не заплатило, просилъ мироваго судью 3 уч. Донецкаго округа взыскать съ общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ въ пользу его вѣрителя по 45 рублей въ годъ, а за шесть лѣтъ 270 рублей, т. е. 6% вознагражденія со стоимости земли, оцѣнивая каждую десятину въ 120 р.

Повѣренный общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ просилъ отказать въ искѣ за пропускомъ Кулибабою годичнаго срока для предъявлянія исховъ къ желѣзнымъ дорогамъ, установленнаго 135 ст. общ. уст. росс. жел. дор.

Мировой судья отвергъ примѣненіе къ настоящему дѣлу 135 ст. уст. росс. ж. д., потому что „въ данномъ случаѣ взыскивается 6% вознагражденія, а не убытки“, и присудилъ 121 р. 50 к., установивъ, что желѣзная дорога занимала всего $3^1/_8$ десятины, стоимостью въ 100 руб. за каждую десятину.

Съѣздъ мировыхъ судей Донецкаго округа, разсматривавшій дѣло по жалобамъ обѣихъ сторонъ, нашелъ правильнымъ приведенное выше соображеніе мироваго судьи о непримѣненіи къ настоящему дѣлу 135 ст. общ. уст. росс. ж. д., и, установивъ, что желѣзною дорогою заняты были $3^3/_4$ десятины, по 50 р. каждая, присудилъ истцу съ отвѣтчика по 6% со стоимости земли за 6 лѣтъ—всего 67 р. 50 к.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ просилъ отмѣнить рѣшеніе мироваго съѣзда

по нарушенію 135 ст. общ. уст. ж. д., ибо признакомъ для примѣненія давностнаго срока по этому закону указана „эксплоатація“; въ этомъ выраженіи заключается ближайшее опредѣленіе предѣловъ дѣйствія сего закона. Мнѣніе о томъ, что 135 ст. имѣетъ въ виду только то, что включено въ производящееся по дорогамъ движеніе, не можетъ быть признано правильнымъ, ибо не обнимаетъ совокупности всѣхъ операцій по эксплоатаціи даже и въ техническомъ отношеніи. Несчастіе, происшедшее отъ движенія паровоза или поѣзда, въ чемъ бы оно ни состояло, не можетъ быть отдѣлено отъ понятія объ эксплоатаціи, и соотвѣтственно съ симъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1880 года № 107 примѣнилъ вышеуказанную 683 ст. 1 ч. X т. къ увѣчью, причиненному проходившему мальчику конно-желѣзною дорогою. Очевидно, что то же соображеніе относится и къ ущербу, причиненному имуществу посторонняго лица, не состоящаго ни въ какихъ отношеніяхъ къ желѣзной дорогѣ, если это несчастіе послѣдовало при эксплоатаціи дороги. Подтвержденіемъ тому, что выраженіе „эксплоатація“ должно быть принято въ указанномъ выше смыслѣ, служатъ ст. 153, 93 и 162 общ. уст. росс. жел. дор.; изъ нихъ первая, установляя, что желѣзная дорога не отвѣчаетъ за пожарные убытки строеніямъ, возведеннымъ на владѣльческихъ земляхъ вдоль линіи желѣзной дороги, при несоблюденіи приложенныхъ при той статьѣ правилъ, тѣмъ самымъ относитъ дѣла сего рода къ категоріи тѣхъ, для производства которыхъ установлены въ этомъ уставѣ особыя правила. Что же касается 93 и 162 ст., то онѣ указываютъ случаи примѣненія общихъ законовъ гражданскихъ, и случаи эти не имѣютъ отношенія къ движенію поѣздовъ по желѣзнодорожнымъ путямъ, составляющему собственно эксплоатацію. Погашающая давность принята во всѣхъ законодательствахъ; сокращеніе же давностнаго срока допускается въ виду особыхъ условій и характера дѣлъ, къ которымъ это правило примѣняется и въ отношеніи которыхъ сохраненіе общаго давностнаго срока влечетъ значительныя неудобства; сокращенный же срокъ болѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія, правамъ и обязанностямъ, исключительному положенію участвующихъ сторонъ. Общій принципъ права на вознагражденіе за причиненный вредъ и имущественный ущербъ лежитъ въ отвѣтственности каждаго за свои дѣянія или упущенія (684 ст. 1 ч. X т.), при чемъ 687 ст. того же тома распространяетъ это правило и на хозяевъ и довѣрителей въ отношеніи дѣйствій слугъ и повѣренныхъ. Случаи этого послѣд-

няго рода встрѣчаются рѣже, нежели причиненіе убытка непосредственно отвѣтчикомъ, къ которому предъявленъ искъ. Между тѣмъ, по условіямъ эксплоатаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій, почти всегда вредъ причиняется не хозяевами оныхъ, ни даже повѣренными, которымъ вручено завѣдываніе дѣлами. Совокупное соображеніе 94, 96, 97, 100, 102, и 110 ст. общ. уст. росс. жел. дорогъ показываетъ, что большинство случаевъ, вызывающихъ предъявленіе исковъ, относится къ дѣйствіямъ кого-либо изъ массы служащихъ и другихъ лицъ, назначенныхъ для выполненія перевозки и соединенныхъ съ нею дѣйствій, за которыя, согласно 5 ст. общ. уст. росс. жел. дорогъ, отвѣтственность передъ частными лицами падаетъ на желѣзныя дороги съ предоставленіемъ симъ послѣднимъ обратнаго требованія къ прямому виновнику. Желѣзныя дороги вообще по своимъ средствамъ, владѣя значительнымъ имуществомъ, имѣя запасный капиталъ, представляются субъектомъ, могущимъ пополнить присужденное взысканіе, хотя бы требованіе о семъ предъявлено было по истеченіи значительнаго времени въ періодъ десятилѣтняго давностнаго срока, но обратное требованіе желѣзныхъ дорогъ, будучи незначительно гарантировано разсчетами съ виновникомъ въ моментъ событія, вызвавшаго искъ, впослѣдствіи можетъ потерять всякое обезпеченіе въ особенности въ случаѣ оставленія вышеозначеннымъ лицомъ службы по дорогѣ. Несомнѣнно, что неизвѣстность въ томъ, будетъ ли предъявлено въ теченіе десяти лѣтъ то или другое требованіе, поставила бы желѣзныя дороги въ стѣсненное положеніе въ отношеніи разсчетовъ со служащими и въ отношеніи сохраненія доказательствъ, представляющихъ особое значеніе во всякомъ и менѣе сложномъ предпріятіи. Всѣ приведенныя соображенія, коими объясняется принятіе сокращеннаго срока давности для предъявленія исковъ къ желѣзнымъ дорогамъ, одинаково относятся къ требованіямъ какъ со стороны грузоотправителей, такъ и отъ другихъ лицъ, не связанныхъ съ желѣзною дорогою договорными отношеніями и для которыхъ, при причиненіи ущерба, состоящаго въ прямой связи съ производствомъ желѣзною дорогою порученныхъ ей операцій, представляется обязательнымъ срокъ, установленный 135 ст. общ. уст. росс. желѣзныхъ дорогъ.

Настоящее дѣло слушалось въ отдѣленіи Департамента и по его резолюціи передано на уваженіе присутствія Департамента.

Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената оставилъ кассаціонную жалобу повѣреннаго общества Юго-

Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ безъ послѣдствій, и правильность такого рѣшенія едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Соображенія кассаціонной жалобы, относительно неудобства назначенія продолжительнаго срока, для погашенія права на искъ объ убыткахъ, съ точки зрѣнія legis ferendae, представляются вполнѣ основательными, но они примѣнимы вообще ко всѣмъ искамъ объ убыткахъ, а не только къ тѣмъ, которые предъявляются къ желѣзнымъ дорогамъ. Спрашивается, развѣ любое юридическое лицо, обязанное отвѣчать за дѣйствія своихъ служащихъ, причинившихъ вредъ при исполненіи даннаго имъ порученія, поставлено въ этомъ отношеніи въ иное положеніе, чѣмъ желѣзныя дороги? Очевидно,—нѣтъ. Но недостатки дѣйствующаго закона, относительно продолжительности давностнаго срока на погашеніе исковъ объ убыткахъ вообще, могутъ быть исправлены изданіемъ новаго закона, и на это уже обращено вниманіе коммисіею по составленію русскаго гражданскаго уложенія.

Затѣмъ нельзя признать правильнымъ высказанный въ кассаціонной жалобѣ взглядъ о томъ, что 135 ст. уст. желѣзн. дорогъ должна имѣть примѣненіе ко всѣмъ случаямъ вреда, связаннымъ съ эксплоатаціею желѣзныхъ дорогъ. Уже буквальный смыслъ 135 ст. возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія въ правильности такого толкованія. Въ 135 ст. сказано: „Срокъ для предъявленія къ желѣзнымъ дорогамъ исковъ о *вознагражденіи за причиненный при эксплоатаціи сихъ дорогъ личный или имущественный вредъ*, а равно о возвращеніи переборовъ,—полагается годовой...“ Какіе же иски о вознагражденіи имѣетъ въ виду 135 ст.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ 1-й главѣ, 2-го раздѣла устава „О посудности желѣзнодорожныхъ исковъ“. Здѣсь 127 и 128 ст., опредѣляя подсудность исковъ къ желѣзнымъ дорогамъ, говорятъ только объ искахъ къ желѣзнымъ дорогамъ, имѣющихъ своимъ основаніемъ перевозку грузовъ или пассажирскаго багажа, нарушеніе правилъ о перевозкѣ пассажировъ и причиненіе *личнаго вреда* эксплоатаціею дороги. Кромѣ этихъ исковъ въ 127 ст. имѣются еще въ виду иски о вознагражденіи за нарушеніе правилъ о пріемѣ къ отправкѣ грузовъ до заключенія договора перевозки (61 ст.). Такимъ образомъ лишь всякаго рода иски по поводу *причиненія личнаго вреда*, но не имущественнаго, подчиняются дѣйствію 135 ст. устава; что же касается причиненія имущественнаго вреда, то на иски о вознагражденіи за такой вредъ распространяется дѣйствіе 135 ст. лишь въ случаяхъ, перечисленныхъ въ 127 и 128 ст.

Правильность этого вывода вполнѣ подтверждается и тѣми сужденіями Государственнаго Совѣта, которыя имѣли мѣсто при разсмотрѣніи проекта 135 ст. устава. Въ засѣданіи Соединеннаго Присутствія Департаментовъ Государственнаго Совѣта было указано на неудобство какъ установленія нѣсколькихъ различныхъ сроковъ на погашеніе желѣзнодорожныхъ исковъ, такъ и на сохраненіе общаго десятилѣтняго срока давности для этихъ исковъ. Раздѣляя этотъ взглядъ, Государственный Совѣтъ призналъ цѣлесообразнымъ установить одинъ общій годичный срокъ давности для всѣхъ подобнаго рода исковъ. При этомъ, согласно съ заключеніемъ Министра Путей Сообщенія, *устранены содержавшіяся въ проектѣ указанія на срокъ для предъявленія исковъ къ желѣзнымъ дорогамъ служащими у нихъ лицами, такъ какъ постановленія эти не имѣютъ отношенія къ пассажирскому и товарному движенію, регламентація котораго и составляетъ задачу настоящаго законоположенія* (т. е. общаго устава росс. жел. дорогъ). Отсюда ясно до очевидности, что только такое *причиненіе имущественнаго вреда, которое вызвано пассажирскимъ или товарнымъ движеніемъ*, и имѣется въ виду уставомъ желѣзныхъ дорогъ вообще и 135 его статьею въ частности.

Будучи закономъ ограничительнымъ, 135 ст. можетъ и должна примѣняться только въ случаяхъ, прямо въ законѣ указанныхъ. Эту точку зрѣнія постоянно проводитъ и Правительствующій Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ (Сборн. рѣш. за 1897 г. № 17, за 1898 г. № 27 и въ рядѣ рѣшеній по отдѣленію).

3.

Можетъ ли подлежать отвѣтственности по 674 ст. 1 ч. X т. за недопущеніе сплава лѣса по рѣкѣ (ставшей судоходной только послѣ закона 12 мая 1887 г. и 13 іюня 1890 г.), чрезъ свою плотину, устроенную еще въ 1813 году, тотъ береговой владѣлецъ, дѣйствія котораго въ этомъ отношеніи были признаны правильными административными властями?

Этотъ интересный вопросъ обсуждался Правительствующимъ Сенатомъ въ засѣданіи Департамента 25 сентября с. г., при разсмотрѣніи имъ дѣла Мирохина съ Тейфелемъ. Обстоятельства этого дѣла таковы.

13 октября 1895 г. крестьянинъ Яковъ Мирохинъ предъявилъ въ Петрозаводскомъ окружномъ судѣ къ владѣльцу картоннаго

вододѣйствующаго завода на р. Усланкѣ купцу Юлію Тейфелю основанный на 674 ст. X т. 1 ч. искъ о процентномъ вознагражденіи въ суммѣ 8473 р. 70 коп. за задержаніе въ теченіе 52-хъ недѣль дровъ Мирохина стоимостью 31.980 руб., пріобрѣтенныхъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и подлежавшихъ сплаву въ 1895 году по рѣкѣ Усланкѣ, служащей естественнымъ истокомъ цѣлой системы озеръ, подъ общимъ названіемъ Лоянскихъ. Въ основаніе этого иска Мирохинъ сослался на то, что владѣлецъ Усланскаго завода, несмотря на сдѣланное ему заявленіе о предстоящемъ въ 1895 г. сплавѣ дровъ его, Мирохина, черезъ заводскую плотину на рѣкѣ Усланкѣ въ то время, когда она по закону и по естественному ея состоянію пригодна для сплава по ней дровъ (въ теченіе 30 дней со времени вскрытія отъ льда Лоянскихъ озеръ), самовольно не допустилъ сплава дровъ черезъ плотину его завода, не открывъ вешняковъ плотины для пропусковъ дровъ, и, кромѣ того, устроилъ на пути сплава передъ плотиною искусственное загражденіе (запонь), удаленіе котораго и поднятіе вешняковъ обусловилъ уплатою ему особаго вознагражденія, какъ за могущую произойти порчу плотины, такъ и за самый пропускъ дровъ.

Петрозаводскій окружной судъ въ рѣшеніи, состоявшемся 30 мая 1896 года, призналъ въ принципѣ дѣйствія Тейфеля по задержанію сплава дровъ Мирохина неправильными, но затѣмъ въ искѣ Мирохина отказалъ, признавъ размѣръ иска о процентномъ вознагражденіи, по 674 ст. X т. 1 ч., недоказаннымъ.

На это рѣшеніе подана истцомъ апелляціонная жалоба, по разсмотрѣніи которой С.-Петербургская судебная палата оставила въ силѣ обжалованное рѣшеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: по содержанію доводовъ тяжущихся сторонъ надлежитъ, прежде всего, разрѣшить спорный въ дѣлѣ вопросъ о томъ, подалъ ли отвѣтчикъ своими дѣйствіями законный поводъ Мирохину для предъявленія къ нему иска, по 674 ст. X т. 1 ч., предусматривающей право промышленниковъ на предъявленіе къ береговому владѣльцу требованія о вознагражденіи за задержаніе ихъ товаровъ такими его дѣйствіями, которыя составляютъ преступленіе или проступокъ (гл. II отд. II о вознагражденіи частномъ за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, X т. 1 ч.). Въ основаніе своего права на предъявленіе такого иска къ Тейфелю, Мирохинъ указываетъ на то, во-первыхъ, что Тейфель, въ качествѣ владѣльца вододѣйствующаго картоннаго заводана рѣкѣ Усланкѣ, не пропустилъ въ 1895 г. сплавляемыхъ по этой рѣкѣ въ періодъ, когда она для

сплава пригодна, дровъ Мирохина, закрывъ вешняки плотины, и, во-вторыхъ, что онъ передъ плотиною по пути сплава устроилъ искусственное загражденіе (запонъ). По мнѣнію истца, съ которымъ въ этомъ отношеніи согласился и судъ, онъ, Мирохинъ, подобно другимъ лицамъ, нуждающимся въ сплавѣ дровъ по рѣкѣ Усланкѣ, имѣетъ безусловное право требовать устраненія всякихъ препятствій къ свободному сплаву дровъ по р. Усланкѣ чрезъ существующую на ней заводскую плотину въ періодъ времени, когда (въ теченіе 30 дней послѣ вскрытія льда на Лоянскихъ озерахъ) эта рѣка въ естественномъ ея состояніи пригодна для сплава, и владѣлецъ завода не можетъ, не нарушая закона, закрывать вешняки плотины на это время, потому что такое право безпрепятственнаго сплава по р. Усланкѣ установлено законами (Высочайше утв. мнѣнія Госуд. Совѣта 12 мая 1887 года и 13 іюня 1890 г.), послѣдовавшими въ разъясненіе ст. 359 уст. пут. сообщ. (т. XII Св. зак.), и не можетъ быть уничтожено или ограничено какими-либо административными распоряженіями, которыя вслѣдствіе сего и необязательны для него.

Такое заключеніе нельзя, однако, признать правильнымъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, спорные вопросы котораго вовсе не разрѣшаются содержаніемъ вышеприведеннаго закона. Въ приведенныхъ истцомъ въ основаніе его иска законоположеніяхъ разрѣшенъ лишь общій вопросъ о томъ, требуется или не требуется по дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ особое правительственное распоряженіе относительно объявленія рѣкъ сплавными и судоходными, и этотъ общій вопросъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ признаніемъ, въ разъясненіе 359 ст. уст. путей сообщ., того положенія, что открытіе водныхъ путей для судоходства, сплава или гонки дровъ не требуетъ для своего осуществленія особаго правительственнаго распоряженія, а, напротивъ, всякій водный путь почитается открытымъ для общаго пользованія, коль скоро онъ въ естественномъ своемъ состояніи безъ искусственныхъ приспособленій пригоденъ для сплава или гонки лѣса. Этотъ законъ нельзя признать нарушеннымъ имѣющимися въ дѣлѣ и приведенными тяжущимися сторонами распоряженіями административныхъ мѣстъ и лицъ, такъ какъ упомянутыми административными распоряженіями разрѣшены такіе вопросы, которые связаны съ примѣненіемъ его къ частнымъ случаямъ и вызваны разными затрудненіями, возникавшими при устраненіи препятствій, встрѣчаемыхъ нерѣдко при сплавѣ по рѣкамъ, на которыхъ имѣ-

ются разные вододѣйствующія сооруженія. Всѣ эти вовсе непредусмотрѣнные прямо ни въ вышеприведенномъ, ни въ другомъ какомъ-либо законѣ дополнительные вопросы, а именно вопросъ о томъ, какія именно рѣки должны быть по фактическому естественному ихъ состоянію признаны пригодными для сплава по нимъ дровъ и въ какой именно навигаціонный срокъ, а также какимъ путемъ и на какихъ основаніяхъ устранить встрѣченныя сплавщиками дровъ по рѣкамъ препятствія къ сплаву отъ береговыхъ владѣльцевъ или отъ владѣльцевъ вододѣйствующихъ на рѣкахъ сооруженій, устроенныхъ до начала сплава по данной рѣкѣ,—постоянно разрѣшаются и должны быть разрѣшаемы компетентными къ тому административными мѣстами и лицами, къ числу которыхъ принадлежатъ органы Министерствъ Путей Сообщенія, Земледѣлія и Государственыхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 360 т. XII уст. пут. сообщ. и статьи 666 п.п. 3 и 15 ст. 667 и 1401 т. II общ. губ. учр.). Къ такимъ распоряженіямъ административныхъ мѣстъ и лицъ относятся, во-первыхъ, указанные обѣими сторонами циркуляры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 4 августа 1887 г. и Министерства Государственныхъ Имуществъ отъ 17 сентября 1887 г., въ которыхъ высказано то общее положеніе, что при исполненіи требованій относительно приведенія вододѣйствующихъ заведеній въ безпрепятственное для сплава состояніе должно имѣть въ виду время возведенія этихъ заведеній, съ цѣлью выясненія того, устроены ли они съ разрѣшенія губернскаго начальства ранѣе начала сплава по данной рѣкѣ или послѣ того, и во-вторыхъ, указанныя отвѣтчикомъ постановленія Олонецкаго губернскаго правленія за № 179 и 245, послѣдовавшія въ 1894 году по жалобамъ Якова Мирохина и Тейфеля, въ которыхъ разрѣшены споры обѣихъ сторонъ относительно условій сплава дровъ черезъ заводскую плотину на р. Усланкѣ. Этими постановленіями губернскаго правленія взаимныя жалобы сторонъ разрѣшены не въ пользу Мирохина, при чемъ признано, что если Мирохинъ не желаетъ сплавлять бревна и дрова черезъ рѣку Важинку, а признаетъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ производить сплавъ по рѣкѣ Усланкѣ черезъ плотину Тейфеля, то таковой можетъ быть допущенъ не иначе, какъ при соблюденіи способа, указаннаго въ циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, т. е. приведеніемъ на свой счетъ вододѣйствующаго заведенія въ состояніе, не препятствующее сплаву. Если Мирохинъ находилъ эти и предшествовавшія имъ, а равно основанныя на нихъ разныя однородныя, не въ пользу его состоя-

вшіяся, постановленія губернскаго начальства незаконными, то отъ него зависѣло обжаловать эти распоряженія, предпринятыя въ видахъ общественной пользы и безопасности (прим. къ ст. 1 уст. гр. суд.), по начальству въ установленномъ на то порядкѣ (п. 3 ст. 19 учр. Правит. Сената). Но Мирохинъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ, какъ видно изъ дѣла, вполнѣ подчиняясь и ссылаясь на нихъ, вошелъ съ Тейфелемъ 12 мая 1894 г. въ соглашеніе относительно условій сплава его дровъ въ навигацію 1894 г. черезъ плотину Тейфеля. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду того, что принадлежащее Тейфелю вододѣйствующее сооруженіе, пріобрѣтенное имъ отъ прежней владѣлицы, существуетъ съ разрѣшенія губернскаго начальства издавна, будучи устроено въ 1813 г. задолго до начала сплава по р. Усланкѣ,—судебная палата находитъ, что непропускъ Тейфелемъ черезъ его плотину на р. Усланкѣ въ весну 1895 года дровъ Мирохина, не пожелавшаго предварительно исполнить тѣ объявленныя ему требованія, отъ исполненія которыхъ поставлено было мѣстною губернскою властью въ зависимость осуществленіе права безпрепятственнаго сплава дровъ черезъ плотину, или войти съ Тейфелемъ о томъ въ соглашеніе, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1894 г., не можетъ считаться такимъ самовольнымъ и недозволеннымъ закономъ дѣяніемъ, которое открывало бы Мирохину право на предъявленіе къ нему по этому поводу иска по 674 ст. X т. 1 ч. Правильность этого вывода находитъ себѣ подтвержденіе, кромѣ того, и въ томъ, что послѣ телеграфной переписки, которою обмѣнялись олонецкій губернаторъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ маѣ 1895 года, дѣйствія Тейфеля, а равно и губернской власти, не были признаны незаконными и не сопровождались какимъ-либо распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, направленнымъ къ устраненію послѣдствій ихъ и къ удовлетворенію просьбъ сплавщиковъ лѣса, и въ томъ числѣ и Мирохина. Равнымъ образомъ, нельзя признать основательнымъ и указаніе Мирохина въ оправданіе его иска къ Тейфелю на устройство имъ искусственнаго предъ плотиною загражденія (запони) какъ потому, что, по объясненію отвѣтчика, ничѣмъ не опровергнутому со стороны истца, запонь эта устроена была для цѣлей, ничего общаго съ загражденіемъ сплава дровъ не имѣющихъ, а именно для того, чтобы предохранить сооруженіе плотины отъ загрязненія наноснымъ соромъ, такъ и потому, что устроена она вовсе не передъ началомъ сплава 1895 г., котораго касается искъ, а существуетъ уже давно, въ подтвержденіе чего Тейфель сослался на указаннаго

имъ свидѣтеля, котораго, однако, палата признаетъ излишнимъ допрашивать, такъ какъ повѣренный истца на предложенный ему вопросъ о времени устройства запони не могъ дать положительнаго отвѣта и не настаивалъ на утвержденіи о томъ, что она устроена послѣ сплава предшествовавшаго года. Признавая, такимъ образомъ, Тейфеля не подавшимъ своими дѣйствіями по отношенію къ лѣсопромышленнику Мирохину законнаго повода для предъявленія къ нему иска о вознагражденіи по 674 ст. X т. 1 ч., судебная палата находитъ отказъ суда въ искѣ Мирохина къ Тейфелю въ окончательномъ выводѣ правильнымъ, какъ по вышеизложеннымъ соображеніямъ, такъ и потому еще, что, какъ по дѣлу установлено, изъ Лоянскихъ озеръ имѣется для сплава дровъ къ Петербургу, кромѣ р. Усланки, и другой путь черезъ р. Важинку (хотя онъ, по словамъ истца, болѣе длинный и неудобный), слѣдовательно, если бы Тейфелемъ и неправильно былъ задержанъ сплавъ дровъ Мирохина по р. Усланкѣ, то это обстоятельство не могло бы вызвать (какъ истецъ утверждаетъ) задержанія доставки въ Петербургъ и продажи дровъ на цѣлый годъ, а могло бы вызвать лишь причиненіе Мирохину убытковъ (имъ, однако, не отыскиваемыхъ) по поводу вынужденнаго сплава дровъ путемъ, для того болѣе дальнимъ и неудобнымъ.

Въ кассаціонной жалобѣ, въ которой истецъ Яковъ Мирохинъ проситъ объ отмѣнѣ приведеннаго рѣшенія по нарушенію 434, 438 и 440 ст. X т. 1 ч., 85 и 89 прим. 2, 359 примѣч. 3, къ 363 прим. 1 и 2 уст. пут. сообщ. и 711 ст. уст. гр. суд., объяснено слѣдующее. Судебная палата нарушила ст. 359 уст. пут. сообщ. (мнѣніе Госуд. Сов. отъ 12 мая 1887 г. и 13 іюня 1890 г.), истолковавъ ее вопреки буквальному смыслу закона и практикѣ Правительствующаго Сената. Законъ отъ 13 іюня 1890 г. изданъ былъ для устраненія многочисленныхъ споровъ между судоходцами и сплавщиками лѣса, съ одной стороны, и береговыми владѣльцами, съ другой, о томъ, какими рѣками можно безпрепятственно пользоваться для сплава, гонки лѣса и судоходства, при чемъ береговые владѣльцы утверждали, что только тѣ рѣки должны находиться въ общемъ пользованіи, которыя открыты для этого какою-либо властью и внесены въ списокъ рѣкъ, поименованныхъ въ 87 ст. уст. пут. сообщ. и приложеніяхъ къ ней.

Для устраненія вмѣшательства разныхъ учрежденій и властей, такъ какъ въ законѣ не указана власть, объявляющая рѣку открытою для общаго пользованія, и былъ изданъ законъ, въ силу ко-

тораго каждая рѣка, годная въ извѣстное время года для сплава и гонки лѣса, подлежитъ общему пользованію безъ ограниченій въ пользу береговыхъ владѣльцевъ и хозяевъ вододѣйствующихъ заведеній, а точно такъ же и безъ предварительныхъ разрѣшеній со стороны какихъ-либо властей и учрежденій для открытія водныхъ путей для судоходства, сплава или гонки лѣса и дровъ (примѣч. 3 ст. 359 уст. пут. сообщ.). Обратное толкованіе судебной палаты уничтожаетъ какъ цѣль изданія вышеозначеннаго закона, такъ и благодѣтельныя его послѣдствія. Участіе мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій въ развитіи и примѣненіи означеннаго закона на практикѣ можетъ быть только при условіи исполненія закона, а не вопреки ему. Мирохинъ обращался въ губернское правленіе не съ просьбою о разрѣшеніи гнать лѣсъ по рѣкѣ, а съ жалобою на препятствіе со стороны Тейфеля. Губернское правленіе не отказало ему въ жалобѣ, а не нашло возможнымъ принудить Тейфеля пропустить дрова, считая себя для разрѣшенія возникшаго спора некомпетентнымъ учрежденіемъ, и, какъ таковое, не могло взять на себя отвѣтственности за вмѣшательство въ означенный споръ, и жаловаться на такое постановленіе Мирохинъ не имѣлъ основанія, такъ какъ вѣдѣнію губернскаго правленія не подлежатъ такіе споры. Постановленіе губернскаго правленія относится, однако, къ 1894 г., а не къ 1895 году, о которомъ идетъ дѣло.

Разсужденія судебной палаты объ обязательности распоряженій административныхъ мѣстъ (Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ) относительно сплава лѣса и дровъ опровергаются прим. 2 къ 89 ст. уст. пут. сообщ., на основаніи коего издавать обязательныя правила по этому предмету предоставлено только Министерству Путей Сообщенія. Наконецъ, указаніе судебной палаты на распоряженія Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, въ развитіе примѣненія закона, изданнаго 13 іюня 1890 года, неправильны, такъ какъ самаго закона тогда не существовало; наоборотъ, всѣ такія изданныя раньше распоряженія отпадаютъ во всемъ, въ чемъ несогласны съ новымъ закономъ, который своимъ появленіемъ отмѣняетъ всѣ прежде существовавшіе, несогласные съ нимъ, законы и распоряженія административныхъ властей. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть противорѣчія между рѣшеніемъ судебной палаты и обстоятельствами дѣла. Независимо отъ этого, всѣ вопросы о правѣ гражданскомъ судъ долженъ разрѣшить совершенно самостоятельно, какъ сказано въ рѣшеніи окружнаго суда по настоящему дѣлу, руководствуясь ис-

ключительно точнымъ смысломъ и разумомъ закона, а никакъ не тѣми разъясненіями, которыя даетъ этому закону губернское правленіе или другое какое-либо административное мѣсто. По разъясненію Правительствующаго Сената (Гражд. Касс. Деп. 1870 г. № 813, 1871 г. № 853), никакія опредѣленія и распоряженія административныхъ мѣстъ и лицъ о правахъ гражданскихъ не стѣсняютъ судебныя установленія въ обсужденіи и опредѣленіи тѣхъ же правъ, когда таковыя по спору дойдутъ до ихъ разсмотрѣнія. Невѣрно и то основаніе рѣшенія судебной палаты, будто свободное пользованіе способностью рѣкъ къ сплаву и судоходству вододѣйствующими заведеніями поставлено въ зависимость отъ того обстоятельства, когда построены вододѣйствующія заведенія—прежде начала сплава на рѣкѣ или послѣ. Такимъ разсужденіемъ нарушаются 434, 438 и 440 ст. X т. 1 ч., на основаніи коихъ владѣльцы не могутъ препятствовать проходу и проѣзду, сплаву бревенъ и дровъ чрезъ малыя, несудоходныя рѣчки (но судоходныя—ошибка въ редакціи закона), независимо отъ того, когда построены вододѣйствующія заведенія. По этому вопросу есть спеціальный законъ (прим. 2 къ 363 ст. уст. пут. сооб.), по которому всѣ вододѣйствующія заведенія, независимо отъ времени ихъ постройки, должны быть приведены въ такое положеніе, чтобы бечевая тяга, ходъ судовъ, гонка плотовъ и сплавъ дровъ не могли встрѣчать ни малѣйшаго препятствія. По разъясненію Правительствующаго Сената, владѣльцы плотинъ, правильно устроенныхъ, могутъ требовать вознагражденія за поврежденіе ихъ, но не могутъ препятствовать самому сплаву (Гражд. Касс. Деп. 1880 г. № 220). То же самое значится въ циркулярѣ Министерства Путей Сообщенія правленіямъ округовъ отъ 11 января 1883 г. № 211 (уст. пут. сооб., изд. 1897 г. Нюренберга, стр. 103). По этому циркуляру, когда бы то ни было устроенныя вододѣйствующія заведенія должны быть переустроены, если они препятствуютъ пользованію водами при судоходствѣ и сплавѣ. То же самое значится и въ циркулярахъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 4 августа 1887 г. за № 5583/5923 и Государственныхъ Имуществъ отъ 17 сентября того же года за № 18353, что̀ и отмѣчено въ рѣшеніи окружнаго суда. Наконецъ, вопросъ о сплавѣ по рѣкѣ Усланкѣ восходилъ на разрѣшеніе Министерства Путей Сообщенія, и Министръ Путей Сообщенія, послѣ тщательнаго изслѣдованія на мѣстѣ о времени начала сплава по рѣкѣ и о времени постройки завода Тейфеля на рѣкѣ, сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 21 іюня 1896 года за № 5201, что

„какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ начальникомъ Вытегорскаго округа путей сообщенія, рѣка Усланка во время весенняго разлива способна къ сплаву въ естественномъ ея состояніи, почему путь по этой рѣкѣ долженъ почитаться, въ силу 3 примѣч. къ 359 ст. уст. путей сообщ., открытымъ для свободнаго имъ пользованія лицами, занимающимися сплавомъ, при чемъ владѣльцы построеннаго на этой рѣкѣ завода, въ силу 1 и 2 примѣч. къ 363 ст. уст. пут. сообщ., не въ правѣ дѣлать какихъ-либо затрудненій при сплавѣ лѣса черезъ находящуюся при ихъ заводѣ плотину“. Наконецъ, указаніе судебной палаты на то, что Мирохинъ могъ гнать лѣсъ по другой рѣкѣ Важинкѣ и могъ избѣжать столкновенія съ Тейфелемъ, также неправильно, такъ какъ рѣка Важинка отстоитъ отъ мѣста сплава дровъ на десятки верстъ, и гнать ихъ по этой рѣкѣ крайне убыточно, на что̀ и указано въ рѣшеніи окружнаго суда. Кромѣ того, такое рѣшеніе было бы равносильно изъятію рѣки Усланки изъ рѣкъ общаго пользованія, что̀ могло послѣдовать на основаніи 85 ст. уст. пут. сообщ., въ силу особыхъ о томъ постановленій.

Дѣло это слушалось въ отдѣленіи Департамента и по его резолюціи передано на уваженіе Департамента Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ рѣшеніе судебной палаты отмѣнилъ по нарушенію 9 и 711 ст. уст. гр. суд. Такимъ образомъ онъ, повидимому, призналъ возможнымъ примѣнить 674 ст. 1 ч. X т. къ данному случаю по аналогіи.

Съ такимъ взглядомъ Правительствующаго Сената едва ли можно согласиться.

Прежде всего, мы находимъ рѣшеніе судебной палаты въ окончательномъ своемъ выводѣ совершенно правильнымъ, хотя не соглашаемся съ палатою относительно того установленнаго ею положенія, что причиненіе Тейфелемъ убытка Мирохину не могло давать послѣднему права иска объ убыткахъ, такъ какъ дѣйствія его по недопущенію сплава дровъ признаны административною властью совершенными въ предѣлахъ своего права. Коль скоро, въ силу закона 12 мая 1887 г. и 13 іюня 1890 года, рѣка Усланка является въ теченіе извѣстнаго весенняго періода сплавною, то владѣлецъ завода Тейфель обязанъ былъ пропустить чрезъ свою плотину сплавляемый въ этотъ періодъ времени лѣсной матеріалъ, но, само собою разумѣется, при условіи представленія Мирохинымъ денежнаго обезпеченія въ размѣрѣ, не-

обходимомъ для исправленія плотины, послѣ пропуска чрезъ нее дровъ.

Однако недопущеніе къ сплаву дровъ и при такомъ условіи (т. е. когда Мирохинъ пожелалъ бы обезпечить могущіе произойти отъ сплава его дровъ убытки Тейфеля) не давало основанія суду удовлетворить исковыя требованія Мирохина. Какъ видно изъ его исковаго прошенія, Мирохинъ домогался присужденія ему не убытковъ за непропускъ его дровъ, а взысканія съ Тейфеля штрафа на основаніи 674 ст. 1 ч. X т. Редакція этой статьи такова: „Береговой или иной владѣлецъ, *который чрезъ умышленное истребленіе или поврежденіе мостовъ, или чрезъ поставленіе въ рѣкѣ заколовъ, или другимъ какимъ-либо способомъ удержитъ слѣдующихъ по сему пути сообщенія промышленниковъ съ товарами, обязанъ....*“. Уже изъ текста статьи явствуетъ, что, для примѣненія ея къ данному случаю, необходимо: во-первыхъ, чтобы недопущеніе къ сплаву *выразилось въ совершеніи какихъ-либо положительныхъ дѣйствій*, и, во-вторыхъ, *чтобы эти дѣйствія были противозаконны и составляли преступленіе или проступокъ*, караемый уголовнымъ закономъ. Затѣмъ правильность этого вывода подтверждается и существомъ самой отвѣтственности, установленной 674 ст.: она предоставляетъ задержанному съ товаромъ лѣсопромышленнику, сверхъ права на убытки за задержаніе лѣснаго товара, и право взыскивать съ береговаго владѣльца за первые семь дней задержанія 1 процентъ съ цѣны сплавляемаго товара, а за каждую слѣдующую затѣмъ недѣлю по полупроценту съ той же суммы. Если бы это взысканіе, въ видѣ штрафа, было установлено, по какимъ-либо соображеніямъ, взамѣнъ предоставленія права на убытки за задержаніе товара, то мы могли бы видѣть въ подобномъ постановленіи ограниченіе отвѣтственности за данное дѣйствіе, на подобіе того, какъ это имѣетъ мѣсто въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 101 и 110 ст. уст. желѣзн. дорогъ. Но когда законъ даетъ и право на убытки, и штрафъ за совершеніе дѣйствія, могущаго причинить убытокъ, то, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенною гражданскою отвѣтственностью.

Наконецъ невозможность примѣненія въ данномъ случаѣ 674 ст. 1 ч. X т. доказывается и тѣмъ, что статья эта помѣщена въ отдѣлѣ „о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ“ (644—682 ст.). Правда, систематическое толкованіе нашихъ гражданскихъ законовъ не всегда можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ законы эти являются сводомъ законо-

положенiй, основанныхъ на разныхъ указахъ, изданныхъ въ разное время и не связанныхъ между собою единствомъ руководящей идеи. Но правила о вознагражденiи за вредъ и убытки, причиненные какъ дѣйствiями преступными (644—682 ст.), такъ и непреступными (684—689 ст.), изданы сравнительно въ недавнее время, а именно 21 марта 1851 г. (Полн. Собр. Зак. № 25055), связаны между собою единствомъ основнаго взгляда и были приняты Государственнымъ Совѣтомъ, по обсужденiи проекта этихъ правилъ, составленныхъ графомъ Блудовымъ. Такимъ образомъ нельзя допустить неудачнаго помѣщенiя 674 ст. въ отдѣлѣ, трактующемъ о вознагражденiи за вредъ и убытки, причиненные преступленiемъ или проступкомъ. Достаточно, впрочемъ, просмотрѣть весь этотъ отдѣлъ правилъ (644—682 ст.), чтобы убѣдиться въ правильности нашего утвержденiя.

Конечно, могло бы быть еще сомнѣнiе относительно примѣненiя къ данному случаю 674 ст., если бы палата признала, что Тейфель устроилъ умышленно, съ цѣлью воспрепятствованiя сплаву дровъ, искуственное загражденiе предъ своею плотиною (запонь), но мы видимъ, что этотъ фактъ, приписываемый въ исковомъ прошенiи истцомъ отвѣтчику, отвергнутъ палатою, какъ не поддерживаемый на судѣ даже повѣреннымъ истца.

Но возникаетъ вопросъ: какой же отвѣтственности и на основанiи какого закона подлежалъ Тейфель за непропускъ лѣснаго матерiала чрезъ свою плотину въ томъ случаѣ, когда бы Мирохинъ пожелалъ обезпечить Тейфелю убытки, могущiе произойти для него отъ пропуска дровъ чрезъ его плотину? Полагаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ 684 и 685 ст. 1 ч. X т., предоставляющiя право на вознагражденiе за убытки, причиненные *всякого рода дѣйствiемъ, совершеннымъ внѣ предѣловъ своего права и не составляющимъ ни преступленiя, ни проступка*. Коль скоро, въ силу закона, рѣка Усланка является сплавною, и коль скоро сплавляющiй лѣсной матерiалъ представляетъ вознагражденiе въ размѣрѣ тѣхъ убытковъ, которые могутъ быть причинены проходомъ дровъ чрезъ плотину береговаго владѣльца, то этотъ послѣднiй недопущенiемъ сплава совершаетъ дѣйствiе недозволенное, хотя и непреступнаго характера.

Если же къ дѣйствiямъ Тейфеля, при только-что указанныхъ условiяхъ, могли имѣть примѣненiе 684 и 685 ст. 1 ч. X т., то не можетъ быть и рѣчи о примѣненiи, на основанiи 9 ст. уст. угол. суд., къ этимъ дѣйствiямъ 674 ст., имѣющей въ виду преступленiя и проступки.

К. П. Змирловъ.

II.

ПРАВО БѢДНОСТИ.

Въ статьѣ Я. К. Городыскаго—„Наши суды и судебные порядки по даннымъ ревизіи 1895 года“, между прочимъ говорится: признаніе за истцомъ права бѣдности, освобождающаго отъ вноса денегъ на судебныя издержки (880 ст. уст. гр. суд.), въ общемъ встрѣчается сравнительно рѣдко; болѣе или менѣе частые случаи такого признанія отмѣчены отчетами лишь по нѣкоторымъ, весьма немногимъ, судамъ“ (Жур. Мин. Юст., кн. 5 за 1901 г., стр. 124). Однако съ такимъ выводомъ ревизіонныхъ отчетовъ какъ-то трудно согласиться цивилистамъ-практикамъ. Тутъ, очевидно, кроется какое-то недоразумѣніе. Практика, напримѣръ, судебныхъ учрежденій Привислинскаго края свидѣтельствуетъ совершенно противоположное. Въ Люблинскомъ окружномъ судѣ, гдѣ я завѣдываю гражданскимъ отдѣленіемъ, за послѣднее пятилѣтіе разсмотрѣно ежегодно слѣдующее количество ходатайствъ о правѣ бѣдности:

въ теченіе 1897 года	73,	изъ коихъ удовлетворено	67.
— — 1898 г.—	85	— —	81.
— — 1899 г.—	91	— —	86.
— — 1900 г.—	97	— —	91.
и въ теченіе 1901 г.—	105	— —	95.

Цифровыхъ данныхъ о числѣ такихъ же просьбъ въ каждомъ изъ девяти прочихъ окружныхъ судовъ Варшавской судебной палаты я не имѣю, но знаю по опыту прежней службы, что въ Варшавскомъ окружномъ судѣ изъ года въ годъ разрѣшается и удовлетворяется по крайней мѣрѣ сотня подобныхъ прошеній. Г. Никольскій въ статьѣ—„Какія условія должны соблюдаться окружными судами при выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности“—утверждаетъ тоже, конечно, не безъ основаній, что сотни исковъ возбуждаются и ведутся въ каждомъ окружномъ судѣ по праву бѣдности и что почти всѣ они оказываются неосновательными и неподлежащими удовлетворенію (Жур. Мин. Юст., кн. 7 за 1899 г., стр. 101). Это послѣднее обстоятельство я также подтверждаю на основаніи десятилѣтняго опыта въ качествѣ судьи-цивилиста. Причинами такой массы ходатайствъ о предоставленіи права бѣдности, чрезмѣрной, повидимому, снисходительности къ нимъ судебныхъ установленій и без-

успѣшности предъявляемыхъ затѣмъ на правѣ бѣдности исковъ, по моему мнѣнію, кромѣ бѣдности населенія являются склонность населенія къ сутяжничеству, ничѣмъ не сдерживаемая алчность подпольной адвокатуры, особенно развитой въ нашемъ судебномъ округѣ, и, самое главное—несовершенство законоположеній о правѣ бѣдности нашего устава гражданскаго судопроизводства (ст.ст. 880—888). Оставляя въ сторонѣ два первыя условія, находящіяся въ зависимости отъ той или иной мѣстности, разсмотрю послѣднее, общее судамъ и единоличнымъ судьямъ на пространствѣ цѣлой Россійской имперіи. По нынѣ дѣйствующему у насъ закону, для исходатайствованія права бѣдности необходимо, во-первыхъ, указать въ прошеніи личность отвѣтчика и предметъ предполагаемой тяжбы, т. е. обозначить, съ кѣмъ проситель намѣренъ вести дѣло въ судѣ и о чемъ именно, и во-вторыхъ, представить при прошеніи соотвѣтственное удостовѣреніе о недостаточности средствъ на веденіе дѣла (ст. 881, 882 и 886 уст. гр. суд.). Другихъ какихъ бы то ни было требованій законъ положительно не установилъ, и поэтому окружные суды, равно какъ и единоличные судьи или земскіе начальники, вопреки мнѣнію г. Никольскаго (высказываемому и отстаиваемому имъ въ названной статьѣ его), при разрѣшеніи просьбъ о правѣ бѣдности не въ состояніи даже и не въ правѣ входить въ обсужденіе основательности и правдоподобности преднамѣреннаго просителемъ иска. Домогательство судебныхъ установленій, дабы желающій воспользоваться правомъ бѣдности представлялъ на разсмотрѣніе ихъ основанія задуманнаго имъ иска и всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи доказательства его, при наличности существующихъ у насъ узаконеній, будетъ произволомъ. Судьи должны руководствоваться закономъ, имѣть въ виду прямой смыслъ исключительнаго постановленія и не толковать его распространительно. Тамъ, гдѣ законодатель желалъ, при разсмотрѣніи просьбъ о правѣ бѣдности, предоставить суду обсужденіе вопроса относительно надежности и доказательности иска, въ подлежащихъ узаконеніяхъ это прямо и категорически оговорено. Такъ, это установлено во Франціи закономъ 22 января 1851 года и по закону 10 іюля 1901 года о судебной помощи, въ Германіи—уставомъ гражданскаго судопроизводства 27 января 1877 года въ §§ 106 и 109. Австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства 1 августа 1895 года этого требованія, какъ и наши Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., къ неимущему лицу, желающему воспользоваться правомъ бѣдности, не предъявляетъ. До судебной реформы 1 іюля 1876 года

тутъ, въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа, желавшій получить отсрочку взноса гербовой пошлины, по поводу бѣдности, долженъ былъ выданное ему о семъ свидѣтельство вмѣстѣ съ тѣми документами, на основаніи которыхъ онъ намѣренъ начать тяжбу или искъ, предъявить предсѣдательствующему въ подлежащемъ судѣ (уст. о герб. сб. 25 сентября 1863 г., ст.ст. 97 и 98). Стало быть, при отсутствіи въ Судебныхъ Уставахъ Императора Александра II положительнаго предписанія о томъ, чтобы ходатайствующій о признаніи за нимъ права бѣдности представлялъ суду документы и доказательства задуманнаго имъ иска, окружные суды и единоличные судьи, повторяю, не могутъ даже правильно судить объ основательности иска и не должны совсѣмъ касаться этого вопроса. Нѣтъ спора и сомнѣнія, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого пробѣла въ законѣ является то, что большая часть исковъ на правѣ бѣдности проигрывается благодаря ихъ произвольности, часто очевидной при самомъ предъявленіи ихъ. А такъ какъ за пользующагося правомъ бѣдности истца казна несетъ первоначально всѣ сопряженныя съ дѣломъ издержки (ст.ст. 887 и 888 уст. гр. суд.), то при такомъ исходѣ дѣла по явно безнадежнымъ тяжбамъ государственное казначейство безвозвратно теряетъ уплаченное по поводу врученія копій исковаго прошенія и повѣстокъ отвѣтной сторонѣ, не говоря уже о томъ, что гербовый сборъ и судебная пошлина пропадаютъ вовсе. Чѣмъ больше, слѣдовательно, ведется неосновательныхъ исковъ на правѣ бѣдности, тѣмъ больше и казна теряетъ какъ наличными, такъ и въ недоборѣ гербоваго сбора и судебной пошлины. Если предположить, что всякое производство по безнадежному иску на правѣ бѣдности наноситъ ущербъ казнѣ въ 25 рублей (что̀ представляется въ виду нашихъ разстояній ничуть не преувеличеннымъ) и если изъ всѣхъ процессовъ по праву бѣдности половина только совершенно неосновательна (что̀ подтверждается на практикѣ), въ такомъ случаѣ по одному Люблинскому окружному суду казна несетъ убытокъ по меньшей мѣрѣ ежегодно въ тысячу рублей. Другіе окружные суды Россійской имперіи, думается мнѣ, въ этомъ отношеніи не въ лучшемъ положеніи. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что на правѣ бѣдности ведутся дѣла еще и въ мировыхъ учрежденіяхъ, не исключая гминныхъ судовъ, а также у городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ потери казны растутъ и достигаютъ совершенно непроизводительно на всемъ пространствѣ Россіи ежегодно весьма значительныхъ суммъ.

Но и помимо этихъ безцѣльныхъ тратъ казны несовершенство нашего дѣйствующаго законодательства по вопросу о правѣ бѣдности вызываетъ еще и слѣдующія неудобства. Суды и единоличные судьи, заваленные и безъ того работою, несутъ совсѣмъ напрасный трудъ, и дѣятельность ихъ личнаго состава отвлекается разсмотрѣніемъ, по моему, довольно многочисленныхъ тяжбъ, на правѣ бѣдности, бездоказательныхъ въ явный ущербъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ дѣйствительную настоящую нужду въ содѣйствіи судебныхъ учрежденій для опредѣленія ихъ правовыхъ взаимоотношеній. Вполнѣ справедливо также и указаніе г. Никольскаго въ его вышеобозначенной статьѣ (Жур. Мин. Юст., кн. 7, стр. 102, за 1899 г.) на излишнія треволненія, безпокойство и напрасные никѣмъ невозмѣщаемые расходы всѣхъ тѣхъ, къ которымъ вздумается предъявить произвольный искъ бѣдняку, благодаря лишь тому, что это самому ему ничего не стоитъ. Отъ себя лично обращу я вниманіе еще на присяжныхъ повѣренныхъ, коимъ по назначенію въ силу 4 п. 367 ст. учрежд. судебн. устан. приходится вести въ судѣ тяжбу такого неимущаго лица. Хорошо, если такіе иски слушаются и получаютъ отказъ въ удовлетвореніи въ разныхъ засѣданіяхъ суда не въ одинъ и тотъ же день. И то проигрышъ дѣла присяжнымъ повѣреннымъ всегда производитъ неблагопріятное впечатлѣніе на счетъ его репутаціи, какъ адвоката-знатока своего дѣла. А если благодаря случайному стеченію обстоятельствъ такихъ дѣлъ у одного и того же присяжнаго повѣреннаго сосредоточится два-три и больше въ одномъ и томъ же засѣданіи суда, тогда у публики невольно сложится, хотя и невѣрное, но все-таки пагубное мнѣніе о познаніяхъ и способностяхъ этого, по истинѣ, бѣдняги-адвоката. Въ практикѣ Люблинскаго окружнаго суда бывали случаи, когда назначенные для безвозмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, присяжные повѣренные входили въ судъ по гражданскому его отдѣленію и по общему собранію отдѣленій съ ходатайствомъ, ради только охраны своего реномэ, объ освобожденіи ихъ отъ обязанности предъявлять иски безнадежные, напримѣръ, если требовалось вчинить искъ отъ имени продавца недвижимости къ покупщику о недѣйствительности или мнимости продажи на томъ основаніи, что актъ купли-продажи будто-бы фиктивенъ и скрываетъ собою дареніе, или если исковыя требованія, подлежащія вѣдѣнію и компетенціи крестьянскихъ учрежденій, пользующійся правомъ бѣдности непремѣнно желалъ представить въ окружной судъ, или же когда одинъ изъ бывшихъ арендаторовъ ординаціи гр. Замойскаго за-

думалъ предъявить къ ней искъ о взысканіи 40 т. на основаніяхъ, напоминающихъ собою мечты и разсчеты мужика, увидѣвшаго на своемъ пути зайца, и т. п. Строго слѣдуя предписаніямъ дѣйствующаго закона, гражданское отдѣленіе нашего суда оставляло такія просьбы присяжныхъ повѣренныхъ безъ послѣдствій, а общее собраніе отдѣленій его, къ коему, въ качествѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 538 учр. судебн. уст.), направлялись эти ходатайства, признавало себя даже не въ правѣ ихъ разсматривать въ виду того, что права и обязанности его, какъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, ограничиваются лишь примѣненіемъ 4 п. 367 ст. учр. суд. уст.

Вотъ каковы наиболѣе крупныя практическія неудобства того, что наши Судебные Уставы по вопросу о правѣ бѣдности не вполнѣ слѣдуютъ примѣру Франціи и Германіи, а даже и тому, что существовало въ Привислинскомъ краѣ до судебной реформы 1 іюля 1876 года. Эти неудобства, какъ сказано раньше, наносятъ существенный ущербъ казнѣ и причиняютъ огромныя затрудненія частнымъ лицамъ и адвокатурѣ. У меня нѣтъ подъ рукою объяснительной записки къ нашему дѣйствующему въ настоящее время уставу гражданскаго судопроизводства, и потому я не знаю, по какимъ соображеніямъ составители Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года отвергли по изслѣдуемому вопросу цѣлесообразность постановленій Франціи и Германіи о томъ, чтобы желающій воспользоваться правомъ бѣдности на судѣ обязательно представлялъ между прочимъ и доказательства и основанія его иска. Предполагаю, что самымъ существеннымъ препятствіемъ тому было опасеніе, что трудно на основаніи указанныхъ на-скоро и лицомъ несвѣдущимъ данныхъ разрѣшить вопросъ, насколько задуманный этимъ лицомъ искъ въ дѣйствительности правдоподобенъ и надеженъ, если практика указываетъ, что даже послѣ всесторонняго обсужденія дѣла при словесномъ состязаніи сторонъ въ публичномъ засѣданіи рѣшеніе первой инстанціи иногда отмѣняется во второй, а Правительствующій Сенатъ нерѣдко кассируетъ и рѣшенія судебныхъ палатъ. Но въ такомъ случаѣ практичнѣе, мнѣ кажется, изъ двухъ золъ избрать наименьшее, каковымъ, по моему, слѣдуетъ признать предоставленіе судебному установленію разрѣшенія вопроса о степени достовѣрности и основательности преднамѣреннаго неимущимъ лицомъ иска и только тогда признавать за нимъ право бѣдности на веденіе его въ судѣ, когда этотъ искъ окажется не произвольнымъ и вѣроятнымъ. Обезпеченіе исковъ при самомъ предъявленіи ихъ

основано также лишь на степени достовѣрности ихъ (ст.ст. 591, 595 и 598 уст. гражд. суд.), однако на практикѣ почти не встрѣчается никакихъ затрудненій при примѣненіи прописанныхъ законоположеній. Опытъ какъ единоличнаго судьи, такъ и окружныхъ судовъ въ составѣ трехъ судей вполнѣ гарантируетъ интересы неимущаго. При неудовлетвореніи же его ходатайства первою инстанціею необходимо допустить жалобу на ея опредѣленіе во вторую. Такимъ образомъ не останется никакого опасенія за судьбу основательнаго ходатайства недостаточнаго лица, между тѣмъ казна, судьи и суды, а также и интересы общества вообще, выиграютъ очень и очень многое.

Тѣмъ не менѣе, однако же, и выработанный Высочайше учрежденною 7 апрѣля 1894 года Коммисіею для пересмотра законоположеній по судебной части проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства оставляетъ, быть можетъ, въ виду установленной ревизіонными отчетами 1895 года малочисленности ходатайствъ о правѣ бѣдности тѣ же нынѣ существующія правила по этому предмету почти безъ измѣненій, а, самое главное, проектъ не вводитъ совсѣмъ требованія, дабы просящій о предоставленіи права бѣдности обязательно указывалъ основанія и представлялъ на обсужденіе суда всѣ находящіяся въ его распоряженіи доказательства иска, который онъ намѣренъ вчинить (ст.ст. 861—874 проекта). Проектъ новой редакціи устава слѣдуетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи за австрійскимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства 1 августа 1895 года (ст.ст. 63—73). Въ объяснительной запискѣ къ этому послѣднему проекту ничего по сему предмету не говорится, и этотъ вопросъ совсѣмъ не затрогивается составителями новой редакціи устава, какъ будто-бы въ практикѣ отъ пропуска въ нашемъ дѣйствующемъ законѣ этого существенно-важнаго условія не возникало никакихъ неудобствъ или какъ бы сей вопросъ за все время дѣйствія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года никогда вовсе не возбуждалъ сомнѣній (т. II, стр. 247—250). Члены Высочайше учрежденной Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части при новой редакціи устава, повидимому, вполнѣ раздѣлили по вопросу о правѣ бѣдности соображенія ихъ предшественниковъ по редактированію Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, а также и мотивы австрійскаго устава 1895 года по этому же предмету. Но послѣдующая за изданіемъ нашихъ Судебныхъ Уставовъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя практика судебныхъ учрежденій, какъ описано выше, доказала непрактичность

дѣйствующихъ правилъ на счетъ признанія права бѣдности, соображенія же составителей австрійскаго устава, быть можетъ, и цѣлесообразны для Австріи, но не для Россіи: каждый законъ хорошъ только тогда, если онъ соотвѣтствуетъ условіямъ жизни народа той страны, для которой онъ изданъ. Впрочемъ, въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи устава сдѣлана ссылка на статью г. Никольскаго, о которой я уже упоминалъ (т. II, стр. 247, выноска 3). Слѣдовательно, составители новой редакціи устава держатся яко-бы того же взгляда, какъ и г. Никольскій, а именно, что и при отсутствіи въ законѣ прямого указанія единоличные судьи и коллегіальные суды при выдачѣ свидѣтельства о правѣ бѣдности, кромѣ обсужденія вопроса о формальномъ правѣ просителя—недостаточности его средствъ, обязаны входить въ обсужденіе также и степени доказанности и основательности его иска. Но, по моему крайнему разумѣнію,—повторяю—это произволъ, наименѣе всего терпимый въ судахъ и у единоличныхъ судей и совсѣмъ неоправдываемый практическими соображеніями. Во всякомъ же случаѣ ради предупрежденія возможныхъ сомнѣній и недоразумѣній въ практикѣ правильнѣе будетъ сдѣлать прямое и соотвѣтственное указаніе въ законѣ на этотъ счетъ и категорически обязать желающихъ воспользоваться правомъ бѣдности представлять при прошеніи сверхъ удостовѣренія о недостаточности ихъ средствъ на веденіе дѣла еще доказательства и основанія предполагаемаго ими иска. Кстати и проектъ новой редакціи устава допускаетъ и практикуетъ исправленіе и дополненіе статей Судебныхъ Уставовъ 1864 года съ цѣлью устраненія возникшихъ при примѣненіи ихъ сомнѣній. Такъ, по вопросу, какой именно окружный судъ компетентенъ признавать право бѣдности—судъ ли по мѣсту жительства или пребыванія просителя или же тотъ судъ, въ которомъ долженъ быть начатъ искъ—вопросу, возбудившему сомнѣніе въ практикѣ, проектъ новой редакціи устава вводитъ не существующее пока у насъ правило, что лица, желающія воспользоваться правомъ бѣдности, должны представить „тому суду, въ которомъ желаютъ начать искъ", удостовѣреніе о недостаточности ихъ средствъ на веденіе дѣла (ст. 862 проекта и 881 уст. гражд. суд.). А въ объяснительной къ проекту запискѣ по этому поводу сказано: „такъ какъ судъ, въ коемъ долженъ быть предъявленъ искъ, болѣе компетентенъ обсудить и взвѣсить основательность ходатайства, и притомъ вопросъ о правѣ бѣдности долженъ имѣть значеніе и при дальнѣйшемъ

производствѣ дѣла, то казалось бы правильнымъ, по примѣру § 109 германскаго устава, уполномочить на признаніе бѣдности лишь этотъ судъ“ (стр. 247, т. II). Но почему же въ Германіи судъ, въ которомъ долженъ быть начатъ искъ, признанъ болѣе компетентнымъ обсудить и взвѣсить основательность ходатайства о правѣ бѣдности?—Единственно потому, думаю я, что судъ тамъ обсуждаетъ не только вопросъ относительно матеріальнаго положенія просителя, но и разрѣшаетъ на основаніи представленныхъ къ прошенію о правѣ бѣдности доказательствъ вопросъ о правдоподобности и достовѣрности задуманнаго просителемъ иска. Въ § 106 германскаго уст. гражд. суд. 27 января 1877 года говорится: „всякій неимущій въ правѣ ходатайствовать о предоставленіи ему права бѣдности, если искъ его не произвольный и не безнадежный“, а въ силу § 109 того же устава требуется между прочимъ указать въ просьбѣ о правѣ бѣдности „основанія спора и всѣ имѣющіяся въ виду доказательства иска“. Если бы обсужденію суда, какъ у насъ и въ Австріи, предстоялъ одинъ лишь вопросъ о недостаточности средствъ просителя на веденіе дѣла, то болѣе удачное разрѣшеніе его слѣдовало бы ожидать скорѣе отъ суда мѣстнаго, гдѣ проживаетъ проситель, такъ какъ этому суду лучше могутъ быть и самому извѣстны нѣкоторыя данныя по этому поводу, чѣмъ суду другой, отдаленной иногда мѣстности. Поэтому-то въ австрійскомъ уставѣ 1895 года и предписывается подавать просьбу о правѣ бѣдности въ тотъ судъ первой степени, въ которомъ должно производиться дѣло, тогда лишь, когда этотъ судъ совпадаетъ съ мѣстомъ пребыванія или жительства просителя, въ противномъ же случаѣ разрѣшается ему обратиться съ его ходатайствомъ къ мѣстному, по жительству просителя, участковому суду (§ 65). Такимъ образомъ и только-что изложенныя данныя приводятъ къ заключенію о томъ, что если проектъ узаконяетъ, чтобы просьба о правѣ бѣдности подавалась тому суду, въ которомъ имѣетъ быть начатъ предполагаемый искъ, то изъ этого логически слѣдуетъ, дабы просителемъ указывались вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ о его несостоятельности основанія и доказательства его иска.

Кромѣ того, въ практикѣ возбуждается сомнѣніе на счетъ того, чѣмъ должны руководствоваться при выдачѣ удостовѣреній о недостаточности матеріальныхъ средствъ на веденіе дѣла лица, на обязанности которыхъ по закону лежитъ снабжать такими удостовѣреніями просителей. Несмотря на сенатское разъясненіе, имѣвшее мѣсто почти въ самомъ началѣ дѣйствія нашего устава гражданскаго

судопроизводства, до сей поры однако же правильнаго взгляда и однообразія по этому предмету въ судебныхъ учрежденіяхъ еще не установилось. Въ рѣшеніи Кассаціоннаго Департамента Сената за 1867 г. № 36 между прочимъ прописано: свидѣтельство о бѣдности должно быть основано „на собственномъ и притомъ строгомъ удостовѣреніи мѣстнаго мироваго судьи, общественнаго или служебнаго начальства, что лицо, заявившее желаніе воспользоваться правомъ бѣдности, дѣйствительно не имѣетъ необходимыхъ средствъ на покрытіе тѣхъ судебныхъ издержекъ, которыя по дѣлу его на основаніи закона требуются", и далѣе говорится,—„это свидѣтельство должно заключать въ себѣ „собственное завѣреніе" мироваго судьи или начальства и не можетъ быть основано на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ полиціею". Между тѣмъ въ статьѣ А. Бутовскаго— „Выдача удостовѣренія о бѣдности въ порядкѣ 881 ст. уст. гражд. суд." (Жур. Мин. Юст., кн. 8 за 1901 г., стр. 193—197) подробно описана прочно установившаяся въ нѣкоторыхъ судебно-мировыхъ округахъ практика, состоящая въ томъ, что мировой судья по прошенію о выдачѣ удостовѣренія о неимѣніи средствъ на веденіе дѣла заводитъ особое гражданское дѣло, вноситъ его въ публичное засѣданіе, гдѣ въ присутствіи просителя допрашиваетъ указанныхъ имъ свидѣтелей за подпискою о присягѣ, и затѣмъ, согласно свидѣтельскимъ показаніямъ, удовлетворяетъ ходатайство или же отказываетъ въ выдачѣ свидѣтельства; на это послѣднее его опредѣленіе приносятся частныя жалобы въ мировой съѣздъ; послѣдній, не находя возможнымъ за силою 169 ст. уст. гражд. суд. передопрашивать за присягою свидѣтелей по такимъ жалобамъ, поручаетъ полиціи собрать свѣдѣнія относительно имущественной состоятельности просителя и, по разсмотрѣніи сихъ свѣдѣній въ судебномъ засѣданіи, постановляетъ опредѣленіе сообразно этимъ послѣднимъ. Такая практика, несомнѣнно, весьма далека отъ разъясненія Сената и совершенно не согласна съ прямымъ смысломъ закона. Далѣе, мнѣ лично приходилось видѣть за послѣднія десять лѣтъ въ дѣлахъ удостовѣренія войтовъ гминъ (волостныхъ старшинъ) въ видѣ протоколярныхъ безъ присяги показаній односельчанъ просителя о его бѣдности или же свидѣтельства въ такомъ родѣ: „дано сіе въ томъ, что такой-то, по словамъ его сосѣдей, и т. д.". Изъ прописаннаго, значитъ, оказывается, что для упорядоченія практики по этому случаю сенатскаго разъясненія и общаго смысла закона недостаточно, а необходимо въ текстѣ закона указать положительно условія, обосновывающія выдачу вышепрописанныхъ удостовѣреній.

Нѣкоторые судьи-практики, довольно многочисленные, на основаніи текста ст. 887 уст. гражд. суд., начинающейся такъ: „за того *изъ тяжущихся*, который ...", полагаютъ, что законъ допускаетъ предоставленіе права бѣдности только по исковымъ дѣламъ, тяжбамъ, почему и отказываютъ въ удовлетвореніи просьбы того лица, которое намѣрено отыскивать свои права въ частномъ порядкѣ производства. Предполагаю, что это одно лишь недоразумѣніе, ибо и веденіе дѣла въ частномъ порядкѣ требуетъ иногда значительныхъ, не по карману бѣдняка, затратъ, какъ-то: по раздѣлу имущества наслѣдственнаго или состоящаго въ общемъ владѣніи, по ходатайству объ укрѣпленіи права собственности на недвижимое имѣніе по давности владѣнія, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства или духовнаго къ исполненію завѣщанія и проч. Если подобное ходатайство просителя представляется основательнымъ, то и для веденія дѣла въ частномъ порядкѣ нѣтъ серьезной причины лишать неимущаго права бѣдности тѣмъ болѣе, что возмѣщеніе затратъ казны по этого рода дѣламъ совершенно гарантировано. Вслѣдствіе сего въ текстѣ ст. 871 проекта, соотвѣтствующей 887 ст. уст. гражд. суд., начало необходимо измѣнить такъ, чтобы въ немъ не было совсѣмъ выраженія „тяжущійся".

Помимо изложеннаго, согласно иностраннымъ законоположеніямъ, цѣлесообразно было бы въ проектѣ новой редакціи устава предоставить безграмотнымъ и мало развитымъ просителямъ заявлять ихъ ходатайства о правѣ бѣдности *„на словахъ"* и въ такомъ случаѣ уполномочить единоличнаго судью и секретаря суда, по примѣру германскаго устава, записывать въ протоколъ такія заявленія (§ 109 ч. 1). У насъ въ Россіи гораздо больше неграмотнаго и мало развитаго населенія, чѣмъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, вслѣдствіе чего и нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства наиболѣе нуждается въ такомъ разумномъ законоположеніи. Мнѣ нерѣдко случалось слышать отъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, изъ крестьянской среды, что по поводу исходатайствованія ими права бѣдности и составленія прошенія на сей предметъ они уплачивали, благодаря незнанію русской грамоты, по десяти и больше рублей.

Дополненіе же проекта въ вышеприписанномъ смыслѣ предохранитъ многихъ неимущихъ отъ вымогательствъ подпольной адвокатуры и сохранитъ имъ не одинъ рубль. Въ виду сихъ соображеній предполагаемое исправленіе проекта новой редакціи устава будетъ актомъ справедливости и гуманнаго отношенія къ той части населенія, которой особенно необходима судебная помощь.

Сверхъ того, по примѣру французскаго закона 10 іюля 1901 года о безплатной судебной помощи лицамъ, пользующимся правомъ бѣдности, слѣдовало бы дѣйствіе выданныхъ судомъ свидѣтельствъ о бѣдности распространить и на тотъ періодъ гражданскаго процесса, который наступаетъ за вступленіемъ рѣшенія судебнаго установленія въ законную силу, т. е. на все производство по приведенію рѣшенія въ исполненіе. По разъясненіямъ Правительствующаго Сената, лица, за коими признано право бѣдности, пользуются этимъ правомъ и при обжалованіи въ кассаціонномъ порядкѣ рѣшеній судебныхъ мѣстъ (Общ. Собр. № 3 за 1890 г.) и во время исполнительнаго производства, указаннаго въ 896—923 ст. уст. гражд. суд. (Касс. Деп. № 55 за 1897 г.); но правило ст. 887 уст., въ силу которой за того изъ тяжущихся, которому выдано свидѣтельство о бѣдности, судебныя издержки, указанныя въ ст. 857—865, производятся изъ казны, имѣетъ примѣненіе только къ издержкамъ по судебному производству дѣла, а не къ порядку исполненія рѣшенія, въ коемъ вознагражденіе судебнаго пристава обращается на должника (Общ. Собр. № 17 за 1884 г.). Значитъ, благодаря указаніямъ и толкованію Сената, нашъ дѣйствующій законъ о правѣ бѣдности оставляетъ истца въ самомъ безпомощномъ положеніи на пути къ осуществленію признанной уже судомъ его претензіи къ противнику. Вести все производство по приведенію рѣшенія въ исполненіе на собственныя средства часто равносильно отказу въ искѣ, ибо это правило ставитъ тяжущагося въ такое положеніе, что онъ, добившись, благодаря содѣйствію казны, признанія судомъ его права, тѣмъ не менѣе не можетъ его осуществить. Правда, всѣ расходы по исполненію, въ томъ числѣ и вознагражденіе судебному приставу, взыскиваются—согласно 958 ст. уст. гр. суд.—съ того лица, противъ котораго рѣшеніе приводилось въ исполненіе; однако, прежде взысканія и полученія ихъ, судебному приставу надо дать авансомъ иногда большую сравнительно сумму на врученіе повѣстки должнику объ исполненіи, на поѣздки этого должностнаго лица для описи имущества, на марки, на внесеніе, куда слѣдуетъ, наличными за опись, за публикаціи и т. п. Откуда все это взять лицу, завѣдомо для суда неимущему? Лѣзть въ долги,—но бѣдняку не всегда легко найти кредитъ, хотя бы даже его претензія къ противнику была уже констатирована судомъ, или же таковой обойдется ему слишкомъ дорого. Посему нашъ существующій законъ о правѣ бѣдности и вновь проектируемый представляются неполными, лишенными цѣлостности и незаконченными.

Благоразумно будетъ, вновь указываю, пополнить проектъ новой редакціи устава соотвѣтствующимъ правиломъ по образцу французскаго закона 10 іюля 1901 г.

Въ виду всѣхъ вышепрописанныхъ данныхъ я и полагалъ бы правила проекта новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, касающіяся права бѣдности, измѣнить и дополнить сообразно высказаннымъ иною соображеніямъ, изложивъ соотвѣтствующія статьи этого проекта такъ.

Ст. 862. Лица, желающія воспользоваться правомъ бѣдности, должны представить тому суду, въ которомъ они желаютъ начать искъ, во-первыхъ, удостовѣреніе ихъ служебнаго или общественнаго начальства, или участковаго судьи, или же земскаго начальника, либо полиціи о недостаточности ихъ средствъ на веденіе дѣла, и, во-вторыхъ, основанія ихъ спора со всѣми имѣющимися въ виду доказательствами предполагаемаго ими иска. Лицамъ, состоящимъ подъ опекою, означенныя удостовѣренія могутъ быть выдаваемы также опекунскимъ установленіемъ. Эти свидѣтельства должны выдаваться по собственному завѣренію выдающей ихъ власти, основанному на личномъ усмотрѣніи и собственномъ ея, притомъ строгомъ, удостовѣреніи въ имущественномъ положеніи просителей.

Ст. 865. Прошеніе о выдачѣ свидѣтельства на право бѣдности можетъ быть заявлено на словахъ, и въ такомъ случаѣ оно записывается въ протоколъ или самимъ единоличнымъ судьею, или секретаремъ коллегіальнаго суда. Прошеніе это разрѣшается по выслушаніи заключенія прокурора;

и ст. 871. За пользующагося правомъ бѣдности судебныя издержки, указанныя въ статьяхъ 830—839, производятся изъ казны.

Наконецъ слѣдуетъ ввести въ проектъ еще новую статью слѣдующаго содержанія:

Выданное по главному дѣлу свидѣтельство на право бѣдности имѣетъ силу какъ для объяснительнаго производства, указаннаго въ статьяхъ 664—678, такъ и для производства по приведенію рѣшенія судебныхъ учрежденій въ исполненіе.

Итакъ, только послѣ этихъ дополненій и измѣненій законоположеній проекта о правѣ бѣдности, и у насъ въ Россіи недостаточныя лица получатъ возможность не по произвольнымъ и бездоказательнымъ ихъ претензіямъ, но въ случаѣ дѣйствительной надобности, пользоваться безплатною, притомъ полною, судебною помощью, но не даромъ, а какъ-бы заимообразно безъ всякихъ почти потерь казны, и не нарушая напрасно интересовъ частныхъ лицъ и присяжныхъ повѣренныхъ. *П. Подгорѣцкій.*

III.

ВЫКУПЪ РОДОВЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ (СТ. 1346-1373 Т. X, Ч. 1, ВЪ СВЯЗИ СЪ ЗАКОНОМЪ 10 ДЕКАБРЯ 1865 Г.).

Въ практикѣ одного изъ окружныхъ судовъ при разрѣшеніи дѣла возникъ вопросъ, имѣютъ ли лица польскаго происхожденія право пріобрѣтать въ Западномъ краѣ родовое имущество посредствомъ выкупа.

Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо обратиться къ выясненію юридической природы института выкупа родовыхъ имуществъ, а чтобы вѣрно опредѣлить юридическую природу этого института, надо, въ свою очередь, прослѣдить, хотя въ общихъ чертахъ, его постепенное развитіе по отечественному праву, ибо только знакомство съ явленіемъ въ процессѣ его развитія можетъ дать о немъ настоящее понятіе [1]).

Право выкупа родовыхъ имуществъ, въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось у насъ до сихъ поръ, свидѣтельствуетъ о своемъ происхожденіи изъ родоваго быта. Члены отдѣльныхъ родовъ жили большею частью нераздѣльно, а потому и частная поземельная собственность хотя и существовала, но понятіе о ней было весьма смутно и неопредѣленно. Во всякомъ случаѣ она постоянно находилась подъ вліяніемъ всего общества. Въ особенности это замѣтно въ первичной формѣ осуществленія правъ на родовыя имущества—со стороны рода. При этой формѣ господствуетъ общее для всѣхъ членовъ рода право владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ рода [2]). Затѣмъ въ XIV—XV в.в. эта форма отношенія рода къ родовымъ имуществамъ уступила мѣсто другой. При второй формѣ раздѣла родоваго имущества на составныя части, каждое выдѣлившееся семейство получаетъ свою часть въ пользованіе и владѣніе, но не имѣетъ права самостоятельнаго распоряженія таковою, безъ согласія остальныхъ родичей [3]). На основаніи древнихъ

---

[1]) Подробное историческое изслѣдованіе этого института см. у Неволина—Исторія росс. гр. зак., т. 5, стр. 60—111. Также и у Побѣдоносцева, Курсъ гражд. пр., стр. 435 и слѣд., ч. II.

[2]) Неволинъ, ч. 2, стр. 8—9.

[3]) См. Жур. Мин. Юст. за 1900 г., Октябрь „Общая собственность по русск. гражд. праву", въ особенности стр. 136 и слѣд.

юридическихъ памятниковъ этого времени, содержащихъ въ себѣ сдѣлки на родовыя имущества, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что и въ этой формѣ отношенія рода къ родовымъ имуществамъ замѣтно вліяніе рода—всего общества на права отдѣльныхъ членовъ родоваго союза. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя части родоваго имущества (луга, лѣса) остаются и въ разсматриваемую эпоху во владѣніи всего рода; отдѣльный родичъ, въ случаѣ отчужденія имъ *своей* части родоваго имущества, безъ согласія остальныхъ родичей, подвергался юридическимъ послѣдствіямъ исковыхъ претензій, которыя могли быть предъявлены родичами противъ него. Однако особенность этой формы состоитъ въ томъ, что имущества, пріобрѣтенныя отдѣльнымъ членомъ рода, не являются родовыми. Въ этомъ именно, а равно и въ томъ, что при сдѣлкахъ обыкновенно въ качествѣ дѣйствующаго лица является одинъ членъ рода, но отъ имени всего рода [1], нельзя не видѣть признаковъ постепеннаго высвобожденія правъ отдѣльныхъ членовъ рода. Наконецъ, такъ какъ для членовъ рода не было безразлично, кто будетъ участникомъ въ ихъ общемъ владѣніи, въ случаѣ отчужденія родичемъ своей части, они, зная всегда о заключаемыхъ условіяхъ уступки земли, предупреждали переходъ поземельной собственности въ руки чужеродца сохраненіемъ за собою права выкупа обратно у пріобрѣтателя чужеродца отчужденнаго имущества. Такая форма отношенія рода къ родовымъ имуществамъ, сохранившаяся отчасти и до сихъ поръ, появляется въ исторіи нашего права лишь въ XVI в. Она-то и есть право родоваго выкупа.

Сущность права родоваго выкупа въ первый разъ опредѣлена въ Судебникѣ князя Іоанна Васильевича 1550 г.

Изъ 85 ст. Судебника [2]) видно, что дѣйствіе права родоваго выкупа простиралось только на сдѣлки возмездныя (куплю-продажу, залогъ и мѣну). Субъектами права родоваго выкупа были всѣ члены рода, при чемъ выкупаемое имущество остается родовымъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 137, прим. 4.

[2]) „Кто вотчину продастъ, и дѣтемъ его и внучатомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, и не выкупити ее имъ; а братья будутъ, или племянники, въ тѣхъ купчихъ въ послусѣхъ, и имъ, и ихъ дѣтемъ, и внучятомъ до тоѣ вотчины потому-жъ дѣла нѣтъ. А не будетъ братьи въ послусѣхъ, или племянниковъ, и братья, или сестры или племянники ту вотчину выкупятъ. А станетъ тотъ купецъ ту отчину продавати, и тѣмъ продавцомъ ту вотчину у нихъ купити полюбовно, какъ ему тотъ продавецъ ту вотчину продасть; а не полюбовно ему вотчины не выкупити....“ (См. Хрест. Владимірскаго-Буданова, вып. 2, стр. 169—172).

Изъ приведенной статьи, регулирующей институтъ права родоваго выкупа временъ Судебника 1550 г., усматривается, что нисходящіе продавца лишены права выкупа.

Но почему они лишены такого права?

По мнѣнію Неволина,—потому, что „они должны питать полное уваженіе къ волѣ родителя ихъ и предка". Казалось бы, едва ли на этомъ основаніи они лишены этого права, а скорѣе потому, что субъектомъ права собственности въ то время являлась семья—отецъ и прямые нисходящіе его, дѣйствія же отца, въ силу общности семейныхъ правъ, всегда признавались для нихъ обязательными: „кто вотчину продастъ, и дѣтемъ его и внучатомъ до тоѣ вотчины дѣла нѣтъ, и *не выкупити* её имъ".

Такимъ образомъ только дальніе родственники—боковые ... „и братья, или сестры или племянники ту вотчину выкупятъ"—пользуются правомъ родоваго выкупа.

Судебникъ предусматриваетъ и способъ опредѣленія цѣны, по которой производился выкупъ вотчины, а именно „въ мѣру, чего та вотчина стоитъ". Очевидно, цѣна считалась существеннымъ условіемъ самаго выкупа, выкупъ совершался по цѣнѣ стоимости вотчины.

На основаніи цитируемаго постановленія Судебника возможно прійти къ заключенію, что право родоваго выкупа представляетъ собою не что иное, какъ принудительную обязанность покупщика продать обратно въ извѣстный срокъ и по *извѣстной цѣнѣ* купленное имъ родовое имущество продавца и притомъ, во всякомъ случаѣ, *дальнему родственнику*.

Въ этомъ заключается существо родоваго выкупа по Судебнику 1550 г.

Не трудно, однако, видѣть, что въ такой же почти формѣ институтъ выкупа родовыхъ имуществъ существуетъ и въ настоящее время.

Въ такой же формѣ этотъ институтъ опредѣляется послѣдующимъ за Судебникомъ законодательствомъ до уложенія Алексѣя Михайловича [1]).

Особенность законодательства означеннаго періода заключается лишь въ томъ, что оно установило таксу—опредѣленную цѣну—при

---

[1]) Законы 28 декабря 1627 г. и 10 іюля 1628 г. Указная книга помѣстнаго приказа, IV, 8. См. Владимірскій-Будановъ, Хрестом. по ист. русск. права. Вып. 3, стр. 215—218.

выкупѣ родовыхъ имуществъ. Уложеніе 1649 г. установило выкупъ по цѣнѣ, обозначенной въ купчихъ [1]). Сущность же института и по уложенію не измѣнилась [2]), и таковою она осталась въ дальнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ, подвергаясь лишь незначительнымъ измѣненіямъ, какъ, напримѣръ, выкупающій обязанъ платить издержки, затраченныя на улучшеніе выкупаемаго имущества.

Таково происхожденіе права родоваго выкупа.

Право родоваго выкупа—остатокъ прежняго общаго владѣнія родовыми имуществами, но притомъ органически выросшій въ исторіи институтъ.

Въ настоящее время институтъ выкупа родовыхъ имуществъ представляется учрежденіемъ совершенно самостоятельнымъ, хотя и отжившимъ, стоящимъ въ тѣсной связи съ древнимъ воззрѣніемъ на имущества, въ силу коего послѣднія составляютъ достояніе цѣлаго рода.

По нынѣ дѣйствующему законодательству—выкупъ есть „право *родственниковъ* на обращеніе въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока къ себѣ родоваго имущества, отчужденнаго по продажѣ во владѣніе чужеродца" [3]).

Правда, постановленія о выкупѣ помѣщены въ Сводѣ законовъ (т. X, ч. I) въ одномъ раздѣлѣ съ постановленіями о наслѣдованіи по закону, но, какъ справедливо замѣчаетъ Правительствующій Сенатъ [4]), изложеніе въ одномъ раздѣлѣ правилъ о наслѣдованіи и выкупѣ объясняется тѣмъ, что оба института связаны съ понятіемъ о союзѣ родственномъ.

Независимо отъ того, что правила о выкупѣ составляютъ особую главу отдѣла книги III, т. X, ч. I „О порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества въ особенности" и, такимъ образомъ, являются спеціальнымъ узаконеніемъ,—между институтомъ наслѣдованія по закону и институтомъ выкупа родовыхъ имуществъ существуетъ разница, состоящая, по разъясненію Сената, въ томъ, что первый принадлежитъ къ способамъ безмезднаго пріобрѣтенія имуществъ, при чемъ моментъ возникновенія права наслѣдниковъ совпадаетъ съ моментомъ смерти наслѣдодателя,—послѣдній не есть

---

[1]) Гл. XVI, ст. 27.

[2]) Тамъ же, ст. 28—30.

[3]) Ст. 1346 и 1363 т. X, ч. I, изд. 1900 г.

[4]) Рѣш. Гражд. Кас. Д—та за 1891 г. № 40 по д. Хлопотова.

безмездный способъ пріобрѣтенія имущества, ибо обусловливается предварительнымъ внесеніемъ денежнаго эквивалента за имѣніе: согласно 1367 статьѣ, желающій выкупить родовое имущество обязанъ уплатить: 1) цѣну проданнаго имѣнія; 2) издержки, употребленныя покупщикомъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія по оцѣнкѣ.

Мало того: по мнѣнію Сената, выкупъ отличается отъ купли-продажи лишь тѣмъ, что этотъ денежный эквивалентъ опредѣляется не соглашеніемъ сторонъ, а на основаніи установленныхъ закономъ правилъ, т. е. по суммѣ, означенной въ послѣднемъ крѣпостномъ актѣ [1]).

Наконецъ, изъ самаго опредѣленія Сводомъ понятія выкупа, какъ права родственниковъ, а не наслѣдниковъ, равно и изъ того, что самый выкупъ совершается на основаніи родственныхъ правъ (ближайшіе наслѣдники права выкупа не имѣютъ), слѣдуетъ прійти къ заключенію, что институтъ выкупа является ничуть не тождественнымъ съ наслѣдованіемъ, а самостоятельнымъ, вызваннымъ къ жизни не интересами наслѣдованія, а интересами рода.

По опредѣленіи юридической природы института выкупа родовыхъ имуществъ, остается обратиться къ толкованію точнаго смысла законовъ, опредѣляющихъ правоспособность лицъ польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ.

Статья 1 прил. къ ст. 698, примѣч. 2 (т. X, ч. I, изд. 1900 г.) гласитъ: „до окончательнаго устройства Западнаго края посредствомъ достаточнаго усиленія въономъ числа русскихъ землевладѣльцевъ, воспрещается лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ“, а примѣчаніе I къ этой статьѣ разъясняетъ: „со времени объявленія постановленія, изложеннаго въ сей (т. е. приведенной) статьѣ, считаются недѣйствительными всѣ совершенные послѣ того акты и сдѣлки на переходъ означенныхъ имѣній, въ предѣлахъ девяти западныхъ губерній, къ лицамъ польскаго происхожденія всякимъ инымъ путемъ, кромѣ *наслѣдства по закону*“ [2]).

Исходя изъ вышеприведеннаго положенія, что институтъ выкупа родовыхъ имуществъ не имѣетъ ничего тождественнаго съ наслѣдованіемъ, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что лица польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ не могутъ пользоваться правомъ выкупа,

---

[1]) Ст. 1368 т. X, ч. I, изд. 1900 г.

[2]) См. нашъ Сборникъ узаконеній по нотаріальной части, изд. 1902 г., стр. 326.

или, иначе говоря, отвѣтить на поставленный выше вопросъ отрицательно.

Н. Товстолѣсъ.

IV.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦІАРНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БУДАПЕШТѢ ВЪ 1905 ГОДУ.

Для выработки программы предстоящаго въ 1905 году международнаго пенитенціарнаго конгресса, въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года съ 12/25 по 16/29 въ г. Бернѣ происходили собранія международной пенитенціарной коммисіи. Участіе въ засѣданіяхъ принимали: президентъ г. Рикль де-Белльи (Rickl de Bellye)—представитель венгерскаго правительства, г. Воксенъ (Woxen),—норвежскаго, казначей коммисіи, почетный президентъ г. Де-Латуръ (De-Latour)—бельгійскаго, г. Скузесъ (Skousès) и г. Типальдо-Бассія (Typaldo-Bassia)—греческаго, г. Симонъ ванъ-деръ-Аа (Simon van der Aa) — голландскаго, г. Гриманелли (Grimanelli) — французскаго, г. А. М. Стремоуховъ—русскаго, и д-ръ Гилльомъ (D-r Guillaume), представитель отъ швейцарскаго федеральнаго совѣта, постоянный секретарь коммисіи.

12/25 августа состоялось торжественное открытіе занятій въ залахъ парламента. Федеральный совѣтникъ и директоръ федеральнаго департамента юстиціи и полиціи д-ръ Бреннеръ (D-r Brenner), привѣтствуя съѣхавшихся членовъ коммисіи по порученію швейцарскаго федеральнаго правительства, отмѣтилъ, что 16 лѣтъ тому назадъ въ Бернѣ собиралась уже эта коммисія для разработки программы конгресса въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ онъ выяснилъ задачи и значеніе всѣхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ, начиная съ лондонскаго—тридцать лѣтъ тому назадъ, показалъ на примѣрѣ Швейцаріи, какимъ авторитетомъ пользуются постановленія конгрессовъ, и привелъ цѣлый рядъ улучшеній, послѣдовавшихъ благодаря дружной, дѣятельной и славной работѣ конгрессистовъ. Въ концѣ своей обширной рѣчи г. Бреннеръ, вновь повторяя свои привѣты и пожеланія коммисіи, указалъ, что проявляется стремленіе въ организаціи отдѣльныхъ, спеціальныхъ конгрессовъ. Хотя это теченіе вызывается огромностью и разнообразіемъ задачъ и представляетъ нѣкоторое удобство для единенія спеціалистовъ, однако является

опасеніе, какъ-бы при такомъ положеніи дѣла не разбросались бы силы и не былъ нарушенъ принципъ каждой отдѣльной работы „non multa sed multum“. Ораторъ закончилъ увѣренностью, что опасность несомнѣнно устранится, и всѣ viribus unitis будутъ стремиться подвинуть общее дѣло впередъ, не разбиваясь на отдѣльные кружки.

Въ своемъ отвѣтѣ г. Рикль де Белльи, между прочимъ, отмѣтилъ, что Бернъ былъ выбранъ для настоящей сессіи въ виду своего интернаціональнаго характера, а также и потому, что Швейцарія, одна изъ первыхъ, примкнула къ постановленіямъ коммисіи (règlement de la commission) и всегда выражала живѣйшій интересъ къ ея цѣлямъ.

Послѣ оффиціальнаго открытія президентъ коммисіи, привѣтствуя новыхъ членовъ коммисіи—начальниковъ тюремныхъ управленій, французскаго—г. Гриманелли, и русскаго—г. Стремоухова, пригласилъ всѣхъ обратить наибольшее вниманіе на практическое разрѣшеніе предложенныхъ на обсужденіе вопросовъ. Онъ напомнилъ, что г. Саломонъ на брюссельскомъ конгрессѣ въ своемъ сообщеніи объ отмѣнѣ ссылки въ Россіи приписалъ эту реформу, главнымъ образомъ, успѣшному воздѣйствію пенитенціарныхъ конгрессовъ и считалъ ее результатомъ ихъ практическихъ занятій.

Затѣмъ въ послѣдующихъ засѣданіяхъ были прочитаны и утверждены отчеты о дѣятельности бюро и казначея, обсуждались правила и установленія для будущаго конгресса, а также вопросы, намѣченные для программы предстоящаго конгресса. Венгерскій министръ юстиціи собралъ особую коммисію, которой поручилъ составить перечень вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію. Эта коммисія высказалась за сохраненіе четырехъ секцій, и результаты ея работъ были прочитаны г. президентомъ. Кромѣ того отъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ поступили новыя предложенія; такъ, напр., русскій представитель (г. Стремоуховъ) передалъ въ бюро три вопроса: 1) должны ли каторжныя работы отличаться отъ другихъ наказаній лишеніемъ свободы по своей особой тяжести? Если да, то какія именно работы наиболѣе соотвѣтствуютъ этой цѣли? 2) Возможно ли установить обязательныя работы для подслѣдственныхъ и обвиняемыхъ, въ особенности для тѣхъ подслѣдственныхъ, которые уже раньше были присуждаемы къ лишенію свободы? Если работы для подслѣдственныхъ не могутъ быть обязательными, то не долженъ ли зачетъ предварительнаго заключенія въ срокъ наказанія, соединеннаго съ обязательными работами, быть допущенъ

лишь для тѣхъ осужденныхъ, которые принимали добровольно участіе въ работахъ во время предварительнаго заключенія? 3) На какихъ условіяхъ возможно допускать изгнаніе иностранцевъ? Какія правила могутъ быть рекомендованы правительствамъ для примѣненія этой мѣры? На прошломъ конгрессѣ въ Брюсселѣ высказано было нѣсколько желаній (voeux formulés), которыя теперь также предстояло обсудить. Въ числѣ прочихъ русскими членами было высказано слѣдующее: 1) Должно ли государство оказывать денежную помощь патронатамъ, которымъ оно передаетъ условно-осужденныхъ? (г. Пржевальскій. Москва). 2) Каковы должны быть предупредительныя средства, включая сюда и лишеніе родительской власти, со стороны государства и благотворительныхъ обществъ для того, чтобы дѣти не были нравственно покинуты своими недостойными или неспособными родителями? (Лидія Вольфрингъ). 3) Проф. Тарасовъ (Москва) предложилъ заняться выработкой организаціи особыхъ учрежденій для наблюденія надъ несовершеннолѣтними преступниками, порочными и нравственно заброшенными дѣтьми.

Послѣ четырехдневныхъ засѣданій была разработана и окончательно установлена нижеслѣдующая программа вопросовъ. Закрывая сессію коммисіи, президентъ предложилъ черезъ два года вновь собраться въ г. Буда-Пештѣ для ознакомленія съ докладами, числомъ и характеромъ ихъ, а также для изученія на мѣстѣ всѣхъ подготовительныхъ работъ. Секретарь пенитенціарной коммисіи д-ръ Гилльомъ, безсмѣнно, въ продолженіе 30 лѣтъ, несшій свои обязанности, послѣ настоятельныхъ просьбъ вновь согласился остаться на своемъ посту.

Ф. Малининъ.

Програма вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конгресса въ г. Буда-Пештѣ въ 1905 году.

I секція.

Уголовное законодательство.

Вопросъ 1. а) Для какихъ преступленій слѣдуетъ установить штрафъ въ качествѣ дополнительнаго наказанія?

b) Какія правила должны быть положены въ основу при наложеніи ареста на имущество присужденнаго къ штрафу и къ отбыванію дополнительнаго тюремнаго заключенія?

Вопросъ 2. Каковы составные элементы мошенничества?

Вопросъ 3. Должно ли укрывательство краденаго разсматриваться, какъ отдѣльное преступленіе или же какъ актъ соучастія?

Вопросъ 4. Слѣдуетъ ли ввести реформы въ институтъ суда присяжныхъ, основываясь на результатахъ его?

II секція.

Пенитенціарные вопросы.

Вопросъ 1. Каковы наилучшія средства къ нравственному раздѣленію осужденныхъ заключенныхъ и какія могутъ быть послѣдствія этого раздѣленія?

Вопросъ 2. Можно ли принуждать работать подслѣдственныхъ и обвиняемыхъ, если они уже раньше были присуждены къ лишенію свободы?

Если нельзя ввести обязательную работу для означенныхъ подслѣдственныхъ и обвиняемыхъ, то не слѣдуетъ ли зачетъ предварительнаго заключенія въ срокъ наказанія поставить въ зависимость отъ добровольнаго участія ихъ въ работѣ во время предварительнаго заключенія?

Вопросъ 3. Во имя какихъ принциповъ, въ какихъ случаяхъ и по какимъ основаніямъ необходимо вознаграждать заключенныхъ или ихъ семьи, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, происшедшихъ во время тюремной работы?

Какія особыя предписанія въ этомъ отношеніи вызываются работой несовершеннолѣтнихъ въ колоніяхъ и въ исправительныхъ учрежденіяхъ какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ?

Вопросъ 4. Является ли какая-либо необходимость въ устройствѣ особыхъ учрежденій для заключенія:

a) лицъ съ ограниченною отвѣтственностью,

b) алкоголиковъ?

Въ утвердительномъ случаѣ, какіе принципы должны быть положены въ основу этихъ организацій?

Вопросъ 5. Въ какихъ видахъ возможно разрѣшать и какимъ образомъ—организовать для заключенныхъ полевыя или иныя общеполезныя работы внѣ тюрьмы?

III секція.

Предупредительныя средства.

Вопросъ 1. Какія данныя имѣются въ различныхъ странахъ относительно вліянія алкоголизма на преступность?

Къ какимъ специальнымъ средствамъ необходимо прибѣгнуть въ отношеніи всѣхъ вообще осужденныхъ въ цѣляхъ борьбы съ алкоголизмомъ?

Вопросъ 2. Что имѣется для борьбы и леченія туберкулеза, для предупрежденія распространенія его въ различныхъ тюремныхъ учрежденіяхъ?

Вопросъ 3. Ограниченіе вмѣшательства государства въ дѣло патроната.

IV секція.

Вопросы относительно дѣтей и несовершеннолѣтнихъ.

Вопросъ 1. Слѣдуетъ ли государству принимать какія-либо мѣры попеченія надъ дѣтьми осужденныхъ?

Какія мѣры для сего наиболѣе цѣлесообразны?

Вопросъ 2. Нужно ли устраивать особыя учрежденія для наблюденія надъ несовершеннолѣтними преступниками, порочными дѣтьми или нравственно заброшенными?

Въ утвердительномъ случаѣ, какую слѣдуетъ дать этимъ учрежденіямъ организацію?

Вопросъ 3. Въ виду того, что законы нѣкоторыхъ государствъ предусматриваютъ заключеніе для извѣстныхъ категорій несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, то какой режимъ долженъ къ нимъ примѣняться?

Слѣдуетъ ли несовершеннолѣтнимъ осужденнымъ проводить въ одиночномъ заключеніи весь срокъ наказанія или же только часть его?

Вопросъ 4. Какія мѣры, внѣ обычныхъ средствъ воспитанія, наиболѣе обезпечиваютъ предохраненіе отъ преступленій нравственно покинутыхъ дѣтей и исправленіе порочныхъ, не совершившихъ пока еще ни одного наказуемаго дѣянія?

V.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

2 октября состоялось первое послѣ каникулъ засѣданіе юридическаго отдѣленія общества, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко. По предмету занятій засѣданіе распадалось на двѣ части, изъ которыхъ первая была посвящена юридическимъ съѣздамъ, имѣвшимъ мѣсто за послѣдніе мѣсяцы у насъ и за границей, вторая—вопросу о территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія проектируемаго у насъ новаго гражданскаго уложенія. Къ первой части относились сообщенія Г. В. Демченка, В. В. Есипова и В. Н. Александренка, вторую составилъ докладъ Д. В. Туткевича.

Г. В. Демченко и В. В. Есиповъ сдѣлали сообщеніе о девятомъ конгрессѣ Международнаго союза криминалистовъ, который имѣлъ мѣсто въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургѣ. Оба оратора присутствовали лично на конгрессѣ, и потому сообщенія ихъ представляли особый интересъ, какъ голосъ непосредственныхъ участниковъ. Г. В. Демченко далъ предварительно общую характеристику дѣятельности Международнаго союза криминалистовъ и затѣмъ перешелъ къ послѣднему его конгрессу, останавливаясь послѣдовательно на составѣ, программѣ, занятіяхъ и результатахъ съѣзда, успѣшно осуществившаго всѣ намѣченныя задачи. Центральными

темами конгресса были вопросы о значеніи внѣшнихъ результатовъ преступленія и о реформѣ предварительнаго слѣдствія. Къ этимъ вопросамъ относятся и важнѣйшія резолюціи, принятыя большинствомъ конгресса, къ сожалѣнію, лишь въ черезчуръ общей формѣ. Особенно цѣнно было на конгрессѣ непосредственное общеніе его участниковъ, живой обмѣнъ мнѣній между ними, установленіе научныхъ связей и отношеній.

В. В. Есиповъ сравнилъ послѣдній петербургскій съѣздъ съ четвертымъ парижскимъ конгрессомъ, на которомъ тоже пришлось ему быть, девять лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ. Это сравненіе обнаружило измѣненія, происшедшія въ наукѣ уголовнаго права, измѣненія, ощутительныя даже за незначительный промежутокъ времени и рельефно отразившіяся въ жизни Международнаго союза криминалистовъ. Эти измѣненія выразились по вопросу о преступленіи въ перенесеніи центра тяжести изъ области матеріальныхъ послѣдствій преступнаго дѣянія въ сферу психики преступнаго дѣятеля, а по вопросу о наказаніи—въ торжествѣ идеи исправленія надъ прежней идеей возмездія. Благодаря этому, „духъ правовой положительной гуманности“ оживлялъ послѣдній конгрессъ въ несравненно большей степени, чѣмъ предыдущіе съѣзды союза.

В. Н. Александренко сообщилъ собранію интересныя данныя о XVI съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ (т. н. Juristentag), засѣдавшемъ въ концѣ августа въ Берлинѣ. Съѣздъ обсудилъ нѣсколько назрѣвшихъ вопросовъ, касающихся реформы юридическаго образованія, государственнаго надзора за дѣятельностью синдикатовъ, попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ, условнаго осужденія и вознагражденія невинно осужденныхъ. Всѣ участники съѣзда рѣшительно высказались за настоятельность кореннаго пересмотра уголовнаго законодательства Германіи.

Д. В. Туткевичъ въ обстоятельномъ докладѣ провелъ мысль о необходимости распространенія проекта гражданскаго уложенія на Варшавскій судебный округъ. Коммисія по составленію проекта гражданскаго уложенія рѣшила данный вопросъ отрицательно. Вслѣдствіе этого референтъ посвятилъ главную часть доклада критикѣ рѣшенія коммисіи, при чемъ подвергъ это рѣшеніе двоякаго рода обсужденію: формальному,—съ точки зрѣнія легальности, и по существу—съ точки убѣдительности тѣхъ мотивовъ, которыми въ данномъ случаѣ руководилась коммисія. Легальнымъ основаніемъ для дѣятельности коммисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія является Высочайше утвержденный 12 и 26 мая 1882 г. всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи (см. „Собр. узакон. и расп. прав.“ 1882 годъ, № 55, ст. 361, стр. 617 и 618). Въ этомъ актѣ говорится о Высочайшемъ Государя Императора соизволеніи „приступить къ *общему* пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ“ и о повелѣніи передать въ коммисію всѣ уже начатыя работы по разнымъ вопросамъ гражданскаго права. По смыслу акта, какъ его понимаетъ докладчикъ, *общій* пересмотръ распространяется и на гражданскіе законы Царства Польскаго, тѣмъ болѣе что вопросъ объ ихъ пересмотрѣ былъ начатъ еще въ 1832 году и не прекращался на протяженіи всего XIX столѣтія; при введеніи судебной реформы въ краѣ онъ былъ только отложенъ за недостаткомъ времени. На этомъ основаніи докладчикъ призналъ, что исключеніе изъ проекта пересмотра гражданскихъ законовъ Царства Польскаго представляетъ собою прямое

нарушеніе закона, каковымъ въ данномъ случаѣ является упомянутый всеподданнѣйшій министерскій докладъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія. Въ приведенныхъ въ проектѣ мотивахъ коммисія въ принципѣ признала всю важность обще-имперскаго объединенія гражданскаго права для политическихъ и экономическихъ цѣлей, но въ виду многочисленныхъ особенностей гражданскихъ законовъ Царства Польскаго сочла такое объединеніе чрезмѣрно труднымъ и признала его дѣломъ будущаго. Такимъ образомъ всѣ мотивы коммисіи сводятся, по мнѣнію докладчика, къ ссылкѣ на преждевременность унификаціи. Но именно эту ссылку докладчикъ признаетъ менѣе всего основательной, полагая, что проектированіе общаго уложенія является наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для устраненія нежелательнаго партикуляризма, и упустить этотъ моментъ значитъ въ сущности отложить вопросъ ad calendas graecas или вовсе отъ него отказаться. Между тѣмъ для такого отказа нѣтъ, по мнѣнію докладчика, никакого достаточнаго основанія, такъ какъ сохраненіе партикуляристическихъ законовъ не требуется ни интересами общественнаго блага въ краѣ, ни народнымъ правосознаніемъ населенія, ни принципами науки права. Кодексъ Наполеона съ самаго его введенія не обезпечивалъ надлежащимъ образомъ интересовъ общественнаго блага въ краѣ, такъ что пришлось издать въ отмѣну различныхъ его частей еще особое уложеніе, положеніе и уставы, которые нарушили кодификаціонное единство дѣйствующаго въ краѣ гражданскаго права. Чуждый по происхожденію кодексъ за сто лѣтъ своего дѣйствія не вошелъ въ глубь правосознанія народной массы; послѣдняя продолжаетъ жить по своему обычному праву, которое подъ давленіемъ иноземнаго закона не можетъ сложиться въ развитую и стройную систему. Несмотря на свои высокія достоинства, носящія даже печать геніальности, кодексъ Наполеона за сто лѣтъ жизни значительно устарѣлъ и потому не можетъ быть признанъ неприкосновеннымъ съ точки зрѣнія современной науки права. Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи созданное кодексомъ безправное положеніе женщины, требующее безусловной отмѣны; такой же отмѣнѣ подлежатъ и другіе юридическіе архаизмы кодекса. Послѣдовательно отвергнувъ всѣ мотивы удержанія партикуляризма, докладчикъ въ заключеніе привелъ положительные доводы, говорящіе въ пользу объединенія. Тутъ докладчикъ указалъ на достоинства проекта общаго уложенія, на интересы науки гражданскаго права, развитіе которой всегда бываетъ успѣшнѣе при единствѣ кодекса, на такіе же интересы университетскаго преподаванія права, а также на значительное облегченіе замѣщенія судейскихъ должностей при единствѣ обще-имперскаго гражданскаго уложенія. Главное же основаніе для объединенія докладчикъ усмотрѣлъ въ экономическихъ отношеніяхъ края, которыя вообще представляютъ наиболѣе надежную почву для всякаго рода сближенія.

Докладъ Д. В. Туткевича вызвалъ въ собраніи оживленныя и долгія пренія. Въ сдѣланныхъ противъ доклада возраженіяхъ признавалась легальность и отчасти цѣлесообразность образа дѣйствій редакціонной коммисіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. *(Варшавскій Дневникъ).*

Екатеринодарское Юридическое Общество.

11 мая въ зданіи окружнаго суда состоялось *первое* послѣ учрежденія *собраніе Екатеринодарскаго Юридическаго Общества.* Вслѣдствіе дождливой погоды на собраніе изъ 60 членовъ явилось только около 20. Послѣ пріема новыхъ членовъ товарищъ предсѣдателя общества П. А. Ифляндъ прочелъ докладъ „О задачахъ Екатеринодарскаго Юридическаго Общества", въ которомъ на первый планъ выдвигалъ просвѣтительную задачу общества, заключающуюся въ распространеніи юридическихъ знаній среди народа посредствомъ изданія общедоступныхъ брошюръ, устройства публичныхъ лекцій и пр. Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Возражавшіе указывали главнымъ образомъ на трудность осуществленія поставленной задачи особенно на первыхъ порахъ существованія общества; какъ на главную задачу общества, указывали на теоретическую и практическую разработку вопросовъ особенно мѣстнаго права; для просвѣтительной же дѣятельности общества въ качествѣ ближайшей задачи указывали на устройство популярныхъ юридическихъ лекцій для волостныхъ и станичныхъ писарей, какъ наиболѣе подготовленныхъ и наиболѣе часто сталкивающихся со всякаго рода юридическими вопросами. Согласно съ уставомъ общее собраніе признало какъ просвѣтительную дѣятельность, такъ и разработку вопросовъ права входящими въ задачи Екатеринодарскаго Юридическаго Общества *(Кубанскія Областныя Вѣдомости).*

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПРОЕКТЪ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ О ВОТЧИННОМЪ ПРАВѢ.

При начертаніи разсматриваемаго нами проекта, редакціонной коммисіи предстояла весьма трудная задача—исправить недостатки дѣйствующихъ постановленій закона о правахъ на имущества, формулировать новыя правовыя нормы, отвѣчающія всѣмъ запросамъ современной жизни въ этой области правъ, и въ то же время избѣжать ломки установившихся правоотношеній по имуществамъ. Дѣйствительно, можно видоизмѣнить существующія или установить новыя нормы въ области обязательственнаго права, предписавъ примѣнять эти нормы въ будущемъ при заключеніи сдѣлокъ, можно ввести новый порядокъ укрѣпленія правъ, можно регулировать новыми правилами личныя отношенія и взаимныя обязанности членовъ семьи, но нельзя новыми постановленіями закона нарушать имущественныя права гражданина, составляющія его достояніе, ибо все то, что̀ принадлежитъ кому-либо по праву, разъ это право не потеряно, должно быть сохранено за собственникомъ, матеріальные интересы котораго не могутъ быть, по справедливости, приносимы въ жертву новымъ правовымъ нормамъ. Положеніе это было руководящимъ началомъ въ работахъ коммисіи по составленію означеннаго проекта и выдержано съ полнымъ успѣхомъ. Мотивы къ принятію той или другой правовой нормы и объясненія къ отдѣльнымъ статьямъ проекта составляютъ три объемистые тома, заключающіе въ себѣ богатѣйшій матеріалъ по разнымъ вопросамъ имущественнаго права. Обильныя ссылки на юридическую литературу, цѣнныя историческія справки, подходящія цитаты изъ римскаго права, сравнительный разборъ постановленій иностранныхъ законодательствъ и вообще всестороннее обсужденіе требовавшихъ

разрѣшенія вопросовъ дѣлаютъ этотъ матеріалъ въ высокой степени интереснымъ для всякаго юриста, какъ теоретика, такъ и практика. Отдѣльныя части объяснительной записки по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ, напр., о владѣніи вообще и о давностномъ владѣніи въ особенности, о залогѣ и закладѣ, о крестьянскомъ землевладѣніи, объ авторскомъ правѣ, могли бы составить превосходныя монографіи по каждому данному предмету.

Въ разсматриваемый проектъ перенесены изъ находящагося уже на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта проекта вотчиннаго устава всѣ тѣ постановленія, которыя относятся къ матеріальному праву, какъ это и предполагалось при составленіи сего послѣдняго проекта.

Переданный на заключеніе вѣдомствъ и вообще на гласное обсужденіе всѣхъ, кто интересуется развитіемъ нашего законодательства, проектъ постановленій о вотчинномъ правѣ вызвалъ уже рядъ замѣчаній, появляющихся на страницахъ періодической прессы. При критическомъ разборѣ каждаго законопроекта преимущественно указываютъ на его слабыя стороны и недочеты. То, о чемъ умалчиваютъ или говорятъ вскользь, признается удовлетворительнымъ и не вызывающимъ возраженій. Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, несомнѣнно, имѣетъ огромныя достоинства сравнительно съ 1 ч. X т. Свода законовъ. Нормы имущественныхъ правъ сгруппированы въ немъ въ довольно стройную и цѣльную систему, что̀ даетъ возможность безъ затрудненія подыскать для каждаго конкретнаго случая соотвѣтственное постановленіе. Большинство прочно обоснованныхъ и не подлежащихъ оспариванію правилъ редактировано съ надлежащею точностью и ясностью. Замѣчанія вызываютъ преимущественно постановленія, касающіяся такъ называемыхъ спорныхъ вопросовъ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью указать именно на нѣкоторыя слабыя стороны проекта, обсужденіе коихъ, по мнѣнію автора, могло бы быть нелишнимъ въ видахъ достиженія наиболѣе цѣлесообразной постановки каждаго даннаго вопроса.

I.

Въ замѣчаніяхъ на проектъ вотчиннаго устава мы имѣли уже случай указать на отсутствіе какой-либо необходимости введенія въ законъ, въ видѣ юридическаго термина, испорченнаго русскаго слова „вотчина“ [1]). Названіе „вотчинный“ уставъ, какъ видно изъ

---

[1]) Журн. Юрид. Общ. за 1895 г., кн. IX, стр. 32.

объяснительной записки къ сему уставу (т. I, стр. 48), принято, вмѣсто названія „ипотечный“ уставъ, главнымъ образомъ потому, что слово „вотчинный“ не иностранное, а собственное, русское. Однако, комисія въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ не могла избѣжать употребленія иностранныхъ терминовъ, какъ, напр., сервитуты, вмѣсто права участія частнаго. Думается, что если бы вотчинный уставъ былъ названъ, какъ и слѣдовало, ипотечнымъ (а это названіе несомнѣнно такъ же было бы усвоено русскимъ народомъ, какъ будетъ усвоенъ терминъ сервитуты и какъ уже усвоено много другихъ иностранныхъ словъ), то, вѣроятно, разсматриваемый нами проектъ не носилъ бы заглавія „вотчинное право“. Редакціонная коммисія, обсуждая вопросъ о заглавіи проекта, имѣла также въ виду употребляемый нѣкоторыми юристами терминъ „вещное право“, но не признала возможнымъ принять это названіе потому, что вещью обыкновенно называютъ только имущество движимое. Это совершенно основательно,—участокъ земли, озеро, домъ вещами не называютъ. Но, съ другой стороны, едва ли можно назвать вотчиною хлыстикъ въ рукахъ гуляющаго въ увеселительномъ заведеніи щеголя, а между тѣмъ, если этотъ хлыстикъ принадлежитъ щеголю на правѣ собственности, то это право, по проекту, должно называться именно вотчиннымъ. Такъ какъ проектъ предусматриваетъ права на всякаго рода имущества, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, то очевидно, что терминъ „вотчинное право“ представляется настолько же неточнымъ, какъ и терминъ „вещное право“. При обсужденіи этого вопроса необходимо принять во вниманіе, что понятіе о недвижимости (вотчина) и движимости (вещь) составляютъ подраздѣленія основнаго понятія объ имуществѣ вообще. Подъ словомъ имущество, и въ обыденной рѣчи, и въ постановленіяхъ дѣйствующаго закона, подразумѣвается все, что только можетъ принадлежать субъекту права, въ видѣ собственности или какъ его достояніе. Выраженія „имущество“ и „собственность“ очень часто употребляются въ видѣ синонимовъ для обозначенія какъ недвижимости, такъ и движимости, или той и другой вмѣстѣ. Поэтому, казалось бы, было бы наиболѣе удобнымъ назвать права, коимъ посвященъ разсматриваемый проектъ, правами „имущественными“ или „на имущество“. Это былъ бы вполнѣ точный и правильный юридическій терминъ.

Къ вотчиннымъ правамъ проектъ относитъ всякое вообще право на какое бы то ни было имущество, при чемъ подъ имуществомъ подразумѣвается не только опредѣленная реальная цѣнность, но и

получаемыя субъектомъ права матеріальныя выгоды. Положеніе это выражено въ 1 статьѣ проекта, которая гласитъ:

Вотчинныя права суть: 1) право собственности; 2) права въ чужомъ имуществѣ; 3) залогъ и закладъ.

Къ вотчиннымъ правамъ относятся также авторское право и привилегіи на изобрѣтенія, а равно права на фирму и на товарные знаки.

Согласно 3 статьѣ, вотчинныя права на недвижимыя имѣнія вносятся въ вотчинныя книги.

Постановленіе это страдаетъ неопредѣленностью редакціи. Какъ понимать слова „вносятся въ вотчинныя книги"? Должны ли права на недвижимыя имѣнія быть безусловно внесены въ вотчинную книгу или же только могутъ быть вносимы въ эту книгу? По проекту вотчиннаго устава, запись вотчинныхъ правъ въ книгу предоставляется усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ (ст. 212, 356 и др.). Изъ 96 ст. настоящаго проекта явствуетъ, что право собственности на недвижимое имѣніе, за исключеніемъ случаевъ пріобрѣтенія этого права по договору, можетъ существовать и безъ занесенія въ вотчинную книгу. Поэтому было бы болѣе удобнымъ, вмѣсто цитированной выше 3 статьи проекта, установить правило, безусловно обязывающее внесеніе права на недвижимое имущество въ вотчинную книгу въ тѣхъ случаяхъ, когда самое существованіе права зависитъ отъ исполненія этой формальности.

На основаніи 6 статьи, право собственности и иныя вотчинныя права, пріобрѣтенныя отъ лица, записаннаго въ вотчинной книгѣ собственникомъ имѣнія, если въ книгѣ не значилось отмѣтки объ обезпеченіи права собственности другаго лица, остаются въ силѣ, хотя бы по судебному рѣшенію было впослѣдствіи признано, что имѣніе не принадлежало тому, кто его продалъ или установилъ на немъ вотчинныя права.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма суровымъ правиломъ. Необходимость внесенія въ законъ этого правила мотивирована слѣдующими соображеніями.

Въ основѣ всѣхъ существующихъ вотчинныхъ системъ лежитъ такъ называемое начало гласности или публичности, въ силу котораго содержаніе вотчинной книги признается общеизвѣстнымъ и достовѣрнымъ. Связывая съ внесеніемъ въ вотчинную книгу правъ весьма важныя юридическія послѣдствія и принимая цѣлый рядъ мѣръ къ обезпеченію полноты и правильности ея, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ устаповляетъ въ пользу добросовѣстныхъ и воз-

мездныхъ пріобрѣтателей вотчинныхъ правъ ручательство за вѣрность содержащихся въ вотчинной книгѣ свѣдѣній. Безъ такого ручательства вотчинныя книги оказались бы не удовлетворяющими своему назначенію служить твердою и надежною опорою вотчиннаго оборота, ибо, какъ бы рѣдко ни встрѣчались въ нихъ ошибки и неправильности, уже самая возможность таковыхъ и связанныхъ съ ними невыгодныхъ послѣдствій поколебала бы довѣріе къ вотчиннымъ книгамъ, являющееся необходимымъ условіемъ успѣшнаго примѣненія вотчинной системы (т. 1, стр. 13).

Признаніе содержанія вотчинной книги достовѣрнымъ для пріобрѣтателей вотчинныхъ правъ вызывается соображеніями справедливости и практическою необходимостью. Положимъ, продается или закладывается имѣніе лицомъ, которое хотя и числится по вотчинной книгѣ собственникомъ, но которому имѣніе въ дѣйствительности не принадлежитъ. Въ силу общихъ началъ гражданскаго права, подобная продажа или залогъ должны быть признаны недѣйствительными, какъ совершенные не собственникомъ. Но въ такомъ случаѣ пострадаютъ интересы лицъ, купившихъ имѣніе или давшихъ деньги подъ залогъ его въ полномъ убѣжденіи, что имѣютъ дѣло съ собственникомъ. Такое убѣжденіе было вызвано въ нихъ вотчинною книгою, и ставить имъ его въ вину, признавъ ихъ права недѣйствительными, было бы несправедливо и значило бы поколебать прочность правъ, пріобрѣтаемыхъ по вотчинной книгѣ, и отклонить капиталистовъ отъ помѣщенія капиталовъ въ земельной собственности и подъ залогъ имѣній, что, очевидно, шло бы въ разрѣзъ съ основными цѣлями вотчинной системы (стр. 15).

Такимъ образомъ, прямымъ послѣдствіемъ начала гласности и достовѣрности вотчинныхъ книгъ является безповоротность пріобрѣтаемыхъ по нимъ правъ. Лица, въ ущербъ коихъ оставляются въ силѣ недѣйствительныя, сами по себѣ, распоряженія имѣніемъ или правами въ ономъ,—говорится далѣе въ объяснительной запискѣ,—могутъ лишь путемъ личнаго иска требовать вознагражденія за убытки отъ лица, незаконно распорядившагося имѣніемъ или правомъ. Право на такое вознагражденіе принадлежитъ имъ въ силу общаго начала, что никто не долженъ обогащаться на счетъ другаго безъ законнаго на то основанія, и что каждый, причинившій убытки, обязанъ возмѣстить таковые (стр. 18).

Соотвѣтственно послѣднему соображенію, редактирована 9 ст. проекта, по которой лицо, распорядившееся правомъ, неправильно за нимъ записаннымъ по вотчинной книгѣ, обязано потерпѣвшаго

отъ этого распоряженія въ силу безповоротности правъ вознаградить въ размѣрѣ полученнаго обогащенія или въ размѣрѣ всей суммы причиненныхъ убытковъ, смотря по тому, дѣйствовало ли оно добросовѣстно или недобросовѣстно.—Безповоротность вотчинныхъ правъ на недвижимое имѣніе, по 8 статьѣ проекта, не наступаетъ лишь въ двухъ случаяхъ: 1) если право пріобрѣтено безвозмездно и 2) если пріобрѣтатель, во время пріобрѣтенія права, дѣйствовалъ недобросовѣстно, зная, что имѣніе не принадлежитъ лицу, значащемуся въ вотчинной книгѣ собственникомъ, или что пріобрѣтаемое право недѣйствительно.

Можно опасаться, что проводимое съ такою неумолимою строгостью начало безповоротности вотчинныхъ правъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ далеко не соотвѣтствовало бы именно справедливости, которая, согласно вышеприведеннымъ объясненіямъ составителей проекта, лежитъ въ основѣ безповоротности. Если интересы пріобрѣтателя имѣнія, полагающагося на записи въ вотчинныхъ книгахъ, должны быть ограждены, то, казалось бы, заслуживаютъ не меньшаго огражденія и интересы собственника имѣнія, у котораго таковое исторгнуто незаконнымъ путемъ. Предоставленіе собственнику права взыскивать убытки съ лица, незаконно распорядившагося его имѣніемъ, не всегда можетъ достигать цѣли. Лицо это можетъ оказаться несостоятельнымъ или скрыться, и собственнику мало утѣшенія къ томъ, что онъ имѣетъ право взыскивать убытки. Наконецъ, собственникъ можетъ быть крайне заинтересованъ въ сохраненіи даннаго имѣнія за собою, такъ что денежное вознагражденіе далеко не уравновѣситъ понесенной имъ потери. Мы не видимъ справедливаго основанія, по которому правамъ покупщика должно быть отдано предпочтеніе предъ правами законнаго собственника имѣнія. Казалось бы, наоборотъ, всякій собственникъ имѣнія долженъ быть увѣренъ въ прочности своихъ правъ, и скорѣе долженъ нести убытки покупщикъ, который имѣлъ неосторожность вступить въ сдѣлку съ недобросовѣстнымъ продавцомъ.

Судебная практика даетъ примѣры удивительной изобрѣтательности лицъ, посягающихъ на чужую собственность. Въ какой мѣрѣ предположенная вотчинная система будетъ достигать цѣли, пока неизвѣстно, но едва ли она сможетъ устранить осуществленіе попытокъ разныхъ аферистовъ къ запискѣ на свое имя чужихъ имѣній. Неужели собственникъ, имѣніе котораго путемъ подлога будетъ записано въ вотчинную книгу за другимъ лицомъ и затѣмъ перейдетъ въ третьи руки, долженъ лишиться своего достоянія

ради сохраненія принципа безповоротности? Позволительно усомниться въ правомѣрности такого порядка. Извѣстно, что многія имѣнія носятъ у насъ разныя названія. „Михайловка“, она же „Ивановка“, „Павловка“ тожь—встрѣчаются далеко нерѣдко. При такихъ условіяхъ, одно и то же имѣніе легко можетъ быть записано въ вотчинную книгу подъ разными названіями, за разными лицами, и переходить изъ рукъ въ руки по однѣмъ лишь записямъ. Кому изъ пріобрѣтателей должно принадлежать въ подобныхъ случаяхъ право пользованія безповоротностью? По изложеннымъ соображеніямъ, позволяемъ себѣ думать, что начало безповоротности не должно бы примѣняться по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе было записано по вотчинной книгѣ за продавцомъ, не имѣвшимъ правъ на это имѣніе, путемъ подлога, мошенничества или иного противозаконнаго дѣянія. Такое постановленіе вполнѣ соотвѣтствовало бы правилу, изложенному въ 13-ой статьѣ проекта, по которой безповоротность вотчинныхъ правъ на движимыя вещи не наступаетъ, между прочимъ, въ отношеніи вещей похищенныхъ или потерянныхъ [1]).

II.

Заключающееся въ 420 ст. X т. 1 ч. Свод. зак. опредѣленіе права собственности, по общему отзыву нашихъ юристовъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, представляется неудовлетворительнымъ. Исходя изъ этого положенія, составители проекта признали необходимымъ внести въ будущее гражданское уложеніе новое опредѣленіе понятія о правѣ собственности. Установленіе такого понятія, опредѣляемаго точными, ясными, исчерпывающими законными признаками, несомнѣнно составляетъ весьма трудную задачу. Приступая къ ея выполненію, редакціонная коммисія признавала безполезнымъ прибѣгать въ данномъ случаѣ къ теоретическимъ построеніямъ. „Существуютъ“,—читаемъ въ началѣ объясненій къ раздѣлу о правѣ собственности,—„разныя теоріи, занимающіяся философскимъ обоснованіемъ права собственности. Но, при начертаніи гражданскаго уложенія, въ мотивахъ къ нему нѣтъ надобности останавливаться на изложеніи и разборѣ этихъ теорій, такъ какъ

[1]) Болѣе подробныя соображенія по предмету безповоротности вотчинныхъ правъ были приведены нами въ замѣчаніяхъ на проектъ вотчиннаго устава. Жур. Юридич. Общ. за 1895 г., кн. IX, стр. 51—54.

предметъ этотъ относится къ области философіи права“ (т. I, стр. 53). Конечно, чисто философское опредѣленіе понятія о правѣ собственности, напр., какъ о „жизненномъ отношеніи, которое покоится на этическомъ началѣ“ и т. п., не могло бы годиться для гражданскаго кодекса, и приведенное мѣсто изъ объяснительной записки должно быть понимаемо въ такомъ именно смыслѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи приведенныхъ въ объяснительной запискѣ аргументовъ, направленныхъ къ обоснованію понятія о правѣ собственности, встрѣчается не мало ссылокъ на юридическую литературу и цѣлый рядъ чисто научныхъ опредѣленій этого понятія (ст. 1, стр. 67 и 68).

Подвергнувъ критическому разбору опредѣленіе права собственности по 420 ст. X т. 1 ч. Свод. зак. и отмѣтивъ всѣ слабыя стороны и недостатки означеннаго опредѣленія, редакціонная коммисія останавливается на различіи, существующемъ между собственностью. какъ объектомъ права, и имуществомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. „Подъ собственностью,“—говорится въ запискѣ,—„законъ нашъ разумѣетъ предметы права собственности, а такъ какъ объектами права собственности могутъ быть лишь предметы матеріальнаго, физическаго міра, но не права или требованія, то отсюда само собою вытекаетъ, что права и требованія составляютъ имущество, но не собственность“ (т. I, стр. 58). Тѣмъ не менѣе, въ принятомъ коммисіею опредѣленіи понятія о правѣ собственности употреблено слово имущество, такъ какъ, хотя, по выводамъ объяснительной записки, не всякое имущество составляетъ собственность, но въ то же время всякая собственность составляетъ имущество (т. I, стр. 74). Другими словами—собственность есть понятіе видовое, а имущество—родовое.

Правильность такой постановки вопроса представляется весьма сомнительною. Если собственность составляетъ нѣчто выдѣленное въ особую категорію изъ понятія объ имуществѣ и если опредѣленіе права собственности не можетъ относиться ко всѣмъ вообще имуществамъ, то тогда употребленіе въ качествѣ признака, опредѣляющаго право собственности, термина „имущество“ не находитъ оправданія и на практикѣ повело бы лишь къ смѣшенію различныхъ понятій. Кромѣ того, подобная постановка вопроса создаетъ, по нашему крайнему разумѣнію, совершенно невозможное положеніе, а именно: всѣ тѣ имущества, которыя, съ точки зрѣнія объяснительной записки, не относятся къ категоріи имуществъ, могущихъ составлять собственность, должны оставаться внѣ дѣйствія права

собственности. Стало быть, проектъ допускаетъ возможность существованія такихъ имуществъ, которыя, принадлежа кому-либо, т. е. составляя чье-либо исключительное достояніе, тѣмъ не менѣе не могутъ быть объектомъ права собственности. Вообще, все сказанное въ объяснительной запискѣ, какъ о значеніи собственности, такъ и объ усматриваемомъ составителями проекта тонкомъ различіи между собственностью и имуществомъ, представляется весьма сбивчивымъ. Это явствуетъ уже изъ того, что на ряду съ аргументами, коими устанавливается упомянутое различіе, въ объяснительной запискѣ, между прочимъ, говорится, что „собственность есть, прежде всего, право" (т. I, стр. 71). Но если собственность сама по себѣ составляетъ право, то едва ли можно считать ее объектомъ права собственности.

По наиболѣе существенному вопросу о томъ, въ чемъ именно состоитъ право собственности, т. е. какими признаками оно должно быть квалифицировано, въ объяснительной запискѣ читаемъ:

„Перечисленіе отдѣльныхъ правъ, входящихъ въ составъ права собственности, допускалось прежними цивилистами, но отвергается современною юриспруденціею, потому, во-первыхъ, что вполнѣ перечислить всѣ права, принадлежащія собственнику, невозможно: къ таковымъ правамъ въ прежнее время отнесены были, напр., владѣніе, пользованіе, распоряженіе, измѣненіе, употребленіе, уничтоженіе, исключеніе третьихъ лицъ, отыскиваніе отъ владѣльца, отчужденіе и предоставленіе отдѣльныхъ правъ другимъ, и, во-вторыхъ, что, если признать право собственности не самостоятельнымъ цѣлымъ, но лишь суммою указанныхъ въ законѣ отдѣльныхъ правъ собственника, то надлежало бы отрицать существованіе собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо изъ этихъ отдѣльныхъ правъ, въ силу того или другаго основанія, не принадлежитъ собственнику. Между тѣмъ, отъ права собственности, въ большей или меньшей мѣрѣ, могутъ быть отняты входящія въ его составъ отдѣльныя права. На объектѣ собственности допускается установленіе правъ въ пользу третьихъ лицъ; эти права третьихъ лицъ могутъ лишить собственника всѣхъ возможныхъ для него отъ собственности выгодъ, низвести право собственности до nudum jus, но и въ такомъ случаѣ право собственности остается тѣмъ же правомъ собственности, а не преобразится въ какое-либо иное право" (т. I, стр. 60).

Руководствуясь изложенными соображеніями, коммисія опредѣлила въ 16-ой статьѣ проекта право собственности слѣдующимъ образомъ.

Право собственности есть право полнаго и исключительнаго господства лица надъ имуществомъ, насколько это право не ограничено закономъ и правами другихъ лицъ.

Опредѣленіе это очень близко подходитъ къ опредѣленіямъ понятія о правѣ собственности, выработаннымъ нѣкоторыми представителями науки (Баронъ, Дернбургъ, Цахарія-Кроме, Мейеръ).

Въ этомъ опредѣленіи весь центръ тяжести заключается въ словѣ „господство", такъ какъ прилагательныя „полное" и „исключительное" и дальнѣйшая оговорка—„насколько это право не ограничено закономъ и правами другихъ лицъ"—обозначаютъ лишь характеръ и объемъ господства. Что же слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ господство? Терминъ этотъ употребленъ въ видѣ понятія общеизвѣстнаго, не требующаго никакихъ поясненій. Но, вѣдь, и право собственности относится къ такимъ же понятіямъ. Развѣ въ общежитейскихъ отношеніяхъ слово „господинъ" болѣе понятно, чѣмъ слово „собственникъ"? Напротивъ, казалось бы, что понятіе о „собственникѣ", а вмѣстѣ съ тѣмъ и о „собственности", представляется болѣе устойчивымъ, чѣмъ о „господинѣ", и въ особенности о „господствѣ". То, что опредѣленіе права собственности, какъ „господства" надъ имуществомъ, само по себѣ недостаточно характерно и опредѣлительно, явствуетъ уже изъ того, что сами составители проекта признали необходимымъ въ послѣдующихъ статьяхъ указать на принадлежность собственнику права владѣнія, пользованія и распоряженія (ст. 17—19). Повидимому, было бы совершенно достаточно, по примѣру германскаго гражданскаго уложенія 1896 г., ограничиться лишь указаніемъ на права собственника.

Обращаясь затѣмъ къ постановленіямъ проекта, касающимся ограниченія права собственности на пользу общую и сосѣдей, нельзя не остановиться прежде всего на статьѣ 50-ой. Въ ней значится:

Когда испорчена или разрушена плотина или иное сооруженіе для удержанія воды, и собственникъ не желаетъ исправить или возстановить это сооруженіе, то каждый изъ сосѣдей, коимъ угрожаетъ черезъ то затопленіе ихъ имѣній, можетъ, съ разрѣшенія суда, произвести на свой счетъ необходимыя работы, если этимъ не будетъ причинено значительныхъ убытковъ собственнику имѣнія.

Равнымъ образомъ, каждый сосѣдній собственникъ можетъ, съ разрѣшенія суда, на свой счетъ, очистить рѣку, ручей или источникъ отъ накопившагося ила, камней, песку и т. п. и вообще устранить всякаго рода случайно образовавшіяся въ имѣніи сосѣда преграды, затрудняющія естественный стокъ воды, усиливающія его или дающія ему иное направленіе.

По мнѣнію составителей проекта, какъ это видно изъ объяснительной записки (т. 1, стр. 186), правило это составляетъ естественное развитіе и дополненіе постановленія, содержащагося въ ст. 49-й. Въ правильности этого положенія можно, однако, усомниться. Статья 49 гласитъ:

Собственникъ нижележащаго имѣнія долженъ терпѣть естественный стокъ воды съ имѣнія вышележащаго и не въ правѣ устраивать никакихъ сооруженій, которыя препятствовали бы этому стоку или измѣняли его естественное направленіе во вредъ сосѣднихъ имѣній.

Собственникъ вышележащаго имѣнія съ своей стороны не долженъ предпринимать никакихъ дѣйствій, которыя отягчали бы обязанность собственника нижележащаго имѣнія терпѣть естественный стокъ воды.

Статья эта, какъ видно изъ ея буквальнаго содержанія, имѣетъ въ виду естественный стокъ воды, между тѣмъ, первая половина статьи 50-й говоритъ объ искусственныхъ сооруженіяхъ для урегулированія или использованія естественнаго теченія воды. Конечно, собственникъ имѣнія не можетъ претендовать на своего сосѣда за то, что изъ имѣнія послѣдняго въ его имѣніе течетъ ручей, коль скоро таковой существуетъ въ силу топографическихъ условій мѣстности. Онъ долженъ, какъ значится въ 49 статьѣ, „терпѣть" это, хотя бы существованіе ручья было для него нежелательно или даже убыточно (если у него въ другомъ мѣстѣ имѣется достаточно воды, а ручей, протекая дальше по низменности, способствуетъ образованію болота, обезцѣнивающаго имѣніе).—Въ совершенно другомъ видѣ представляется вопросъ, когда у сосѣда было искусственное сооруженіе. Оно могло быть очень выгодно для владѣльца смежнаго имѣнія. Но надо имѣть въ виду, что искусственное сооруженіе всегда видоизмѣняетъ естественный стокъ воды, регулируетъ его направленіе, задерживаетъ воду въ одномъ мѣстѣ, усиливаетъ ея движеніе въ другомъ и т. п. Затѣмъ, если собственникъ признаетъ излишнимъ дальнѣйшее существованіе искусственнаго сооруженія въ своемъ имѣніи, что̀ же выйдетъ?

По нашему мнѣнію, только то, что вода получитъ свой естественный стокъ, такой, какой она должна имѣть по самой природѣ, въ зависимости отъ топографическихъ условій мѣстности. Получится положеніе, предусматриваемое 49 ст. проекта.

Дозволять сосѣду устраивать въ чужомъ имѣніи искусственныя сооруженія, хозяйничать въ этомъ имѣніи, ради своихъ выгодъ, едва ли возможно. Это было бы нарушеніемъ правъ собственности. Владѣлецъ, конечно, не въ правѣ искусственными сооруженіями въ своемъ имѣніи причинять вредъ сосѣду, но послѣдній едва ли можетъ требовать въ своихъ интересахъ возведенія такихъ сооруженій въ чужомъ имѣніи, хотя бы и на свой счетъ. Исключеніе можетъ быть допущено только для случаевъ, указанныхъ въ 58-й статьѣ проекта (Для осушенія сырыхъ или болотистыхъ мѣстностей и для спуска излишней воды, которая не можетъ быть потреблена на мѣстѣ, собственникъ въ правѣ отводить воду изъ своего имѣнія чрезъ чужое въ море, рѣку, озеро или иныя водовмѣстилища, посредствомъ каналовъ или трубъ, при чемъ онъ обязанъ уплатить, до начала работъ, соотвѣтственное вознагражденіе собственнику имѣнія, черезъ которое отводится вода, и возмѣстить прибрежнымъ собственникамъ убытки въ случаѣ подтопа ихъ имѣній. Отводъ воды не допускается, если можно ожидать значительнаго вреда для прибрежныхъ имѣній).

Приведенные въ объяснительной запискѣ примѣры итальянскаго и саксонскаго кодексовъ, въ коихъ заключаются постановленія, аналогичныя съ 1 ч. 50 ст. проекта, далеко не доказываютъ основательности принятаго ею положенія, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ другихъ кодексахъ подобныхъ постановленій не встрѣчается.

Въ нѣсколько иномъ видѣ представляется постановленіе, изложенное во второй половинѣ 50 статьи. Случайно образовавшіяся преграды, затрудняющія или усиливающія стокъ воды, могутъ причинить сосѣду значительные убытки. При измѣненіи теченія воды, онъ можетъ быть поставленъ даже въ безвыходное положеніе, если въ другомъ мѣстѣ имѣнія воды не имѣется. Въ подобныхъ случаяхъ, сосѣду, конечно, должно быть предоставлено право принятія мѣръ къ возстановленію прежняго теченія воды.

Согласно 56 ст., въ случаѣ недостатка въ водѣ, преимущество въ пользованіи водою отдается вододѣйствующимъ заведеніямъ, раньше устроеннымъ, а если нельзя опредѣлить, которое изъ заведеній устроено раньше, то вышележащимъ.

Эта статья также вызываетъ сомнѣнія.—Одновременное пользованіе водою изъ одного водовмѣстилища возможно лишь при томъ условіи, если два вододѣйствующія заведенія будутъ устроены на одной запрудѣ. При этомъ, споры относительно пользованія водою могутъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда берега рѣки, на которой сдѣлана запруда, принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. Если каждый изъ владѣльцевъ пожелаетъ на плотинѣ, которая обыкновенно сооружается поперекъ рѣки, отъ одного до другаго берега, устроить у своего берега вододѣйствующее заведеніе, то, смотря по количеству потребной для обоихъ заведеній воды, можетъ оказаться недостатокъ въ таковой. Проектъ отдаетъ преимущество тому изъ прибрежныхъ владѣльцевъ, который раньше устроилъ заведеніе, но не даетъ отвѣта на вопросъ, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда оба заведенія устроены одновременно, что вполнѣ возможно. Затѣмъ, думается, что и предпочтеніе, отдаваемое ранѣе устроенному заведенію, не имѣетъ прочнаго основанія. Изъ того, что владѣлецъ праваго берега устроилъ у себя мельницу, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы владѣлецъ лѣваго берега былъ лишенъ права позже устроить такую же мельницу въ своемъ имѣніи. Вѣдь, въ тѣхъ случаяхъ, когда берега рѣки принадлежатъ къ разнымъ имѣніямъ, каждый изъ собственниковъ пользуется рѣкою до ея средины (ст. 27 проекта). Слѣдовательно, каждый изъ нихъ имѣетъ право употребить на свои надобности половинное количество протекающей въ рѣкѣ воды, и едва ли справедливо было бы лишить прибрежнаго владѣльца этого права только потому, что владѣлецъ противоположнаго берега успѣлъ раньше устроить вододѣйствующее заведеніе. Казалось бы, что было бы болѣе правильнымъ внести въ проектъ постановленіе, по которому собственникъ, владѣющій лишь однимъ берегомъ рѣки, въ правѣ устроить у своего берега только такое вододѣйствующее заведеніе, для котораго можетъ потребоваться не больше половины протекающей въ рѣкѣ воды, безъ всякаго отношенія къ тому, имѣетъ ли владѣлецъ противоположнаго берега такое же заведеніе или нѣтъ. Достаточно, что этотъ послѣдній владѣлецъ имѣетъ право пользоваться водою до средины рѣки, и онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть стѣсненъ въ этомъ правѣ хозяйственными интересами своего сосѣда.

Что касается, затѣмъ, пользованія водою въ тѣхъ случаяхъ, когда заведенія устроены въ разныхъ мѣстахъ рѣки, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что нижележащее вододѣйствующее заведеніе всегда пользуется водою либо использованною уже вышележа-

щимъ заведеніемъ, либо ненужною для сего заведенія. Въ случаѣ недостатка въ водѣ вслѣдствіе естественныхъ явленій, напр., засухи, недостатокъ въ одинаковой мѣрѣ будетъ ощущаться на всѣхъ, устроенныхъ па рѣкѣ, заведеніяхъ, при чемъ никакого преимущества тому или другому заведенію отдано быть не можетъ. Обыкновенно, для каждаго вододѣйствующаго заведенія устраивается, путемъ запруды, бассейнъ, въ коемъ скопляется необходимое для заведенія количество воды. Но, разъ бассейнъ наполненъ, вся остальная прибывающая вода въ силу необходимости должна быть спущена (ибо ея и держать негдѣ) и вмѣстѣ съ водою, использованною заведеніемъ, протекаетъ дальше и обыкновенно заполняетъ бассейнъ нижележащаго заведенія, и т. д. При такомъ устройствѣ вододѣйствующихъ заведеній, каждое изъ нихъ пользуется водою, въ предѣлахъ необходимаго и возможнаго, не стѣсняя въ такомъ же пользованіи ни выше, ни ниже устроенныхъ заведеній. Вопросъ о недостаткѣ воды, обусловленномъ устройствомъ другаго заведенія, можетъ возникнуть лишь тогда, когда вышележащее заведеніе будетъ потреблять всю прибывающую воду, не отдавая ея обратно въ рѣку для дальнѣйшаго теченія, напр., если использованная вода будетъ отводиться въ сторону. Но тогда должна имѣть примѣненіе 54 ст. проекта, по которой прибрежный собственникъ не въ правѣ отводить воду.—Нельзя также не замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ требуютъ огражденія интересы не вышележащаго заведенія, какъ значится въ 56 ст. проекта, а наоборотъ—нижележащаго, ибо вышележащее заведеніе никогда не можетъ ощущать недостатка въ водѣ вслѣдствіе незаконнаго пользованія водою нижележащимъ заведеніемъ.

По 61 ст., если изъ имѣнія, окруженнаго со всѣхъ сторонъ чужими землями, нѣтъ выхода на дорогу общаго пользованія, собственникъ имѣнія можетъ требовать отъ сосѣдей, за соотвѣтственное вознагражденіе, отвода земли подъ дорогу, необходимую для доступа къ имѣнію и хозяйственнаго имъ пользованія.

Если подъ имѣніемъ подразумѣвать болѣе или менѣе значительную земельную собственность, какъ принято употреблять это слово въ обыденной рѣчи, то приведенная статья едва ли когда-либо имѣла бы практическое примѣненіе, такъ какъ имѣній, не соединенныхъ проѣздами съ дорогами общаго пользованія, вѣроятно, не существуетъ. Здѣсь могла бы быть рѣчь развѣ о небольшихъ, почему-либо вымежеванныхъ въ отдѣльную собственность, земельныхъ участкахъ. Собственникамъ такихъ участковъ несо-

мнѣнно должно быть предоставлено право проѣзда чрезъ сосѣдніе участки на дорогу общаго пользованія. Вопросъ, обязаны ли они вознаграждать за это сосѣдей? Казалось бы, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Право проѣзда и прохода чрезъ сосѣднее имѣніе должно быть разсматриваемо, какъ естественный, самъ собою существующій сервитутъ того имѣнія или отдѣльнаго участка земли, для которыхъ проѣздъ или проходъ безусловно необходимъ. Для установленія такого сервитута нѣтъ необходимости въ соглашеніи сторонъ, и за то, что принадлежитъ къ имѣнію въ силу естественнаго порядка вещей, собственникъ имѣнія не обязанъ вознаграждать сосѣдей. Законъ долженъ ограждать сосѣдей лишь отъ злоупотребленія правомъ проѣзда и прохода, ограничивъ это право предѣлами безусловно необходимаго и достаточнаго, съ тѣмъ, чтобы проѣздъ или проходъ, по требованію сосѣда, не пролегалъ чрезъ тѣ земли или луга, которыми онъ дорожитъ, а прокладывался чрезъ менѣе удобныя угодья, хотя бы и съ удлиненіемъ пути. Затѣмъ, собственникъ большаго имѣнія, къ которому необходимый проѣздъ уже существуетъ, въ случаѣ раздробленія этого имѣнія на части, не долженъ имѣть права требовать отъ сосѣдей особаго проѣзда къ каждой выдѣленной части, такъ какъ раздробленіе имѣнія никакого ущерба сосѣдямъ причинять не должно. Въ этомъ отношеніи представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ постановленіе 62 ст. проекта (если при раздробленіи имѣнія на части вслѣдствіе отчужденія или раздѣла вновь образовавшееся имѣніе окажется замкнутымъ со всѣхъ сторонъ чужими имѣніями, то собственникъ имѣнія въ правѣ требовать отвода земли подъ дорогу только отъ лицъ, участвовавшихъ въ договорѣ, или ихъ правопреемниковъ, но не отъ другихъ сосѣдей).

По 66-й статьѣ, на самой границѣ имѣнія дозволяется возводить зданія только изъ камня или иного прочнаго, огнеупорнаго матеріала.

Въ объясненіяхъ къ означенной статьѣ читаемъ:

„Правило это преслѣдуетъ главнымъ образомъ интересы общественной безопасности. Дѣло въ томъ, что скученность деревянныхъ строеній неизбѣжно содѣйствуетъ легкому распространенію пожара, разъ одно изъ этихъ строеній загорѣлось. Чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить бѣдствія, причиняемыя пожаромъ и столь обычныя у насъ въ настоящее время, и налагается на собственника земли упомянутое ограниченіе въ правѣ

возведенія имъ на своей землѣ построекъ. Несомнѣнно, что близость каменныхъ зданій другъ отъ друга не представляетъ той опасности распространенія пожара, которая вызывается близостью деревяныхъ построекъ. Поэтому возведеніе деревяныхъ зданій на самой границѣ не слѣдуетъ допускать не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ деревняхъ, которыя, вслѣдствіе менѣе удовлетворительнаго устройства въ нихъ пожарной части, еще менѣе защищены отъ всеобщаго бѣдствія, причиняемаго пожаромъ" (т. I, стр. 231).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ положеніемъ, которое, несомнѣнно, имѣетъ значеніе pia desideria.

Изложенное въ разсматриваемой статьѣ правило могло бы примѣняться во всей строгости развѣ въ значительныхъ городскихъ центрахъ, а также въ тѣхъ населенныхъ мѣстахъ степныхъ областей, гдѣ за недостаткомъ и дороговизною строеваго лѣса возводятъ глинобитныя (чумурныя) постройки. Во всѣхъ остальныхъ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ, хуторахъ и т. п. правило это внесло бы значительную и въ то же время, смѣемъ думать, безполезную смуту въ дѣлѣ расположенія построекъ на усадьбахъ. Въ деревенскомъ быту, за указанными выше исключеніями (въ степныхъ областяхъ), каменныя или кирпичныя постройки составляютъ весьма рѣдкое исключеніе. Даже многіе захолустные города состоятъ чуть не сплошь изъ деревяныхъ строеній. При этомъ обыкновенно соблюдается общепринятое правило, состоящее въ томъ, что въ расположенныхъ по каждую сторону улицы дворахъ постройки возводятся всегда въ одной продольной половинѣ двора, по большей части въ правой. Такимъ образомъ, если взять минимальную ширину двора въ 10 саженей, а постройки по фасаду съ улицы въ 3 сажени, то при симметричномъ расположеніи построекъ во всѣхъ дворахъ по одну сторону, на самой границѣ двора разстояніе между постройками сосѣднихъ дворовъ будетъ составлять 7 саженей. При дѣйствіи правила, изложеннаго въ 66-й статьѣ проекта, и при отсутствіи у огромнаго большинства обывателей не только деревень, но и многихъ городовъ, средствъ на возведеніе каменныхъ построекъ, будутъ по прежнему возводиться постройки деревяныя, но съ отступленіемъ отъ границы. Въ объяснительной запискѣ говорится, что разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ разстояніи отъ сосѣдняго двора могутъ быть возводимы деревяныя постройки, должно найти мѣсто въ строительномъ уставѣ. Допустимъ, что такое минимальное разстояніе будетъ

установлено въ 2 сажени. Что же выйдетъ? Если всѣ постройки, при условіи расположенія ихъ всегда по одну сторону двора, будутъ находиться въ разстояніи двухъ саженей отъ ближайшей границы, то перерывъ между постройками сосѣднихъ дворовъ составитъ въ нашемъ примѣрѣ тѣ же семь саженей. Въ пожарномъ отношеніи ровно никакой выгоды не получится, а будетъ создано лишь то неудобство, что самые дворы сдѣлаются на двѣ сажени ўже, а позади строеній будетъ оставаться совершенно безполезною такой же ширины полоса земли. Затѣмъ, разсматриваемое правило могло бы примѣняться исключительно лишь въ населенныхъ мѣстахъ—городахъ, селахъ, деревняхъ и т. п., но не во всякомъ имѣніи вообще, какъ редактирована первая половина 66-й статьи проекта. По смыслу этой статьи, собственникъ не въ правѣ построить на границѣ своего имѣнія ни мельницы, ни амбара, ни сарая изъ дерева, хотя бы по другую сторону границы находилась болотистая, неудобная или выгонная земля сосѣда, а кругомъ, на далекое разстояніе, никакихъ построекъ не существовало. Это слишкомъ суровое, стѣснительное для собственниковъ, не оправдываемое необходимостью, правило.

III.

Принятая проектомъ постановка вопроса о правѣ общей собственности представляется нѣсколько сбивчивой. Согласно 76-й статьѣ, каждый соучастникъ имѣетъ исключительное право собственности на принадлежащую ему долю. Онъ можетъ ее отчуждать, обременять залогомъ и установлять на ней такія вотчинныя права, осуществленіе коихъ возможно на долѣ, а равно предоставлять другому осуществленіе своего права.—Такимъ образомъ, статья эта, по буквальному ея смыслу, предоставляетъ соучастнику право распоряжаться самой долей ему принадлежащей. Между тѣмъ, въ объяснительной запискѣ изложено:

„Само собою разумѣется, что подлежащая свободному распоряженію соучастника доля не должна быть понимаема въ смыслѣ реальной части общаго имущества, опредѣленно отграниченной и физически осязаемой. Доля соучастника есть величина, мыслимая лишь умственно, и это свое свойство она сохраняетъ всегда. Поэтому, и при отчужденіи, залогѣ и т. п. соучастникъ распоряжается и пользуется лишь идеальнымъ правомъ, но ни одна физическая частица

общаго имущества не подлежитъ свободному распоряженію соучастника" (т. I, стр. 271).

Если же такъ, то, казалось бы, соучастникъ можетъ свободно располагать лишь своимъ правомъ на долю, напр., обезпечить этимъ правомъ свой долгъ, предоставить другому лицу извлекать изъ общаго имущества причитающіеся на его долю доходы, наконецъ,—уступить свое право. Во всѣхъ подобнаго рода сдѣлкахъ можетъ быть рѣчь именно о правѣ на долю, а не о самой долѣ, которая въ видѣ реальнаго предмета оборота опредѣляется только съ момента ея выдѣла изъ общаго имущества. Думается поэтому, что 76 статья потребуетъ редакціоннаго исправленія. Вмѣсто—онъ можетъ „ее", т. е. свою долю, отчуждать и т. д.,—надлежало бы сказать:—онъ можетъ „свое право на долю" отчуждать и т. д.

На основаніи 77 статьи, управленіе и пользованіе общимъ имуществомъ должны быть по общему согласію всѣхъ соучастниковъ, а въ случаѣ разногласія—по большинству голосовъ, исчисляемому соотвѣтственно размѣру долей.

Правомѣрность и цѣлесообразность этого постановленія представляются весьма сомнительными. Въ подтвержденіе необходимости такого постановленія въ объяснительной запискѣ изложены слѣдующіе доводы.

При строгомъ проведеніи начала о необходимости безусловнаго согласія всѣхъ соучастниковъ на дѣйствія по управленію и пользованію общимъ имуществомъ, каждый соучастникъ имѣлъ бы юридическую возможность своимъ „veto" пріостановить всякое дѣйствіе, предпринимаемое его товарищами по отношенію къ общему имуществу. Подобное неограниченное усмотрѣніе соучастника, существовавшее еще въ римскомъ правѣ, признается и по дѣйствующему русскому законодательству. Это подтверждается буквальнымъ содержаніемъ 546 и 554 ст. X т. 1 ч. Но нельзя отрицать, что такая постановка правъ соучастника отражается иногда весьма невыгодно на интересахъ общаго имущества, такъ какъ любой соучастникъ, хотя бы обладающій, напр., $^1/_{99}$ долею, можетъ ставить препятствія всякимъ дѣйствіямъ, предпринимаемымъ прочими соучастниками, какъ бы они ни были полезны для общаго имущества. При такомъ положеніи необходимо или откупиться отъ подобнаго соучастника, или же совершить раздѣлъ, который можетъ повлечь за собою неизбѣжность продажи общаго имущества, а эта послѣдняя, въ свою очередь, не всегда представляется выгодною.

Указавъ далѣе, что, по установившейся у насъ практикѣ, въ

подобныхъ случаяхъ неизбѣжно участіе суда, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе взаимныхъ пререканій по распоряженію и управленію общимъ имѣніемъ, и что едва ли возможно разсчитывать на компетенцію суда по такимъ вопросамъ, требующимъ иногда чисто техническихъ знаній, напр., въ отношеніи управленія фабрикою, составители проекта признали необходимымъ внесеніе въ законъ корректива, ограждающаго права соучастниковъ противъ произвольныхъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и такой коррективъ усматриваютъ въ подчиненіи меньшинства волѣ большинства соучастниковъ, исчисляемаго размѣромъ долей (т. I, стр 275—278).

Цѣлесообразность этого корректива представляется весьма спорною. Если нельзя предоставить соучастнику, коему принадлежитъ $^{1}/_{99}$ доля общаго имущества, право затруднять своимъ „veto" дѣйствія всѣхъ остальныхъ соучастниковъ по управленію и пользованію имуществомъ, то, съ другой стороны, едва ли справедливо было бы ставить интересы соучастниковъ, располагающихъ $^{49}/_{100}$ долей въ зависимость отъ произвола соучастниковъ, которымъ принадлежитъ $^{51}/_{100}$ долей. При дѣйствіи 77 ст. проекта такъ, несомнѣнно, и было бы. Соучастники, имѣющіе самый ничтожный перевѣсъ въ доляхъ, получили бы возможность, войдя въ стачку, хозяйничать въ общемъ имѣніи во вредъ остальнымъ соучастникамъ, подъ прикрытіемъ закона, ссылаясь на большинство голосовъ, и подобныя явленія на практикѣ получили бы весьма широкое распространеніе. Вообще, по данному вопросу приходится имѣть дѣло съ обоюдоострымъ оружіемъ. Единичный соучастникъ, конечно, не въ правѣ вредить остальнымъ совладѣльцамъ, но и большинство должно быть ограничено въ правѣ нарушать интересы меньшинства.

Казалось бы, поэтому, что гораздо правильнѣе было бы, вмѣсто предположеннаго проектомъ способа разрѣшенія споровъ между соучастниками относительно управленія и пользованія общимъ имуществомъ, предоставить каждому соучастнику право въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы его нарушаются дѣйствіями другихъ соучастниковъ, обращаться къ суду, какъ это существуетъ по нынѣ дѣйствующему закону. Мы не могли бы согласиться съ мнѣніемъ составителей проекта о томъ, что судъ недостаточно компетентенъ для разрѣшенія всѣхъ, возникающихъ изъ споровъ между соучастниками общаго имущества, вопросовъ. Суду приходится вникать въ самыя разнообразныя житейскія отношенія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ, для разрѣшенія котораго необходимы спеціальныя познанія, ему предоставлено право прибѣгать къ со-

дѣйствію экспертизы. Поэтому и въ спорахъ между соучастниками общаго имущества судъ всегда можетъ выяснить всѣ обстоятельства каждаго даннаго дѣла.

Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что изложенное въ 77 статьѣ правило о большинствѣ голосовъ соучастниковъ было бы крайне неустойчиво въ практическомъ примѣненіи. Проектъ вовсе не касается вопроса о томъ, какимъ путемъ должно быть констатировано большинство голосовъ. Вѣдь, для этого необходимо нѣчто въ родѣ общаго собранія соучастниковъ. Кто и какъ будетъ созывать эти собранія и отбирать голоса? Какъ установить рѣшеніе большинства? Постановленіе большинства необходимо было бы всякій разъ запротоколировать или вообще выразить въ письменномъ актѣ, за подписью всѣхъ соучастниковъ. Но соучастники могутъ перессориться и разойтись. Какъ быть въ подобныхъ случаяхъ, которые могутъ встрѣчаться сплошь и рядомъ? Какимъ образомъ соучастникъ, непосредственно завѣдывающій общимъ имуществомъ, сможетъ доказать, что онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ большинства? Послѣднее, разъ рѣшеніе не будетъ оформлено, можетъ отъ него впослѣдствіи отказаться подъ вліяніемъ разныхъ побудительныхъ къ тому причинъ (напр., если принятое большинствомъ рѣшеніе окажется убыточнымъ). Проектъ вовсе умалчиваетъ о томъ, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса соучастниковъ раздѣлятся поровну. Нельзя отрицать возможности и такихъ случаевъ, когда будетъ высказано нѣсколько мнѣній, поддерживаемыхъ одинаковымъ числомъ голосовъ. Возьмемъ примѣръ. Изъ четырехъ соучастниковъ общаго имѣнія, изъ коихъ каждый располагаетъ 1/4 долею, одинъ желаетъ дѣлать посѣвы, другой предпочитаетъ сдать имѣніе въ аренду, третій находитъ болѣе выгоднымъ завести овцеводство, а четвертый разрабатывать руду. Здѣсь о рѣшеніи разномыслія большинствомъ голосовъ не можетъ быть рѣчи и, если между соучастниками не послѣдуетъ въ концѣ концовъ добровольнаго соглашенія относительно способовъ пользованія имѣніемъ, возникшій между ними споръ по иску того изъ нихъ, который сочтетъ себя обиженнымъ, или даже по взаимнымъ искамъ каждаго къ каждому, перейдетъ на разсмотрѣніе суда.

Едва ли можно разсчитывать, что постановленіе 77 ст. проекта будетъ способствовать уменьшенію числа тяжбъ между соучастниками общаго имущества. Напротивъ, можно опасаться, что число такихъ тяжбъ даже увеличилось бы въ виду того, съ одной стороны, что болѣе сильные, т. е. располагающіе большимъ числомъ

долей, соучастники, опираясь на законъ, дающій властное управленіе имуществомъ большинству, проявляли бы склонность извлекать изъ имущества выгоды въ ущербъ интересамъ слабыхъ по числу долей, а съ другой,—что, какъ указано выше, самый фактъ рѣшенія вопроса по большинству голосовъ не всегда можетъ быть констатированъ. Здѣсь необходимо принять во вниманіе главнымъ образомъ то обстоятельство, что любителей обращаться къ суду безъ надобности сравнительно не много. Если же человѣкъ считаетъ себя въ дѣйствительности обиженнымъ и обращается къ содѣйствію суда, то просьба его всегда должна быть выслушана и разрѣшена, и мы не нашли бы правильнаго юридическаго основанія утверждать, что соучастникъ общаго имущества, обиженный постановленіемъ большинства соучастниковъ относительно управленія и пользованія этимъ имуществомъ, не долженъ имѣть права искать защиты своихъ интересовъ въ судебномъ порядкѣ.

Согласно 85-ой статьѣ, соучастники могутъ по договору отказаться отъ права требовать раздѣла, но на срокъ не свыше пяти лѣтъ со времени заключенія договора.

Далѣе, въ 86-ой статьѣ значится: отказъ отъ права требовать раздѣла теряетъ силу въ случаѣ смерти одного изъ соучастниковъ.

Постановленіе этой послѣдней статьи создаетъ весьма неудобное положеніе. Никто изъ соучастниковъ, вошедшихъ въ добровольное между собою соглашеніе о томъ, что общее имущество не подлежитъ раздѣлу въ теченіе условленнаго срока, не можетъ быть увѣренъ въ прочности состоявшагося по сему предмету договора, ибо продолжительность жизни человѣка зависитъ отъ разныхъ случайностей. Въ объяснительной запискѣ читаемъ:

„Это постановленіе проекта основано, главнымъ образомъ, на томъ соображеніи, что отказъ отъ права требовать раздѣла обусловливается вообще личными побужденіями первоначальныхъ соучастниковъ, а потому, со смертью одного изъ лицъ, образуется какъ бы новая общая собственность, на которую отказъ установившихъ ее контрагентовъ распространяться уже не можетъ. Кромѣ этого соображенія юридическаго характера, постановленіе ст. 86 оправдывается и соображеніями нравственнаго свойства. Означенная статья стремится обезпечить между соучастниками тотъ миръ и согласіе, безъ которыхъ никакая общая собственность невозможна. Лица, установившія послѣднюю, могли жить мирно и дружески, но наслѣдники ихъ могутъ находиться между собою въ отношеніяхъ далеко недружелюбныхъ и даже прямо враждебныхъ. Принуждать

ихъ при такомъ положеніи оставаться въ общей собственности на весь срокъ, на который она была установлена первоначальными соучастниками, нѣтъ правильнаго основанія" (т. I, стр. 314).

Каковы бы ни были побудительныя причины къ отказу отъ раздѣла общаго имущества въ теченіе извѣстнаго срока, во всякомъ случаѣ такой отказъ имѣетъ характеръ сдѣлки по имуществу. Состоявшійся объ этомъ договоръ касается интересовъ всѣхъ соучастниковъ общаго имущества. Нѣкоторые изъ соучастниковъ, полагаясь на то, что имущество не будетъ раздѣлено въ теченіе опредѣленнаго времени, могутъ въ свою очередь войти въ сдѣлки съ третьими лицами или сдѣлать затраты на улучшеніе хозяйства въ имѣніи, въ надеждѣ, что эти затраты, пока наступитъ время требовать раздѣла, окупятся. И все это падаетъ само собою съ случайною смертью одного изъ соучастниковъ. Это едва ли справедливо и, думается, не соотвѣтствуетъ понятію о сдѣлкѣ по имуществу. Сдѣлки этого рода, по общему правилу, обязательны для правопреемниковъ лица, участвовавшаго въ сдѣлкѣ. Согласно 88 ст. проекта, если соучастники отказались отъ права требовать раздѣла или назначили срокъ для предварительнаго заявленія о раздѣлѣ, то такое соглашеніе сохраняетъ силу какъ въ пользу, такъ и противъ частныхъ правопреемниковъ. Въ объяснительной запискѣ говорится: „каждый соучастникъ общаго имущества, ограничившій свое право на него отказомъ отъ раздѣла, можетъ передать свою долю новому пріобрѣтателю не иначе, какъ съ этимъ же ограниченіемъ. Принятіе противоположнаго правила свело бы къ нулю обязательную силу соглашеній соучастниковъ относительно отказа отъ раздѣла: стоило бы соучастнику, желающему почему-либо освободиться отъ обязательнаго для него соглашенія, уступить свою долю третьему лицу, чтобы превратить въ ничто свое обязательство касательно сохраненія общей собственности" (т. I, стр. 317).

Стало быть, отказъ соучастника отъ раздѣла не обязателенъ только для его наслѣдниковъ, а для правопреемниковъ по договору обязателенъ, хотя бы соучастникъ вслѣдъ за передачею своихъ правъ на долю въ общемъ имуществѣ постороннему лицу и умеръ. Повидимому, не можетъ быть рѣшительно никакихъ основаній къ установленію означеннаго различія между правопреемниками соучастника по договору (покупщиками) и по закону (наслѣдниками). Затѣмъ, если даже стать на точку зрѣнія, принятую редакціонною коммисіею, то и тогда наслѣдникамъ умершаго соучастника могло бы быть предоставлено развѣ право требовать признанія заключен-

наго ихъ праводателемъ договора объ отказѣ отъ раздѣла недѣйствительнымъ, но едва ли необходимо вносить въ законъ постановленіе, по которому такой договоръ вообще теряетъ силу со смертью соучастника. Вѣдь, наслѣдники могутъ быть даже заинтересованы сохраненіемъ договора въ силѣ, это имъ можетъ быть выгодно и желательно. Надлежитъ имѣть въ виду, что въ договорахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, всегда есть сторона, наиболѣе заинтересованная въ томъ, чтобы отдалить время раздѣла. Иначе такіе договоры и не заключались бы, ибо, если всѣ соучастники одинаково желаютъ оставаться въ общемъ владѣніи имуществомъ, то имъ не было бы никакой необходимости входить по сему предмету въ договорное соглашеніе.

Заинтересованнымъ въ отдаленіи времени раздѣла могъ быть именно умершій соучастникъ, и если такое отдаленіе желательно и для его наслѣдниковъ, то они, конечно, вопроса о недѣйствительности договора относительно времени раздѣла не возбудятъ. Между тѣмъ, по смыслу 86-ой статьи, достаточно смерти одного изъ соучастниковъ, чтобы всѣ остальные соучастники считали себя совершенно свободными отъ принятаго на себя обязательства не требовать раздѣла ранѣе условленнаго срока. Создается такое положеніе: соучастники А, В и С заключили договоръ, по которому раздѣлъ ихъ общаго имущества можетъ послѣдовать только чрезъ пять лѣтъ со дня заключенія договора. Имѣя въ виду это соглашеніе, А производитъ затраты средствъ на улучшеніе хозяйства въ имѣніи, которыхъ онъ не дѣлалъ бы, если бы раздѣлъ предвидѣлся раньше, и затѣмъ умираетъ. Наслѣдники его очень заинтересованы въ томъ, чтобы договоръ остался въ силѣ, а между тѣмъ В и С заявляютъ: договоръ для насъ необязателенъ, ибо А умеръ. Такое положеніе едва ли можетъ имѣть прочныя юридическія основанія.

По предмету раздѣла общаго имущества въ проектъ внесены слѣдующія правила.

Ст. 89. Раздѣлъ общаго имущества производится полюбовно самими соучастниками. Въ случаѣ несогласій между ними, раздѣлъ производится судомъ.

Ст. 90. Раздѣлъ производится въ натурѣ, если изъ общаго имущества можно, соразмѣрно принадлежащей каждому соучастнику долѣ, образовать части, равныя по качеству, удобству и прочимъ выгодамъ.

Распредѣленіе между соучастниками равныхъ частей производится посредствомъ жребія.

Ст. 91. Если имущество по закону не подлежитъ раздробленію или если оно вслѣдствіе раздѣла въ натурѣ въ значительной степени обезцѣнивается, то раздѣлъ производится посредствомъ продажи общаго имущества съ публичнаго торга, примѣнительно къ правиламъ о публичной продажѣ, а вырученная сумма, за покрытіемъ издержекъ по продажѣ, распредѣляется между соучастниками соразмѣрно ихъ долямъ.

Существуютъ двѣ, подробно разобранныя въ объяснительной запискѣ системы судебнаго раздѣла общаго имущества: конститутивная и декларативная. Первая состоитъ въ томъ, что выборъ того или другаго способа раздѣла всецѣло предоставленъ усмотрѣнію судьи. Такъ, судья можетъ раздѣлить общее имущество въ натурѣ или предоставить его одному или нѣсколькимъ соучастникамъ, съ возложеніемъ на нихъ обязанности уплатить прочимъ соучастникамъ соотвѣтствующія суммы. Сверхъ того, для уравненія отдѣльныхъ частей, судья въ правѣ установить на одной изъ нихъ въ пользу другой сервитуты, ипотеки или иныя обремененія. Наконецъ, если, при помощи всѣхъ этихъ средствъ, все-таки не окажется возможнымъ составить равноцѣнныя части, то судья въ правѣ прибѣгнуть и къ публичной продажѣ общаго имущества, а вырученную на торгахъ сумму распредѣлить между соучастниками, по соразмѣрности ихъ долей.

При декларативной системѣ, судья, убѣдившись въ невозможности образовать изъ общаго имущества отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая составляла бы хозяйственную единицу, ни къ какимъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ искусственному уравненію долей, не прибѣгаетъ, а объявляетъ имущество подлежащимъ продажѣ съ публичнаго торга (т. 1, стр. 321—325).

Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ свои недостатки. Существенный недостатокъ системы конститутивной состоитъ въ томъ, что судья, обремененный массой занятій, не всегда имѣетъ возможность посвятить раздѣлу столько времени, труда и вниманія, сколько необходимо, чтобы достигнуть справедливаго во всѣхъ отношеніяхъ раздѣла общаго имущества. Система декларативная имѣетъ то главное неудобство, что на публичныхъ торгахъ имущество продается въ большинствѣ случаевъ за цѣну ниже дѣйствительной его стоимости. Составители проекта отдали предпочтеніе системѣ декларативной, достоинство коей состоитъ въ томъ, что, какъ значится въ объяснительной запискѣ, „судья не вмѣшивается въ права частныхъ лицъ“ (стр. 326), имѣя, между прочимъ, въ виду, что

продажа имущества съ торговъ можетъ имѣть мѣсто и при системѣ конститутивной.

Возможность продажи имущества и при системѣ конститутивной, повидимому, значительно ослабляетъ доводы въ пользу принятія системы декларативной. Послѣдняя безусловно требуетъ продажи имущества во всѣхъ случаяхъ, когда между соучастниками не послѣдуетъ добровольнаго соглашенія о раздѣлѣ, при чемъ изъ имущества не могутъ быть выдѣлены самостоятельныя хозяйственныя единицы, первая же имѣетъ то преимущество, что допускаетъ не только продажу, но и другіе способы раздѣла имущества. Это весьма цѣнное преимущество. Опытъ показываетъ, что требованія о продажѣ имущества нерѣдко могутъ вести къ вопіющимъ несправедливостямъ, а самая продажа почти всегда разорительна для соучастниковъ. Пишущему эти строки довелось разсмотрѣть довольно значительное число дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдства (по губерніямъ Царства Польскаго). Въ числѣ этого рода дѣлъ встрѣчается не малый процентъ такихъ, по которымъ продажа наслѣдственнаго недѣлимаго имущества, напр., не подлежащей раздробленію усадьбы, производится исключительно ради прихоти или каприза наслѣдника, не желающаго сдѣлать уступку остальнымъ наслѣдникамъ. Нужно принять во вниманіе, что отчужденіе наслѣдственной недвижимости, въ особенности дома, усадьбы, весьма нежелательно для большинства наслѣдниковъ. Человѣку тяжело разставаться съ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ онъ родился и выросъ, гдѣ каждый уголъ, каждый клочекъ земли связанъ съ воспоминаніями о жизни подъ кровлей родительскаго дома; ему жалко бросить садъ, гдѣ растутъ посаженныя и выращенныя имъ деревья, отказаться отъ нивы, которую онъ въ теченіе многихъ лѣтъ обработывалъ. Поэтому между наслѣдниками споры сводятся главнымъ образомъ къ тому, кто изъ нихъ получитъ домъ или усадьбу и кто долженъ довольствоваться такъ называемой сплатой, т. е. полученіемъ денежной суммы, соотвѣтственной стоимости его наслѣдственной доли. И вотъ здѣсь именно и заявляются требованія о продажѣ имущества, подчасъ не имѣющія ничего общаго съ справедливымъ раздѣломъ. Два брата, Иванъ и Петръ, являются наслѣдниками въ равныхъ доляхъ къ недѣлимой усадьбѣ своего умершаго отца. Усадьба, по справедливой оцѣнкѣ, стоитъ 2000 руб. Петръ желаетъ оставить усадьбу за собою, а брату Ивану предлагаетъ сплату въ 500 руб.; Иванъ заявляетъ, что этого мало и, въ свою очередь, предлагаетъ Петру сплату по дѣйствительной стоимости усадьбы въ 1000 руб. Петръ негодуетъ, сплаты въ 1000

руб. не желаетъ и говоритъ: „если такъ, усадьба ни тебѣ, ни мнѣ не достанется“, и требуетъ продажи ея съ торговъ. Онъ знаетъ, что на торгахъ 2000 руб. за усадьбу не дадутъ, она можетъ быть продана прямо за безцѣнокъ, такъ что на его долю и 500 руб. не придется. Ему, быть можетъ, и терять нѣчего, если онъ запутался въ долгахъ и все, что причтется на его долю изъ наслѣдственнаго имущества, должно пойти на уплату долговъ. Но онъ, по своимъ эгоистическимъ побужденіямъ, не хочетъ сдѣлать уступку брату. Въ такихъ случаяхъ, казалось бы, умѣстно вмѣшательство судьи не только въ „права частныхъ лицъ“,—къ чему, кстати сказать, судья и призванъ по самому существу своихъ обязанностей, разъ эти лица обращаются къ его содѣйствію,—но даже и въ интимную сторону возникшихъ между наслѣдниками разногласій, путемъ выясненія тѣхъ побудительныхъ причинъ, по которымъ тотъ или другой наслѣдникъ добивается продажи наслѣдственнаго имущества во что бы то ни стало, даже съ ущербомъ для своихъ собственныхъ интересовъ.

Въ объяснительной запискѣ, между прочимъ, говорится, что невыгодность торговъ для соучастниковъ значительно ослабляется тѣмъ, что соучастники не лишены сами права принять участіе въ торгахъ и такимъ образомъ способствовать соотвѣтственному ихъ интересамъ повышенію цѣны (стр. 326). Но способствовать повышенію цѣны далеко не то, что сохранить за собою родовое имѣніе. Пожалуй, можно было бы сказать, что наслѣдникъ, желающій оставить отцовскую усадьбу за собою, можетъ купить ее на торгахъ. Да, но для этого не всегда имѣются въ наличности въ каждый данный моментъ необходимыя средства, между тѣмъ, при покупкѣ имущества съ торговъ, необходимо внести тотчасъ или въ теченіе нѣсколькихъ дней сполна всю покупную сумму. Этимъ собственно и объясняется то обстоятельство, что на торгахъ имущества сплошь и рядомъ продаются за баснословно низкую цѣну. Покупщикъ, располагающій наличными деньгами, покупаетъ на торгахъ домъ, положимъ, за 1000 р. Другой далъ бы за этотъ домъ въ три раза больше и счелъ бы для себя покупку выгодною, но необходимыя для того деньги у него будутъ только чрезъ полгода, и онъ лишенъ возможности участвовать въ торгахъ.

Вотъ почему мы предпочли бы систему конститутивную, которая, допуская въ случаяхъ безусловной необходимости и продажу имущества съ торговъ, въ концѣ концовъ заключаетъ въ себѣ и всѣ удобства системы декларативной. Постоянная продажа съ торговъ

имуществъ, которыя не могутъ быть раздѣлены въ натурѣ, вела бы къ обезцѣненію такихъ имуществъ, къ колебанію цѣнъ на дома и усадьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ къ развитію аферизма, давала бы мѣсто стачкамъ и поводы къ разнымъ закулиснымъ соглашеніямъ между лицами, ищущими легкой наживы.

Если изъ обстоятельствъ даннаго дѣла съ очевидностью явствуетъ, что наслѣдственная усадьба по справедливости должна быть оставлена Ивану, который жилъ при отцѣ, трудился съ нимъ и способствовалъ улучшенію хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поднятію цѣнности усадьбы; что онъ предлагаетъ брату Петру сплату, вполнѣ соотвѣтствующую стоимости его наслѣдственной доли; что Петръ давно отбился отъ семьи, ведетъ разгульную и нетрезвую жизнь, хозяйствомъ заниматься не будетъ, а желаетъ лишь выжить брата Ивана изъ роднаго гнѣзда безъ всякой для себя пользы; что на торгахъ больше той цѣны, какую предлагаетъ за долю Петра его братъ Иванъ, выручено быть не можетъ,—чѣмъ оправдать продажу усадьбы, разореніе хозяйства и выселеніе Ивана изъ отцовскаго дома? Почему, ради прихоти Петра, Иванъ долженъ разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, идти съ семьей скитаться по чужимъ угламъ, между тѣмъ какъ постороннія лица, путемъ выгодной покупки, будутъ наживаться, пользуясь усадьбой, на устройство которой Иванъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ посвятилъ, быть можетъ, лучшіе годы своей жизни? Думается, что чувство справедливости должно подсказывать совсѣмъ иное разрѣшеніе возникшаго между братьями спора. Это чувство говоритъ, что усадьба должна быть предоставлена Ивану, которому вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, облегчить возможность сплаты причитающейся Петру доли, безъ разстройства хозяйства, путемъ установленія ипотечнаго долга на усадьбѣ, періодическихъ выдачъ и т. п., само собою разумѣется, безъ ущерба для интересовъ Петра. А такое, согласное съ чувствомъ справедливости разрѣшеніе спора можетъ быть достигнуто лишь при системѣ, именуемой конститутивною, при которой судья является таковымъ въ точномъ смыслѣ этого слова, вникая во всѣ подробности дѣла, а не ограничивается рѣшеніемъ ариѳметической задачи, состоящей въ раздѣленіи вырученной отъ продажи имущества суммы на части.

IV.

Право собственности на недвижимое имѣніе, возникающее изъ договора, согласно 96-ой статьѣ проекта, переходитъ къ пріобрѣ-

тателю со времени внесенія его въ вотчинную книгу. Пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній по другимъ основаніямъ совершается независимо отъ внесенія пріобрѣтателя въ вотчинную книгу.

Такимъ образомъ въ отношеніи пріобрѣтенія правъ собственности на недвижимость проектъ проводитъ два начала: 1) такъ называемой книжной собственности въ случаяхъ пріобрѣтенія имѣнія по договору и 2) естественной собственности во всѣхъ остальныхъ случаяхъ пріобрѣтенія (т. I, стр. 349). Каждое изъ этихъ началъ имѣетъ самостоятельное значеніе и не можетъ считаться по отношенію къ другому ни общимъ правиломъ, ни исключеніемъ. Въ теоретической постановкѣ вопроса, понятіе о естественной собственности представляется болѣе соотвѣтственнымъ самому существу права на имущество, чѣмъ понятіе о собственности книжной. Занесеніе въ книгу есть лишь констатированіе или даже регистрація уже существующаго права, источникомъ котораго, въ случаяхъ пріобрѣтенія имущества по договору, является сей послѣдній. Если я купилъ домъ, заплатилъ продавцу деньги, вступилъ въ обладаніе домомъ и сдѣлалъ все необходимое для записки меня собственникомъ по ипотечной книгѣ, но по забывчивости канцелярскаго чиновника запись не сдѣлана, то развѣ это дало бы правильное юридическое основаніе утверждать, что я дома не купилъ? Наконецъ, запись по книгѣ можетъ быть случайно уничтожена (книга сгоритъ), а разъ она уничтожена, то все равно, если бы ея и вовсе не было, тѣмъ не менѣе права, которыя въ свое время были констатированы записями въ этой книгѣ, не уничтожатся, они останутся въ своей силѣ, и лишь доказываніе ихъ можетъ быть затруднено. Изъ этого само собою явствуетъ, что запись по книгѣ далеко не составляетъ необходимаго условія для признанія пріобрѣтеннаго по договору права собственности на недвижимое имѣніе существующимъ. Какъ видно изъ мотивовъ къ разсматриваемой статьѣ проекта, пріобрѣтеніе по договору права собственности на недвижимость пріурочено къ моменту внесенія его въ вотчинную книгу, ради достиженія обезпеченности и твердости вотчиннаго оборота. „Введеніе института гласныхъ и достовѣрныхъ вотчинныхъ книгъ“,—говорится въ объяснительной запискѣ,—„не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, если не принять надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы вотчинная книга представляла собою, по возможности, точный и вѣрный снимокъ дѣйствительнаго юридическаго положенія имѣнія. А таковой результатъ достигается лишь въ томъ случаѣ, когда началу внесенія

придано значеніе необходимаго условія для пріобрѣтенія,—другими словами, когда возникновеніе права собственности поставлено въ непосредственную зависимость отъ внесенія въ вотчинную книгу соотвѣтственной записи" (т. I, стр. 350).

Несомнѣнно, законъ долженъ обезпечивать прочность имущественныхъ правъ, но нужно ли для этого прибѣгать къ тому раздвоенію, какое проводится 96-ю статьею проекта въ отношеніи момента возникновенія права собственности на недвижимость? Право собственности во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ должно считаться возникшимъ съ момента совершенія акта или наступленія событія, которые порождаютъ это право или, какъ принято выражаться, составляютъ правооснованіе собственности. Гласность и достовѣрность вотчинныхъ книгъ требуются, главнымъ образомъ, въ интересахъ лицъ, вступающихъ съ собственникомъ въ сдѣлки по данному имуществу. Но эти интересы, казалось бы, могутъ быть обезпечены и безъ проведенія въ законѣ начала не имѣющей прочнаго юридическаго основанія книжной собственности (и притомъ лишь для права собственности, пріобрѣтаемаго по договору). Думается, что гласность и достовѣрность вотчинныхъ книгъ нисколько не пострадали бы, если бы на ряду съ правиломъ, по которому право собственности на недвижимость, возникающее изъ договора, переходитъ къ пріобрѣтателю съ момента заключенія договора, было указано, что такой договоръ получаетъ значеніе для третьихъ, входящихъ въ сдѣлки по имѣнію, лицъ, напримѣръ, арендаторовъ, лишь со времени внесенія его въ вотчинную книгу.

Согласно 97 статьѣ, пріобрѣтеніе по договору права собственности на недвижимое имѣніе съ назначеніемъ начальнаго срока или подъ отлагательнымъ условіемъ не допускается. Правило это, какъ кажется, не имѣло бы никакого практическаго значенія. Дѣйствительно, нельзя быть „будущимъ" собственникомъ или, что тоже, одновременно быть и не быть собственникомъ. Въ объяснительной запискѣ значится: „содержащееся въ ст. 97 проекта запрещеніе не можетъ служить препятствіемъ къ заключенію договоровъ о запродажѣ. Къ договорамъ этого рода, которые, на основаніи п. 2 ст. 274 проекта вотчиннаго устава, могутъ быть совершаемы въ вотчинномъ установленіи, договаривающіяся стороны часто прибѣгаютъ вслѣдствіе невозможности совершенія въ данное время акта объ отчужденіи. Назначеніе подобныхъ предварительныхъ договоровъ и состоитъ въ томъ, что они замѣняютъ собою договоры объ отчужденіи подъ отлагательнымъ условіемъ или съ назначеніемъ

начальнаго срока, именно въ виду того, что эти условія и сроки не допускаются въ вотчинныхъ актахъ. Запрещать такіе предварительные договоры нѣтъ никакихъ основаній" (т. 1, стр. 326). Если признать, какъ значится въ объяснительной запискѣ, что назначеніе запродажной записи сводится къ замѣнѣ ею договора объ отчужденіи подъ отлагательнымъ условіемъ или съ назначеніемъ начальнаго срока, то, въ виду дальнѣйшихъ указаній, что запрещать такіе предварительные договоры нѣтъ основаній, можно было бы заключить, что постановленіе 97 ст. проекта находится въ противорѣчіи съ мотивами Но запродажная запись, именно, какъ предварительный договоръ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить окончательный договоръ объ отчужденіи, коимъ устанавливается самое право собственности пріобрѣтателя имѣнія. Въ ст. 97 подразумѣваются, конечно, окончательные договоры, а такихъ договоровъ, устанавливающихъ „будущее" право собственности, съ признаніемъ пріобрѣтателя собственникомъ съ момента заключенія договора, ни фактически, ни тѣмъ болѣе юридически быть не можетъ. На практикѣ иногда случается, что продавецъ имѣнія оставляетъ за собою на нѣкоторое время право пользовладѣнія имѣніемъ. Но это нисколько не вліяетъ на дѣйствительность сдѣлки по отчужденію имѣнія. Пріобрѣтатель, на имя котораго совершена купчая крѣпость, до истеченія срока пользовладѣнія прежняго собственника, имѣетъ такъ называемое голое право собственности. Конечно, 97 ст. проекта не можетъ препятствовать совершенію такихъ сдѣлокъ и въ будущемъ. По симъ соображеніямъ, упомянутая статья подлежала бы исключенію изъ проекта.

Проектъ вводитъ начало, по которому право собственности на движимое имущество пріобрѣтается по договору съ момента передачи имущества пріобрѣтателю. Статья 98 гласитъ:

Право собственности на движимую вещь пріобрѣтается, на основаніи заключеннаго между собственникомъ и пріобрѣтателемъ договора, со времени передачи вещи пріобрѣтателю. Передача совершается посредствомъ врученія вещи или представленія ея инымъ путемъ во владѣніе пріобрѣтателя.

Соотвѣтственно этому положенію, редактированы постановленія о пріобрѣтеніи права собственности на плоды и на отдѣленныя составныя части имущества.

Ст. 104. Тотъ, кто имѣетъ право на плоды находящагося въ его владѣніи чужаго имущества, пріобрѣтаетъ право собственности

на оные со времени ихъ отдѣленія. Если же онъ не состоитъ владѣльцемъ имущества, то плоды пріобрѣтаются имъ лишь со времени поступленія ихъ въ его владѣніе.

Ст. 105. Тотъ, кому предоставлено по договору право снести строеніе, добывать ископаемыя, рубить лѣсъ, вообще право на какія-либо составныя части имѣнія, пріобрѣтаетъ оныя со времени поступленія ихъ въ его владѣніе.

Вопросъ о зависимости пріобрѣтенія права собственности на движимое имущество отъ факта передачи этого имущества пріобрѣтателю представляедся весьма спорнымъ. Римское traditio имѣло значеніе въ свое время. Условія современной жизни далеко не тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ выработалось въ античномъ мірѣ понятіе о dominia rerum. Въ объясненіяхъ къ 98 статьѣ болѣе или менѣе вѣскихъ доводовъ въ пользу принятія проектированнаго этою статьею положенія не встрѣчаемъ. „На практикѣ",—говорится въ объяснительной запискѣ,—„нагляднымъ, для всѣхъ понятнымъ признакомъ права собственности на движимыя вещи является владѣніе ими. Отсюда, для не-юриста, средне-развитаго человѣка, выраженія „собственникъ" и „владѣлецъ" представляются однозначащими".

Затрудненіе въ подысканіи, въ теоріи и въ законѣ, формулы, которая соотвѣтствовала бы этимъ практическимъ взглядамъ, происходитъ отъ необходимости соблюсти ненарушимость права собственности, въ силу котораго собственникъ въ правѣ отыскивать свою вещь изъ чужаго владѣнія, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Не мало усилій посвящено различными законодательствами для согласованія съ этимъ началомъ вышеуказанныхъ житейскихъ потребностей, и всѣ клонящіяся къ этой цѣли системы вызывали болѣе или менѣе основательную критику. Но, какъ бы ни были различны теоріи и постановленія закона, вездѣ замѣчается выдающееся какъ въ законодательствѣ, такъ и въ судебной практикѣ стремленіе: найти исходъ, удовлетворяющій потребности оборота, обезпечивающій надлежащее значеніе владѣнію движимыми вещами, хотя бы съ отступленіемъ отъ строгой послѣдовательности въ законѣ или даже съ уклоненіемъ практики отъ буквы закона.

Задача гражданскаго уложенія по настоящему вопросу состоитъ въ изложеніи, возможно яснымъ и простомъ, тѣхъ началъ, которыя должны служить руководствомъ при рѣшеніи возникающихъ на практикѣ изъ ежедневнаго имущественнаго оборота вопросовъ, согласно справедливости и общей пользѣ. Цѣль эта всего удобнѣе будетъ достигнута принятіемъ въ основаніе пріобрѣтенія движи-

мыхъ вещей передачи вещи, по началамъ римской традиціи, съ тѣми дополненіями, которыя вызываются потребностями оборота въ наше время" (т. 1, стр. 369).

Однако, чтобы убѣдиться въ отсутствіи безусловной необходимости въ передачѣ движимаго имущества пріобѣтателю, понимаемой хотя бы и въ обширномъ смыслѣ, т. е. не только въ видѣ фактическаго врученія, но и предоставленія владѣнія имуществомъ инымъ путемъ, достаточно принять во вниманіе, что можно быть собственникомъ вещи, не имѣя таковой въ своемъ распоряженіи. Собственникъ, отдавшій свою вещь въ закладъ, не перестаетъ быть ея собственникомъ; нахожденіе вещи у пользовладѣльца не уничтожаетъ правъ того, кому эта вещь принадлежитъ, какъ собственнику. Если, такимъ образомъ, фактическое владѣніе движимымъ имуществомъ не составляетъ необходимаго элемента для юридическаго обоснованія понятія о правѣ собственности на это имущество, то почему же пріобрѣтеніе такого права по договору ставить въ безусловную зависимость отъ передачи имущества пріобрѣтателю? Вѣдь, получивъ купленную вещь и отдавъ ее немедленно въ закладъ, пріобрѣтатель остается ея собственникомъ. Почему же онъ не можетъ быть такимъ же собственникомъ и безъ процедуры перехода вещи чрезъ его руки?

Возбужденный 98 статьею проекта вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное практическое значеніе. Не говоря уже о томъ, что купленное движимое имущество можетъ, въ силу самаго договора купли-продажи, оставаться на нѣкоторое время въ пользовладѣніи продавца, когда, стало быть, не можетъ быть и рѣчи о передачѣ его покупщику, такое имущество иногда, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ или даже по желанію покупщика, остается у продавца, впредь до передачи по принадлежности. Это очень часто бываетъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи покупаются для перепродажи. Съ точки зрѣнія проекта, такая перепродажа считалась бы сдѣлкою недѣйствительною, такъ какъ продавецъ, не получивъ вещей, самъ не пріобрѣлъ еще на нихъ права собственности. Однако жизнь требуетъ совершенія такихъ сдѣлокъ, и не дозволять ихъ въ будущемъ нѣтъ никакихъ побудительныхъ причинъ.

При дѣйствіи правила, изложеннаго въ 98 статьѣ, пріобрѣтатель движимаго имущества, не могущій почему-либо немедленно взять это имущество, чтобы сохранить за собою право распоряженія имъ, какъ собственностью, вынужденъ былъ бы заключать съ продавцомъ договоръ поклажи, что безъ всякой надобности

усложняло бы сдѣлку. Затѣмъ, въ случаѣ спора между продавцомъ и покупателемъ, послѣдній, не получивъ вещей, не имѣлъ бы возможности отыскивать таковыя, какъ свою собственность, а могъ бы, развѣ въ качествѣ стороны, участвовавшей въ заключеніи сдѣлки, требовать исполненія договора, что едва ли соотвѣтствовало бы истинному положенію вещей. Зависимость возникновенія права собственности на купленную вещь отъ условія передачи ея покупщику могла бы имѣть мѣсто только при покупкѣ замѣнимыхъ вещей, напр., сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, мануфактурныхъ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ и т. п. Но, коль скоро покупается вещь точно опредѣленная, съ индивидуальными признаками, какъ, напр., художественное произведеніе, предметъ домашней обстановки и проч., покупщикъ имѣетъ право считать ее своею собственностью съ момента заключенія договора купли-продажи.

Ставъ на эту точку зрѣнія, полагаемъ, что было бы болѣе удобнымъ послѣдовать примѣру французскаго гражданскаго кодекса, по 1583 статьѣ котораго продажа считается совершившеюся между сторонами и право собственности пріобрѣтеннымъ для покупщика по отношенію къ продавцу, коль скоро послѣдовало соглашеніе о предметѣ и цѣнѣ, хотя бы предметъ и не былъ еще переданъ, а цѣна его еще не уплачена.

Постановленіе вышеприведенной 104 статьи проекта страдаетъ неясностью редакціи. При чтеніи этой статьи самъ собою возникаетъ вопросъ, въ чемъ именно состоитъ сущность того предварительнаго права, которое нужно имѣть для того, чтобы пріобрѣсти право собственности на плоды чужаго имущества. Упоминаемое въ 104 статьѣ право на плоды, дающее возможность получить эти плоды въ собственность, составляетъ право, уже пріобрѣтенное, принадлежащее данному лицу, но оно, по смыслу редакціи означенной статьи, не составляетъ, конечно, права собственности, ибо иначе не было бы необходимости вновь пріобрѣтать таковое. Это именно какое-то предварительное право. Однако, такого предварительнаго права собственности на плоды существовать не можетъ. Думается, что лежащая въ основѣ 104 статьи мысль была бы выражена точнѣе, если бы въ этой статьѣ было сказано, что пріобрѣтенное или вообще принадлежащее кому-либо право собственности на плоды чужаго имущества осуществляется со времени отдѣленія этихъ плодовъ.

Затѣмъ, требуетъ обсужденія статья 111, по которой присвоившій себѣ движимую вещь, никому прежде не принадлежавшую или

покинутую собственникомъ съ намѣреніемъ отъ нея отказаться (вещь безхозяйственную), пріобрѣтаетъ право собственности на нее.

Здѣсь возникаетъ прежде всего вопросъ, можно ли въ дѣйствительности встрѣтить вещь, никому прежде не принадлежавшую? Если эта вещь составляетъ произведеніе рукъ человѣческихъ или если она вообще принадлежитъ къ числу предметовъ, добываемыхъ трудомъ человѣка, то даже и теоретически нельзя себѣ представить, чтобы подобная вещь никому прежде не принадлежала. Такія вещи не должны быть и присваиваемы, и, если онѣ будутъ найдены, съ ними надлежитъ поступать, какъ съ находкою. Остаются, слѣдовательно, вещи, существующія внѣ всякаго воздѣйствія человѣка. Такихъ вещей, въ смыслѣ предметовъ, могущихъ съ переходомъ въ фактическое обладаніе человѣка составлять движимое имущество, очень много. Онѣ сокрыты въ нѣдрахъ земли (металлы, минералы), лежатъ на днѣ моря (жемчугъ, кораллы), находятся въ дремучихъ лѣсахъ (звѣри, птицы) и проч. Но, какъ по дѣйствующему закону, такъ и по проекту гражданскаго уложенія, всѣ такія вещи принадлежатъ собственнику имѣнія, въ предѣлахъ коего онѣ находятся (согласно 23 ст. проекта, право собственности на землю простирается на поверхность, на воздушное надъ нею пространство и на нѣдра). Можетъ ли, поэтому, человѣкъ нашедшій, положимъ, дорогую раковину на днѣ рѣки и воспользовавшійся ею, сказать, что онъ присвоилъ себѣ движимую вещь, никому прежде не принадлежавшую? Едва ли, ибо эта раковина принадлежала тому, кому принадлежитъ рѣка на правѣ собственности. Въ предѣлахъ Россійской имперіи нѣтъ ни клочка территоріи, ни воднаго пространства, никому не принадлежащихъ. Въ силу 406 ст. X т. 1 ч. Св. зак., всѣ имущества, не принадлежащія никому въ особенности, принадлежатъ къ составу имуществъ государственныхъ. Надо полагать, что это положеніе будетъ сохранено и въ гражданскомъ уложеніи, проектъ котораго разработывается. Гдѣ же взять движимую вещь, которая прежде никому не принадлежала? Такой вещи, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, существовать не можетъ. Выработанныя римлянами понятія о res nullius и о jus primi occupantis отошли въ область исторіи. Да и нужно ли вводить въ законъ положеніе о вещи, никому прежде не принадлежавшей? Какъ кажется, было бы совершенно достаточнымъ и соотвѣтственнымъ цѣли закона указать въ 111 ст. проекта на присвоеніе вещи безхозяйственной, такъ какъ подъ это понятіе подойдетъ и вещь, не составлявшая раньше чьей-либо собственности, если бы даже такая вещь въ дѣйстви-

тельности оказалась. Попутно слѣдовало бы исправить и редакціонную неточность этой статьи. Въ ней говорится о вещи, покинутой собственникомъ „съ намѣреніемъ“ отъ нея отказаться. Полагаемъ, что одного лишь намѣренія собственника отказаться отъ вещи недостаточно для того, чтобы вещь могла быть признана безхозяйственною, а нужно, чтобы собственникъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, т. е. дѣйствительно отказался отъ вещи.

V.

Указавъ въ объяснительной запискѣ, что владѣніе, само по себѣ взятое, какъ самостоятельный институтъ, не есть право, а лишь фактическое отношеніе владѣльца къ вещи, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже незаконное владѣніе пользуется защитой (531 ст. X т. 1 ч. Свод. зак.), но что въ то же время оно составляетъ извѣстное юридическое положеніе, которое можно назвать „правосостояніемъ“ (т. 1, стр. 437), и отмѣтивъ затѣмъ, что опредѣленіе владѣнія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ гражданскаго права (стр. 444), составители проекта далѣе говорятъ: „въ настоящемъ раздѣлѣ не дается опредѣленія владѣнія въ формѣ научнаго положенія, а предоставляется дальнѣйшей разработкѣ науки подысканіе соотвѣтствующей формулы. Но въ законѣ долженъ быть указанъ моментъ возникновенія владѣнія, откуда уже получается для науки и практики точное основаніе для рѣшенія вопроса, было ли въ данномъ случаѣ владѣніе или нѣтъ“ (стр.450). Согласно выводамъ редакціонной коммисіи, для наличности владѣнія необходимы два условія: 1) поступленіе имущества во власть лица, въ чемъ выражается такъ называемый въ древнемъ ученіи corpus possessionis, и 2) намѣреніе лица владѣть имуществомъ для самого себя, т. е. въ своемъ интересѣ, въ обширномъ смыслѣ, по опредѣленію науки—animus possidendi, animus rem sibi habendi. По симъ соображеніямъ, въ 136 ст. проекта внесено слѣдующее правило:

Владѣніе пріобрѣтается поступленіемъ имущества во власть лица въ соединеніи съ намѣреніемъ его владѣть имуществомъ для самого себя.

Въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ составители проекта проводятъ различіе между владѣніемъ на правѣ собственности или хотя бы въ видѣ такого права, и владѣніемъ по другимъ основаніямъ, признавая, что это различіе должно быть внесено и въ законъ. Поды-

скивая особые термины для того и другого вида владѣнія, коммисія не нашла возможнымъ принять для обозначенія владѣнія не на правѣ собственности терминъ „держаніе“, соотвѣтствующій латинскому detentio, а признала болѣе соотвѣтственнымъ назвать такое владѣніе „производнымъ“ въ отличіе отъ „самостоятельнаго“, употребленнаго для обозначенія владѣнія на правѣ собственности. Такимъ образомъ, въ проектъ внесено слѣдующее правило, изложенное въ 137 статьѣ:

Кто владѣетъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ, тотъ имѣетъ владѣніе самостоятельное (въ видѣ собственности). Всякое иное владѣніе, въ силу вотчиннаго или договорнаго права, признается производнымъ.

Подъ понятіе владѣнія производнаго, какъ значится въ объяснительной запискѣ (т. 1, стр. 456), должны быть отнесены не только тѣ виды особаго владѣнія, которые предусмотрѣны въ 514 ст. X т. 1 ч. Свод. зак., но и всякое держаніе имущества по договорнымъ отношеніямъ (наемъ, ссуда, закладъ).

Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію изложенныхъ положеній, нельзя не замѣтить, что, хотя въ объяснительной запискѣ и указано, что опредѣленіе владѣнія извѣстными законными признаками, въ видѣ юридической формулы, не входитъ въ задачи коммисіи, тѣмъ не менѣе такое опредѣленіе косвеннымъ образомъ дается 136 ст. проекта. По этой статьѣ, главнымъ признакомъ владѣнія является „власть“ лица надъ имуществомъ. Но „власть“ надъ имуществомъ и „господство“ надъ имуществомъ, составляющее существенный и въ то же время единственный признакъ права собственности, выражаютъ одно и то же понятіе, и въ этомъ отношеніи проектъ не проводитъ яснаго разграниченія между правомъ собственности и владѣніемъ.—Второй признакъ — намѣреніе владѣть имуществомъ для самого себя, почерпнутый изъ римскаго права (animus rem sibi habendi), повидимому, представляется лишнимъ. Само собою разумѣется, что владѣть имуществомъ можно только для себя. Въ объяснительной запискѣ, между прочимъ, проводится та мысль, что повѣренный, приказчикъ, слуга, въ распоряженіи коихъ находится имущество ихъ довѣрителей или хозяевъ, не могутъ считаться владѣльцами этого имущества. Но упомянутыя лица и сами не считаютъ себя владѣльцами ввѣреннаго имъ имущества. Если же по сему предмету могутъ предвидѣться сомнѣнія, то мы предпочли бы, вмѣсто указаннаго въ 136 ст. признака—владѣть имуществомъ для самого себя, внести оговорку о

томъ, что лицо, распоряжающееся чужимъ имуществомъ, по уполномочію и въ интересахъ его хозяина, не считается владѣльцемъ этого имущества.

Какъ кажется, нельзя было бы признать вполнѣ удобнымъ принятое проектомъ дѣленіе владѣнія на самостоятельное и производное. Прежде всего, постановленіе 137 ст. имѣетъ характеръ чисто теоретическаго положенія и въ такомъ видѣ никакого практическаго примѣненія имѣть не можетъ. Затѣмъ, не только владѣніе, но и многія права могутъ быть производными, почему означенное правило должно бы найти мѣсто въ общей части уложенія. Но и помимо этого принятое дѣленіе вызываетъ возраженіе и по существу вопроса. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ объясненій, подъ понятіе производнаго владѣнія подводится не только такъ называемое прекарное владѣніе (аренда, наемъ), но и владѣніе по вотчинному праву, коль скоро владѣлецъ не состоитъ собственникомъ даннаго имущества или вообще не владѣетъ имъ, какъ своею собственностью. Составители проекта исходятъ изъ того положенія, что владѣніе, несвязанное съ правомъ собственности, обыкновенно выдѣляется и передается другому лицу по волѣ собственника имущества. Но и уступка права собственности также происходитъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ по волѣ собственника, тѣмъ не менѣе переходящее къ пріобрѣтателю имущества право, само по себѣ взятое, есть право самостоятельное. Думается, что такъ же слѣдуетъ смотрѣть и на пріобрѣтеніе владѣнія по вотчинному праву. Владѣніе, основанное на вотчинномъ правѣ, несомнѣнно имѣетъ характеръ самостоятельнаго именно потому, что осуществленіе его находится внѣ всякой зависимости отъ воли собственника имущества. Казалось бы, что если и можно дѣлить владѣніе на самостоятельное и производное, то подъ послѣднимъ надлежало бы подразумѣвать лишь владѣніе, основанное на договорномъ правѣ. Строго говоря, владѣніе прекарное не можетъ быть названо владѣніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Доктрина слишкомъ расширяетъ понятіе о владѣніи и въ этомъ случаѣ расходится съ житейскими отношеніями. Въ жизни никто и никогда не называетъ квартиранта владѣльцемъ квартиры, а арендатора владѣльцемъ имѣнія, равно какъ и пользованіе нанятой квартирой или арендуемымъ имѣніемъ—владѣніемъ. Говорятъ,—арендаторъ держитъ имѣніе въ арендѣ, квартирантъ занимаетъ помѣщеніе въ домѣ. Повидимому, было бы болѣе соотвѣтственнымъ принять терминъ „содержаніе“ имущества для обезпеченія такъ на-

зываемаго владѣнія по договору, а тогда осталось бы лишь владѣніе, основанное на вотчинномъ правѣ или въ видѣ осуществленія такого права, при чемъ никакой необходимости дѣлить владѣніе на самостоятельное и производное не было бы.

Согласно 138-й статьѣ, владѣніе можетъ быть пріобрѣтено самимъ владѣльцемъ или его представителемъ. По поводу этого постановленія также можно замѣтить, что оно должно найти мѣсто въ общей части, такъ какъ не только владѣніе, но и разныя права на имущества могутъ быть пріобрѣтаемы и всякія сдѣлки по имуществу совершаемы чрезъ представителей.

По 139-й статьѣ, владѣніе почитается продолжавшимся со времени его пріобрѣтенія до его прекращенія, при чемъ не требуется ни постоянно возобновляемое намѣреніе владѣть имуществомъ, ни непрерывное пользованіе имъ.

Сами составители проекта говорятъ въ объяснительной запискѣ, что положеніе это не можетъ быть отнесено къ числу безспорныхъ (т. I, стр. 461).

Если однажды пріобрѣтенное владѣніе считается продолжающимся до момента его прекращенія и владѣлецъ не имѣетъ необходимости непрерывно пользоваться имуществомъ, то необходимо указать, при какихъ условіяхъ владѣніе должно признаваться прекращеннымъ. Въ объяснительной запискѣ говорится, что прекращеніе владѣнія наступаетъ вслѣдствіе: оставленія имущества съ намѣреніемъ владѣльца отказаться отъ владѣнія онымъ; передачи имъ имущества другому лицу съ намѣреніемъ уступить ему то владѣніе; отнятія имущества у владѣльца, а относительно движимыхъ вещей—потери и гибели вещей, а также когда вещь попадаетъ въ недоступное мѣсто (стр. 459). Редакціонная коммисія нашла однако лишнимъ указывать въ самомъ законѣ, при какихъ именно условіяхъ владѣніе должно считаться прекратившимся. Отсутствіе соотвѣтственнаго постановленія, при дѣйствіи 139-й статьи, несомнѣнно, было бы существеннымъ пробѣломъ. Необходимость изложеннаго въ сей послѣдней статьѣ правила мотивирована слѣдующими соображеніями.

Въ Россіи, въ виду огромныхъ пространствъ казенныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ земель и лѣсовъ, не мало такихъ отдаленныхъ отъ мѣста пребыванія владѣльцевъ лѣсныхъ и поземельныхъ участковъ, въ которыхъ ни сами владѣльцы, ни кто-либо изъ ихъ представителей въ теченіе многихъ лѣтъ не являются и никакими дѣйствіями своего владѣнія не проявляютъ; особенно лѣса могутъ

оставаться нетронутыми въ теченіе десятковъ лѣтъ именно съ сознательною цѣлью сохранить ихъ для будущаго. Тѣмъ не менѣе эти имущества продолжаютъ оставаться во владѣніи тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Это необходимо высказать, дабы предупредить всякія попытки постороннихъ лицъ къ присвоенію себѣ владѣнія такими, оставленными безъ присмотра, землями и сохранить за владѣльцами возможность устранять нарушенія владѣнія и присвоенія по давности посредствомъ во-время заявленныхъ владѣльческихъ исковъ, а когда нужно, то и исковъ о правѣ собственности; срокъ для тѣхъ и другихъ будетъ считаться не со времени оставленія имущества безъ присмотра, а со времени завладѣнія отвѣтчикомъ (т. I, стр. 461).

Но дѣло въ томъ, что завладѣніе едва ли можетъ быть доказано, коль скоро владѣніе прежняго владѣльца считается продолжающимся, хотя бы онъ и не пользовался имуществомъ и вообще ничѣмъ не проявлялъ своего фактическаго владѣнія. Поэтому, думается, было бы болѣе соотвѣтственнымъ редактировать 139-ю ст. въ томъ смыслѣ, что однажды пріобрѣтенное на законномъ основаніи владѣніе считается продолжающимся, пока противное не доказано лицомъ, оспаривающимъ это владѣніе. Внесеніе признака „на законномъ основаніи" представляется желательнымъ потому, что, какъ будетъ изложено ниже, давностный владѣлецъ, не имѣющій законнаго титула, самъ долженъ доказать непрерывность своего владѣнія для того, чтобы за нимъ могло быть признано право собственности на имущество.

По 148-й статьѣ, въ рѣшеніи о возстановленіи или охраненіи владѣнія судъ можетъ, по просьбѣ владѣльца, воспретить отвѣтчику дальнѣйшее нарушеніе владѣнія подъ угрозою взысканія въ пользу владѣльца денежнаго штрафа въ размѣрѣ до трехсотъ рублей за каждое нарушеніе.

Въ свое время мы высказались уже по предмету аналогичнаго постановленія, внесеннаго въ проектъ книги V гражданскаго уложенія (объ обязательствахъ), о воспрещеніи должнику дальнѣйшаго нарушенія обязательства подъ угрозою взысканія въ пользу вѣрителя денежнаго штрафа [1]),

Нарушеніе владѣнія, несомнѣнно, имѣетъ характеръ акта неправомѣрнаго, т. е. запрещеннаго. Если же самъ законъ запрещаетъ нарушеніе чужаго владѣнія, то едва ли необходимо еще

---

[1]) Журн. Мин. Юст., Апрѣль 1900 г., стр. 253.

особое запрещеніе со стороны суда, да еще подъ угрозою взысканія. Въ объяснительной запискѣ по этому предмету приведены слѣдующія соображенія.

При отсутствіи всякой обезпеченности въ повтореніи нарушеній владѣнія, уже разъ возстановленнаго рѣшеніемъ суда, очень часто, на практикѣ, такое рѣшеніе является пустою формальностью, и владѣлецъ лишенъ той увѣренности и спокойствія, сохраненіе которыхъ составляетъ задачу и значеніе всего института защиты владѣнія, ибо вслѣдъ за рѣшеніемъ можетъ послѣдовать новое нарушеніе владѣнія, и такъ далѣе до безконечности. Такой результатъ владѣльческаго иска очевидно не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя, выраженнымъ въ законѣ, и начало, по которому всякое владѣніе охраняется, остается мертвою буквою (т. I, стр. 498).

Но, если по практическимъ соображеніямъ необходимо принять мѣры къ обузданію нарушителей чужаго владѣнія, то, казалось бы, было бы болѣе правильнымъ внести въ законъ особое постановленіе о рецидивѣ умышленнаго нарушенія владѣнія, чѣмъ создавать не имѣющій прочныхъ юридическихъ основаній и потому неустойчивый институтъ судейскаго воспрещенія.

Въ статьѣ 149 указано, что всякій, владѣвшій незаконно чужимъ имуществомъ (незаконный владѣлецъ), обязанъ возвратить собственнику имущество и вознаградить его за убытки, размѣръ коихъ опредѣляется, смотря по тому, было ли незаконное владѣніе добросовѣстнымъ или недобросовѣстнымъ, а въ слѣдующей 150 статьѣ проводится различіе между владѣніемъ добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ.

Добросовѣстнымъ владѣльцемъ признается тотъ, кто получилъ владѣніе имуществомъ по договору, наслѣдованію или инымъ непротивозаконнымъ способомъ, не зная, что имущество не принадлежало лицу, отъ котораго оно досталось владѣльцу, или что это лицо не имѣло права распорядиться имуществомъ.

Добросовѣстнымъ владѣльцемъ признается также и тотъ, кто владѣетъ имуществомъ на основаніи договора о пріобрѣтеніи права собственности, хотя бы при совершеніи договора и не была соблюдена форма, предписанная закономъ для его дѣйствительности.

Всякій иной незаконный владѣлецъ признается недобросовѣстнымъ.

Такимъ образомъ, для установленія добросовѣстности владѣнія необходима наличность двухъ условій: во-первыхъ, правооснованіе перехода имущества къ владѣльцу, другими словами—законный

титулъ владѣнія (по договору, по наслѣдованію) и, во-вторыхъ, незнаніе владѣльца о томъ, что его праводатель не могъ распоряжаться имуществомъ. Первое изъ этихъ условій имѣетъ характеръ формальнаго признака добросовѣстности владѣнія, второе должно быть выводимо изъ обстоятельствъ дѣла и оцѣнки его фактическихъ данныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это послѣднее условіе является условіемъ дополнительнымъ и можетъ имѣть значеніе лишь при наличности формальнаго признака. По буквальному смыслу 150 ст., владѣлецъ, не имѣющій законнаго титула владѣнія, никогда не можетъ быть признанъ владѣльцемъ добросовѣстнымъ. Но, какъ кажется, не можетъ быть достаточнаго основанія связывать понятіе о добросовѣстности дѣйствій человѣка съ исполненіемъ чисто формальныхъ требованій закона уже потому, что законъ иногда не исполняется тѣмъ или другимъ лицомъ по невѣдѣнію или недоразумѣнію, при самыхъ благонамѣренныхъ побужденіяхъ этого лица. Разсматриваемая статья проекта вызывала бы на практикѣ не мало затрудненій. Возьмемъ примѣръ. Владѣлецъ, пріобрѣвшій имѣніе, считаетъ необходимымъ возобновить изгладившіяся границы этого имѣнія или обозначить ихъ болѣе ясными признаками, напр., окопать свою землю рвомъ, вмѣсто существовавшей раньше борозды. Онъ проводитъ границу, согласно имѣющемуся у него описанію имѣнія по купчей крѣпости, а также плану. Но, какъ извѣстно, описаніе границъ имѣнія обыкновенно излагается въ общихъ чертахъ, а планы бываютъ иногда невѣрны (углы, длина линій не соотвѣтствуютъ дѣйствительности), и владѣлецъ можетъ безъ всякаго намѣренія нарушить чужое владѣніе и обогатиться на чужой счетъ, захватить участокъ земли своего сосѣда. Если это обнаружится впослѣдствіи, захватившій будетъ считаться незаконнымъ владѣльцемъ ошибочно прирѣзаннаго къ его имѣнію участка и долженъ возвратить его сосѣду. Но можно ли сказать, что онъ владѣлъ имъ недобросовѣстно? По проекту, о добросовѣстномъ владѣніи здѣсь не могло бы быть и рѣчи, ибо захватившій участокъ земли своего сосѣда владѣлъ этимъ участкомъ безъ законнаго основанія, однако чувство справедливости едва ли дозволило бы считать подобное владѣніе чужою собственностью, по ошибкѣ, владѣніемъ недобросовѣстнымъ. Самое названіе „недобросовѣстный владѣлецъ" было бы для него въ данномъ случаѣ въ высшей степени обиднымъ (вѣдь, это названіе далеко не лестно) и не соотвѣтствовало бы обстоятельствамъ дѣла.

По правиламъ объ отвѣтственности за незаконное владѣніе взыски-

ваются убытки, причиняемые такъ называемымъ „провладѣніемъ" (когда владѣніе продолжается болѣе условленнаго срока), о чемъ въ проектѣ вовсе не упоминается. Чужое имущество можетъ попасть къ постороннему лицу совершенно случайно, и это лицо должно отвѣчать, по правиламъ незаконнаго владѣнія, если умышленно удержитъ чужое имущество, не возвращая его по принадлежности. Но такой случайный держатель чужаго имущества иногда не возвращаетъ его немедленно прямо изъ предосторожности. Къ нему являются, положимъ, наслѣдники умершаго собственника этого имущества. По закону, наслѣдники могутъ вступить въ обладаніе наслѣдственнымъ имуществомъ, стало быть, и получить его отъ посторонняго держателя и безъ утвержденія въ правахъ наслѣдства. Такой держатель можетъ усомниться въ самомъ правѣ наслѣдниковъ на находящееся у него случайно имущество, тѣмъ болѣе, что послѣднее могло быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій умершаго собственника. По проекту, означенный держатель, не возвратившій немедленно даннаго имущества наслѣдникамъ, будетъ отвѣчать, какъ недобросовѣстный владѣлецъ, ибо у него законнаго основанія владѣть имуществомъ не было, но можно ли назвать или считать его недобросовѣстнымъ владѣльцемъ съ чисто житейской точки зрѣнія? Поэтому, смѣемъ полагать, было бы болѣе цѣлесообразнымъ вовсе отказаться отъ законнаго признака добросовѣстности владѣнія, предоставивъ суду, какъ и по дѣйствующему закону, въ каждомъ конкретномъ случаѣ опредѣлить, было ли владѣніе добросовѣстнымъ или нѣтъ.

Статья 151 требовала бы редакціоннаго исправленія. Въ ней значится: добросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить собственнику покупную сумму, полученную за отчужденное имущество. За безвозмездное отчужденіе имущества добросовѣстный владѣлецъ отвѣтственности не подлежитъ.

Можно подумать, что здѣсь идетъ рѣчь о фактическомъ владѣльцѣ, въ распоряженіи коего находится имущество въ моментъ взысканія покупной суммы, но тогда непонятно, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ „полученной покупной суммой". Изъ объяснительной записки видно, что здѣсь говорится о „бывшемъ" владѣльцѣ „И добросовѣстный владѣлецъ",—читаемъ въ объясненіяхъ,—„не долженъ обогащаться на счетъ собственника, поэтому, если онъ продалъ имущество, онъ отвѣчаетъ собственнику, но не выше полученной за отчужденіе суммы" (т. I, стр. 511).

Далѣе, возникаетъ вопросъ, почему интересы законнаго соб-

ственника должны находиться въ зависимости отъ такой случайности, какъ возмездное или безвозмездное отчужденіе его имущества владѣльцемъ незаконнымъ. И на этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ лишь въ объяснительной запискѣ.

„Правило ст. 151 вытекаетъ изъ началъ, принятыхъ въ основаніе всей системы. Коль скоро добросовѣстный владѣлецъ, согласно этой системѣ, отвѣчаетъ собственнику за отчужденное имущество лишь въ предѣлахъ полученной за отчужденіе цѣны, т. е. въ предѣлахъ своего обогащенія, то, если отчужденіе было безвозмездно, значитъ, онъ не обогатился, а слѣдовательно, онъ и не долженъ вовсе отвѣчать за недостающее имущество. Кромѣ того, согласно ст. 8 и 13 проекта, имущества, какъ недвижимыя, такъ и движимыя, безвозмездно пріобрѣтенныя отъ незаконнаго владѣльца, могутъ быть всегда отыскиваемы у пріобрѣтателя. Отсюда вытекаетъ, что искъ собственника можетъ быть направленъ лишь къ пріобрѣтателю" (т. I, стр. 512).

Однако разсматриваемая статья далеко не выражаетъ собою всѣхъ этихъ положеній.

Затѣмъ, статью эту необходимо согласовать съ 149 статьею, по которой законному владѣльцу подлежитъ возвращенію самое имущество, а не стоимость его. Въ виду того не подлежащаго оспариванію начала, что никто не можетъ передать другому больше правъ, чѣмъ самъ имѣетъ, всѣ правопреемники незаконнаго владѣльца, чрезъ сколько бы рукъ имущество ни прошло, должны считаться также незаконными владѣльцами. Стало быть, законный владѣлецъ всегда въ правѣ обратиться съ требованіемъ о возвратѣ имущества къ фактическому его держателю, минуя всѣхъ предъидущихъ незаконныхъ владѣльцевъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда имущество погибло или когда фактическій владѣлецъ пріобрѣлъ имущество при такихъ условіяхъ, при которыхъ наступаетъ безповоротность правъ собственности. Въ объяснительной запискѣ, между прочимъ, значится:

„Въ ст. 151 предусмотрѣнъ случай, когда, за невозможностью получить обратно самое имущество, собственникъ въ правѣ требовать отъ владѣльца вознагражденія за недостающее имущество либо части его. Вопросъ о томъ, когда имущество подлежитъ виндикаціи собственника изъ владѣнія третьихъ пріобрѣтателей, разрѣшается правилами ст. 8, 13, 35—38. Если имущество было продано и наступила безповоротность пріобрѣтенія покупщикомъ, собственнику остается лишь искать отъ продавца вознагражденія. Если же имущество

подлежитъ виндикаціи, то отъ воли собственника зависитъ или отыскивать самое имущество изъ владѣнія третьяго лица, или требовать покупной суммы либо стоимости имущества отъ первоначальнаго незаконнаго владѣльца, передавшаго его третьему лицу" (т. I, стр. 514).

Казалось бы, было бы нелишнимъ указать въ 151 статьѣ, что изложенное въ ней правило подлежитъ примѣненію лишь въ случаяхъ невозможности возвращенія по принадлежности самаго имущества.

Я. К. Городыскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ УГОЛОВНЫМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1901[1]) И 1902 ГОДУ.

Составилъ **М. П. Шрамченко.**

I. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Ст. 115. Декабря 18. По дѣлу *Баера.*

Одно лишь обнаруженіе въ торговомъ или промышленномъ заведеніи негодныхъ или вредныхъ для здоровья припасовъ въ запечатанныхъ, запломбированныхъ или инымъ подобнымъ образомъ задѣланныхъ помѣщеніяхъ, само по себѣ не можетъ служить еще основаніемъ для примѣненія ст. 115 уст. о нак., но необходимо установить: или что въ торговомъ заведеніи умышленно хранились припасы, въ которыхъ завѣдомо для торговца входили вредныя для здоровья примѣси, или же, что торговецъ, имѣя возможность удостовѣриться въ присутствіи въ этихъ припасахъ вредныхъ для здоровья примѣсей, упустилъ это сдѣлать по неосторожности или небрежности.

II. Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 1692. Декабря 18. По дѣлу *Кронберга* и *Симсона.*

По точному смыслу ст. 1692 улож. о наказ., ею предусматривается поддѣлка домашнихъ актовъ или бумагъ, не относящихся

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1902 г. Мартъ, стр. 303.

къ числу указанныхъ въ ст. 1691 того же уложенія, или чьихъ-либо печатей, или же употребляемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ частными лицами штемпелей, т. е. такихъ знаковъ, которые, будучи прикладываемы къ домашнимъ актамъ, служатъ удостовѣреніемъ большей достовѣрности послѣднихъ. Посему, для примѣненія 1692 ст. къ виновнымъ въ поддѣлкѣ частныхъ клеймъ, налагаемыхъ не на акты или бумаги, а къ какимъ-либо инымъ предметамъ, напр., на бревна, не представляется законнаго основанія.

За 1902 г.

I. Уставъ уголовнаго судопроизводства.

Ст. 6. Марта 26. По дѣлу *Стопкина.*

Вознагражденіе за убытокъ, причиненный арендатору городскихъ вѣсовъ самовольнымъ взвѣшиваніемъ на вѣсахъ чужаго товара за плату, подлежитъ взысканію совершенно независимо отъ того, было ли предъявлено полиціей причинившему этотъ убытокъ требованіе о прекращеніи самовольнаго взвѣшиванія чужаго товара и было ли это требованіе имъ исполнено; поэтому вознагражденіе это, какъ не находящееся въ зависимости отъ вины въ проступкѣ уголовномъ, можетъ быть взыскиваемо не иначе, какъ въ судѣ гражданскомъ.

Ст. 1066. Мая 7. По дѣлу *Сысоева.*

Счетоводы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ за преступленія по службѣ предаются суду, какъ должностныя лица, такъ какъ, хотя счетоводы и не занимаютъ должностей штатныхъ, въ законномъ порядкѣ установленныхъ, и не пользуются правомъ государственной службы, но въ составленной на основ. 746 ст. учр. мин. пут. сообщ. вѣдомости штатнаго содержанія, квартирнаго довольствія и лично присвоеннаго содержанія служащихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 1900 г. показаны и счетоводы (отд. 1, гл. 1 Екатерин. желѣз. дор.).

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Ст. 21. Марта 26. По дѣлу *Забѣгаева.*

Хотя Уголовный Кассаціонный Департаментъ, въ рѣшеніи 1872 г. № 275, и разъяснилъ, что общія правила исчисленія сроковъ, постано-

вляемыя въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, должны быть принимаемы къ руководству при исчисленіи сроковъ давности въ тѣхъ случаяхъ, для коихъ не установлено особаго правила въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, но рѣшеніе это имѣетъ исключительно процессуальное значеніе и не можетъ имѣть руководящаго значенія въ вопросѣ матеріальнаго права, въ области котораго давностные сроки не могутъ быть отождествляемы съ процессуальными и особенно съ тѣми, опредѣленіе которыхъ содержится въ уст. гражд. суд.; къ числу таковыхъ должна быть отнесена и ст. 824 уст. гражд. суд., согласно которой день совершенія того дѣйствія, отъ коего исчисляется срокъ, не полагается въ счетъ. Практикою Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента установлено, что теченіе уголовной давности исчисляется съ момента совершенія преступленія, въ виду чего необходимо признать, что руководство при исчисленіи давностнаго срока означеннымъ процессуальнымъ правиломъ привело бы къ отягощенію участи обвиняемаго и нарушило бы основное начало, по которому теченіе давности должно быть благопріятно для обвиняемаго.

Ст. 29, 61 и 63. Февраля 5. По дѣлу *Сироты*.

Евреи, незаконно пребывающіе внѣ черты еврейской осѣдлости или, вопреки законамъ 1882 и 1887 г., внѣ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ ихъ осѣдлости: 1) немедленно по обнаруженіи высылаются на постоянное ихъ жительство мѣрами полиціи, безъ примѣненія къ нимъ ст. 29 уст. о нак., и 2) къ судебному преслѣдованію они привлекаются послѣ такого выселенія и притомъ по мѣсту постояннаго жительства, а не по мѣсту незаконнаго проживанія, на основ. 61 (по прод. 1895 г.) или 63 ст. уст. о нак., т. е. при наличности въ дѣяніяхъ ихъ всѣхъ признаковъ, сими статьями для наказуемости предусматриваемыхъ ими проступковъ требуемыхъ.

Ст. 29. Марта 26. *По дѣлу Стопкина.*

Такъ какъ сборъ за употребленіе общественныхъ мѣръ и вѣсовъ не имѣетъ характера дохода съ городскаго имущества, а установленъ ст. 135 город. полож. въ качествѣ одного изъ налоговъ въ пользу города, и таковаго своего характера этотъ сборъ не утрачиваетъ и отъ сдачи его съ торговъ въ арендное содержаніе частнымъ лицамъ, которыя въ семъ случаѣ являются лишь откупщиками даннаго налога, то посему требованіе полиціи о прекра-

щеніи самовольнаго взвѣшиванія чужихъ товаровъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ общественныя важни сдаются съ торговъ, представляется законнымъ, и неисполненіе такого требованія является проступкомъ, предусмотрѣннымъ ст. 29 уст. о наказ., подобно тому какъ такимъ же проступкомъ признано неисполненіе требованія полиціи о прекращеніи незаконно устроенной (въ ущербъ земскому перевозу) переправы чрезъ рѣку за деньги (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1879 г. № 45).

Ст. 29. Мая 7. По дѣлу *Ульберта.*

Если законъ не устанавливаетъ за неисполненіе какихъ-либо его требованій уголовной отвѣтственности, то таковая не можетъ быть установлена въ охрану сего закона и обязательными постановленіями властей, если онѣ особо на то закономъ же не уполномочены. Посему неисполненіе баптистскимъ наставникомъ объявленнаго ему циркуляра губернатора о томъ, что онъ обязанъ, при крещеніи въ баптизмъ членовъ евангелическо-лютеранской церкви, требовать предъявленія свидѣтельствъ надлежащихъ пасторовъ въ томъ, что обращаемый въ баптизмъ заявилъ пастору о своемъ намѣреніи перейти въ баптизмъ, не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе 29 ст. уст. о нак., такъ какъ ст. 779 примѣч. т. XI, ч. 1 Св. зак., указывающая правила, коими долженъ руководствоваться баптистскій наставникъ при отправленіи лежащихъ на немъ обязанностей, никакого уголовнаго наказанія за неисполненіе этихъ обязанностей не налагаетъ.

Ст. 65 и 66. Февраля 5. По дѣлу *Гермонта.*

При отсутствіи закона, обязывающаго собственниковъ земли, пограничной съ кладбищемъ, наблюдать, при возведеніи на оной построекъ, какое-либо разстояніе послѣднихъ отъ кладбищъ, не можетъ имѣть мѣста и отвѣтственность тѣхъ собственниковъ по ст. 65 и 66 уст. о нак. за устройство зданій безъ соблюденія какого-либо разрыва отъ границы кладбищъ.

Ст. 169. Мая 7. По дѣлу *Иванова.*

Освѣщеніе своей квартиры электричествомъ Общества, посредствомъ провода, безъ вѣдома и согласія Общества, тока отъ кабельной сѣти Общества,—заключаетъ въ себѣ всѣ признаки кражи, такъ какъ электричество успѣло уже стать для людей извѣстнымъ

экономическимъ благомъ, на пріобрѣтеніе котораго затрачиваются, въ видѣ топлива, рабочаго труда и машинъ, вполнѣ и несомнѣнно реальныя цѣнности и которое стало предметомъ мѣноваго оборота въ общежитіи, т. е. обладаетъ всѣми признаками имущества въ смыслѣ закона.

III. Уложеніе о наказаніяхъ.

Ст. 87. Января 22. По дѣлу *Бровкина.*

Исключенію изъ службы безъ замѣны сего наказанія тюрьмою по ст. 87 улож. подлежатъ только лица, изъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ *по правамъ состоянія*, а не по особымъ постановленіямъ, ибо согласно 95 ст. проекта уложенія о наказаніяхъ 1844 г., соотвѣтствующей нынѣшней 87 ст. улож., состоящія на службѣ, не изъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ лица могли быть присуждаемы, вмѣсто исключенія изъ службы, къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, при чемъ составители проекта имѣли въ виду лицъ низшихъ состояній, къ которымъ не всегда удобно примѣнять такія наказанія, какъ исключеніе изъ службы или удаленіе отъ должности, а изъ отчета Государственнаго Совѣта за 1886 годъ объ измѣненіи ст. 87 улож. и изъ соображеній Управляющаго Министерствомъ Юстиціи въ представленіи объ измѣненіяхъ этого законоположенія видно, что замѣну исключенія изъ службы тюремнымъ заключеніемъ предполагалось установить для должностныхъ лицъ непривилегированныхъ сословій.

Ст. 139 ч. 2. Марта 26. По дѣлу *Коршуновой.*

Хотя въ виду уголовнаго характера наказанія, опредѣляемаго для бродягъ и назначаемаго притомъ не въ предѣлахъ общей системы наказаній, не можетъ имѣть мѣста примѣненіе къ несовершеннолѣтнимъ бродягамъ правила о пониженіи наказанія на одну или двѣ степени согласно 1 ч. 140 ст. улож. о нак., но это обстоятельство не исключаетъ возможности какого-либо смягченія наказанія бродягамъ, имѣющимъ отъ 17 лѣтъ до 21 года. Общая 136 ст. признаетъ несовершеннолѣтіе обстоятельствомъ, безусловно уменьшающимъ вину и строгость наказанія, и, если согласно 2 ч. 139 ст. улож., уменьшается на $^1/_3$ срокъ наказанія даже для присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ несовершеннолѣтнимъ, то нѣтъ законнаго основанія отказывать въ такомъ же сокращеніи

срока содержанія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ (или въ тюрьмѣ для женщинъ) лицамъ, присужденнымъ за бродяжество къ наказанію, сопряженному со ссылкою на островъ Сахалинъ и имѣющему, вслѣдствіе сего, характеръ наказанія уголовнаго.

Ст. 152 по прод. 1895 г. Января 22. По дѣлу *Кондратовича.*

Рѣшеніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 1876 г. № 173 по дѣлу Федоровича и др., коимъ указано, что, хотя наказаніе, положенное за извѣстное преступленіе для перечисленныхъ въ примѣч. къ V отд. 30 ст. улож. о нак. лицъ, и не входитъ въ общую лѣстницу наказаній, изложенныхъ въ ст. 30, но обстоятельство это не даетъ основанія для непримѣненія общаго правила, установленнаго 4 п. 152 ст. улож. о нак.,—не утратило своего значенія и послѣ измѣненія редакціи 152 ст. по прод. 1895 г., такъ какъ изъ сопоставленія узаконеній, содержащихся въ ст. 43 и 50 улож. о наказ., очевидно, что лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ является наказаніемъ, несомнѣнно болѣе тяжкимъ, чѣмъ лишеніе только нѣкоторыхъ правъ.

Ст. 196, ч. 1. Марта 26. По дѣлу *Скрыгниковой.*

Употребленныя лицомъ, принадлежащимъ къ сектѣ штундистовъ, выраженія: „что его вѣра лучше, что иконъ почитать не слѣдуетъ, что лучше бросить православіе и что его единовѣрцы не ругаются“— заключаютъ въ себѣ лишь только мнѣніе этого лица о вѣрѣ, но не могутъ быть отнесены къ понятію о такихъ уговорахъ совращаемаго или о томъ воздѣйствіи на его умъ, которые могли бы убѣдить его въ справедливости выраженнаго мнѣнія о вѣрѣ и побудить его къ переходу въ штунду.

Ст. 271. Мая 7. По дѣлу *Рудника и Быховыхъ.*

Неисполненіе полицейскимъ чиновникомъ при производствѣ дознаній какихъ-либо установленныхъ для сего правилъ не придаетъ самимъ дѣйствіямъ полицейскаго чиновника, правильнымъ по существу, свойства незаконности, а потому и насильственное сопротивленіе, этимъ дѣйствіямъ оказанное, не утрачиваетъ своего преступнаго значенія и должно быть подводимо подъ 271 ст. улож. о нак.

Ст. 296, 554, 1354 и 1692 ч. 2. Февраля 5. По дѣлу *Анфимова.*

Дѣяніе обвиняемаго, выразившееся въ томъ, что съ цѣлью избѣжать уголовной отвѣтственности и денежнаго взысканія за самовольно вырубленный въ удѣльной дачѣ лѣсъ, наложилъ на этотъ лѣсъ поддѣльныя клейма изъ такихъ буквъ, которыя накладывались на законно пріобрѣтенный въ удѣльныхъ дачахъ лѣсъ, не можетъ быть подводимо: 1) ни подъ 2 ч. 1692 ст. улож. о нак., карающую случаи употребленія поддѣльныхъ частныхъ печатей и штемпелей на частныхъ актахъ или обязательствахъ, домашнимъ порядкомъ совершенныхъ и упоминаемыхъ въ 1 ч. 1692 ст., а не случаи приложенія таковыхъ печатей и штемпелей, хотя бы въ качествѣ удостовѣряющаго знака, на какіе-либо иные предметы; а одно изготовленіе, хотя бы и съ преступною цѣлью, орудій, служащихъ для наложенія частныхъ печатей и штемпелей, составляетъ ненаказуемое приготовленіе къ подлогу; 2) ни подъ 296 и 554 ст. улож., такъ какъ удѣльное вѣдомство, согласно 10 ст. уст. лѣсн., въ порядкѣ управленія лѣсами не пользуется правами казенныхъ управленій (рѣш. Угол. Кассац. Депар. 1879 г. № 22, 1871 г. № 789 и др.), и 3) ни подъ ст. 1354 улож. о нак., ибо она имѣетъ въ виду только поддѣлку знаковъ промышленныхъ или торговыхъ, и притомъ учиненную торговцемъ или промышленникомъ.

Ст. 294, 362 и 364. Мая 7. По дѣлу *Сысоева.*

Подложное составленіе счетоводомъ желѣзной дороги билета на право дароваго проѣзда по этой дорогѣ, представляя по существу своему подлогъ такихъ неважныхъ по своимъ послѣдствіямъ документовъ, употребленіе коихъ, хотя и можетъ принести пользу виновному, но не угрожаетъ серьезной опасностью имуществу и личности другихъ, ближе всего подходитъ подъ дѣйствіе 364 ст. Означенное дѣяніе не можетъ быть подведено ни подъ дѣйствіе 362 ст., такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ ни одному изъ видовъ подлога, въ этой статьѣ перечисленныхъ, ни подъ дѣйствіе 294 ст., ибо желѣзнодорожный билетъ не можетъ быть признанъ имѣющимъ значеніе тѣхъ документовъ, о коихъ упоминается въ этой статьѣ.

Ст. 297, ч. 1. Февраля 5. По дѣлу *Розенберга.*

Для примѣненія 1 ч. 297 ст. улож. о нак. необходимо установить, что виновнымъ самовольно изготовлено такое орудіе, которое можетъ служить для наложенія удостовѣрительнаго знака какого-

либо судебнаго или правительственнаго мѣста или должностнаго лица, какъ, напр., печать, штемпель; самовольное же изготовленіе бланковаго штемпеля не можетъ быть подводимо подъ карательный законъ, ибо бланки, понимая подъ ними означеніе на мѣстахъ чистой бумаги заголовковъ, содержащихъ наименованіе учрежденія, употребляются исключительно для облегченія переписчиковъ, въ исполненіе требованія 141 ст. об. учр. губ. о томъ, чтобы на каждой исходящей бумагѣ было означено мѣсто, отъ котораго бумага посылается.

Ст. 302. Марта 26. По дѣлу *Гольдина*.

Такъ какъ возложеніе на раввиновъ обязанности совершать религіозные обряды евреевъ и установленіе отвѣтственности за совершеніе ихъ другими лицами, какъ это видно изъ соображенія источниковъ, на которыхъ основана ст. 1325 и 1-е примѣч. къ ней ч. 1 т. XI Свод. зак. и ст. 302 улож. о нак., были вызваны стремленіемъ законодателя установить правильную регистрацію еврейскаго населенія, и такъ какъ въ ст. 302 улож. о нак., помѣщенной въ раздѣлѣ IV „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія", установлена отвѣтственность именно за нарушеніе постановленія, особо указаннаго въ ст. 1325, введенной въ законодательство въ интересахъ порядка управленія,— надлежитъ признать, что примѣненіе ст. 302 улож. о нак. къ лицамъ, не состоящимъ въ должности раввина или его помощника, обусловливается не фактомъ исполненія извѣстнаго еврейскаго обряда, а намѣреннымъ устраненіемъ раввина отъ исполненія возложенныхъ на него, въ интересахъ регистраціи еврейскаго населенія и слѣдовательно въ интересахъ порядка управленія, обязанностей.

Ст. 394 и 395. Марта 5. По дѣлу *Ксенофонтова*.

Означенныя въ ст. 394 и 395 улож. о нак. наказанія назначаются только за нарушеніе долга той служебной подчиненности, которая указана въ уставѣ о службѣ гражданской, и посему главнымъ и необходимымъ условіемъ для подведенія оскорбленій, нанесенныхъ однимъ лицомъ другому, подъ дѣйствіе названныхъ статей надлежитъ считать нахожденіе какъ оскорбленнаго, такъ и оскорбителя на государственной или общественной службѣ. А такъ какъ отношенія начальниковъ мѣстъ заключенія и тюремныхъ инспекторовъ, какъ органовъ власти по завѣдыванію названными

мѣстами, къ содержащимся въ нихъ арестантамъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣми особыми отношеніями, въ какихъ, на основаніи ст. 712 уст. о служб. гражд. т. III Свод. зак., начальствующія лица состоятъ къ другимъ служащимъ, имъ подчиненнымъ въ порядкѣ службы гражданской, то и нанесенныя названнымъ должностнымъ лицамъ арестантами оскорбленія не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе 394 и 395 ст. улож. о нак.

Ст. 1165. Марта 26. По дѣлу *Унгера.*

Такъ какъ дѣла о неосторожномъ банкротствѣ возбуждаются въ Варшавскомъ судебномъ округѣ независимо отъ жалобъ потерпѣвшихъ и, согласно 490 и 588 ст. торг. код., преслѣдуются въ порядкѣ суда уголовнаго прокурорскимъ надзоромъ, то и назначеніе виновному въ такомъ банкротствѣ опредѣленнаго въ ст. 1165 улож. о нак. тюремнаго заключенія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ требованія и усмотрѣнія заимодавцевъ.

По дѣйствующему въ Варшавскомъ судебномъ округѣ мѣстному торговому праву неосторожный банкротъ не можетъ быть приговоренъ къ лишенію правъ торговли.

Ст. 1181. Марта 5. По дѣлу *фонъ-Лоретцъ-Эблина.*

Сущность преступленія, предусмотрѣннаго въ 1181 ст. улож. о нак., заключается въ склоненіи покупщиковъ подарками, обѣщаніями или инымъ образомъ не участвовать въ торгахъ, при чемъ необходимымъ признакомъ этого преступленія представляется, во-первыхъ, *устраненіе* покупщиковъ отъ участія въ торгѣ, а во-вторыхъ—устраненіе *лицъ, дѣйствительно желающихъ* участвовать въ покупкѣ имѣнія съ публичнаго торга.

IV. Уставъ объ акцизныхъ сборахъ, изд. 1901 г.

Ст. 1110, 1111 и 1113. Января 22. По общему вопросу.

Производство въ Закавказскомъ краѣ (кромѣ Черноморской губ.) безпатентной торговли крѣпкими напитками изъ дома терпимости предусмотрѣно ст. 1110 или 1111 уст. объ акциз. сбор., изд. 1901 г., смотря по тому, производится ли эта торговля въ единичныхъ случаяхъ или въ видѣ промысла, такъ какъ эти статьи караютъ всякую неоплаченную патентнымъ сборомъ торговлю крѣп-

кими напитками, гдѣ бы она ни производилась, не исключая заведеній, въ которыхъ вовсе не допускается продажа крѣпкихъ напитковъ.

Производство въ Закавказскомъ краѣ (кромѣ Черноморской губерніи, въ которой введена казенная продажа питей) изъ трактирнаго заведенія торговли крѣпкими напитками на выносъ предусмотрѣно ст. 1113 уст. объ акциз. сб., изд. 1901 г., потому что статья эта караетъ, между прочимъ, производство торговли крѣпкими напитками въ заведеніяхъ, для того устроенныхъ, несогласно съ патентомъ (кромѣ случая, указаннаго въ ст. 1133), а производство торговли крѣпкими напитками на выносъ изъ трактировъ въ Закавказскомъ краѣ, въ которомъ (кромѣ Черноморской губ.) на основаніи ст. 634 и 665 п. 3 того же устава, изд. 1901 г., допускается въ трактирныхъ заведеніяхъ продажа крѣпкихъ напитковъ исключительно распивочно, составляетъ именно торговлю крѣпкими напитками, несогласно съ патентомъ, дающимъ право лишь на распивочную продажу сихъ напитковъ.

Къ вышеозначеннымъ нарушеніямъ не можетъ быть примѣняема ст. 51^5 уст. о нак., потому что она предусматриваетъ проступки иного рода, а именно: торговлю крѣпкими напитками по патенту въ такомъ мѣстѣ, гдѣ торговля эта запрещена, или же лицомъ, не имѣющимъ права производить торговлю питіями вообще, или въ данной мѣстности. Притомъ ст. 51^5 уст. о нак. принадлежитъ къ группѣ карательныхъ законовъ, предусматривающихъ нарушеніе однихъ лишь полицейскихъ правилъ, касающихся продажи крѣпкихъ напитковъ, безпатентная же торговля сими напитками въ домѣ терпимости и торговля на выносъ изъ трактировъ въ Закавказскомъ краѣ нарушаютъ не одни полицейскія правила, касающіяся продажи оныхъ, а фискальные интересы казны.

V. Положеніе о коробочномъ сборѣ.

Ст. 49, 52 и 73. Января 22. По дѣлу *Наделя.*

Дѣйствіе карательныхъ постановленій положенія о коробочномъ сборѣ не распространяется на Курляндскую губ., гдѣ коробочные сборы остаются на прежнемъ основаніи, т. е. на основаніи положенія 1839 г., въ которомъ никакихъ взысканій за уклоненіе отъ платежа коробочнаго сбора не было опредѣлено. Въ виду сего уклоненіе отъ платежа коробочнаго сбора въ городахъ Курляндской губ. не составляетъ уголовно наказуемаго дѣянія.

Установленная ст. 73 положенія о коробочномъ сборѣ обязанность каждаго еврея уплачивать коробочный сборъ опредѣляется не мѣстомъ его жительства, а мѣстомъ приписки, и потому, если онъ по принадлежности своей къ какому-либо городскому состоянію одного изъ городовъ Курляндской губ. не подлежитъ указанному взысканію, то, очевидно, онъ таковому подвергнутъ быть не можетъ, проживая въ сельской мѣстности той же губерніи.

VI. Уставъ врачебный.

Ст. 697. Февраля 5. По дѣлу *Гермонта.*

Ст. 697 уст. врачеб., по содержанію своему и въ связи съ предшествующими ей двумя статьями того же устава, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ею опредѣляется лишь порядокъ дѣйствій, при устройствѣ городскихъ и сельскихъ кладбищъ, подлежащихъ общественныхъ (городскихъ и сельскихъ) учрежденій и наблюдающихъ за симъ властей, а вовсе не возлагается какой-либо обязанности на собственниковъ земель, прилегающихъ къ участкамъ, отведеннымъ названными общественными учрежденіями подъ кладбище, напр., испрашивать надлежащее разрѣшеніе на возведеніе на ихъ земляхъ жилыхъ строеній. Выводить же такую обязанность для частныхъ владѣльцевъ земель изъ предписанія закона городамъ и селамъ ограждать свою безопасность въ санитарномъ отношеніи устройствомъ кладбищъ на извѣстномъ разстояніи отъ жилыхъ строеній не представляется возможнымъ, ибо по ст. 420 и слѣд. т. X ч. I зак. гражд. собственнику земли принадлежитъ право владѣть, пользоваться и распоряжаться этимъ своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію и, между прочимъ, по своему же усмотрѣнію возводить на своей землѣ жилыя и хозяйственныя постройки; если же власть собственника надъ своимъ имуществомъ и подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ, то ограниченія эти налагаются и могутъ быть налагаемы на собственника не иначе, какъ положительнымъ о томъ предписаніемъ закона.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1902 ГОДУ.

Составилъ **Д. Д. Черновъ**.

А. Матеріальные гражданскіе законы.

а) т. X ч. 1 Свод. зак. гражд.

Ст. 424, 1384.

1. Собственникъ имѣнія въ правѣ *продать* другому лицу находящіяся въ нѣдрахъ его земли ископаемыя, съ предоставленіемъ покупателю права извлеченія таковыхъ изъ земли, при чемъ право собственности на проданные предметы переходитъ къ покупателю съ момента выработки (извлеченія) ископаемыхъ; а такъ какъ по закону (ст. 401 зак. гражд.) извлеченные изъ земли минералы признаются движимымъ имуществомъ, то подобная сдѣлка должна считаться договоромъ *продажи движимости*.

2. „Свойство подобнаго договора не измѣняется отъ включенія въ число другихъ его условій предоставленныхъ покупателю ископаемыхъ,—въ цѣляхъ исполненія договора и осуществленія переданныхъ ему правъ,—*владѣнія и пользованія* нѣкоторымъ пространствомъ *поверхности* той земли, изъ которой пріобрѣтаемыя ископаемыя подлежатъ извлеченію“; такія дополнительныя условія не измѣняютъ сущности договора и не даютъ основанія признавать таковой *арендою* вмѣсто продажи. Поэтому и опредѣляемый въ такомъ договорѣ *срокъ выработки* ископаемыхъ—„впредь до полнаго

истощенія ихъ" не можетъ считаться нарушеніемъ закона (ст. 1692 и слѣд. зак. гражд.), устанавливающаго сроки аренды. Рѣш. № 36.

Ст. 446.

3. Законъ воспрещаетъ дѣлать окна на дворъ сосѣда *въ стѣнѣ*, построенной *на самой межѣ* дворовъ. Коль скоро стѣна возведена на самой межѣ, то сосѣдъ въ правѣ требовать задѣлки въ такой стѣнѣ оконъ,—безразлично, совпадаютъ ли самыя рамы оконъ съ плоскостью, разграничивающей владѣнія сосѣдей, или, напр., окна эти устроены въ углубленіяхъ (нишахъ). Рѣш. № 1.

Ст. 447.

4. Первая часть этой статьи имѣетъ въ виду тотъ случай, когда окна устроены въ стѣнѣ, возведенной съ отступленіемъ отъ межи внутрь двора. При этомъ законъ не опредѣляетъ никакой *мѣры* отступленія отъ межи. Нѣтъ основанія требовать столь значительнаго промежутка отъ стѣны до границы, чтобы онъ могъ составлять *предметъ особаго обладанія*. Выраженіе закона: „не на самой межѣ" показываетъ, что всякое, какъ бы оно ни было мало, отступленіе отъ линіи межи вполнѣ подходитъ подъ опредѣленіе 447 статьи. Рѣш. № 1.

Ст. 448.

5. Право прохода и проѣзда черезъ чужія земли безъ согласія сосѣда допустимо лишь въ случаѣ совершенной необходимости, т. е. когда владѣлецъ иначе лишенъ возможности проѣхать на свою землю. Если же владѣлецъ можетъ устроить проѣздъ по своей землѣ, то (хотя бы устройство это было сопряжено съ неудобствами или расходами) онъ не имѣетъ права требовать открытія проѣзда черезъ землю сосѣда. Рѣш. № 7.

Ст. 538, 539.

6. Законы о находкахъ не примѣнимы къ вещамъ, забытымъ на станціи желѣзной дороги, потому что за такими вещами обязаны наблюдать желѣзнодорожные служащіе (въ силу правилъ, установленныхъ министерствомъ путей сообщенія); поэтому нашедшій оставленную на станціи вещь не можетъ требовать ни уплаты $^1/_3$ стоимости ея отъ явившагося хозяина (какъ разъяснено въ рѣш. 1897 г. № 16), ни оставленія вещи въ свою пользу въ случаѣ неразысканія хозяина. Рѣш. № 51.

Ст. 661, 683.

7. Отдѣльные члены семьи лица, потерпѣвшаго увѣчье, имѣютъ, въ силу 661 ст., самостоятельное и *лично каждому изъ нихъ принадлежащее* право на полученіе содержанія отъ виновнаго (см. рѣш. 1900 г. № 107). Такое право они могутъ осуществлять и при жизни потерпѣвшаго, независимо отъ него. Такъ, жена потерпѣвшаго разстройство въ здоровьѣ имѣетъ право предъявить къ виновнику несчастья искъ о вознагражденіи въ размѣрѣ причитавшагося ей отъ мужа содержанія (ст. 106 зак. гражд.), хотя бы мужъ ея былъ живъ и не требовалъ вознагражденія отъ своего имени [1]). Рѣш. № 48.

Ст. 692, 694 прилож.

8. Правило о десятилѣтней давности распространяется на всякаго рода имущества, за исключеніемъ тѣхъ, которыя изъяты отъ нея спеціальнымъ постановленіемъ закона (ст. 562[1], 563, 564 т. X ч. 1); „церковныя же земли, а равно земли монастырей и архіерейскихъ домовъ, гражданскими законами не изъяты отъ дѣйствія давности, и *такое изъятіе не можетъ быть выведено изъ статей IX тома, относящихся до сихъ земель* (т. IX ст. 433, 446—449 изд. 1899 г.)", а потому земли эти могутъ быть утрачиваемы силою сторонняго владѣнія въ теченіе давностнаго срока. Рѣш. № 2; см. тезисъ 37 [2]).

Ст. 694 прилож. п. 1; полож. о гор. общ. банкахъ 6 февр. 1862 г., ст. 25.

9. „При закрытіи городскаго общественнаго банка вслѣдствіе несостоятельности, привлеченіе городскаго общества къ отвѣтственности по претензіямъ кліентовъ банка можетъ имѣть мѣсто лишь *послѣ ликвидаціи дѣлъ банка*, производимой конкурснымъ управле-

---

[1]) Въ рѣш. 1900 г. № 107 Сенатъ высказалъ, что самъ потерпѣвшій является *естественнымъ представителемъ* своей семьи и можетъ искать лично вознагражденіе, какъ для себя, такъ и въ интересахъ всѣхъ членовъ своего семейства. Но этимъ, конечно, не устраняется право отдѣльныхъ членовъ семьи на предъявленіе иска въ размѣрѣ причитающейся каждому части вознагражденія, если глава семьи не предъявилъ иска за всѣхъ.

[2]) Настоящее разъясненіе отмѣняетъ предшествующую практику Департамента, основанную на рѣш. 1893 г. № 2.

ніемъ по правиламъ 109 ст. уст. кред. разд. X (рѣш. 94 г. № 98)", а потому только съ момента окончанія ликвидаціи возникаетъ для кредиторовъ банка право на искъ къ городскому обществу, и этотъ моментъ долженъ служить началомъ теченія исковой давности. Рѣш. № 29.

Ст. 698, примѣч. 2.

10. Право лицъ польскаго происхожденія на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ въ Западномъ краѣ ограничено по закону предѣлами „городовъ и мѣстечекъ", а такое же право иностранцевъ—предѣлами „городскихъ поселеній". Оба эти понятія неравнозначащи. Подъ *городскимъ поселеніемъ* (согласно рѣш. Общ. Собр. 1 и Касс. Департ. 1893 г. № 33) слѣдуетъ разумѣть только пространство, предназначенное для возведенія городскихъ строеній, занятое городскими усадьбами. Подъ *городомъ* же въ его территоріальномъ значеніи (если онъ не составляетъ частновладѣльческаго имѣнія) надлежитъ понимать „не одно только городское поселеніе, но всю совокупность земель какъ городскихъ усадебныхъ, такъ и прилегающихъ къ городу и входящихъ въ общую его черту, будетъ ли то городской выгонъ или частная собственность городскихъ жителей", при чемъ хозяйственное назначеніе земли не можетъ служить опредѣляющимъ признакомъ (рѣш. 1897 г. № 78). Поэтому надлежитъ признать, что лица польскаго происхожденія не лишены права пріобрѣтать въ 9 западныхъ губерніяхъ землю, находящуюся хотя внѣ городскаго поселенія, но *въ чертѣ городскихъ полей*. Рѣш. № 8.

Ст. 825 (по изд. 1900 г.); полож. о нотар. части, ст. 161.

11. Разъясненіе Правительствующаго Сената въ рѣш. 1886 г. № 96 и 1899 г. № 43 о томъ, что „послѣ представленія старшему нотаріусу для утвержденія купчей крѣпости покупщикомъ, въ рукахъ котораго находилась выпись этой купчей, продавецъ не имѣетъ права, по произволу своему, препятствовать утвержденію акта",— вполнѣ примѣнимо и къ закладнымъ крѣпостямъ. Рѣш. № 28.

Ст. 1259 п. 4, 1544.

12. Наслѣдники повѣреннаго несутъ имущественную отвѣтственность передъ довѣрителемъ его за такія дѣйствія своего наслѣдодателя, коими причинены убытки довѣрителю; но отвѣтствен-

ность эта не можетъ быть возложена на нихъ *въ формѣ представленія довѣрителю отчета* по управленію его дѣлами, потому что обязанность повѣреннаго представить довѣрителю отчетъ есть *обязанность личная*, вытекающая изъ договора довѣренности, и потому на наслѣдниковъ такая обязанность, въ силу 1544 ст., не переходитъ. Рѣш. № 24.

Ст. 1417.

13. Передача другому лицу права собственности на постройки, возведенныя на чужой землѣ, вмѣстѣ съ правомъ пользованія землею, не составляетъ *перемѣны крѣпостнаго владѣнія* и потому не требуетъ совершенія крѣпостнаго акта [1]). Рѣш. № 20.

Ст. 1558; пол. о гор. общ. банкахъ 6 февр. 1862 г., ст. 25.

14. Простое поручительство за должника по общимъ гражданскимъ законамъ и спеціальное, установленное ст. 25 положенія 6 февраля 1862 г. (ст. 48 разд. XI уст. кред.), ручательство городскаго общества по операціямъ городскаго общественнаго банка— являются сродными между собою институтами права, такъ какъ, несмотря на различіе въ способахъ возникновенія, они сходятся между собою какъ въ цѣли, состоящей въ обезпеченіи обязательства главнаго должника, такъ и въ моментѣ осуществленія этой цѣли, потому что отвѣтственность простаго поручителя и городскаго общества одинаково обусловливается несостоятельностью главнаго должника. Поэтому постановленія законовъ гражданскихъ о предѣлахъ отвѣтственности поручителя должны быть примѣняемы и къ отвѣтственности города за долги городскаго банка. Рѣш. № 29.

15. „Городское общество, обезпечивая цѣлость вкладовъ и всѣхъ суммъ банка, тѣмъ самымъ обезпечиваетъ полное удовлетвореніе вкладчиковъ по требованіямъ ихъ, возникающимъ изъ вкладовъ и подлежащимъ удовлетворенію изъ обезпечивающихъ источниковъ, дающихъ средства, достаточныя для того при правильной дѣятельности банка“. Отсюда слѣдуетъ, что, въ случаѣ несостоятельности банка, городское общество отвѣтствуетъ передъ вкладчиками не только въ капитальной суммѣ ихъ вкладовъ, но и въ процентахъ,

---

[1]) См. рѣш. Д—та 1878 г. № 276. 1894 г. № 76, 1901 г. № 6 и Общ. Собр. 1881 г. № 47.

наросшихъ какъ до, такъ и послѣ объявленія банка несостоятельнымъ [1]). Тамъ же.

Ст. 1664, п. 1 (684).

16. Лицо, принявшее (добросовѣстно) въ закладъ похищенную вещь, обязано возвратить ее собственнику, *если въ моментъ предъявленія требованія вещь находится въ его обладаніи;* если же къ тому времени она будетъ имъ отчуждена (напр., продана за просрочку долга), то закладчикъ не обязанъ возвращать собственнику стоимость вещи, потому что „обязанность вознагражденія за убытки возлагается по закону лишь на виновника въ дѣяніи, причинившемъ убытки (ст. 644—688 зак. гр.)“.

17. Однако, къ томъ случаѣ, когда закладчикъ (и вообще добросовѣстный пріобрѣтатель) узнаетъ впослѣдствіи, что находящаяся у него вещь была пріобрѣтена отчуждателемъ у третьяго лица преступнымъ способомъ, и, несмотря на предупрежденіе со стороны собственника, тѣмъ не менѣе отчудитъ вещь или вообще устранитъ возможность для потерпѣвшаго получить отъ него свое имущество, то такой пріобрѣтатель обязанъ, въ силу 684 ст. зак. гр., возмѣстить собственнику убытокъ, причиненный такими неправильными дѣйствіями. Рѣш. № 22.

Ст. 1705, 1713.

18. Приговоръ крестьянскаго общества объ отдачѣ въ аренду общественной земли, совершенный правильно (одобренный земскимъ начальникомъ) и принятый къ исполненію сторонами, создаетъ между обществомъ и арендаторомъ договорныя отношенія, обязательныя для сторонъ въ силу 569 и 1705 ст. зак. гражд. Если же впослѣдствіи приговоръ общества будетъ отмѣненъ крестьянскими учрежденіями, какъ невыгодный для крестьянъ,—то это обстоятельство не лишаетъ силы договоръ, какъ не прекращенный ни однимъ изъ способовъ, указанныхъ въ ст. 1545 и 1547 ст. зак. гражд. [2]). Рѣш. № 18.

---

[1]) То же правило относительно простаго поручителя высказано Сенатомъ въ рѣш. 1884 т. № 58.

[2]) Ст. 31 полож. о земск. нач. даетъ земскому начальнику право представлять въ уѣздный съѣздъ къ отмѣнѣ приговоры крестьянскихъ обществъ, между прочимъ, и въ томъ случаѣ, если они представляются невыгодными для крестьянъ.

Ст. 2014, п. 1.

19. Судъ можетъ признать долговой актъ безденежнымъ лишь въ томъ случаѣ, если на основаніи доказательствъ установитъ „наличность обстоятельствъ, *вполнѣ исключающихъ* допущеніе возможности поступленія къ должнику *валюты, въ чемъ бы таковая ни состояла*". Одно лишь предположеніе о томъ, что въ виду разности имущественнаго положенія сторонъ *денежнаго займа не могло быть* (кредиторъ не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи подобной суммы, а должникъ не нуждался въ деньгахъ), еще не можетъ служить поводомъ къ признанію акта безвалютнымъ (потому что этимъ не исключается возможность существованія валюты иного рода). Рѣш. 24.

Ст. 2100, 2106.

20. По началамъ договора поклажи должны обсуждаться отношенія между желѣзною дорогою и хозяиномъ груза въ томъ случаѣ, когда грузъ уже былъ полученъ на станціи назначенія (и слѣдовательно отношенія по договору перевозки окончились), но затѣмъ грузъ вновь оставленъ на станціи подъ присмотръ желѣзнодорожныхъ агентовъ для дальнѣйшей перевозки (до принятія къ отправкѣ, т. е. пока новый договоръ о перевозкѣ еще не былъ заключенъ). Въ этомъ случаѣ желѣзная дорога отвѣчаетъ за цѣлость груза по правилу 2106 ст. Рѣш. № 10.

Ст. 2330 п. 5, 2334.

21. Довѣренность, выданная лицомъ, которое признано безвѣстно-отсутствующимъ, можетъ считаться лишенною силы въ отношеніи третьихъ лицъ, вступающихъ въ сдѣлки съ повѣреннымъ, не со времени постановленія суда по 1453 ст. уст. гражд. суд. о производствѣ публикаціи и о назначеніи опекуна, а лишь съ того времени, когда самая публикація будетъ дѣйствительно произведена (ср. рѣш. 83 г. № 12). Рѣш. № 49.

Несомнѣнно, однако, что относительно такихъ приговоровъ, которые заключаютъ въ себѣ *условія договора* сельскаго общества съ другимъ лицомъ, земскій начальникъ можетъ осуществить вышеупомянутое право лишь до тѣхъ поръ, пока условія не приняты контрагентомъ.

б) Гражданскій кодексъ губерній Царства Польскаго.

Ст. 747; гражд. улож. 1825 г., ст. 233.

22. Восходящіе родственники, въ силу 747 ст. кодекса, имѣютъ безусловное право наслѣдованія („съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ“) въ имуществѣ, подаренномъ ими дѣтямъ или другимъ нисходящимъ, въ случаѣ безпотомной смерти послѣднихъ. Это постановленіе исключаетъ какія-либо наслѣдственныя притязанія другихъ лицъ на *подаренное* имущество; въ частности, къ этому имуществу не примѣнимо правило 233 ст. гражд. улож. о наслѣдованіи пережившаго супруга. Рѣш. № 5.

Ст. 1202, 1382.

23. Если правонарушеніе совершено нѣсколькими лицами *сообща*, то всѣ они отвѣтствуютъ передъ потерпѣвшимъ за причиненные убытки *солидарно* [1]). Рѣш. № 53.

Гражданское уложеніе 1825 года.

Ст. 131, 139.

24. Если актъ гражданскаго состоянія о смерти лица не соотвѣтствуетъ требованію 131 ст. (т. е. если изъ акта не видно, чтобы составитель его лично удостовѣрился въ томъ, что смерть дѣйствительно послѣдовала), то судъ, признавая такой актъ недостаточнымъ доказательствомъ событія смерти, обязанъ въ силу 139 ст. улож. разсмотрѣть другія доказательства, представленныя сторонами въ подтвержденіе дѣйствительности смерти (письменные акты и свидѣтельскія показанія). Рѣш. № 21.

Ипотечный уставъ 1818 года.

Ст. 13, 129.

25. Старшинство правъ отдѣльныхъ кредиторовъ наслѣдства, согласно 13 ст. уст., не зависитъ отъ старшинства заявленія ими

---

[1]) Въ рѣш. 1890 г. № 114 этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ. Настоящее разъясненіе подкрѣпляется ссылками на исторію происхожденія закона (ст. 1382 кодекса), а также на практику французскаго кассаціоннаго суда и б. IX Департамента Сената.

своихъ претензій. Всѣ такія заявленія, сдѣланныя до закрытія наслѣдственнаго производства, должны быть разсмотрѣны одновременно и разрѣшены совмѣстно однимъ опредѣленіемъ ипотечнаго начальства, и ни одинъ изъ кредиторовъ наслѣдства не можетъ пользоваться старшинствомъ передъ прочими въ виду того лишь, что право это неправильно признано за нимъ со стороны ипотечнаго учрежденія только на основаніи болѣе ранняго заявленія имъ своей претензіи. Рѣш. № 32.

Ст. 20, 30.

26. Актъ, внесенный въ ипотечную книгу, имѣетъ силу общественной достовѣрности по отношенію ко всякому третьему лицу, вступающему въ сдѣлки съ собственникомъ имѣнія или права, обезпеченнаго ипотекою. Но если имѣніе пріобрѣтено постороннимъ лицомъ въ то время, когда изъ ипотечнаго указателя была исключена статья объ обезпеченіи претензіи ипотекою, то послѣдующее возстановленіе этой статьи не можетъ имѣть обратной силы и считаться обязательнымъ для пріобрѣтателя имѣнія, „такъ какъ „этимъ нарушалось бы начало гласности и достовѣрности ипотеч„ныхъ книгъ“. Рѣш. № 34.

Постановленіе намѣстника Царства Польскаго 22 января 1822 г. (Дн. Зак., т. VII стр. 287).

Ст. 7; полож. о нотар. части, ст. 252.

27. По смыслу 252 ст. нотар. полож., новые суды Варшавскаго округа при разсмотрѣніи ипотечныхъ дѣлъ руководствуются, въ процессуальномъ отношеніи, правилами устава гражд. суд. 1864 г., а не прежнихъ, дѣйствовавшихъ въ краѣ процессуальныхъ законовъ. Поэтому, напр., при разрѣшеніи вопроса о томъ, какія опредѣленія судебныхъ мѣстъ по ипотечнымъ дѣламъ должны считаться *окончательными* и подлежать исполненію по ст. 7 постановленія 22 января 1822 г.,—слѣдуетъ имѣть въ виду правила устава гражданскаго судопроизводства о законной силѣ рѣшеній (ст. 892), а не соотвѣтствующія постановленія прежняго процессуальнаго устава. Рѣш. № 34.

в) Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ.

Ст. 1089, 1094.

28. Право на помолъ хлѣба чужою мельницею не можетъ быть отнесено къ сервитутамъ, потому что оно не ограничиваетъ собственника въ пользованіи мельницею, а устанавливаетъ *личную обязанность* собственника производить помолъ чужаго хлѣба. Поэтому, если это право установлено въ пользу юридическаго лица, то оно не прекращается истеченіемъ 100-лѣтняго срока со дня его установленія (ст. 1296 Свода). Рѣш. № 42.

29. „Право это, по существу своему, должно быть отнесено къ повинности, лежащей на недвижимости, отбываніе которой, согласно 1297 и 1298 ст. Свода, составляетъ обязанность собственника недвижимости". Тамъ же.

Ст. 1262, примѣч.

30. Своевременное заявленіе о сервитутѣ (установленномъ до изданія закона 1864 г.), „не имѣя юридическихъ послѣдствій, связанныхъ съ совершеніемъ корробораціи, сохраняетъ сервитутъ въ силѣ вещнаго, дѣйствующаго и противъ третьихъ лицъ права, лишь временно, пока существуетъ право требовать внесенія его въ крѣпостныя книги, но владѣлецъ обязанной недвижимости можетъ во всякое время, путемъ иска или возраженія, требовать прекращенія пользованія этимъ сервитутомъ, доказавъ, что право требовать внесенія его въ книги погашено". Рѣш. № 63.

Ст. 1825, 1826.

31. „По смыслу 1822 и 1825 ст. Свода, послѣ смерти одного изъ супруговъ, между пережившимъ и дѣтьми отъ брака продолжается имущественная общность относительно всего оставшагося послѣ умершаго имущества обоихъ супруговъ (ст. 80 того же закона), при чемъ дѣти заступаютъ мѣсто умершаго родителя и имѣютъ умственныя доли въ общей массѣ". При этомъ право каждаго изъ дѣтей на такія доли, во все время, пока общность имущества продолжается, не можетъ быть отождествляемо съ правомъ собственности на какую-либо часть всего имущества, и только при раздѣлѣ общей массы каждый дѣлается собственникомъ опредѣленной части. Поэтому, если кто-либо изъ дѣтей безпотомно умретъ до раздѣла, и въ такомъ случаѣ, согласно 1826 ст., при-

читающаяся на его долю часть распредѣляется между прочими сонаслѣдниками,—то такой переходъ долей отъ однихъ сонаслѣдниковъ къ другимъ *не можетъ считаться переходомъ по наслѣдству*, а потому и не подлежитъ оплатѣ наслѣдственною пошлиною. Рѣш. № 26; см. тезисъ 47.

Положеніе о крестьянахъ Лифляндской губерніи.

Ст. 1024.

32. Статья эта представляетъ собою одно изъ спеціальныхъ изъятій изъ общихъ постановленій гражданскаго права, изъятій, установленныхъ для лицъ крестьянскаго званія, и потому можетъ относиться къ дареніямъ лицъ крестьянскаго званія между собою, а не къ даренію помѣщикомъ имущества въ пользу волостнаго общества. Рѣш. № 25.

Положеніе о волостномъ общественномъ управленіи въ Остзейскихъ губерніяхъ (Выс. утв. 19 февраля 1866 г.).

§ 20; уст. гражд. суд., ст. 438.

33. Волостной старшина, какъ завѣдующій кассой волости, въ правѣ выдавать изъ кассовыхъ книгъ справки о произведенныхъ обществомъ платежахъ, и выданныя имъ по этому предмету удостовѣренія должны служить письменными доказательствами, подлежащими оцѣнкѣ суда по внутреннему ихъ содержанію. Рѣш. № 25.

г) Мѣстные законы Бессарабіи. Шестикнижіе Арменопуло, кн. V, тит. 8.

(стр. 120 и 121 оффиц. русск. перев.); книга Донича, тит. 37, §§ 1, 4, 5, 7 и 8.

34. „Въ случаѣ бездѣтной смерти, при отсутствіи братьевъ, наслѣдуютъ восходящіе, а при отсутствіи восходящихъ наслѣдуютъ братья, при наличности же какъ восходящихъ, такъ и братьевъ, призываются къ наслѣдству и тѣ, и другіе; значитъ, братья и восходящіе суть *наслѣдники равноправные*".

35. При наслѣдованіи послѣ бездѣтно умершаго бессарабскіе законы не различаютъ имущества, по способу его пріобрѣтенія, и въ частности не отличаютъ имущества, полученнаго наслѣдодателемъ *въ даръ отъ родителей*, отъ пріобрѣтеннаго другими спосо-

бами; какъ то, такъ и другое подлежитъ раздѣлу между восходящими и братьями наслѣдодателя. Правило же 1142 ст. зак. гражд. не имѣетъ примѣненія въ Бессарабской губерніи.

36. По общему смыслу мѣстныхъ законовъ, при наслѣдованіи вдовы бездѣтно умершаго совмѣстно съ восходящими его родственниками, доля первой должна быть опредѣлена „сообразно тому, какъ эта доля опредѣляется при совмѣстномъ наслѣдованіи ея съ *братьями* наслѣдодателя (см. тезисъ 34); въ этомъ же случаѣ мѣстные законы (Арменопуло, стр. 143, Доничъ, тит. 37 § 8) опредѣляютъ, что при трехъ и менѣе братьяхъ бездѣтная вдова получаетъ 1/4 часть, а при большемъ числѣ—наравнѣ съ каждымъ изъ нихъ, слѣдовательно, часть вдовы, при наличности братьевъ или восходящихъ, не можетъ быть болѣе 1/4 доли, а можетъ уменьшиться въ зависимости отъ числа лицъ, между которыми дѣлится наслѣдство". Рѣш. № 9.

д) Законы о состояніяхъ (т. IX).

Ст. 446, 449.

37. Законъ, признавая церковныя земли „*навсегда неприкосновенною* собственностью церкви, ограждаемою *отъ всякаго посторонняго притязанія*", не желаетъ этимъ выразить, что названныя земли не могутъ быть утрачены церковью при условіи пріобрѣтенія ихъ постороннимъ лицомъ по давности владѣнія. „*Неприкосновенность* и *охраненіе* свойственны всякой собственности, выраженіе же „*навсегда*" равносильно выраженію „владѣть вѣчно и потомственно", характеризующему вообще право собственности" (ст. 420 зак. гр.). Приведенными постановленіями „не узаконяется неотчуждаемость церковныхъ земель, а ограничивается отчуждаемость ихъ воспрещеніемъ самимъ членамъ причта, безъ утвержденія подлежащей власти, отчуждать оныя". Рѣш. № 2.

Особое прилож. къ зак. о сост. (изд. 1876 г.) Общее положеніе о крестьянахъ.

Ст. 38.

38. Если наслѣдодатель въ моментъ открытія наслѣдства принадлежалъ къ крестьянскому званію, то каждый изъ наслѣдниковъ,

принадлежащій также къ крестьянству, имѣетъ право, въ силу 38 ст. общ. полож., требовать примѣненія къ дѣлу о наслѣдствѣ мѣстнаго обычая. То случайное обстоятельство, что нѣкоторые изъ наслѣдниковъ оказываются выбывшими изъ крестьянскаго званія (напр., лицо женскаго пола, вышедшее замужъ и пріобрѣвшее права состоянія мужа), не можетъ устранить примѣненіе 38 ст. Рѣш. № 37.

Мѣстное полож. великоросс.

Ст. 36.

39. Подъ „вырѣзкою" крестьянамъ постояннаго прогона на землѣ помѣщика разумѣется опредѣленіе мѣста такого прогона по обоюдному соглашенію помѣщика съ крестьянами, хотя бы при этомъ не были произведены межевыя дѣйствія (проведеніе скотопрогонной дороги, обрытой канавами, съ точнымъ указаніемъ линій и угловъ на поворотахъ). „Упоминаніе о прогонѣ въ объявленіи о выкупѣ и въ данной не обязательно, ибо эти акты касаются только надѣльной земли, а прогонъ скота по помѣщичьимъ угодьямъ, согласно 27 и прим. къ 36 ст., не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла и не подлежитъ выкупу". Рѣш. № 39.

Полож. о поселянахъ (царанахъ) Бессар. губ.

Ст. 21, 22 [1]).

40. Изъ содержанія этихъ статей нельзя вывести того заключенія, чтобы неудобная земля, состоящая въ чертѣ поселянскаго надѣла, оставалась собственностью помѣщика и послѣ перехода поселянъ на выкупъ; смыслъ закона тотъ, что неудобная земля *не входитъ въ счетъ* надѣла и не облагается повинностью въ пользу помѣщика. Рѣш. № 23.

Ст. 44 (зак. гражд. 428).

41. Если границею поселянскаго надѣла и помѣщичьей земли служитъ рѣка, и притомъ по уставной грамотѣ и выкупному акту

---

[1]) Въ мѣстн. полож. великорусск. губ. имѣются тождественныя статьи 26 и 27.

за помѣщикомъ не оставлено право собственности на оба берега рѣки, то слѣдуетъ признать, что линія границы проходитъ по срединѣ русла рѣки. Тамъ-же.

е) Уставъ горный (т. VII).

Ст. 195, 196.

42. Законъ, дозволяя собственнику имѣнія „отдать по добровольному условію“ принадлежащія ему ископаемыя для разработки другому лицу, не опредѣляетъ той формы, въ которую должна быть облечена эта „отдача“ нѣдръ. Упоминаніе въ ст. 196 уст. горн. о договорѣ найма не даетъ основанія заключать, что всякая иная форма, кромѣ найма (напр., продажа еще не выработанныхъ ископаемыхъ), не допустима по закону для передачи права на эксплоатацію нѣдръ земли, ибо прямаго запрещенія въ этомъ смыслѣ законъ не содержитъ. Рѣш. № 36.

ж) Уставъ о векселяхъ (т. XI, ч. 2).

Ст. 21, 24, 55.

43. Векселедержатель, поставившій на векселѣ бланкъ „по довѣренности другаго лица и *за себя*“, тѣмъ самымъ принимаетъ и лично на себя отвѣтственность по векселю, потому что соединеніе обѣихъ надписей въ одну фразу, вмѣсто отдѣльнаго изложенія ихъ, не можетъ имѣть никакого значенія для опредѣленія отвѣтственности надписателя. Рѣш. № 49.

Ст. 75.

44. Если вексель представленъ ко взысканію непротестованнымъ, то надписатели не могутъ подлежать отвѣтственности, хотя бы истецъ послѣ предъявленія иска, но до разрѣшенія дѣла, протестовалъ вексель противъ нихъ; такой протестъ не измѣняетъ юридическихъ отношеній сторонъ, бывшихъ во время предъявленія иска, которыя и подлежатъ разрѣшенію суда. Рѣш. № 50.

з) Уставъ о гербовомъ сборѣ (изд. 1893 г).

Ст. 123, 129—132.

45. „Въ законахъ, опредѣляющихъ взысканія за нарушенія правилъ о гербовомъ сборѣ (уст. ст. 123—151), никакого различія

между умышленнымъ и неумышленнымъ нарушеніемъ сихъ правилъ не установлено, и поэтому судъ не въ правѣ входить въ обсужденіе намѣренія сторонъ и подвергать изслѣдованію вопросъ, допущено ли сторонами нарушеніе по неправильному пониманію закона, или съ цѣлью нанести ущербъ государственной казнѣ". Рѣш. № 54.

Ст. 127, 129, прим. 2.

46. Если договоръ, не оплаченный гербовымъ сборомъ, былъ заключенъ при участіи должностныхъ лицъ, то, хотя послѣднія и подвергаются отвѣтственности по 127 ст. устава, тѣмъ не менѣе контрагенты не освобождаются отъ уплаты штрафа по 129 ст., какъ это прямо постановлено въ примѣч. 2 къ послѣдней статьѣ. Тамъ же.

Уставъ о пошлинахъ.

Ст. 152.

47. Для взысканія *наслѣдственной* пошлины необходимо установить, что въ данномъ случаѣ имѣлъ мѣсто *переходъ* имущества отъ одного лица къ другому *по наслѣдству*; разрѣшеніе же этого вопроса возможно лишь на основаніи постановленій гражданскихъ законовъ, регулирующихъ тѣ правоотношенія, которыя обусловливаютъ взысканіе пошлинъ. Рѣш. № 26; см. тезисъ 31.

Ст. 153 п. 3.

48. По точному смыслу закона, освобождаются отъ пошлины имущества, *поступающія въ пользу* благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ учрежденій. „Законъ не касается опредѣленія тѣхъ способовъ, посредствомъ коихъ, по волѣ завѣщателей, дарителей и жертвователей, имущества должны поступить на пользу означенныхъ учрежденій", т. е. назначается ли учрежденіе непосредственнымъ наслѣдникомъ и собственникомъ имущества, или послѣднее предоставляется въ собственность другому физическому или юридическому лицу, чрезъ посредство котораго имущество поступаетъ на благотворительныя цѣли.

49. Также безразлично, съ точки зрѣнія фискальнаго закона, то обстоятельство, „поступаетъ ли имущество въ пользу *существующаго уже* заведенія, служащаго тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣетъ законъ въ виду, или же *на самое учрежденіе* такого заведенія, ибо въ томъ и другомъ случаѣ достигается одна и та же цѣль закона", состоящая въ томъ, чтобы не уменьшать средствъ, обращаемыхъ

частными лицами на нужды благотворенія и просвѣщенія. Рѣш. № 13 [1]).

Ст. 333, примѣч. (по изд. 1893 г.) [2]).

50. Точный смыслъ указаннаго примѣчанія „не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что установленное имъ освобожденіе отъ платежа въ казну государственнаго сбора относится ко всякаго рода грузамъ, перевозимымъ въ поѣздахъ большой скорости, но лишь при томъ условіи, если желѣзною дорогою за провозъ этого груза взята плата не выше той, которая назначена по тарифу малой скорости". Рѣш. № 6.

---

[1]) Въ предшествующихъ разъясненіяхъ по тому же вопросу Сенатъ высказывалъ противоположный взглядъ (см. рѣш. 1892 г. № 55, 1895 г. № 56, 1901 г. №№ 14 и 54).

[2]) Въ дѣйствующемъ текстѣ устава (по прод. 1895 г.) это примѣчаніе исключено.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

XXXI.

Мѣсяцы августъ и сентябрь почти всегда отличаются особеннымъ затишьемъ въ дѣлахъ, какъ законодательныхъ, такъ и судебныхъ. Время же, начиная съ апрѣля до іюля, было отмѣчено кипучею дѣятельностью въ области законодательства, при чемъ особеннаго интереса достигли событія къ моменту коронаціи короля Эдуарда VII и королевы Александры, въ началѣ августа. Послѣ же этого знаменательнаго факта общество погрузилось въ какую-то апатію, и общее затишье отразилось также и въ юридическомъ мірѣ. Впрочемъ, въ настоящее время уже замѣчаются нѣкоторые признаки начинающагося пробужденія общественной жизни.

Послѣ двухмѣсячнаго перерыва, парламентъ собрался 16 октября на осеннюю сессію. Въ сущности, парламентъ посвятитъ все свое время разсмотрѣнію билля объ образованіи (The Education Bill) и билля о водоснабженіи города Лондона (The London Water Bill), хотя нѣкоторая часть времени должна быть посвящена биллю о продленіи дѣйствія тѣхъ законовъ, которымъ истекаетъ срокъ (The Expiring Laws Continuance Bill), разрѣшенію вопроса о сахарныхъ преміяхъ, оффиціальному принятію Осборнскаго дворца, принесеннаго королемъ въ даръ убѣжищу для выздоравливающихъ офицеровъ, и вопросу объ ассигнованіи необходимыхъ средствъ для проведенія въ Трансваалѣ нѣкоторыхъ мѣръ, вызванныхъ окончаніемъ южно-африканской войны.

16 октября м-ръ Бальфуръ внесъ въ палату общинъ предложеніе о томъ, чтобы въ теченіе предстоящей сессіи парламентъ въ первой очереди разсматривалъ дѣла, внесенныя кѣмъ-либо изъ чле-

новъ правительства. Предложеніе это было принято большинствомъ въ 117 голосовъ (262 противъ 145). Затѣмъ палата общинъ приступила къ разсмотрѣнію въ комитетѣ билля объ образованіи, имѣющаго цѣлью, какъ я уже сообщалъ въ двухъ моихъ предыдущихъ письмахъ въ „Журналъ Министерства Юстиціи", привести въ болѣе тѣсную связь постановку начальнаго и средняго образованія въ Англіи, для чего учреждаются новыя установленія, которыя должны будутъ наблюдать какъ за тѣмъ, такъ и за другимъ образованіемъ; высшій же надзоръ за образованіемъ сосредоточивается въ центральномъ управленіи дѣлами народнаго просвѣщенія. Билль этотъ послужилъ поводомъ къ возникновенію въ обществѣ множества споровъ и разногласій, и, на почвѣ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, различныя политическія партіи и религіозныя секты, прикрываясь стремленіемъ къ общему благу и желаніемъ содѣйствовать успѣху народнаго образованія, взводили другъ противъ друга самыя разнообразныя обвиненія. Радикальная оппозиціонная партія выступила противъ этого билля, не имѣя для того никакихъ уважительныхъ основаній, а единственно лишь потому, что онъ внесенъ въ парламентъ правительствомъ, принадлежащимъ къ консерваторамъ. Приверженцы различныхъ религіозныхъ сектъ, не-англиканскаго исповѣданія, приводили возраженія противъ билля только по той причинѣ, что онъ пользуется поддержкой со стороны главенствующей въ Англіи церкви и признаетъ, какія огромныя денежныя затраты произведены были англиканскою церковью для содѣйствія успѣхамъ народнаго образованія. Вслѣдствіе всего этого повсюду происходятъ препирательства. Правительство заявило, что оно намѣрено проводить новый билль во что бы то ни стало, и принятіе этого билля является почти обезпеченнымъ. Если же, по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, билль не пройдетъ, то можно сказать почти безъ всякаго колебанія, что правительство выйдетъ въ отставку. Въ слѣдующемъ письмѣ моемъ я буду имѣть возможность дать отчетъ о дальнѣйшемъ разсмотрѣніи билля объ образованіи и о преніяхъ, происходившихъ по поводу 8-ой и слѣдующихъ статей этого билля. О дебатахъ же, бывшихъ по поводу первыхъ семи статей, я уже упоминалъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ.

Билль о водоснабженіи города Лондона представляетъ собою въ высшей степени сложный законопроектъ, регулирующій обязанности различныхъ водопроводныхъ обществъ, завѣдующихъ въ настоящее время городскимъ водоснабженіемъ.

Весьма важное значеніе имѣетъ дѣло Дайера съ Лондонскимъ совѣтомъ по учебнымъ дѣламъ, разсмотрѣнное 5 августа въ апелляціонномъ судѣ судьями-лордами Вилльямсъ, Ромеръ и Мэтью. Въ рѣшеніи по этому дѣлу апелляціонный судъ призналъ неправильнымъ израсходованіе совѣтомъ по учебнымъ дѣламъ денегъ, полученныхъ изъ общественныхъ сборовъ, на нужды учебной подготовки учителей и на постройку для этой цѣли особаго зданія, такъ какъ, на основаніи закона о первоначальномъ обученіи (The Elementary Education Act), денежныя средства, полученныя совѣтомъ по учебнымъ дѣламъ изъ общественныхъ сборовъ, могутъ быть употреблены лишь для надобностей первоначальнаго обученія; между тѣмъ подготовка учителей никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ области такого обученія.

Интересный вопросъ былъ возбужденъ по дѣлу одного участковаго городскаго совѣта съ Вильсонъ. Отвѣтчики по этому дѣлу, завѣдывавшіе учебнымъ заведеніемъ, устроили въ стѣнахъ этого заведенія особый бассейнъ для плаванія, довольно значительной величины. Истцы же, снабжавшіе водою домъ, гдѣ находилось это учебное заведеніе, возбудили ходатайство о томъ, чтобы уплата за потребляемую воду производилась отвѣтчиками по таксѣ, установленной для воды, идущей для промышленныхъ цѣлей, а не по той таксѣ, которая существуетъ на воду, потребляемую для домашнихъ надобностей. При этомъ истцы доказывали, что въ данномъ случаѣ пользованіе водой должно быть признано имѣющимъ промышленныя цѣли, а не ограничивающимся лишь домашними надобностями. Дѣло разбиралось въ апелляціонномъ судѣ, судьями-лордами Вилльямсъ, Ромеръ и Стерлингъ, при чемъ было установлено, что упомянутый бассейнъ служилъ для обученія воспитанниковъ заведенія плаванію. Судъ призналъ, что подобнаго рода пользованіе подходитъ скорѣе подъ категорію пользованія для промышленныхъ цѣлей, чѣмъ для домашнихъ надобностей, такъ какъ здѣсь главнымъ назначеніемъ бассейна являлось не купанье, а обученіе воспитанниковъ.

Нѣсколько выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ рѣшеніе по дѣлу Ашкрофтъ съ Ашкрофтъ и Робертсъ, постановленное судьею Барнесомъ въ бракоразводномъ отдѣленіи Высшаго суда. Въ этомъ дѣлѣ мужъ подалъ прошеніе о разводѣ его съ женою, уличая ее въ прелюбодѣяніи съ другимъ отвѣтчикомъ—Робертсомъ. Дѣйствительно, жена была признана виновною въ прелюбодѣяніи, и мужу былъ выданъ разводъ, согласно его ходатайству. При этомъ, однако, судья Барнесъ

принявъ во вниманіе, что разведенные состояли въ супружествѣ въ продолженіе 23 лѣтъ, что жена имѣла отъ мужа пятерыхъ дѣтей, что она слабаго здоровья, не имѣетъ ни родственниковъ, ни собственныхъ средствъ, не призналъ возможнымъ допустить ее до положенія самой крайней нужды и обязалъ мужа обезпечить его бывшей женѣ еженедѣльную уплату суммы въ 1 фунтъ стерл. въ теченіе всего того времени, пока она не выйдетъ замужъ и будетъ вести непредосудительный образъ жизни. Подобное рѣшеніе, согласно которому на невиновнаго мужа возложена обязанность доставлять, послѣ развода, виновной женѣ средства къ существованію, представляется совершенно необычайнымъ, но, въ виду особенныхъ обстоятельствъ даннаго дѣла, оно было встрѣчено общимъ сочувствіемъ.

Послѣ шестидневнаго разбирательства судья Бигамъ вынесъ 7 августа въ отдѣленіи королевской скамьи Высшаго суда рѣшеніе по дѣлу Глэморганской угольной компаніи и друг. съ федерацiей углекоповъ Южнаго Валлиса и др. Нѣтъ особенной надобности приводить здѣсь сложныя подробности этого дѣла. Достаточно лишь указать на главное положеніе, установленное въ рѣшеніи по этому дѣлу и заключающееся въ томъ, что за простой подговоръ съ чьей-либо стороны къ нарушенію договора противъ подговорщика не можетъ быть возбуждено законное преслѣдованіе, если только при этомъ онъ дѣйствовалъ безъ преступнаго намѣренія.

Заслуживаетъ также вниманія дѣло Андерсона съ Беркли, разсмотрѣнное въ канцлерскомъ отдѣленіи Высшаго суда судьей Джойсомъ. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія. Нѣкто умеръ въ декабрѣ 1893 года, оставивъ завѣщаніе, написанное въ ноябрѣ 1892 года, по которому нѣкоторымъ лицамъ была отказана извѣстная сумма денегъ съ тѣмъ, чтобы они уплачивали доходы съ этого капитала сыну завѣщателя Фрэнсису, въ теченіе всей его жизни, а послѣ его смерти—„женѣ его Летиціи", также до самой ея смерти, если она переживетъ своего мужа; послѣ же смерти ея или Фрэнсиса, смотря по тому, кто изъ нихъ умретъ послѣднимъ, упомянутые выше доходы должны быть выплачиваемы всѣмъ дѣтямъ „названнаго Фрэнсиса и жены его Летиціи". При этомъ нужно замѣтить, что во время составленія завѣщателемъ своего завѣщанія, въ ноябрѣ 1892 года, сынъ его Фрэнсисъ находился въ Новой Зеландіи. Еще въ 1888 году этотъ послѣдній писалъ своему отцу, что вступилъ въ бракъ съ Летиціей Кумберландъ. Летиція жила вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ его жены, вплоть до самой его

смерти, послѣдовавшей въ 1899 году; но затѣмъ оказалось, что Фрэнсисъ и Летиція не были повѣнчаны установленнымъ въ законѣ порядкомъ, и завѣщатель никогда въ своей жизни не видалъ Летиціи и не имѣлъ съ нею никакихъ непосредственныхъ сношеній. Въ виду всего этого возбужденъ былъ споръ противъ дѣйствительности сдѣланнаго завѣщателемъ распоряженія на томъ основаніи, что въ завѣщаніи говорится о „женѣ“ сына завѣщателя Фрэнсиса, между тѣмъ какъ Летиція Кумберландъ по закону не была таковою. Судья Джойсъ призналъ однако распоряженіе завѣщателя имѣющимъ силу, такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой другой женщины, которая могла бы претендовать на признаніе ея законною женою Фрэнсиса, и такъ какъ въ завѣщаніи лицо, въ пользу котораго завѣщателемъ предназначались вышеупомянутыя денежныя выдачи, опредѣлено съ достаточною ясностью. По мнѣнію м-ра Джойса, судъ не обязанъ доискиваться сокровенныхъ мыслей завѣщателя и задаваться вопросомъ о томъ, какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ завѣщатель, если бы зналъ дѣйствительное положеніе вещей.

Вниманіе общества обратило на себя дѣло Крелль съ Генри, разсмотрѣнное въ отдѣленіи королевской скамьи Высшаго суда судьею Дорлингомъ 11 августа. Обстоятельства дѣла таковы. Истецъ по настоящему дѣлу содержалъ помѣщеніе, окна котораго выходили на улицу, гдѣ должна была пройти 26 и 27 іюня коронаціонная процессія по случаю назначеннаго коронованія короля. За нѣсколько времени до наступленія этого срока отвѣтчикъ, прочитавъ вывѣшенное въ этихъ окнахъ объявленіе объ отдачѣ ихъ въ наймы на 26 и 27 іюня для наблюденія за прохожденіемъ процессіи, заключилъ съ истцомъ условіе, въ силу котораго лицевыя комнаты были предоставлены въ распоряженіе отвѣтчика на 26 и 27 іюня, въ теченіе цѣлаго дня, до сумерекъ, за плату въ 75 фунт. стерл. При этомъ отвѣтчикъ 20 іюня уплатилъ истцу 25 фунтовъ, а остальные 50 обязался отдать ему 24-го того же мѣсяца. Между тѣмъ 24 же іюня было оффиціально объявлено о томъ, что, по болѣзни короля, коронація откладывается. Вслѣдствіе этого отвѣтчикъ отказался уплатить остальные 50 фунтовъ, и, когда истецъ предъявилъ къ нему искъ объ уплатѣ этихъ денегъ, онъ не только не призналъ себя обязаннымъ отдать эту сумму, но предъявилъ требованіе о возвращеніи ему тѣхъ 25 фунтовъ, которые были имъ уплачены истцу 20 іюня. Истецъ, поддерживая свои требованія, указывалъ, что, отдавая въ наймы свое помѣщеніе, онъ вовсе не принималъ

на себя ручательства за то, что процессія непремѣнно состоится. Это не было оговорено особымъ условіемъ и не могло даже подразумѣваться. Все обязательство, съ его стороны, сводилось лишь къ тому, что онъ долженъ былъ предоставить свои комнаты въ распоряженіе отвѣтчика на 26 и 27 іюня. Отвѣтчикъ же ссылался на то, что исключительная цѣль договора, заключеннаго имъ съ истцомъ, состояла лишь въ желаніи видѣть прохожденіе коронаціонной процессіи, и лишь это намѣреніе слѣдуетъ разсматривать какъ истинное основаніе заключенія договора; поэтому, по его мнѣнію, слѣдуетъ признать, что при заключеніи договора дѣйствительное прохожденіе процессіи въ назначенные дни подразумѣвалось, какъ необходимое условіе. Судья Дорлингъ согласился съ доводами отвѣтчика, признавъ, что упомянутое условіе должно было само собою подразумѣваться сторонами при заключеніи договора, и въ искѣ отказалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ постановивъ, что истецъ долженъ возвратить отвѣтчику 25 фунтовъ, полученные имъ 20 іюня.

Любопытное рѣшеніе состоялось по дѣлу Броунингъ съ Гарродъ, разсмотрѣнному недавно въ отдѣленіи королевской скамьи Высшаго суда судьею Бёкли и затѣмъ перенесенному въ судъ апелляціонный. Основаніемъ къ возникновенію этого дѣла послужило то обстоятельство, что отвѣтчикъ, производя ремонтъ въ своемъ помѣщеніи, начиналъ работы рано утромъ, въ $6^1/_2$ часовъ, при чемъ поднимался сильный стукъ и возня, которые всякій разъ мѣшали истцу спать. Поэтому послѣдній и возбудилъ предъ судомъ ходатайство о воспрещеніи отвѣтчику начинать свои работы въ такой ранній часъ утра. Судья Бёкли уважилъ это ходатайство, обязавъ отвѣтчика не приступать къ производству ремонта ранѣе 7 часовъ утра. Однако апелляціонный судъ отмѣнилъ это рѣшеніе, признавъ, что городскіе жители должны безропотно сносить всякія безпокойства, причиняемыя сломкою или перестройкой сосѣднихъ помѣщеній.

Чрезвычайно важное значеніе для адвокатовъ имѣетъ состоявшееся 1 августа рѣшеніе палаты лордовъ по дѣлу Нильсъ съ Гордонъ Ленноксъ. Изъ обстоятельствъ этого дѣла видно, что кліентъ уполномочилъ своего адвоката согласиться на передачу дѣла на разрѣшеніе третейскаго суда лишь подъ извѣстными условіями. Адвокатъ же, стараясь все время дѣйствовать такъ, чтобы наилучшимъ, по его разумѣнію, образомъ обезпечить интересы своего кліента, не принялъ во вниманіе сдѣланныхъ ему въ данномъ случаѣ кліентомъ указаній и согласился передать дѣло тре-

тейскому суду, не поставивъ при этомъ никакихъ условій. Палата лордовъ по настоящему дѣлу признала, что адвокатъ не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ вопреки прямому желанію кліента. Между тѣмъ до сихъ поръ вездѣ распространенъ былъ тотъ взглядъ, что адвокату, которому кліентъ ввѣрилъ защиту своихъ интересовъ, предоставлена полная свобода входить во всякія соглашенія съ противною стороной, какія онъ признаетъ наилучшими при данномъ положеніи ввѣреннаго ему дѣла. Вообще слѣдуетъ замѣтить, имѣя въ виду громадную опытность адвокатовъ въ веденіи всякихъ спорныхъ дѣлъ и ихъ прекрасную эрудицію, что только тотъ кліентъ дѣйствуетъ совершенно благоразумно, который всецѣло поручаетъ веденіе его дѣла усмотрѣнію адвоката. Можно съ полною достовѣрностью утверждать, что адвокатъ никогда не согласится на такія условія, которыя могутъ клониться къ невыгодѣ довѣрившагося ему кліента.

Интересный вопросъ возникъ недавно при разсмотрѣніи судьею Филлиморомъ дѣла Попа во время послѣдней сессіи присяжныхъ въ Льюисѣ. Послѣ окончанія допроса свидѣтелей со стороны обвиненія и прежде чѣмъ обвинитель началъ свою рѣчь, въ которой должны были быть изложены всѣ доказательства, имъ собранныя и уличающія обвиняемаго, послѣдній заявилъ, что онъ желаетъ представить суду свои объясненія безъ присяги. Послѣ нѣкотораго обсужденія этого вопроса, обвиняемому было разрѣшено дать такое показаніе. При этомъ судья Филлиморъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что 60 лѣтъ тому назадъ обвиняемымъ не позволялось имѣть на судѣ своихъ представителей—адвокатовъ, и тогда они имѣли право давать суду всякаго рода показанія въ свою защиту. Право давать личныя объясненія предъ судомъ было за ними признано и тогда, когда обвиняемымъ была предоставлена возможность приглашать для своей защиты адвокатовъ. Законъ 1898 года о судебныхъ доказательствахъ въ уголовномъ процессѣ (The Criminal Evidence Act) предоставилъ обвиняемому право перейти, во время засѣданія, въ мѣста, отведенныя для свидѣтелей, и дать подъ присягою показаніе въ свое оправданіе. По мнѣнію просвѣщеннаго судьи Филлимора, такое предоставленіе обвиняемому права давать показаніе подъ присягою не могло лишить его права давать суду свое показаніе безъ присяги. Разсматриваемый вопросъ въ первый разъ возникъ при разборѣ настоящаго дѣла.

Недавно стали говорить о содержаніи, получаемомъ въ Англіи слѣдователями, производящими дознанія о скоропостижно умершихъ

(коронерами), особенно тѣми изъ нихъ, которые находятся въ Лондонѣ. Нѣкоторые изъ такихъ коронеровъ получаютъ содержанія въ годъ болѣе 1500 фунт. стерл. Безспорно, производство дознаній въ случаяхъ скоропостижной смерти не принадлежитъ къ числу особенно пріятныхъ обязанностей, особенно если при этомъ принять во вниманіе, что нѣкоторымъ изъ лондонскихъ коронеровъ приходится производить по нѣскольку такихъ дознаній въ день. При такихъ обстоятельствахъ упомянутое содержаніе едва ли можетъ быть признано чрезмѣрнымъ. Но нужно замѣтить, что на практикѣ встрѣчаются такіе случаи, когда коронеры, получающіе большое содержаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительно рѣдко вызываются для производства дознаній. Поэтому сдѣлано было предложеніе о пересмотрѣ вопроса о содержаніи, получаемомъ коронерами, при чемъ установлено, что во всякомъ случаѣ содержаніе коронера должно быть не ниже той суммы, которая получится при разсчетѣ по 21 шиллингъ за производство каждаго дознанія. Въ настоящее время вопросъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе контрольной коммисіи совѣта Лондонскаго графства.

Нѣсколько времени тому назадъ вступили въ дѣйствіе нѣкоторыя правила относительно приведенія въ исполненіе приговоровъ, которыми обвиненный осужденъ къ смертной казни. На основаніи этихъ правилъ, такіе приговоры приводятся въ исполненіе въ теченіе недѣли, слѣдующей за третьимъ воскресеньемъ послѣ дня произнесенія ихъ. Казнь должна совершаться въ 8 часовъ утра, при чемъ она не можетъ быть назначена на воскресенье или понедѣльникъ. Она совершается, какъ было и раньше, посредствомъ повѣшенія, и самый обрядъ ея исполненія оставленъ безъ измѣненій. Не менѣе, чѣмъ за 12 часовъ до начала казни, на тюремныхъ воротахъ, съ внѣшней стороны, должно быть прибито объявленіе о днѣ и часѣ исполненія казни, и объявленіе это должно висѣть до тѣхъ поръ, пока не будетъ совершена казнь и произведено освидѣтельствованіе тѣла. Въ теченіе четверти часа послѣ окончанія казни будетъ звонить колоколъ тюрьмы или ближайшей церкви. То лицо или тѣ лица, на которыхъ будетъ возложено самое совершеніе казни, должны явиться въ тюрьму наканунѣ казни, не позже 4 часовъ пополудни, и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока казнь не будетъ надлежащимъ образомъ выполнена и пока имъ не будетъ дано разрѣшеніе уйти. До настоящаго времени въ моментъ совершенія казни обыкновенно надъ тюремнымъ зданіемъ поднимали на флагштокѣ черный флагъ, но теперь этого больше дѣлать не будутъ.

Только-что вышелъ интересный отчетъ коммисаровъ тюремъ и директоровъ каторжныхъ тюремъ за годъ, оканчивающійся 31 марта 1902 года. Какъ видно изъ этого отчета, число осужденныхъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, было на 193 болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; общее же число лицъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію въ теченіе этого года, было на 17165 человѣка больше, чѣмъ въ прошломъ году. Среднесуточное число арестантовъ въ Англіи составляло 16267 человѣкъ. Въ теченіе отчетнаго года въ одномъ только Лондонѣ 53591 лицо было приговорено къ тюремному заключенію. Въ этомъ же году былъ увеличенъ размѣръ пищевыхъ порцій, что дало удовлетворительные результаты, и уничтожена „топтальная мельница", колеса которой приводились въ движеніе заключенными, переступавшими по устроеннымъ кругомъ колеса ступенькамъ. Въ настоящее время имѣются въ виду новыя мѣры по отношенію къ арестантамъ въ возрастѣ отъ 16 до 21 года, но эти мѣры пока еще не примѣняются.

Вышедшій недавно статистическій отчетъ о движеніи гражданскихъ дѣлъ за 1900 годъ содержитъ, какъ всегда, чрезвычайно много интереснаго матеріала. Въ апелляціонномъ судѣ возбуждено было въ теченіе отчетнаго года 803 производства, изъ которыхъ закончено было 650, при чемъ изъ общаго числа возбужденныхъ дѣлъ 122 дѣла возникли по апелляціямъ на рѣшенія, постановленныя въ силу закона о вознагражденіи рабочихъ (The Workmen's Compensation Act). Въ канцлерскомъ отдѣленіи Высшаго суда было разсмотрѣно 679 дѣлъ, между тѣмъ какъ въ теченіе предшествовавшаго года въ томъ же отдѣленіи было разобрано лишь 575 дѣлъ. Въ отдѣленіи королевской скамьи было предъявлено 3983 иска, сравнительно съ 4151 въ 1899 году, при чемъ изъ общаго числа предъявленныхъ исковъ 9,26% составляли иски за личныя оскорбленія, 6,85%—за клевету и диффамацію, 1,63%—за нарушеніе обѣщанія жениться. Прошеній о разводѣ или о судебномъ разлученіи было 698 (въ 1899 г.—727). Число исковъ, предъявленныхъ въ судахъ графствъ, достигло въ 1900 году огромной цифры—1,180,908, сравнительно съ 1,152,163 въ предшествовавшемъ году. Общая сумма расходовъ по судамъ графствъ въ отчетномъ году составляла 570,467 фунт. стерл., а доходы ихъ достигли 443,826 ф. Въ отдѣленіи королевской скамьи Высшаго суда получено было дохода 670,098 фунтовъ.

Въ послѣднее время въ Англіи стали обращать серьезное вни-

маніе на распространеніе системы реформаторій. Нѣкоторые, ссылаясь на чрезвычайную успѣшность функціонированія реформаторій для молодыхъ преступниковъ, доказываютъ необходимость учрежденія такихъ же заведеній и для взрослыхъ, конечно, съ извѣстными измѣненіями. Англійская реформаторія для молодыхъ преступниковъ представляетъ собою школу, куда мальчикъ или дѣвочка помѣщаются, по опредѣленію суда, послѣ осужденія ихъ за какое-нибудь преступленіе. Для мальчиковъ и для дѣвочекъ учреждены особыя реформаторіи. Въ реформаторіи молодой преступникъ получаетъ тщательное воспитаніе и обучается какому-нибудь занятію или ремеслу. Пища дается хорошаго качества и въ обильномъ количествѣ, за здоровьемъ воспитанниковъ существуетъ тщательный надзоръ; обходятся съ ними кротко и ласково, но всякое проявленіе дурнаго поведенія, нарушеніе правилъ или упорное непослушаніе наказываются сѣченіемъ розгами. Когда мальчикъ или дѣвочка отбудутъ назначенный имъ срокъ пребыванія въ реформаторіи, прилагаются всякія старанія къ тому, чтобы помочь имъ вести честный образъ жизни. Утверждаютъ, что изъ числа малолѣтнихъ, пробывшихъ въ реформаторіи, 90% становятся впослѣдствіи честными гражданами.

М-ръ Макдонелль опубликовалъ недавно нѣсколько интересныхъ данныхъ о количествѣ судей въ различныхъ государствахъ. Въ Англіи число судей, получающихъ содержаніе, какъ-то: судей Высшаго суда, судовъ графствъ и др., составляетъ 276, а число судей, не получающихъ содержанія, а именно мѣстныхъ судей,—17524. Во Франціи имѣется 7803 судьи, получающихъ содержаніе, въ Германіи—8186, въ Италіи—3645.

Въ виду того, что много судебныхъ дѣлъ возникаетъ по поводу выданныхъ патентовъ, не безъинтересно замѣтить, что въ теченіе 1901 года въ учрежденіе, вѣдающее дѣлами о выдачѣ патентовъ, было подано 26777 прошеній о выдачѣ таковыхъ, сравнительно съ 23924 въ предшествовавшемъ году. Такое значительное увеличеніе числа прошеній объясняется усовершенствованіями преимущественно въ области электрической тяги, моторной ѣзды, подводныхъ судовъ, воздухоплаванія и проч. За выдачу патентовъ было взыскано сборовъ 210,187 фунт. стерл., за выдачу привилегій на рисунки получено 3432 ф. ст., и за утвержденіе фабричныхъ марокъ взыскано 10,506 ф. Превышеніе доходовъ надъ расходами составляло 107,291 фунт. стерл.

Считаю необходимымъ извиниться въ томъ, что настоящее мое

письмо нѣсколько короче обыкновеннаго. Обстоятельство это объясняется лишь недостаткомъ интереснаго матеріала. Но такъ какъ въ настоящее время сессія парламента уже возобновилась и суды послѣ долгихъ вакацій снова открыли свои засѣданія, то я надѣюсь, что въ слѣдующемъ письмѣ моемъ буду въ состояніи вознаградить читателей за нѣкоторую скудость матеріала въ этотъ разъ. Къ будущему моему письму я приложу также обычно даваемый мною обзоръ англійскаго законодательства за истекшій годъ.

Не могу закончить мое письмо, не поблагодаривъ нѣкоторыхъ читателей, почтившихъ меня весьма лестными письмами въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Считаю при этомъ нужнымъ обратить вниманіе читателей, обращающихся ко мнѣ письменно, на необходимость прилагать къ письму точный ихъ адресъ, безъ чего, конечно, я лишенъ всякой возможности имъ отвѣтить. Мой адресъ The Cedars, Denmark Road, Exeter, England, куда и прошу направлять на мое имя всѣ письма, на которыя я всегда радъ давать зависящія отъ меня разъясненія по всѣмъ затронутымъ мною вопросамъ.

Сесиль Мидъ Алленъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Prof. Otto Gradenwitz. Anfechtung und Reurecht beim Irrhum, Berlin. 1902.

Авторъ въ самомъ началѣ своей книги приводитъ чрезвычайно любопытный примѣръ и вводитъ этимъ читателя въ самый центръ интересующихъ его вопросовъ. Антрепенеръ терпитъ вслѣдствіе неудачнаго сезона большіе убытки и всячески ищетъ повода освободиться отъ антрепризы и контрактовъ, заключенныхъ съ артитами. Въ это время умираетъ какое-нибудь высокопоставленное лицо, и объявляется 8-дневный трауръ. Антрепренеръ узнаетъ, что это обстоятельство можетъ для него служить основаніемъ къ расторженію контракта, онъ пользуется имъ и освобождается отъ договоровъ съ артистами. Ясно, что трауръ—только поводъ для антрепренера, а никакъ не основная причина. Такого рода отступленіе отъ договора, гдѣ дѣйствительная причина его совсѣмъ не та, которая служитъ юридическимъ основаніемъ къ отступленію, авторъ называетъ въ отличіе отъ обычнаго права отступленія (Rücktrittsrecht)—Reurecht и говоритъ, что всюду, гдѣ существуетъ право отступленія отъ договора, можетъ быть такого рода Reurecht. Дѣйствительно, кто оспариваетъ сдѣлку, тотъ долженъ только доказать, что существуетъ юридическое основаніе къ оспариванію; съ другой стороны, возраженіе о томъ, что это юридическое основаніе не есть дѣйствительная причина оспариванія сдѣлки, не принимается во вниманіе. При обычныхъ сдѣлкахъ законнымъ основаніемъ къ оспариванію является по германскому уложенію, кромѣ угрозы и обмана, *ошибка*. Извѣстно, что лицо, заключившее сдѣлку подъ вліяніемъ существенной ошибки, въ правѣ, послѣ того, какъ ошибка рас-

кроется, либо отказаться отъ сдѣлки, либо вовсе не оспаривать ея. Другому контрагенту предоставлено только право на возмѣщеніе его отрицательнаго интереса, и это даже и въ томъ случаѣ, когда можетъ быть вполнѣ доказано, что ошибившійся контрагентъ оспариваетъ сдѣлку вовсе не вслѣдствіе раскрывшейся ошибки, и что онъ еще до того времени, какъ раскрылась ошибка, не хотѣлъ осуществлять этой сдѣлки. Здѣсь, говоритъ авторъ, возмущается наше правовое чувство, и онъ приводитъ слѣдующій интересный примѣръ. Лицу А врачъ прописалъ портвейнъ; заказывая его, лицо это по ошибкѣ написало другое вино вмѣсто портвейна; когда вино было доставлено, онъ заявляетъ, что онъ ошибся, такъ какъ ему прописано не это вино, а портвейнъ: виноторговецъ признаетъ ошибку и согласенъ поставить портвейнъ, но А отказывается совершенно отъ сдѣлки, такъ какъ она заключена подъ вліяніемъ ошибки. Дѣйствительной же причиной отказа является то обстоятельство, что А успѣлъ проконсультировать извѣстнаго профессора, который заявилъ ему, что алкоголь для него вреденъ. Очевидно, что право отступить отъ договора послужило здѣсь для А не средствомъ избавиться отъ убытковъ, чѣмъ оно должно было быть, а способомъ для полученія выгоды. Авторъ задаетъ еще слѣдующій вопросъ: почему въ приведенномъ только-что случаѣ наше правовое чувство такъ возмущается, между тѣмъ мы сравнительно спокойно переносимъ вышеприведенный отказъ антрепренера отъ договоровъ съ артистами, и совсѣмъ ужъ ничего не имѣемъ противъ продавца, осуществляющаго свое право отступленія при lex commissoria. Отвѣтъ у автора таковъ: при lex commissoria продавецъ получаетъ выгоду вслѣдствіе обстоятельства, которое должно быть поставлено въ вину *его контрагенту*; выгода, получаемая антрепренеромъ, вызвана случаемъ, за который *никто* не отвѣчаетъ, между тѣмъ выгода, полученная лицомъ А въ вышеприведенномъ примѣрѣ, т. е. при ошибкѣ, является результатомъ обстоятельства, за которое, если кто долженъ отвѣчать, то *только онъ самъ*. Законъ, говоритъ авторъ, позаботился о томъ, чтобы контрагентъ лица, сдѣлавшаго ошибку, не извлекъ изъ этой ошибки выгоды: отрицательный интересъ, на который онъ, въ случаѣ оспариванія сдѣлки его контрагентомъ, имѣетъ право, не долженъ превысить тотъ положительный интересъ, который онъ имѣлъ бы, если бы сдѣлка не была оспорена и осуществилась. Слѣдовало бы ожидать, что соотвѣтственно приведенной нормѣ будетъ установлена и другая, которая не допускала бы, чтобы лицо, сдѣлавшее ошибку, благодаря ей было по-

ставлено въ лучшее положеніе, чѣмъ безъ нея, чтобы, такимъ образомъ, право отступленія отъ договора носило характеръ страхованія отъ убытковъ, а не заключало въ себѣ способа улучшенія положенія ошибившагося. Нормы въ родѣ: если одинъ изъ контрагентовъ оспариваетъ сдѣлку вслѣдствіе ошибки, другой въ правѣ оставить сдѣлку въ силѣ, замѣнивъ ошибочный объектъ тѣмъ, который дѣйствительно имѣлся въ виду при заключеніи сдѣлки", въ уложеніи нѣтъ, и въ такой общей формѣ, думаетъ авторъ, эта норма не была бы цѣлесообразна, но и полное игнорированіе закономъ этого случая не можетъ считаться желательнымъ. Привести въ гармонію этическій постулатъ о неулучшеніи положенія ошибившагося съ закономъ и есть задача автора, которую разрѣшить можно, по его мнѣнію, двоякимъ путемъ: отказать ошибившемуся въ осуществленіи Reurecht, либо предоставить его контрагенту замѣнить предметъ оспариваемой вслѣдствіе ошибки сдѣлки другимъ, который первоначально имѣлся въ виду ошибившимся.

Основнымъ вопросомъ, разсмотрѣніе коего должно предшествовать всему остальному изслѣдованію автора, является слѣдующій: въ правѣ ли одинъ только ошибившійся или и другой контрагентъ отступиться отъ сдѣлки? Вопросъ этотъ формулируется обыкновенно въ теоріи и, по мнѣнію автора, не въ интересахъ для его разрѣшенія, слѣдующимъ образомъ: должна ли сдѣлка, заключенная подъ вліяніемъ ошибки, считаться ничтожной или только оспариваемой. Въ виду того, что вопросъ этотъ различно разрѣшается въ пандектномъ правѣ и современномъ германскомъ уложеніи, авторъ даетъ намъ краткій, но обстоятельный историческій очеркъ ученія объ ошибкѣ, начиная съ Савиньи и кончая послѣднимъ временемъ; онъ показываетъ, какъ ученіе Савиньи о полной ничтожности сдѣлки, заключенной подъ вліяніемъ ошибки, основанное на послѣдовательномъ проведеніи имъ волеваго принципа, начинаетъ колебаться уже и въ пандектномъ правѣ, и какъ еще задолго до новаго уложенія ученіе объ относительной ничтожности или оспариваемости такихъ сдѣлокъ беретъ постепенно верхъ, пока оно окончательно не восторжествовало въ уложеніи. По германскому уложенію право отступиться отъ договора принадлежитъ только ошибившемуся контрагенту; его противникъ это сдѣлать не можетъ даже и въ томъ случаѣ, если ему раньше, чѣмъ ошибившемуся, сдѣлается извѣстнымъ, что послѣдній ошибся. Въ другомъ вопросѣ, гдѣ положеніе очень напоминаетъ изслѣдуемое, уложеніе стало однако совсѣмъ на другой путь, а именно и сдѣлка не счи-

тается ничтожной съ самаго своего возникновенія, и *обѣ* стороны въ правѣ отступиться отъ нея. Этотъ случай, упомянутый въ § 109 уложенія, а именно, когда сдѣлка заключена съ несовершеннолѣтнимъ; отъ нея можно отступиться, пока не послѣдовало согласіе опекуна. При ошибкѣ этого нельзя, и противникъ ошибившагося является какъ бы обиженнымъ закономъ, который старается загладить свою вину предъ нимъ слѣдующими тремя путями. Прежде всего уложеніе возлагаетъ на лицо, желающее оспорить сдѣлку, заключенную подъ вліяніемъ ошибки, обязанность возмѣстить другому контрагенту отрицательный интересъ. Эта обязанность должна часто служить стимуломъ къ тому, чтобы ошибившійся сдѣлки не оспаривалъ. Но въ то же время однако полученіе этого отрицательнаго интереса весьма часто не удовлетворяетъ того, кто имѣетъ на него право; кромѣ того, здѣсь есть еще цѣлый рядъ другихъ трудностей, какъ, напр., опредѣленіе его размѣра; да и самое доказательство его существованія часто весьма трудно. Второю компенсаціей для противника ошибившагося контрагента будетъ требованіе, содержащееся въ § 119 уложенія, а именно, что „оспариваніе учиненнаго (подъ вліяніемъ ошибки) волеизъявленія должно послѣдовать безъ виновнаго промедленія, тотчасъ, когда лицу, которое имѣетъ право оспаривать, стало извѣстно основаніе къ спору". Такое требованіе дѣйствительно ставитъ ошибившагося въ нѣсколько затруднительное положеніе, такъ какъ онъ не можетъ раздумывать подъ вопросомъ, что для него будетъ выгоднѣе: уплатить отрицательный интересъ (въ особенности при незнаніи размѣра его) и оспорить сдѣлку, либо согласиться на ея существованіе въ томъ видѣ, въ какомъ она заключена подъ вліяніемъ ошибки. Считать однако для свободнаго отъ ошибки контрагента это требованіе дѣйствительной компенсаціей трудно; вѣдь ошибившійся можетъ узнать про свою ошибку спустя много времени послѣ того, какъ сдѣлка была заключена, и въ теченіе всего протекшаго времени его контрагентъ будетъ считать сдѣлку прочной и незыблемой.

Есть въ законѣ еще одно ограниченіе для желающихъ оспорить сдѣлку, а именно условіе оспариванія, указанное въ § 119: „ошибившійся можетъ оспаривать сдѣланное изъявленіе, когда слѣдуетъ предположить, что при знакомствѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣла или при разумной оцѣнкѣ положенія онъ не учинилъ бы такого изъявленія." Очевидно, говоритъ авторъ, что условіе это введено для того, чтобы не допустить возможности

оспариванія сдѣлокъ изъ легкомысленныхъ субъективныхъ побужденій. Здѣсь совершенно правильно выступаетъ на сцену римскій bonus pater familias и принципъ объективной оцѣнки положенія, единственно возможный въ гражданскомъ оборотѣ. Къ нему сначала, повидимому, склоняется и авторъ, какъ видно изъ только-что приведеннаго его заключенія по поводу этого условія. Стараясь однако повсюду затруднить возможность оспариванія сдѣлки, авторъ покидаетъ эту объективную точку зрѣнія, гдѣ субъективная болѣе полезна для лица свободнаго отъ ошибки: причемъ совершенно не хочетъ знать того, что такого рода непослѣдовательность обоюдоостра. Онъ всецѣло стоитъ за то, чтобы предоставить контрагенту, свободному отъ ошибки, право доказывать, что хотя bonus pater familias при знакомствѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣла этой сдѣлки не заключилъ бы, но данное лицо тѣмъ не менѣе заключило бы.

Несмотря однако на три указанныхъ способа компенсаціи контрагента, свободнаго отъ ошибки, остается въ силѣ, говоритъ авторъ, все-таки то положеніе, что онъ не можетъ потребовать, чтобы вмѣсто заключенной сдѣлки сдѣлалась дѣйствительной та, которая имѣлась въ виду ошибившимся; между тѣмъ послѣдній въ правѣ оставить въ силѣ ту сдѣлку, о которой онъ раньше не думалъ.

Итакъ, указанные три способа компенсаціи, предоставленные уложеніемъ противнику ошибившагося контрагента, по мнѣнію автора, далеко не достаточны для того, чтобы уравнить положеніе обѣихъ сторонъ. Но если законъ непосредственно ничѣмъ другимъ не хочетъ помочь ни въ чемъ неповинной сторонѣ, то авторъ все-таки путемъ толкованія и аналогіи пытается доказать, что и на основаніи нормъ уложенія можно привести въ равновѣсіе права обоихъ контрагентовъ. Авторъ указываетъ на то, что при симулятивныхъ сдѣлкамъ законъ считаетъ дѣйствительной прикрытую сдѣлку, слѣдовательно не ту, на какую послѣдовало внѣшнимъ образомъ согласіе сторонъ. Однако авторъ самъ себя же опровергаетъ, указывая на то, что здѣсь *воля и одной и другой* стороны была направлена на ту самую сдѣлку, какую законъ и призналъ дѣйствительной; между тѣмъ при ошибкѣ законъ не можетъ признать дѣйствительной ту сдѣлку, какая на самомъ дѣлѣ имѣлась въ виду ошибившимся, такъ какъ ея совершенно не имѣлъ въ виду другой контрагентъ. Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ возможнымъ по аналогіи требовать отъ ошибившагося либо неоспариванія заключенной сдѣлки, либо согласія съ его стороны на ту сдѣлку,

какую онъ желалъ въ дѣйствительности, если на нее согласится другой контрагентъ. Нельзя не считать этого мнѣнія автора чрезвычайно смѣлымъ и серьезной почвы подъ собою въ законѣ не имѣющимъ. Возраженіе о томъ, что все-таки у насъ совпаденія воль нѣтъ и что мы его совершенно произвольно фингируемъ, остается въ силѣ.

Затѣмъ авторъ анализируетъ § 140 уложенія, который имѣетъ въ виду случай, что когда ничтожная почему-либо сдѣлка удовлетворяетъ составу другой сдѣлки, законъ признаетъ послѣднюю „дѣйствительной, коль скоро слѣдуетъ предположить, что ея дѣйствительность соотвѣтствовала бы намѣреніямъ лицъ, совершавшихъ сдѣлку, если бы имъ была извѣстна ничтожность первой". Авторъ думаетъ, что и эта статья даетъ матеріалъ для толкованія по аналогіи и что на основаніи такого толкованія можно было бы, предполагая согласіе противника ошибившагося контрагента на ту сдѣлку, какая ошибившимся дѣйствительно имѣлась въ виду при заключеніи ея, признать послѣднюю сдѣлку для ошибившагося обязательной и дѣйствительной.

Далѣе, авторъ обращается и къ bona fides, требованіе которой проходитъ красною нитью чрезъ все уложеніе и которой долженъ быть проникнутъ гражданскій оборотъ. Авторъ говоритъ: при заключеніи каждаго договора молчаливо подразумѣвается, что контрагентъ, если и воспользуется своимъ правомъ оспорить сдѣлку, то только не вопреки принципу Treu und Glauben. Вотъ почему, думаетъ авторъ, противъ каждаго оспаривающаго сдѣлку и осуществляющаго при этомъ Reurecht можно, выражаясь по римски, сдѣлать exceptio doli, если онъ не согласится на существованіе той сдѣлки, какую онъ первоначально желалъ.

Это единственный пунктъ въ положительной части ученія автора, который намъ кажется заслуживающимъ полнаго вниманія, тогда какъ и предыдущія попытки конструкціи, такъ и послѣдующая, заключающаяся въ проведеніи аналогіи между оспариваемой сдѣлкой и сдѣлкой, заключенной подъ резолютивнымъ условіемъ, также, по нашему мнѣнію, не могутъ быть названы удачными.

При дачѣ общаго заключенія о разбираемой книгѣ нельзя не признать, что авторъ скорѣе поставилъ вопросъ, чѣмъ разрѣшилъ его, и что первая критическая часть книги гораздо интереснѣе второй, гдѣ авторъ задался цѣлью отвѣтить на поставленный имъ вопросъ. Нельзя однако не признать, что книга написана интересно, что ею затронуты чрезвычайно любопытные вопросы, а обиліе удачно подобранныхъ примѣровъ, живое изложеніе ихъ въ видѣ

діалоговъ и т. д. придаетъ книгѣ подчасъ очень живой характеръ. Но въ то же время у автора какая-то странная манера повторять безконечное число разъ одно и то же, и на ряду съ очень рельефнымъ выраженіемъ мысли автора мы часто встрѣчаемъ поразительно блѣдное, неинтересное и расплывчатое изложеніе.

Ал. Бугаевскій.

Г. Ф. Шершеневичъ—Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изданіе 4-ое. Казань, 1902 г. Стр. VII+793. Ц. 5 р.

Учебникъ проф. Шершеневича пользуется у насъ весьма солиднымъ успѣхомъ. Только въ прошломъ году было выпущено 3-ье изданіе, а въ нынѣшнемъ уже потребовалось новое изданіе. Успѣхъ этотъ насъ совершенно не удивляетъ. Книга почтеннаго профессора является до настоящаго времени единственнымъ новѣйшимъ и полнымъ элементарнымъ руководствомъ по отечественному гражданскому праву. Помимо этого, учебникъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, гарантирующими вполнѣ его успѣхъ среди академической учащейся молодежи и начинающихъ юристовъ. Къ сожалѣнію, однако, учебникъ издается почти безъ всякихъ измѣненій, несмотря на указанные критикой предыдущихъ изданій недочеты и пробѣлы. Такіе недостатки имѣетъ и послѣднее изданіе учебника. Настоящей нашей рецензіей мы имѣемъ въ виду двѣ цѣли: лишній разъ привѣтствовать появленіе „учебника" въ новомъ изданіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе автора на тѣ недочеты, которые мы встрѣтили въ новомъ изданіи его книги. Всѣ эти недочеты въ большинствѣ случаевъ касаются неполноты и неточности опредѣленій и выводовъ; имъ, по нашему мнѣнію, не должно быть мѣста въ особенности въ элементарномъ руководствѣ, по которому учится главнымъ образомъ университетская молодежь.

Мы совершенно не остановимся на содержаніи „учебника", и безъ того хорошо извѣстнаго русской публикѣ, и перейдемъ къ тѣмъ недочетамъ, на которые мы хотѣли бы обратить вниманіе автора.

Говоря о юридическихъ послѣдствіяхъ безвѣстнаго отсутствія по дѣйствующему праву, проф. Шершеневичъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „имущество безвѣстно-отсутствующаго послѣ пятилѣтняго безвѣстнаго отсутствія переходитъ въ управленіе къ его закон-

нымъ наслѣдникамъ или лицамъ, въ пользу которыхъ безвѣстно-отсутствующій оставилъ завѣщаніе. Доходы съ имущества поступаютъ безповоротно въ пользу лицъ, которымъ вручается управленіе, потому что они должны быть разсматриваемы не какъ опекуны, а какъ добросовѣстные владѣльцы“ (стр. 77).

Мы считаемъ это мнѣніе совершенно несогласнымъ съ точнымъ смысломъ 1451 и сл. ст. уст. гражд. суд. Смыслъ первыхъ пяти лѣтъ безвѣстнаго отсутствія заключается въ томъ, что только послѣ ихъ истеченія судъ вызываетъ наслѣдниковъ къ имуществу безвѣстно-отсутствующаго и провѣряетъ ихъ права; сама же передача имущества наслѣдникамъ можетъ послѣдовать не раньше истеченія полныхъ 10-ти лѣтъ послѣ перваго вызова и неявки лица, объявленнаго безвѣстно-отсутствующимъ; на этой точкѣ зрѣнія, совершенно правильной, по нашему мнѣнію, стоитъ Сенатъ (рѣш. 1892 г. № 97). Вѣдь законъ говоритъ только, что „съ истеченіемъ пяти лѣтъ послѣ первой публикаціи окружной судъ ... приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла ...“, а это не значитъ, что имущество передается наслѣдникамъ.

По тѣмъ же соображеніямъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что наслѣдники, вступившіе въ управленіе имуществомъ послѣ пятилѣтняго періода, считаются добросовѣстными владѣльцами, а не опекунами, вслѣдствіе чего всѣ доходы поступаютъ будто-бы къ нимъ безповоротно. Никакой опоры это мнѣніе не имѣетъ въ дѣйствующихъ законахъ.

По вопросу о дѣеспособности глухонѣмыхъ, проф. Шершеневичъ придерживается того взгляда, что глухонѣмые по нашему закону презумируются недѣеспособными и послѣ 21-лѣтняго возраста, доколѣ ихъ дѣеспособность не будетъ установлена надлежащимъ освидѣтельствованіемъ. Почтенный авторъ считаетъ поэтому правильнымъ взглядъ Сената, выраженный въ рѣшеніи 1883 г. № 51, отъ котораго онъ въ послѣдующей своей практикѣ отказался (рѣш. 1894 г. № 44). По этому же столь важному вопросу мы имѣемъ еще болѣе новое рѣшеніе Сената (1899 г. № 116). Во всѣхъ постановленіяхъ гражданскихъ законовъ, гласитъ рѣшеніе Сената, проводится существенное различіе между глухонѣмыми грамотными и неграмотными, могущими свободно изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю и лишенными всякихъ къ тому способовъ (76 ст. прил. къ 708, 381, 2 п. 2 ст. прилож. къ 694 ст. (прим. 1) 1 ч. X т., 106—112 ст. пол. о нот. ч.). Содержаніе 381 ст., опредѣляющее *порядокъ* учрежденія опеки и попечительства надъ глухонѣмыми

до и послѣ совершеннолѣтія ихъ, не требуетъ выполненія этого порядка надъ каждымъ глухонѣмымъ подъ угрозою какихъ-либо послѣдствій. Посему слѣдуетъ признать, что глухонѣмые состоятъ подъ опекою до совершеннолѣтія, если опека будетъ учреждена, но учрежденіе таковой надъ ними, какъ и надъ малолѣтними, не обязательно. Не обязательно также (ср. ст. 367 и 368) освидѣтельствованіе всѣхъ глухонѣмыхъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Тогда какъ глухонѣмые неграмотные признаются (76 ст. прим. къ 708 ст. и 2 п. 2 ст. прил. къ 694 ст.) недѣеспособными, относительно дѣеспособности грамотныхъ глухонѣмыхъ въ законѣ не содержится никакого ограниченія. Освидѣтельствованіе глухонѣмыхъ имѣетъ цѣлью удостовѣреніе не въ наступленіи глухонѣмоты или въ исцѣленіи отъ нея, а въ томъ, можетъ ли свидѣтельствуемый свободно изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю, но законъ не только ни въ чемъ не выразилъ, что существованіе этой способности можетъ быть удостовѣрено единственно освидѣтельствованіемъ глухонѣмаго, напротивъ, предоставилъ удостовѣриться въ этомъ непосредственно при совершеніи актовъ отъ глухонѣмаго. Поэтому, утверждаетъ далѣе Сенатъ, *грамотные* глухонѣмые должны быть, по наступленіи ихъ совершеннолѣтія, признаваемы *дѣеспособными на общемъ основаніи*, хотя бы дѣеспособность ихъ и не была установлена освидѣтельствованіемъ.

На это чрезвычайно интересное рѣшеніе Сената мы не находили никакого указанія въ новомъ изданіи учебника проф. Шершеневича.

Ученію объ условіяхъ проф. Шершеневичъ удѣляетъ чрезвычайно мало мѣста. Само опредѣленіе условія, какъ „такое случайное опредѣленіе въ юридической сдѣлкѣ, по которому сила сдѣлки ставится въ зависимость отъ наступленія или ненаступленія въ будущемъ извѣстнаго событія",—не точно. Изъ этого опредѣленія вовсе не видно, что наступленіе или ненаступленіе событія, въ зависимость отъ котораго ставится сила юридической сдѣлки, должно быть *неизвѣстно* при заключеніи сдѣлки. А вѣдь *неизвѣстность* является существеннымъ элементомъ условныхъ сдѣлокъ. Напротивъ, согласно опредѣленію проф. Шершеневича, выходитъ какъ-будто, что наступленіе или ненаступленіе событія должно быть *извѣстно*. Подъ это опредѣленіе могутъ подойти и нѣкоторыя срочныя сдѣлки. Поэтому опредѣленіе почтеннаго автора требуетъ значительной поправки. Лучшее опредѣленіе даетъ, по нашему мнѣнію, Дернбургъ. Bedingungen—condiciones—

такъ гласитъ определеніе проф. Дернбурга, sind einem Rechtsgeschäfte willkürlich zugefügte Bestimmungen, wodurch seine Rechsrwirkungen von künftiger *ungewissen* Ereignissen abhängig gemacht werden. (Pandecten. I, ст. 249). Опредѣленіе Барона гласитъ „условіе въ техническомъ смыслѣ есть такая статья, такое опредѣленіе въ юридической сдѣлкѣ, по которому дѣйствіе воли лица, совершающаго сдѣлку, поставлено въ зависимость отъ какого-либо *неизвѣстнаго* обстоятельства“ (Система римскаго гражд. права, проф. Петражицкаго, I, стр. 117, изд. 2-ое).

Проф. Шершеневичъ оставилъ безъ разрѣшенія такой вопросъ, какъ вопросъ о моментѣ наступленія условія при сдѣлкахъ, въ которыхъ наступленіе обстоятельства поставлено въ зависимость отъ воли лица, въ пользу котораго клонится сдѣлка (condiciones potestativae). Вообще ученіе объ условіяхъ, а также о срокѣ, въ учебникѣ мало развито.

Не полно отмѣчено различіе между срокомъ и условіемъ въ техническомъ смыслѣ слова. Ничего не говорится объ исчисленіи времени, о различіи между такъ называемыми computatio civilis и computatio naturalis, tempus utile и contiuum и т. д. Всѣ эти различія имѣютъ важное значеніе и для русскаго гражданскаго права.

По вопросу объ исковой давности, авторъ придерживается мнѣнія, раздѣляемаго и нѣкоторыми другими нашими учеными, что „дѣйствіе исковой давности состоитъ въ томъ, что лицо, не предъявившее въ теченіе установленнаго срока иска въ защиту своего права, теряетъ право предъявить таковой искъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое право, охраняемое искомъ“, т. е. съ истеченіемъ 10-ти лѣтняго періода теряется не только право на *искъ*, но и самое матеріальное право. Мнѣніе это не раздѣляется большинствомъ нашихъ цивилистовъ, а также Сенатомъ (рѣшеніе 1891 г. № 26). Согласно взгляду проф. Шершеневича, уплата денегъ по заемному письму, утратившему свою силу за давностью, даетъ право уплатившему требовать деньги обратно, какъ уплату недолжнаго (condictio indebiti). Такъ ли на самомъ дѣлѣ? Съ кажущимися на первый взглядъ категорическими постановленіями нашего десятаго тома надо обходиться чрезвычайно осторожно. Тѣмъ болѣе, что категорически (какъ будто) законъ выражается только по отношенію къ договорамъ (Договоръ *прекращается*. . . . ст. 1549 I ч. X т.), по отношенію же къ вещнымъ правамъ законъ прямо говоритъ, что съ истеченіемъ 10-ти лѣтняго срока теряется право отыскиванія, т. е. право судебной защиты („Право *отыскиванія* пре-

сѣкается общею земскою десятилѣтнею давностью. . . . ." Ст. 692 1 ч. X т., также и статья 694-ая . . . „Кто въ теченіе земской давности иска не предъявилъ" . . .). Да и относительно договоровъ врядъ ли нужно понимать постановленіе закона, какъ нѣчто абсолютное и совершенно не зависящее отъ воли самихъ сторонъ. Любопытно сопоставить рѣшеніе вопроса проф. Шершеневичемъ съ постановленіемъ германскаго гражданскаго уложенія. Статья 222-ая, пунктъ 2-ой уложенія гласитъ: „Учиненное въ удовлетвореніе погашеннаго давностью притязанія не можетъ быть истребовано обратно, хотя бы удовлетвореніе учинено было въ невѣдѣніи о погашеніи".

Вопросъ о спецификаціи проф. Шершеневичъ разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что переработка чужой движимой вещи въ новую вещь не является по нашему праву вовсе способомъ пріобрѣтенія права собственности на nova species. „Болѣе согласно съ общимъ смысломъ русскаго законодательства будетъ признать право собственности на переработанную вещь за собственникомъ матеріала, изъ котораго она сдѣлана" (стр. 284). Свои выводы авторъ основываетъ на 609 ст. I ч. X т., согласно которой всякій, незаконно владѣвшій чужою вещью, обязанъ возвратить ее собственнику. Вопросъ этотъ различно разрѣшался въ разныя времена. Всѣмъ памятно изъ курса римскаго права, какъ римляне этотъ вопросъ разрѣшали. Сабиніанцы не признавали спецификацію, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, и поэтому рѣшали вопросъ въ пользу собственника матеріала. Прокуліанцы, напротивъ, отдавали предпочтеніе труду и полагали, что nova species принадлежитъ спецификанту. Господствующимъ считалось послѣднее мнѣніе; но все-таки и первое сильно боролось за свое существованіе. Въ концѣ концовъ выработалось еще одно мнѣніе, которое почему-то считается „среднимъ", примиряющимъ оба противоположныхъ принципа. Согласно этому „среднему" принципу, узаконенному Юстиніаномъ, новая вещь только тогда принадлежитъ спецификанту, когда можно ее обратно превратить въ старую, изъ которой она передѣлана (каковы вещи, переработанныя изъ металла и пр.), въ противномъ случаѣ новая вещь переходитъ въ собственность спецификанту. Было еще мнѣніе, которое высказалъ юристъ Павелъ, согласно которому спецификантъ только тогда получалъ права собственности на переработанную имъ вещь, когда онъ дѣйствовалъ добросовѣстно (L. 12 § 3 D. ad exhibend. 10, 4). Въ настоящее время вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Фран-

цузскій code civil защищаетъ въ принципѣ права собственника матеріала, которому „новая вещь“ принадлежитъ на правѣ собственности.

Si un artisan,—гласитъ art. 570 cod. civ.,—ou une personne quelquonque a employé une matière qui ne lui appartenait pas à former une chose d'une nouvelle espéce, soit que la matière puisse ou non réprendre sa premiére forme, celui qui en était le propriétaire, a le droit de reclamer la chose qui en a été formée, en remboursant le prix de la main-d'oeuvre. Но если обработка стоитъ больше, нежели матерія, то новая вещь остается у спецификанта, en remboursant le prix de la matière au propriétaire (art. 571).

Германское гражданское уложеніе, наоборотъ, стоитъ на сторонѣ спецификанта и присуждаетъ ему новую вещь, и только „по исключенію“ вещь принадлежитъ собственнику матеріала, если только стоимость переработки или передѣлки уступаетъ значительно стоимости употребленнаго матеріала (§ 950, п. I). Этотъ послѣдній принципъ усвоилъ также проектъ новаго швейцарскаго гражданскаго уложенія, который внесъ въ это правило очень важную поправку. Если спецификантъ дѣйствовалъ mala fide, то судъ можетъ присудить новую вещь собственнику матеріала, несмотря на то, что переработка стóитъ гораздо дороже матеріала, а спецификантъ можетъ только искать съ собственника убытки „въ размѣрѣ обогащенія“ (ст. 719 проекта швейцарскаго гражданскаго уложенія).

Проектъ нашего гражданскаго уложенія разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу спецификанта.

„Переработавшій чужую вещь такимъ образомъ, что изъ нея образовалась новая вещь, пріобрѣтаетъ право собственности на эту вещь, но обязанъ вознаградить прежняго собственника переработанной вещи“ .... Такъ гласитъ ст. 110 проекта вотчиннаго права, разрѣшая вопросъ подобно древнимъ прокуліанцамъ. Лучше разрѣшаетъ вопросъ, конечно, проектъ швейцарскаго гражданскаго уложенія. Въ нашей литературѣ вопросъ этотъ съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго права разрѣшали разно. Анненковъ и Васьковскій разрѣшаютъ его такъ, какъ разрѣшилъ его Юстиніанъ. Свой выводъ упомянутые наши цивилисты строятъ на ст. 673 I ч. I т. и 168 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., по аналогіи, стало быть, съ „поврежденіемъ и порчей чужаго имущества“ (Анненковъ, Система, II, стр. 42 и сл., его же Начала русск. гражд. права, I, стр. 119, тезисъ 550. Васьковскій, Учебникъ гражд. пр. II, стр. 105 и сл.) Сенату не приходилось, насколько намъ извѣстно, прямо высказы-

ваться по этому вопросу, но, судя по одному рѣшенію (1897 г. № 80), Сенатъ признаетъ спецификацію способомъ пріобрѣтенія права собственности и, стало быть, склоняется къ воззрѣнію, усвоенному нашимъ проектомъ.

Въ этомъ рѣшеніи, состоявшемся по другому вопросу, Сенатъ между прочимъ говоритъ: „не можетъ быть рѣчи о спецификаціи, какъ о *способѣ прекращенія и возникновенія* права, если собственникомъ новой вещи остается тотъ же собственникъ матеріала. Вопросъ о юридическихъ послѣдствіяхъ спецификаціи могъ бы имѣть мѣсто лишь тогда, когда бы кто-либо сдѣлалъ вещь изъ чужаго матеріала и если бы возникъ споръ о правѣ собственности на новую вещь между хозяиномъ матеріала и лицомъ, приложившимъ на его переработку свой трудъ и талантъ".

Профессоръ Шершеневичъ полагаетъ, что къ нашему праву допустимъ исключительно принципъ старыхъ сабиніанцевъ. Намъ слѣдовало бы теперь перейти къ подробному разрѣшенію вопроса по нашему праву. Къ сожалѣнію, мы этого не можемъ сдѣлать теперь, будучи стѣснены размѣрами настоящей рецензіи. Намъ кажется, что ни принципъ сабиніанцевъ (Шершеневичъ), ни принципъ Юстиніана (Анненковъ, Васьковскій) къ нашему праву не долженъ быть примѣнимъ. Воззрѣнія эти устарѣлыя, и безъ необходимости ихъ не нужно навязывать дѣйствующему законодательству. Неосновательны ни обобщенный выводъ изъ 609 статьи, какъ это дѣлаетъ проф. Шершеневичъ, ни изъ ст. 673 и др., какъ это дѣлаетъ Анненковъ. Вѣрнѣе будетъ, если скажемъ, что нашъ десятый томъ ничего въ себѣ не содержитъ по вопросу о спецификаціи за исключеніемъ развѣ переработки чужаго имущества, присвоеннаго путемъ преступленія, въ какомъ случаѣ новую вещь законъ присуждаетъ собственнику матеріала (ст. 158[1] и 168 уст. о нак.). Въ другихъ случаяхъ ничто намъ не мѣшаетъ усвоить принципъ, выраженный въ германскомъ гражданскомъ уложеніи, съ поправкой, внесенной швейцарскимъ проектомъ. Общій смыслъ нашихъ гражданскихъ законовъ врядъ ли противъ такого разрѣшенія вопроса, какъ самаго раціональнаго, справедливаго и отвѣчающаго современнымъ воззрѣніямъ не только нѣмцевъ и швейцарцевъ, но, надѣемся, и русскихъ. Мы считаемъ этотъ вопросъ настолько важнымъ и принципіальнымъ, что намѣрены ему посвятить особую статью.

Неточнымъ является у проф. Шершеневича также опредѣленіе сервитута, какъ „вещнаго права пользованія чужою вещью въ интересѣ опредѣленнаго лица" (стр. 314). Если проф. Шершене-

вичъ имѣетъ въ виду понятіе о сервитутѣ, какъ то было выработано нѣмецкими пандектистами, то подъ его опредѣленіе подойдутъ только такъ называемые „личные сервитуты“. Проф. Шершеневичъ, настаивая на вѣрности своего опредѣленія, говоритъ, что и реальные сервитуты устанавливаются въ интересѣ опредѣленнаго лица, но не какъ таковаго, а какъ собственника данной недвижимости. Но, во-первыхъ, всѣ права установлены въ интересахъ опредѣленныхъ лицъ (omne jus hominum causa constitutum est), а во-вторыхъ, различіе между реальными и личными сервитутами должно быть видно изъ самаго опредѣленія. Типичное опредѣленіе сервитута съ точки зрѣнія пандектнаго права даетъ Баронъ, который говоритъ, что „сервитутъ есть такое вещное право на чужую вещь, которое имѣетъ цѣлью исключительную *выгоду опредѣленнаго лица или опредѣленнаго участка*. ....“ (Система римскаго гражданскаго права, II, стр. 85). Говоря, напримѣръ, что данный сервитутъ установленъ въ интересахъ какой-нибудь фабрики, мы этимъ только рѣзко выдвигаемъ реальный характеръ сервитута, независящій отъ того, кому фабрика въ данную минуту принадлежитъ, хотя, безъ сомнѣнія, выгоды эти всецѣло принадлежатъ какому-нибудь лицу.

Невѣрно также съ точки зрѣнія нашего законодательства почтенный авторъ разрѣшаетъ вопросъ о periculum rei при куплѣ-продажѣ. По вопросу о моментѣ перехода права собственности на купленныя недвижимыя вещи, проф. Шершеневичъ стоитъ на точкѣ зрѣнія римско-германской, т. е. что для перехода права собственности на купленную вещь къ покупщику недостаточно одного соглашенія, какъ того требуетъ французскій code civil, а необходима еще передача вещи (traditio) или замѣняющіе ее суррогаты (traditio brevi manu, traditio symbolica и проч.). Нѣкоторые наши цивилисты, а также Сенатъ (рѣшенія 1871 г. № 618, 1872 г. № 897, 1877 г. № 206, 1879 г. № 283, 1898 г. № 85), наоборотъ полагаютъ, что къ нашему праву примѣнимъ вполнѣ французскій принципъ. Римское право содержало по вопросу periculum rei при куплѣ-продажѣ, какъ извѣстно, крупную аномалію. Вопреки господствующему воззрѣнію, что casum sentit dominus, при куплѣ-продажѣ дѣйствовало обратное правило: periculum est emptoris. Послѣдствія случайной гибели вещи падали всецѣло на покупщика, несмотря на то, что до момента „передачи“ проданное имущество оставалось въ собственности продавца. Въ силу этого правила покупатель обязанъ внести плату и въ томъ случаѣ, когда вещь послѣ

заключенія договора, но до ея передачи, погибла по какому-либо несчастному случаю (casus), такъ что нѣтъ возможности предоставить ее покупателю (Dernburg. Пандекты. Обязательственное право, стр. 69, русскій переводъ). Германское гражданское уложеніе, усвоивъ принципъ „передачи“ въ цѣломъ видѣ, отвергло, однако, ненормальное правило: periculum est emptoris, и, такимъ образомъ, оставило послѣдствія случайной гибели или порчи проданной вещи до момента передачи на собственникѣ вещи (Endemann, Einführung in das Studium des bürgerlichen Gesetzbuchs I, стр. 493). Если допустить, что наше дѣйствующее право усвоило римскій принципъ „передачи“, какъ это полагаетъ проф. Шершеневичъ, то во всякомъ случаѣ правило: „periculum est emptoris“ не должно у насъ имѣть мѣсто. Послѣдствія случайной гибели или порчи проданной вещи до момента передачи должны падать исключительно на собственника вещи, по правилу: casum sentit dominus. Купившій вещь, въ случаѣ ея гибели до „передачи“, не долженъ за нее заплатить, а если уплата уже произведена, то онъ можетъ потребовать деньги обратно. Профессоръ Шершеневичъ же полагаетъ, что „гибель вещи освобождаетъ покупщика отъ необходимости заплатить цѣну, *если онъ еще не исполнилъ своей обязанности*“ (курсивъ нашъ). Выходитъ, что если покупщикъ уплатилъ деньги продавцу, то съ этого момента periculum rei переходитъ къ нему, въ то время какъ сама вещь остается въ собственности у продавца. Мы считаемъ это воззрѣніе ошибочнымъ съ точки зрѣнія теоріи „традиціи“. Въ этомъ же отдѣлѣ мы находимъ ссылку на ст. 1522 I ч. X т., которая въ изданіи десятаго тома 1900 г. замѣнена правилами, изложенными въ статьяхъ 1 и 968—1093 устава гражданскаго судопроизводства.

Опекунство проф. Шершеневичъ считаетъ по нашему праву общественною повинностью. Этому вопросу мы недавно посвятили спеціальную статью (Право 1902 г. №№ 37 и 38), въ которой, мы надѣемся, доказали всю неосновательность этого мнѣнія, раздѣляемаго всѣми нашими теоретиками. Мы считаемъ совершенно правильнымъ взглядъ Сената, выраженный въ рѣшеніи Перваго Общаго Собранія 1890 г. № 20 (на это рѣшеніе мы не нашли указанія въ учебникѣ проф. Шершеневича), согласно которому опекунство по дѣйствующему праву не можетъ считаться munus publicum.

Вотъ тѣ недочеты, которые мы замѣтили въ учебникѣ проф. Шершеневича и на которые мы сочли нужнымъ обратить вниманіе почтеннаго цивилиста.

Всѣ эти недостатки нисколько, конечно, не умаляютъ достоинства „учебника“, который долженъ считаться хорошимъ начальнымъ руководствомъ по русскому гражданскому праву.

Лучшаго учебника русскаго гражданскаго права, и притомъ полнаго, мы пока не имѣемъ.

И. Вольманъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ.—Томъ второй (въ двухъ частяхъ): Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20 — 1855 г. февраля 18). — Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. С.-Петербургъ 1902 г. Стр. IX+373 и 366.

Въ мартовской книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ (стр. 336) было отмѣчено появленіе перваго тома этого изданія, предпринятаго по случаю столѣтія учрежденія Комитета Министровъ, при чемъ указано было важное значеніе этой работы для исторіи различныхъ отраслей внутренняго управленія Россіи. По отношенію къ послѣднимъ въ настоящемъ томѣ сгруппированы многочисленныя и интересныя данныя за тридцатилѣтній періодъ царствованія Императора Николая I.

По замѣчанію составителя „Историческаго обзора“, эта эпоха „тѣмъ существенно отличается отъ эпохъ, какъ предыдущей—Императора Александра I, такъ и послѣдующей—Императора Александра II, что въ продолженіе ея правительство стремилось улучшить положеніе государства и народа не столько общими реформами, сколько постоянными, но частными мѣрами, вводимыми къ тому же въ жизнь нерѣдко въ видѣ временныхъ правилъ; большая же часть такого рода мѣръ проходила черезъ Комитетъ Министровъ. Таковы многочисленныя измѣненія въ положеніи сословій, различныя попытки поставить тверже продовольственное дѣло, организаціей-ли общественныхъ работъ, устройствомъ-ли общественныхъ запашекъ; таковы разнообразныя измѣненія въ устройствѣ дорожной и почтовой повинностей, равно какъ въ устройствѣ откупной системы, столь сильно вліявшей на всѣ тогдашнія отношенія; разнообразіе и многочисленность такихъ дѣлъ придаютъ особый интересъ изложенію дѣятельности Комитета Министровъ“.

Положеніе этого учрежденія въ эпоху Николая I значительно

измѣнилось сравнительно съ царствованіемъ Александра I, при которомъ Комитетъ Министровъ пріобрѣлъ чрезвычайное значеніе въ ряду высшихъ государственныхъ установленій. Такое значеніе его обусловливалось въ большой степени тѣмъ неограниченнымъ довѣріемъ, которымъ пользовался у Александра I гр. Аракчеевъ, имѣвшій съ 1815 г. ближайшее наблюденіе за всѣмъ дѣлопроизводствомъ Комитета и черезъ него могущественно вліявшій на все внутреннее управленіе страны. Къ тому же компетенція Комитета Министровъ не была достаточно опредѣлена, и къ нему нерѣдко поступали, съ одной стороны, дѣла, которыя должны были бы быть разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ другой—многія такія дѣла, которыя министры могли бы разрѣшать сами.

Опредѣленіе задачъ и способовъ дѣятельности Комитета Министровъ составило предметъ тщательнаго разсмотрѣнія особаго совѣщанія, образованнаго въ началѣ царствованія Николая I и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ „Комитета 6 декабря 1826 года“. Заключенія, къ которымъ пришло это совѣщаніе, не имѣли непосредственнаго практическаго результата въ смыслѣ преобразованія Комитета Министровъ, который намѣчено было упразднить, передавъ правительственныя его функціи въ Правительствующій Сенатъ, въ которомъ имѣлось въ виду отдѣлить Сенатъ судебный. Комитетъ Министровъ былъ сохраненъ, но въ компетенціи его были произведены значительныя измѣненія.

Важнѣйшее изъ нихъ касалось предметовъ законодательнаго характера. Съ самаго начала своего царствованія Николай I приказывалъ направлять въ Государственный Совѣтъ не только всѣ представленія, по которымъ испрашивалось изданіе новаго законоположенія, устава или штата, но даже и такія представленія, которыя заключали въ себѣ только предложеніе объ изданіи новаго закона. Въ „Историческомъ обзорѣ“ приведенъ рядъ представленій, по которымъ Николай I клалъ резолюціи о направленіи дѣла въ Государственный Совѣтъ: „принадлежитъ рѣшить въ Совѣтѣ, а не въ Комитетѣ Министровъ“, „Я считаю сіе перемѣною узаконенія, слѣдуетъ разсмотрѣть въ Совѣтѣ“, „согласенъ, но какъ новый законъ слѣдуетъ разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ“.

Съ другой стороны, серьезное вниманіе обращено было на устраненіе изъ вѣдѣнія Комитета такихъ дѣлъ, которыя могли быть рѣшены властью министра. Внося подобныя дѣла въ Комитетъ, министры не только слагали съ себя часть отвѣтственности и увеличивали занятія Комитета, но увеличивали также и работу

государя, читавшаго журналы Комитета и полагавшаго на нихъ свои резолюціи. Съ цѣлью парализовать такой порядокъ, Николай I нерѣдко отмѣчалъ въ своихъ резолюціяхъ неумѣстность его: „весьма согласенъ, но при семъ замѣтить г.г. министрамъ, что я вторично прошу ихъ не обременять Комитета и меня дѣлами, кои сами разрѣшать могутъ или которыя еще требуютъ справокъ и отъ того по два раза вносятся“, или—„а я замѣчу, что само собою разумѣется и не нужно было вносить въ Комитетъ. При семъ случаѣ я настоятельно прошу г. г. министровъ не вносить въ Комитетъ такихъ предметовъ, по которымъ разрѣшеніе ихъ собственное совершенно достаточно по власти, имъ дарованной“, или—„впредь съ подобными мелочами въ Комитетъ не входить“.

И при измѣнившихся, сравнительно съ эпохою Александра I, условіяхъ Комитетъ Министровъ продолжалъ играть важную роль, какъ въ нормальномъ порядкѣ управленія, такъ и въ особенныхъ случаяхъ. Такъ, государь по политическимъ видамъ, считая нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры, обращался иногда къ Комитету Министровъ съ требованіемъ, чтобы Комитетъ указалъ легчайшіе пути для приведенія въ дѣйствіе задуманныхъ государемъ мѣропріятій; такія мѣры вызывались, по большей части, особыми политическими обстоятельствами; отъ Комитета требовалось указаніе на то, какъ должно быть проведено данное мѣропріятіе, независимо отъ того, согласно ли оно вполнѣ съ закономъ, или нѣтъ.

При распредѣленіи матеріала во второмъ томѣ принята та же, какъ и въ первомъ томѣ, система дѣленія по отраслямъ управленія.

За первою главою („Организація и значеніе Комитета Министровъ“) слѣдуетъ глава, въ которой излагаются мѣры по отношенію къ народному здравію (эпидеміи чумы и холеры), народному продовольствію (неурожаи 1833 и 1839—1840 г.г.) и переселеніямъ.

Въ третьей главѣ—„Сословія“—сгрупированы данныя о мѣрахъ по отношенію къ дворянству, городамъ и крестьянамъ (обсужденіе крестьянскаго вопроса въ царствованіе Николая I; волненія и побѣги крестьянъ; военный судъ надъ крестьянами; увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы; законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и участіе Комитета въ утвержденіи и измѣненіи условій обязанныхъ крестьянъ; предложенія нѣкоторыхъ дворянъ объ улучшеніи быта и освобожденіи крестьянъ и т. д.).

Глава четвертая посвящена вопросамъ управленія центральнаго и мѣстнаго (во второй части этой главы интересны донесенія объ

упущеніяхъ и безпорядкахъ по мѣстному управленію, данныя о сенаторскихъ ревизіяхъ, свѣдѣнія о подношеніяхъ губернскимъ властямъ, взысканіяхъ съ нихъ, о попыткахъ улучшить губернскую администрацію).

Большая глава посвящена вопросамъ „государственнаго хозяйства". Въ нее вошли мѣры относительно денежнаго обращенія, питейныхъ сборовъ (откупная система, акцизно-откупныя коммисіонерства, развитіе корчемства и борьба съ нимъ, дѣла по обезпеченію населенія солью), путей сообщенія [1] (устройство дорогъ, дорожная и почтовая повинности, вольныя почты, улучшеніе водныхъ путей) и развитія промышленности.

Въ послѣдней, шестой главѣ обозрѣвается дѣятельность Комитета Министровъ въ области вопросовъ просвѣщенія и церкви. Отмѣтимъ нѣкоторыя рубрики: общее направленіе учебно-воспитательнаго дѣла въ царствованіе Императора Николая I, вопросъ о домашнихъ учителяхъ и наставникахъ, отношеніе къ заграничнымъ университетамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, измѣненіе въ уставѣ среднихъ учебныхъ заведеній, вопросы высшаго образованія, ученыя общества, учебное дѣло въ Западномъ краѣ, цензура; кругъ дѣлъ по церковному управленію, отношеніе Императора Николая I къ старовѣрамъ и сектантамъ, усиленіе мѣръ взысканія за отступленіе отъ православной церкви, положеніе православія въ западныхъ губерніяхъ.

Въ ряду приложеній ко второму тому напечатано „Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ Комитета Министровъ вслѣдствіе неурожаевъ 1833, 1839 и 1840 г.г." Обозрѣніе это было составлено въ Канцеляріи Комитета еще въ 1891 году, когда многія мѣстности Россіи пострадали отъ сильнаго неурожая, но въ свѣтъ оно тогда не было выпущено.

Къ настоящему тому приложены портреты Императора Николая I, пяти предсѣдателей Комитета—кн. В. П. Кочубея, гр. Н. Н. Новосильцова, кн. И. В. Васильчикова, гр. В. В. Левашева и кн. А. И. Чернышева и пяти управляющихъ дѣлами Комитета—бар. М. А. Корфа, Н. И. Бахтина, В. Я. Ханыкова, В. П. Буткова и А. П. Суковкина.

Р.

---

[1]) О желѣзныхъ дорогахъ Канцеляріею Комитета Министровъ издана отдѣльная монографія, составленная Н. А. Кислинскимъ,—„Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ" (два тома). См. о ней рецензію въ майской книгѣ Жур. Мин. Юст. за 1902 годъ (стр. 313).

Россія въ дорожномъ отношеніи. Въ 3-хъ томахъ, съ приложеніемъ 5 картограммъ и картъ губерній. Составилъ инспекторъ по дорожной части при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Мейенъ. Изданіе Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1902 г. Стр. 8+467; 928; 528+81.

Появленіе этой работы вызвано тѣми потребностями, которыя порождены приведеніемъ въ исполненіе закона 1 іюня 1895 года объ отнесеніи на счетъ государственнаго казначейства земскихъ расходовъ по содержанію судебно-административныхъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы освободившіяся суммы составили спеціальный источникъ для улучшенія мѣстныхъ обыкновенныхъ дорогъ. Благодаря этой мѣрѣ мѣстныя учрежденія получили возможность увеличить на значительную сумму (до 8 милліоновъ рублей въ годъ по всей Европейской Россіи) ассигнованія свои на дорожное дѣло. На министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ возложено наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ суммъ дорожнаго капитала. Въ частности, въ интересахъ цѣлесообразнаго расходованія этихъ суммъ для правильной постановки дорожнаго дѣла въ губерніяхъ признаны были необходимыми: составленіе опредѣленнаго плана улучшенія дорогъ, распредѣленіе дорогъ по ихъ значенію и учрежденіе надлежащаго техническаго надзора.

По осуществленію соотвѣтственныхъ мѣропріятій со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ значительныя неудобства вызывались отсутствіемъ такихъ обработанныхъ данныхъ, которыя подробно выясняли бы обезпеченность той или другой губерніи всѣми путями сообщеній, такъ какъ только въ зависимости отъ обезпеченія губерніи желѣзными дорогами и водными путями, отъ количества грузовъ, отправляемыхъ и прибывающихъ съ каждой пристани и станціи, а также и отъ иныхъ условій, характеризующихъ ту или другую губернію, представляется возможнымъ выяснить и потребность улучшенія наиболѣе важныхъ въ губерніи дорогъ.

Хотя выясненіе относительнаго значенія дорогъ въ предѣлахъ губерніи составляетъ обязанность мѣстныхъ органовъ, какъ ближе знающихъ условія и потребности того или другаго района въ путяхъ сообщенія, однако и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, должно располагать такими данными, которыя давали бы ему возможность быть достаточно освѣдомленнымъ въ вопросахъ, связанныхъ съ улучшеніемъ дорогъ въ губерніяхъ. Сознаніе этой потребности и привело къ изданію такого труда, который позволялъ

бы министерству быть въ курсѣ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы и мѣстнымъ органамъ возможность ознакомиться съ движеніемъ грузовъ по воднымъ путямъ и желѣзнымъ дорогамъ въ предѣлахъ каждой губерніи, а также съ мѣропріятіями, предпринятыми по улучшенію дорогъ въ другихъ губерніяхъ.

Составленіе вышедшаго въ настоящее время такого труда было поручено инспектору по дорожной части В. Ф. Мейену. Въ этомъ изданіи сгруппированы всѣ современныя свѣдѣнія о путяхъ сообщенія, даны описанія каждой изъ губерній, приведены свѣдѣнія о движеніи грузовъ по пристанямъ и станціямъ, а также и данныя о предпринятыхъ мѣропріятіяхъ по улучшенію дорогъ. Къ обзору каждой губерніи приложена карта съ нанесеніемъ на ней всѣхъ путей сообщенія, а въ общей части помѣщены 5 картограммъ, представляющихъ сравнительную обезпеченность губерній путями сообщенія.

Обзоръ губерній предваренъ краткимъ, но обстоятельнымъ очеркомъ развитія въ Россіи путей сообщенія: обыкновенныхъ дорогъ, желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей.

Въ общемъ настоящій трудъ, благодаря обилію систематизированныхъ данныхъ, позволяетъ получить полное знакомство съ Россіею въ дорожномъ отношеніи и выяснить современное значеніе путей сообщенія, какъ извѣстнаго показателя культурнаго развитія страны и какъ существеннаго фактора экономической жизни населенія.

Р.

Годичное торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. 1902 годъ. Харьковъ. 1902 (стр. 76).

Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ и въ сентябрѣ 1902 г. разослана членамъ названнаго Общества небольшая, но весьма тщательно изданная брошюра, хотя, къ сожалѣнію, безъ указанія немногихъ вкравшихся въ нее опечатокъ какъ въ текстѣ (напр., стр. 58, строчка 9 снизу), такъ и въ спискѣ членовъ (напр., подъ №№ 8, 119, 129). Помимо протокола годичнаго засѣданія Общества 10 марта 1902 г. и произнесенныхъ на немъ рѣчей, эта брошюра содержитъ въ себѣ краткій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1901 г. и списокъ членовъ Общества. Не только, какъ первое изда-

ніе этого Общества, но и по содержанію своему эта брошюра заслуживаетъ вниманія.

Изъ напечатанныхъ въ ней рѣчей первое мѣсто, какъ по объему (40 стр.), такъ и по значенію, занимаетъ рѣчь А. А. Левенстима: „Ссылка въ Сибирь до и послѣ закона 12 іюня 1900 г.“ Разносторонне разсмотрѣвъ вопросъ о желательности сохраненія ссылки на поселеніе въ Сибирь, ораторъ пришелъ къ вполнѣ основательному и достаточно обоснованному заключенію, что „реформа должна быть доведена до конца, и ссылка должна быть уничтожена во всѣхъ ея формахъ: какъ самостоятельное наказаніе, какъ административная мѣра и какъ послѣдствіе каторги“.

Рѣчи В. Ф. Левитскаго, В. М. Устинова и А. Н. Фатѣева представляли изъ себя мотивировку предложенія совѣта Общества избрать въ почетные члены Общества М. М. Ковалевскаго и Б. Н. Чичерина.

Весьма краткая рѣчь, или, точнѣе, докладъ проф. Левитскаго содержитъ въ себѣ довольно сухой, но весьма дѣловой отзывъ объ экономическихъ трудахъ М. М. Ковалевскаго. Довольно красивая рѣчь г. Устинова посвящена характеристикѣ трудовъ и научныхъ заслугъ того же ученаго въ области государствовѣдѣнія и обществознанія. Слѣдующая за нею рѣчь—г. Фатѣева: „Борисъ Николаевичъ Чичеринъ“ даетъ очеркъ краткой характеристики развитія его научно-философскихъ воззрѣній. Трудно на 12 страницахъ дать болѣе полное, ясное и содержательное обозрѣніе характера и значенія научной дѣятельности маститаго ученаго. Изложеніе этой рѣчи указывало не только на знакомство оратора въ подлинникѣ съ упоминаемыми имъ трудами Чичерина, но и на продуманность ихъ содержанія.

Изъ краткаго отчета о дѣятельности Харьковскаго Юридическаго Общества въ 1901 г. видно, что, по утвержденіи его устава 3 ноября 1900 г., дѣятельность его открылась торжественнымъ засѣданіемъ 3 февраля 1901 г. Кромѣ этого засѣданія Общество имѣло въ 1901 г. еще 8 обыкновенныхъ засѣданій. Въ этихъ девяти засѣданіяхъ было произнесено 5 рѣчей и сдѣлано 9 докладовъ. Рѣчи произнесли: *Н. О. Куплеваcскій:* „О задачахъ юридическихъ обществъ и руководящихъ принципахъ ихъ дѣятельности“, *И. М. Тютрюмовъ:* „Цѣли юридическихъ обществъ и исторія возникновенія ихъ въ Россіи“, *Н. А. Гредескулъ:* „Творческія задачи въ современномъ гражданскомъ правѣ“, *Б. П. Куликовъ:* „Объ объединеніи въ юридическомъ обществѣ юристовъ всѣхъ призва-

ній“ и *Ф. В. Левитскій*: „Нѣкоторыя черты современнаго положенія экономическихъ знаній“. Доклады сдѣлали: *Н. А. Гредескулъ*: „Новая нѣмецкая книга о юриспруденціи (Письма неизвѣстнаго о правовѣдѣніи)“, *И. М. Тютрюмовъ:* „О дѣятельности и задачахъ русской группы Международнаго союза [1]) криминалистовъ“ и „Кандидаты на судебныя должности по проекту Коммисіи по преобразованію судебной части въ Имперіи“, *А. А. Левенстимъ:* „Присяга на судѣ по народнымъ воззрѣніямъ“, *Н. О. Куплевасскій:* „О книгѣ проф. Казанскаго: „Къ вопросу о постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ“, *А. М. Краевскій:* „Практическія замѣтки о функціяхъ судебной палаты въ гражданскомъ судопроизводствѣ“, *А. Н. Анциферовъ*: „Объ арендахъ крестьянскихъ надѣловъ въ Воронежской губерніи“, *Я. М. Затворницкій*: „Единоличное начало въ коллегіальномъ судѣ“ и *И. П. Скворцовъ*: „Обоснованіе санитарнаго права, какъ особой юридической дисциплины“.

Открытое въ составѣ 36 членовъ учредителей, изъ коихъ одинъ—проф. И. Н. Миклашевскій—скончался въ 1901 г., Юридическое Общество состояло къ 1 января 1902 г. изъ 171 членовъ, а по напечатанному въ брошюрѣ списку членовъ состоитъ изъ 2 почетныхъ членовъ, 175 дѣйствительныхъ и одного члена-соревнователя. Въ 1901 г. предсѣдателемъ совѣта Общества состоялъ Н. О. Куплевасскій, товарищемъ его—И. М. Тютрюмовъ, въ 1902 г. перваго замѣнилъ бывшій секретарь совѣта Н. А. Гредескулъ, втораго—А. А. Левенстимъ. Изъ числа вышеуказанныхъ десяти лицъ, выступавшихъ предъ Обществомъ съ рѣчами или докладами въ 1901 г., лишь г. Краевскій не принадлежитъ къ составу Общества.

Разсмотрѣнное содержаніе настоящей брошюры въ общемъ и цѣломъ, кажется, въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ высказанныя мной нѣкогда предположенія о благопріятныхъ условіяхъ для дѣятельности юридическаго общества въ Харьковѣ [2]), и можно только пожелать, чтобы и въ дальнѣйшей своей дѣятельности активность молодаго Общества была не слабѣе, чѣмъ въ первомъ году его жизни.

С. Ризниковъ.

---

[1]) По недосмотру на стр. 66 напечатано: „съѣзда“ вмѣсто союза.

[2]) Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 4, стр. 255; Юрид. Газ. 1898 г. № 68 и 1901 г. № 5; Суд. Газ. 1901 г. № 6.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Владиміровъ, Л. Е. проф.—Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа.—Москва. 1903. (Стр. XII+244). Ц. 2 руб.

Залѣскій, В. Ф.—Лекціи исторіи философіи права.—Казань. 1902. (Стр. 411). Ц. 3 руб.

Змирловъ, К. П.—Вопросы желѣзнодорожнаго права, разрѣшенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Сенатомъ въ 1901 и первой половинѣ 1902 г.—Спб. 1902. (Стр. VII+124). Ц. 1 руб.

Іозефи, В.—Опытъ юридической науки полицейскаго права.—Часть первая: Основныя положенія. Матеріальное полицейское право.—Могилевъ-Под. 1902. (Стр. 158).

Канторовичъ, Я. А.—Сборникъ опредѣленій Перваго Департамента Правительствующаго Сената по городскимъ и земскимъ дѣламъ за 10 лѣтъ (1891—1900 г.г.), съ прил. алфавитнаго указателя. Изд. неоффиціальное. Спб. 1902. (Стр. III+1091+41). Ц. 6 р. 50 к.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Пресѣченіе способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда.—Спб. 1902. (Стр. 59). Ц. 40 коп.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902).—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ.—Томъ II (въ 2-хъ частяхъ): Комитетъ Министровъ въ царствованіе Императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18).—Составилъ С. М. Середонинъ. Изд. Канцеляріи Комитета Министровъ. Спб. 1902. (Стр. IX+373 и 366).

Литвиновъ-Фалинскій, В. П.—Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Изд. 3-е. Спб. 1903. (Стр. X+272+95). Ц. 3 руб.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ за 1901 г.—Спб. 1902. (Стр. 91).

Россія въ дорожномъ отношеніи. Въ 3-хъ томахъ, съ прилож. 5 картограммъ и картъ губерній. Составилъ инспекторъ по дорожной части при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Мейенъ.—Изд. Хозяйственнаго Д—та М—ства Вн. Дѣлъ.—Спб. 1902. (Стр. 8+467; 928; 528+81).

Списокъ изданіямъ Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1 апрѣля 1902 г. (Стр. 29).

Редакторъ В. Дерюжинскій.

ПОПРАВКА.

(Письмо къ редактору).

Милостивый Государь

Владиміръ Θеодоровичъ!

Въ помѣщенномъ въ октябрьской книгѣ Журнала Министерства Юстиціи обзорѣ занятій IX съѣзда Международнаго союза уголовнаго права, на стр. 268, сообщается, что я оспаривалъ наказуемость покушенія надъ негоднымъ объектомъ. Такое указаніе обзора является неточнымъ. Изъ русскихъ членовъ конгресса г. Набоковъ и я—мы одни оспаривали предложенное на съѣздѣ уравненіе по наказуемости покушенія и оконченнаго преступленія. Такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе для законодательной практики и вопросъ этотъ былъ оставленъ открытымъ для дальнѣйшей разработки, то я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ напечатать въ редактируемомъ Вами уважаемомъ изданіи прилагаемое при семъ краткое изложеніе сказаннаго мною на съѣздѣ.

Октября 12-го дня 1902 г.

Ординарный профессоръ Александровской Военно-Юридической Академіи *А. Вульфертъ.*

Профессоръ Вульфертъ возражалъ противъ уравненія наказуемости покушенія и оконченнаго преступленія. Такое уравненіе прежде всего не согласуется съ основными положеніями, которыми руководится Международный союзъ криминалистовъ. Берется юридическая фигура, и съ нею связывается абсолютное карательное послѣдствіе. А между тѣмъ виновники покушенія могутъ быть чрезвычайно различны по своему психологическому строю, съ чѣмъ, по ученію того же союза, карательная дѣятельность должна строго считаться. Не принимается при этомъ, далѣе, въ разсчетъ, что, во-первыхъ, покушеніе величина сложная, допускающая значительно различныя ступени, и, во-вторыхъ, чрезвычайно спорное понятіе. Такъ, напримѣръ, данное на съѣздѣ Гарро разрѣшеніе казуса о покушеніи на выкидышъ небеременной женщины совершенно расходится съ разрѣшеніемъ того же казуса, котораго держится германскій рейхсгерихтъ болѣе 20 лѣтъ въ полномъ разногласіи съ рядомъ значительныхъ представителей науки и судебной практики.

